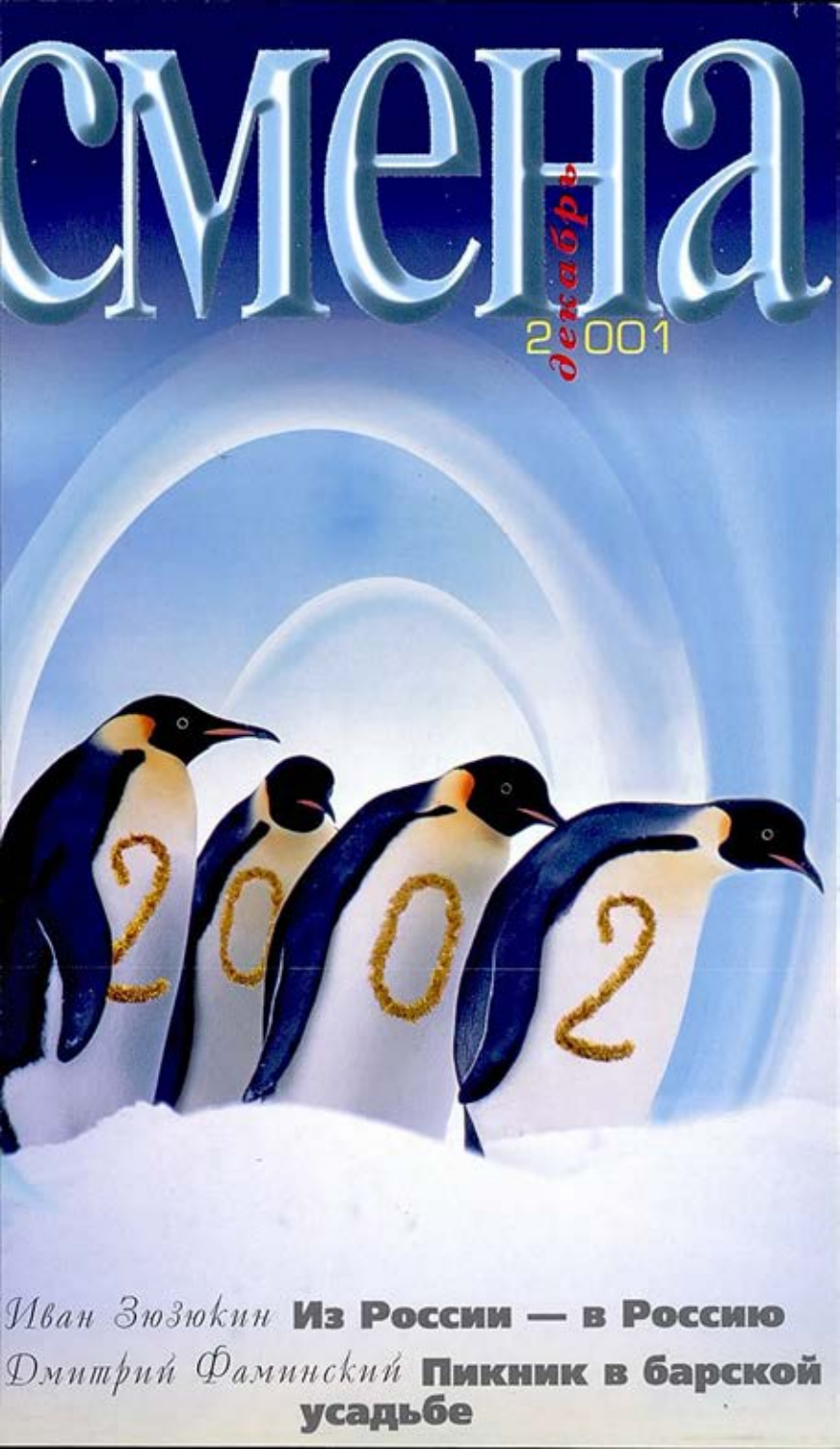
смена

декабрь 2001

Иван Зюзюкин **Из России — в Россию**

Дмитрий Фаминский **Пикник в барской усадьбе**

ЗНАК КАЧЕСТВА

МОТОРНОГО МАСЛА

«ЛУКОЙЛ-ЛЮКС» – универсальное моторное масло на полусинтетической основе, первое российское масло, получившее официальное одобрение API (США). Рекомендуется к применению в бензиновых двигателях и дизелях с наддувом последнего поколения. Имеет допуск компании Mercedes-Benz пункт 229.1 и ОАО «АвтоВАЗ» для перспективных двигателей. Лауреат конкурса «100 лучших товаров России».

«ЛУКОЙЛ-СТАНДАРТ» – универсальное моторное масло, предназначенное для применения в умеренной климатической зоне. Рекомендовано в качестве основного сорта для двигателей любых российских автомобилей.

«ЛУКОЙЛ-СУПЕР» – универсальное всесезонное моторное масло с высоким уровнем защитных свойств. Изготовлено с применением присадок фирм Shell, Lubrisol, Exxon. Допущено к применению компанией Mercedes-Benz.

«ЛУКОЙЛ-СИНТЕТИК» – полностью синтетическое моторное масло мирового уровня качества с увеличенным сроком замены. Имеет допуск Mercedes-Benz пункт 229.1 и 229.3, BMW Special Oil List и BMW Longlife, Porsche, Volkswagen 50 и 505.00 выпуска 1/97.

ДИСТРИБЬЮТОРЫ И ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ДИЛЕРЫ ОАО «ЛУКОЙЛ»

ООО «ЛУКОЙЛ-Адыгея»	385006, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Промышленная, 26	(87722) 2-3
ОАО «ЛУКОЙЛ-Архангельск»	164500, Архангельская обл., г. Северодвинск, ул. К. Маркса, 5а	(81842) 2-3
ООО «ЛУКОЙЛ-Астраханьнефтепродукт»	414000, г. Астрахань, ул. Фиолетова, 44	(8512) 39-8
ООО «ЛУКОЙЛ-Волгограднефтепродукт»	400048, г. Волгоград, ул. Лесогорская, 85	(8442) 36-93-44, 39-8
ООО «ЛУКОЙЛ-Вологданефтепродукт»	160035, г. Вологда, ул. Ленина, 13	(8172) 72-9
ОАО «ЛУКОЙЛ-Калининграднефтепродукт»	236016, г. Калининград, ул. Куйбышева, 13	(0112) 46-1
ООО «ЛУКОЙЛ-Кировнефтепродукт»	610014, г. Киров, ул. Комсомольская, 89	(8332) 63-1
ОАО «ЛУКОЙЛ-Коминефтепродукт»	167610, г. Сыктывкар, ул. Интернациональная, 142	(8212) 42-5
ЗАО «ЛУКОЙЛ-Нефтепродукт»	101000, Москва, а/я 302	(095) 917-5
ООО «ЛУКОЙЛ-Пермнефтепродукт»	614068, г. Пермь, ул. Ленина, 77	(3422) 10-05-70, 10-0
ЗАО «ЛУКОЙЛ-Пермь»	614600, г. Пермь, ГСП, ул. Орджоникидзе, 4а	(3422) 10-0
ООО «ЛУКОЙЛ-Санкт-Петербург»	197110, г. Санкт-Петербург, ул. Ждановская, 37	(812) 346-8
ОАО «ЛУКОЙЛ-Саратов»	410028, г. Саратов, ул. Рабочая, 22	(8422) 29-1
ООО «Торговый Дом «ЛУКОЙЛ»	119121, Москва, ул. Бурденко, 24/2	(095) 753-8
ООО «ЛУКОЙЛ-Тюмень»	625027, г. Тюмень, ул. Республики, 139	(3452) 49-2
ООО «ЛУКОЙЛ-Холдинг-Сервис»	143400, Московская обл., г. Красногорск-5	(095) 753-8
ООО «ЛУКОЙЛ-Челябнефтепродукт»	454045, г. Челябинск, ул. Нефтебазовая, 1	(3512) 34-9

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ» ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ ТЕЛЕФОНУ: (095) 973-7063

ЛУКОЙЛ

Главный редактор
Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам.главного редактора
Борис Данюшевский
Николай Левичев

зам.главного редактора
Сергей Попов

главный художник
Виталий Федоров

редактор отдела литературы и искусства
Тамара Чичина

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

12 2001
декабрь (1646)

Сдано в набор 20.10.2001.
Подписано к печати 18.11.2001.
Печать офсетная.
Заказ № 3048
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная
Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.
212-15-07 — для справок.
257-31-37 — отдел реализации.
Факс (095) 250-59-28.
E-mail: smena@garnet.ru
www.smena-id.ru
Проект разработан и поддерживается
студией веб-дизайна "Крон"
www.cron.ru (http://studio.cron.ru)
Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Рег.№ 014832

**Учредитель —
ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"
Отпечатано в типографии
ООО ОИД "Медиа-Пресса"
В случае полиграфического брака
обращаться в типографию:
257-42-29, 257-41-03
Журнал распространяется
на самолетах "Аэрофлота".

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2001.

4 Барбара Пол
ХО-ХО-ХО
Рождественский рассказ

42 Олесь Бенюх
ОФИЦИАНТКА ИЗ БИСТРО
Рассказ

126 Дмитрий Фаминский
ПИКНИК В БАРСКОЙ УСАДЬБЕ
Криминальная повесть

12 Александр Кравцов
ОДИН НА СВЕТЕ УГОЛОК

60 Светлана Бестужева-Лада
БРАЧНЫЙ КОНТРАКТ

84 Сергей Баймухаметов
ОМУТ

120 Олег Осетинский
КОРОЛЬ ШАШЛЫКА

232 Игорь Гамаюнов
"МЫ ОБЛЕГЧИМ ТЕБЕ СМЕРТЬ"

240 Галина Калинина
НИЧТО НЕ ВЕЧНО ПОД ЛУНОЮ

250 Леонид Шаров
МОЙ ДРУГ МАФИОЗИ

декабрь '2001
12

В НОМЕРЕ:

стр. 114

стр

На 1-ой обложке:
Фото FOTO BANK

24 *Любовь Русева*
РУССКИЙ САМОРОДОК

70 *Иван Зюзюкин*
ИЗ РОССИИ — В РОССИЮ

98 *Владимир Соколовский*
РОБЕРТ ФАЛЬК

114 *Юрий Петелин*
ФАНТАЗЕРКА

260 *Нани Брегвадзе:*
"МНЕ НУЖНО ЗНАТЬ, ЧТО Я ЕЩЕ ЛЮБИМА"

23 *Алексей Витаков*

118 *Андрей Шауков*

стр. **266**

АНОНС: 1 января '2002

Анна Малышева
СПЛОШНОЙ РАЗВРАТ

В пансионате Управления делами президента России, где собрались видные политики, произошло убийство журналистки Светланы Григорчук. Каковы мотивы преступления и кто его совершил? Загадку предстоит разгадать следователю Василию Коновалову и журналистке Александре Митиной, которым приходится в ходе расследования окунуться в атмосферу сплетен, интриг, подлогов и даже криминала, сопровождающих выборы нового губернатора Красногорского края.

Георгий Челмс
СУД УЛИЦЫ

Именно так обычно — суд улицы — и называют у нас суд, который проходит с участием присяжных заседателей. Звучит устрашающе — похоже на самосуд.
Может быть, именно поэтому суды присяжных существуют пока только в девяти из 89 субъектов Федерации. Кто же противится изо всех сил массовому внедрению этого самого справедливого, самого независимого от чьего-либо влияния суда? Почему с таким большим скрипом идет судебная реформа? На все эти и другие актуальные вопросы отвечает наш корреспондент и видные правоведы.

— Раньше он работал у нас Санта-Клаусом, — пояснил менеджер универмага.

— Раньше, — повторил сержант Мерфи.

— До того, как его повысили. Сейчас он занимается инструктажем всех наших Санта-Клаусов. Вернее, занимался.

Оба смотрели на толстяка, распростертого на полу.

— И сколько у вас Санта-Клаусов? — спросил сержант.

— Два в основном магазине, по два в каждом из четырех филиалов и трое запасных. Всего тринадцать.

— Выходит, убить его мог любой из тринадцати.

Менеджер вздохнул.

— Похоже на то.

ХО-ХО-ХО

Барбара ПОЛ

рисунок **Алексея Остроменцкого**

Убитого звали Харви Най. Лет пятидесяти, весом за двести фунтов, в спортивном костюме и кроссовках "рибок". Крепкий мужчина, широкоплечий, с бычьей шеей. Но бычья шея его не спасла: Ная задушили елочной гирляндой, а затем, словно издеваясь, воткнули штепсель в розетку, и теперь гаррота вспыхивала и гасла, вспыхивала и гасла. Экс-Санта умер с накладной белой бородой в правой руке и куском красной материи в левой.

— Кто нашел тело? — спросил сержант Мерфи.

— Санта-Клаус Пятый. Они возвращались с перерыва, видите ли, и Пятый первым вошел в комнату.

Комната для занятий располагалась на девятом этаже универмага "Байдерманн". На стенах висели рождественские украшения, в углу стояла елочка — без гирлянды.

— Вы нумеруете ваших Клаусов?

— Харви нумеровал. Говорил, так проще обращаться к ним во время трехдневного подготовительного цикла.

Сержант Мерфи разрешил менеджеру уйти. Появились технические эксперты. Харви Ная и его мерцающую гарроту сфотографировали. Когда тело, наконец, унесли, Мерфи послал за Санта-Клаусами. Они вошли, тринадцать веселых старичков, подпрыгивающих на каждом шагу. Два копа расставили их у стены, по обеим сторонам двери. Пенсионеры, студенты, стремящиеся подзаработать несколько лишних баксов на Рождество, безработные (эти брались за что угодно) и один-два человека, которым просто нравилось изображать Санта-Клауса. Все толстые, кого животом одарила природа, кто соорудил его с помощью ваты, все в одинаковых костюмах, с приколотой на груди табличкой с номером.

— Хи-хи-хи! — засмеялся Санта-Клаус Десятый. — Кто-то перепутал старину Харви с рождественской елкой.

— Мертвых надо уважать, — рыкнул на него Пятый.

— С чего? — в голосе Десятого слышалось недоумение. — Живым же его никто не уважал.

— Святая правда, — встрял Четвертый. Остальные Клаусы одобрительно закивали.

— А почему никто не любил Харви Ная? — спросил Мерфи.

— Потому что он очень высоко себя ставил, — ответил Пятый.

— Обращался с нами, как со скотиной, — добавил Третий.

— Да нет, Харви был не таким уж плохим, — заметил Шестой. — Конечно, покрикивал...

— Покрикивал? — возмутился Десятый. — Да это же минифашист!

— Только из-за того, что он не давал тебе спуска...

— Не только мне! Ты что, записался в учительские любимчики?

Теперь сцепились все Клаусы, и Мерфи пришлось прикрикнуть на них, чтобы прекратить дискуссию. "*Дело бранящихся Санта-Клаусов*", подумал он.

— Ладно, Харви недоставало популярности. Но зачем его убивать? Подготовительный курс длится всего три дня. Должен быть другой мотив.

— Необязательно, — возразил Седьмой. — Более раздражающего типа, чем Харви, я не встречал. Я вот считаю себя человеком сдержанным, миролюбивым, но иной раз с радостью задушил бы его своими руками. Но не задушил, — торопливо добавил он.

— Дело в том, — добавил Двенадцатый, — что большинство из нас испытывало те же чувства, лейтенант. Или капитан?

— Сержант. Я — сержант Мерфи, и вы, думаю, останетесь под номерами. — В наступившей тишине он оглядывал выстроившихся перед ним Санта-Клаусов, пока не нашел искомого. — Восьмой! — рявкнул Мерфи. — Где ваша борода?

— Не знаю, — ответил ему испуганный юный голос. — Я опоздал, остальные уже ушли на перерыв, а когда переоделся, то не смог найти бороду.

— Что скажете, Третий? — Санта-Клауса Мерфи выбрал наугад. — Восьмой опоздал?

— Э... я не заметил. — Третий очень удивился, что выбрали именно его.

— Я заметил. — Одиннадцатый так энергично кивнул, что зазвенел колокольчик на шапке. — Он пропустил первую часть сегодняшних занятий.

— Да, я видел, как он входил, — подтвердил Четвертый. — Он опоздал. Харви был бы счастлив.

— Вряд ли, — внес свою лепту Первый на редкость писклявым голосом. — Харви и так задавал Восьмому перца.

— Потому что Восьмой всегда опаздывал, — бросил Тринадцатый.

— Помолчите, дайте мне договорить! — заверещал Восьмой.

— Нет уж, вы все помолчите! — вновь остановил словесную перепалку Мерфи. Он пожелал узнать, сколько длился перерыв. Пятнадцать минут, ответили ему, с десяти до четверти одиннадцатого. Этого времени не хватило бы убийце, чтобы раздеться, облачиться в костюм Восьмого, убить Харви Ная и вновь переодеться до появления Восьмого. — Восьмой, ваш костюм где-нибудь порван?

Молодой человек оглядел себя, ощупал.

— Вроде бы нет.

— Тогда у кого порван костюм?

Молчание. Потом робкий голос Второго:

— У меня. — Он поднял бороду, чтобы показать вырванный кусок красной материи. — Вчера, когда я его снимал, все было в порядке. И должен признаться, я не смог найти свою бороду, поэтому взял ее у Восьмого. Но я не убивал Харви. Весь перерыв я провел с Седьмым и Тринадцатым.

— Совершенно верно, — подтвердили два голоса.

— Вы взяли мою бороду? — Восьмого переполняло негодование.

Мерфи приказал ему помолчать.

— Перерыв вы провели вместе?

Оказалось, что нет. Второй, Седьмой и Тринадцатый пили кофе в кафетерии для сотрудников. Пятый и Одиннадцатый пошли в туалет. Третий, Четвертый, Десятый и Двенадцатый курили в специально отведенном для того помещении. Восьмой опоздал. Первый, Второй, Шестой и Девятый отбились от компании.

— Я звонил по телефону, — сказал Первый.

— Мне пришлось занести формуляр в отдел кадров, — объяснил Шестой.

— Я взял бутылку "коки" в автомате, что установлен в конце коридора, и там ее выпил, — добавил Девятый.

Кто-нибудь видел, как они звонили по телефону, относили формуляр и пили "коку"? Нет. Мерфи задумался. До перерыва Харви Най был жив-здоров, учил своих студентов ремеслу Санта-Клауса. Этот день отличался от других только тем, что число студентов сократилось с тринадцати до двенадцати. А в перерыве один из Клаусов проник в помещение для занятий и задушил Харви электрической гирляндой. И убийцу надо искать среди Первого, Шестого и Девятого, поскольку остальные десять могли поручиться друг за друга.

Но еще до начала занятий убийца позаимствовал бороду Второго и порвал его костюм в неуклюжей попытке возложить вину на другого Клауса. То есть убийство, вне всяких сомнений, готовилось заранее. Отсюда и логичный вопрос, который задал сержант Мерфи.

— Кто-нибудь знал Харви Ная до начала инструктажа?

После короткой паузы в воздух поднялись четыре руки: трио подозреваемых и... Второй.

— Мы занимались этим делом и раньше, — пояснил Шестой. — Но универмаг настаивал на том, чтобы мы вновь прошли инструктаж.

— И правильно, — поддержал позицию универмага Девятый. — От одного Рождества до другого все забывается. А мы хотим быть самыми лучшими Санта-Клаусами, не так ли?

— Ха-ха-ха, — невесело рассмеялся Первый.

Мерфи велел двум копам переписать имена, фамилии и адреса девятерых Клаусов и отпустить их по домам.

— Эй, а как же я? — запротестовал Второй. — У меня есть два свидетеля, которые подтвердили...

— Вы провели с ними весь перерыв, я знаю, — кивнул сержант. Девять Санта-Клаусов тем временем выходили в коридор. Но убийца взял вашу бороду, чтобы свалить вину на вас. Я хочу выяснить, выбрал ли он вас случайно или сознательно.

Слово "убийца" их словно громом поразило. Второй вытаращился на трио Клаусов.

— Один из вас — уб-б-бийца!

Первый, Шестой и Девятый переглянулись. До того их сознание зарегистрировало не столь уж неприятную информацию о том, что Харви Най мертв. А вот о том, как он дошел до жизни такой, они еще не думали.

— Кто из вас относил формуляр в отдел кадров? — спросил Мерфи.

— Я, — ответил Шестой.

— Как вас зовут?

— Джек Биллингс.

Мерфи подошел к двери и подозвал одного из копов.

— Сходи в отдел кадров. Выясни, приносил ли утром какую-то бумагу Джек Биллингс. Если да, постарайся узнать, в какое время.

— Джек Биллингс, — повторил коп и отбыл.

Мерфи вернулся ко Второму и трем подозреваемым.

— Итак, вы все уже проходили инструктаж у Харви.

— Нет, — пропищал Первый. — Инструктором Харви назначили только в этом году. В прошлом он был таким же Сантой, что и мы.

Второй кивнул.

— Я, Харви и Уилл, это Первый, работали здесь то ли шесть, то ли семь лет.

— А вы? — обратился Мерфи к остальным.

— Я — второй раз, — ответил Шестой.

— А я — третий, — добавил Девятый.

— Снимите бороды, — приказал Мерфи, — шапки и парики. Хочу посмотреть, как вы выглядите.

Четверо Клаусов-близнецов разом трансформировались в четырех индивидуумов. Первый и Второй постарше возрастом, похоже, пенсионеры с избытком свободного времени. Фигурой они очень напоминали Харви Ная, должно быть, именно такими универмаг и хотел видеть своих Санта-Клаусов: ширококостные, широкоплечие, грудь колесом. Тем более удивил Мерфи писклявый голос Первого. А Второго отличала грива седых волос. Из всех Клаусов только он обходился без парика.

Шестого, лет сорока, Мерфи сразу определил в типичного неудачника. А вот Девятый сержанта удивил, студент, как и Восьмой, да еще худой, как спичка, словно только что из концлагеря. Мерфи посмотрел на тонюсенькие запястья юноши, подумал о бычьей шее Харви Ная, и мысленно вычеркнул его из списка подозреваемых.

— Куда подевался прежний инструктор? — спросил он.

— Уехал во Флориду, — ответил Первый.

— И Харви повысили. Почему Харви, а не одного из вас двоих? — Мерфи имел в виду двух более зрелых Санта-Клаусов.

— Потому что Харви вывел нас из игры, — с горечью ответил Второй. — Пошел в отдел кадров и убедил их, что ни один из нас не достоин повышения.

— Он сказал, что меня никто слушать не будет, — пропищал Первый. — Из-за моего голоса. И добавил, что люди надо мной смеются.

Второй вздохнул.

— Он сказал, что я слишком старый. И мне просто не хватит сил.

Профессиональная зависть у Санта-Клаусов?

— И ему поверили?

— Отдел кадров не владеет ситуацией. — Писклявый голос Первого сочился желчью. — Харви никогда не был хорошим Санта-Клаусом. Дети его сторонились. Он обожал читать им нотации... он же всегда давил на всех, даже на маленьких детей. А дети идут к Санта-Клаусу не для того, чтобы выслушивать нотации. Они хотят поговорить о своих желаниях, о том, что может принести им Рождество. Некоторые дети такие недоверчивые, что надо расшибиться в лепешку, чтобы убедить их, что на Рождество-таки случаются чудеса. А от Харви даже хорошие дети уходили чуть ли не в слезах. Но Харви любил детей. Да, любил. Потому что дети не могли дать ему сдачи. — Первый запищал громче. — Вы думаете, в отделе кадров это заметили? Думаете, они хоть отдаленно представляют себе, каким садистом был Харви Най? Ха! Нет, он улыбался, умасливал их комплиментами, говорил гадости про меня и Джорджа, я хочу сказать, про Второго. Он украл у меня эту работу. У нас. Инструктором следовало назначить или меня, или Джорджа.

Трио остальных Клаусов завороженно слушало эту тираду.

В дверь постучали. Вошел коп, которого сержант Мерфи посылал в отдел кадров.

— Что-нибудь выяснил? — спросил сержант.

— Да. Сотрудница отдела говорит, что Джек Биллингс этим утром принес формуляр GSK-440D. Она отлучалась из кабинета в десять утра, а когда вернулась десять минут спустя, формуляр лежал на ее столе.

Шестой шумно выдохнул и вскинул руки в воздух.

— Так я чист?

— Чист, — согласился Мерфи. — Можете идти. Оставьте только ваш адрес и телефонный номер.

Шестой, он же Джек Биллингс, вышел из комнаты, даже не оглянувшись на трех оставшихся Санта-Клаусов. Не его проблема. Коп изогнул бровь и закрыл за Шестым дверь.

Мерфи повернулся к Девятому.

— Раздевайтесь.

— Что?

— Я хочу, чтобы вы разделись до трусов. Скидывайте костюм. Быстро.

Юноша разделся, снял халат, многочисленные накладки. В трусах и футболке он более всего напоминал скелет.

Мерфи повернулся к Первому, встретился с ним взглядом.

— Вы знаете не хуже меня, что против Харви у этого мальца не было ни единого шанса. Посмотрите на него, Первый! Харви переломил бы его, как спичку. А вот вы могли бы набросить гирлянду на шею Харви и затянуть ее. И... Первый, кроме вас подозреваемых не осталось.

Второй в ужасе вытаращился на коллегу.

— Уилл?!

— Вы его убили. — В голосе Мерфи не слышалось вопросительных интонаций. — Ни у кого другого не было средств, мотива и возможности. У Девятого возможность была, но не более того. Харви убили вы, Первый. Чистосердечное признание облегчит вашу участь.

Глаза Первого наполнились слезами, он посмотрел на Второго.

— Должность инструктора полагалась мне, Джордж!

— Ах, Уилл! — Джордж положил руку на плечо Первого.

Сочувствие не осталось незамеченным сержантом Мерфи.

— На случай, если вы забыли, Второй, на месте преступления остались ваши борода и кусок от костюма. Вы по-прежнему числитесь в его конкурентах.

Второй медленно убрал руку.

— Однако, — выдохнул Девятый.

Мерфи уже забыл о его присутствии.

— Одевайтесь, молодой человек. Идите домой. И не забудьте оставить...

— Имя, фамилию и тому подобное. Будет сделано.

Два Санта-Клауса смотрели друг на друга.

— Извини, Джордж... — У Первого перехватило дыхание. — Я чувствовал себя... обворованным, ты понимаешь?

— Поэтому решил переложить вину на меня? — Второй покачал головой. — Мне тоже жаль, Уилл. Жаль, что ты решился пойти на такое. Ты заслужил то, что получил. — Качая головой, он вышел из комнаты, печальный Санта-Клаус.

Первый вроде бы и не слышал, как ему зачитывали его права.

— Инструктором должны были назначить меня, — упрямо повторял он. — Я был лучшим Санта-Клаусом!

— Хо-хо-хо, — ответил сержант Мерфи. ■

Перевод с английского
Виктора ВЕБЕРА.

Александр КРАВЦОВ

Один на свете уголок

Ну, положим, городской сумасшедшей ни в Сарапуле, ни в Елабуге ее не считали. Не смели так говорить о герое многих сражений с армиями Наполеона — поручике Александрове, теперь — отставном уланском штаб-ротмистре Надежде Андреевне Дуровой. Хотя по всем нормам обывательским была она существом более чем странным. Носила мужскую одежду, даже сыну откликалась только на свой воинский псевдоним "Александр Андреевич", с людьми была замкнута, а с животными нежна и готова чуть ли не ценой своей жизни защищать их от людского произвола, холода и голода.

Она не ввязывалась в конфликты и разъяснительные диалоги с молвой. Честь и достоинство не позволяли вслух вспоминать о раннем детстве, в котором мать, зная о том, что семья гусарского ротмистра обречена на снительческую жизнь по российской провинции, молила Господа подарить семье сына, а к девочке отнеслась с раздраженным презрением. Воспитанием ребенка занимался гусар Астахов. "Седло было моею первой колыбелью, — вспоминала Надежда Андреевна без злобы и обиды, — лошадь, оружие и полковая музыка — первыми детскими игрушками и забавами". В такой колыбели ребенок вырос в умелого воина, "игрушка" — черкесский скакун Алкид превратился в верного друга, спасителя от гибели и плена, оружие — в надежного защитника от штыка, сабли и пули врага, полковая музыка — в крылья победы.

Двадцати трех лет от роду "поручик Александров" начал свою военную карьеру с участия в крупных битвах при Гейльсберге и Фридланде, заслужил орден святого Георгия и производство в офицеры. Впереди были великие сражения под Смоленском и при Бородине, контузия, возвращение в действующую армию, изгнание французов из Германии...

Тридцати трех лет "штабс-капитан Александров" вышел в отставку. Казалось, все главное в жизни свершилось. Будущее сулило череду лет, в которых не могло быть ничего ярче и важнее. Дамой света ей быть претило, "за пяльцами зевать" она не была обучена. В глазах провинциального общества Сарапула и Елабуги выглядела поистине "белой вороной". Как тут не замкнуться?..

Оставалось только писать о прошлом, хотя бы в памяти заново пережить годы трудных походов, азартных атак, отважных подвигов и сознания истинного служения Отечеству. Она прилежно писала.

В 1836 году к ней пришло признание от человека, которого она ставила выше всех литературных авторитетов. А.С. Пушкин восхитился "Записками Кавалерист-Девицы", срочно издал кое-какие фрагменты из них в своем "Современнике", похвалил за превосходный литературный язык и посоветовал продолжать писать повести и рассказы. Жизнь вновь обрела смысл, продлив годы замечательной женщины до почтенных восьмидесяти трех — возраста для той эпохи огромного...

И все же даже в знаменитой Энциклопедии Брокгауза — Эфрона осторожное перо записало: "Отличалась большими странностями, между прочим — необыкновенною любовью к животным"...

И чем глубже я погружался в героев рода Дуровых (надо оговориться, что именно *этого* рода, поскольку дворянских родов с такой фамилией к концу XIX века было двенадцать), тем явственнее проявлялись в его талантливых личностях черты Кавалерист-Девицы, страстного патриота, воина, защитницы животных и писательницы Надежды Дуровой. Вы убедитесь сами, что с поколениями эти качества проявлялись все очевиднее...

фото из архива семьи Дуровых и Владимира Чичишкина

В год смерти Надежды Андреевны на одной из ближних ветвей ее родового древа зазеленели два крохотных побега, четырех и трех лет. Им суждено было дать новую славу старой русской фамилии.

Братья Владимир и Анатолий Дуровы росли сиротами, но учеба в элитной военной гимназии обеспечивала надежную карьеру и положение в обществе. Тут-то и настиг их ветер дуровских парадоксов. Оба — одному шестнадцать, другому пятнадцать лет — прерывают образование и уходят буквально "в никуда". Они-то уверены, очевидно, что одной любви к цирку достаточно, чтобы сменить надежную среду обитания на скитания по балаганам! Даже самым близким товарищам их поступок казался губительной ошибкой.

Цирк вовсе не собирался соответствовать их мечте — сделать парный номер и никогда не расставаться. С первых же шагов импресарио развели братьев по разным манежам.

Владимир Леонидович десять лет шел к своему призванию то исполнителем силовых номеров, то звукоподражателем, затем — фокусником, художником-моменталистом, куплетистом. Это не было метанием в лабиринте профессий. Дуров методично взбирался на вершину циркового искусства — к клоунскому всеумению. Он не только одолел вершину, но в возрасте двадцати четырех лет заставил заговорить о себе в новом жанре клоуна-дрессировщика: животные выполняли уморительные трюки под остроумный сатирический комментарий артиста. Номер скоро разросся до аттракциона с малыми и большими сценами на общественно-политические и нравственные темы с неизменной демонстрацией высшего класса дрессировки. Встречи зрителей всех возрастов с "Дуровской железной дорогой", "Крысами-мореплавателями", "Обедом зверей" были праздниками искусства, а памфлет "Русско-японская война" смотрели не без опаски за свободу любимого артиста. Его неохотно называли клоуном, зато повторяли его знаменитую репризу: "Я — король шутов, но не шут короля". Слово с делом у него не расходилось, и чиновники разного калибра исправно обижались, а при случае делали пакости. На гастролях в Германии Владимир Леонидович умудрился задеть сатирой, разыгранной животными, самого его величество кайзера Вильгельма. Тот ответил без юмора: посадил артиста в печально знаменитую берлинскую тюрьму Моабит.

Анатолий Леонидович шел своим путем, но тоже через профессии акробата, жонглера, фокусника — к клоуну. Под псевдонимом Толя он осторожно попробовал себя в качестве клоуна-дрессировщика с веселыми и хлесткими репризами, вскоре понял, что нашел свое призвание, и снял псевдоним, широко открывшись навстречу славе. Он был красив, изящен и, выходя на манеж, как и старший брат, в традиционном костюме "белого клоуна", оставлял лицо почти

без грима. Смело можно сказать, что братья Дуровы первыми разведали явление, которое с блеском утвердит впоследствии Юрий Никулин — *актер на манеже*. Дуров-младший, гастролируя по России и Европе, был восторженно любим и почетно ненавидим, как и его старший брат.

Они щедро сеяли "разумное и доброе", но у одного из них уже намечалось "вечное", способное раз

и навсегда удивить мир и обессмертить его имя.

В 1911 году Владимир Леонидович для своих экспериментальных исследований в поисках законов Новой русской школы гуманной дрессировки животных купил особняк на московской Старой Божедомке. Через год он открыл для себя учение Ивана Петровича Павлова об условных рефлексах. Его интуитивное умение разбираться в характерах, повадках, индивидуальных привязанностях и капризах животных теперь получало надежную научную базу. Дуров-старший с головой ушел в поиски и открытия. Он и прежде обладал особым даром магически притягивать к себе лучших людей России. С ним дружили А.П. Чехов и А.И. Куприн, Ф.И. Шаляпин и В.И. Качалов. Дружбе этой человечество обязано появлению на свет пронзительного рассказа Куприна "Белый пудель" и гениального чеховского проникновения в "психологию" животных — героев маленькой повести "Каштанка", в которой и сам Владимир Леонидович стал прототипом доброго и умного клоуна.

В особняке на Старой Божедомке общество друзей и научных соратников Дурова приумножилось. С ним тесно сблизились два крупных ученых: основатель рефлексологии, невролог, психиатр и психолог Владимир Михайлович Бехтерев и биофизик, археолог, основоположник гелиобиологии Александр Леонидович Чижевский. Имена их, при жизни овеянные дыханием трагедии, вошли в список вечных ценностей Отечества. Однажды в дуровский зверинец пришел Сергей Есенин. Он навсегда остался поклонником его хозяина и другом его обитателей.

Особняк на Старой Божедомке считался неприкосновенным в годы революции и войны, разрухи и разгула организованной преступности времен НЭПа. Его не экспроприировали и не грабили. Владимир Дуров и его дело были признаны культурным достоянием новой Страны Советов. В 1927 году его первого среди деятелей циркового искусства удостоили почетного звания "Заслуженный артист РСФСР". Но жестокие контрасты эпохи не обошли и это святое место.

В том же году он тяжело пережил весть об аресте своего друга и научного соратника Владимира Михайловича Бехтерева. Как по-детски радовался маститый ученый, когда Дуров предупреждал, что вызовет такую-то собаку, команду "засылал" в соседнее помещение мысленно, не разжимая губ, а собачка весело являлась на зов! Сколько талантливых замыслов намечали здесь, но... Бехтерева, как высший авторитет в науке о мозге, пригласили на беседу с вождем, уже в те годы начавшим восхождение к абсолютной власти "в стране победившей социалистической демократии". Уходя, Владимир Михайлович почел за благо предупредить ответственных лиц, что у товарища Сталина, к сожалению, проявляются очевидные симптомы паранойи.

Бехтерев вскоре был арестован, а затем и расстрелян.

"Талант имеет священное право быть односторонним", — справедливо утверждал В.Г. Белинский. Но природа, как правило, оказывается щедрой: уж если одаряет кого-то, то не одиночным дарованием. Дуровы — тому пример. Они — из тех немногих становых родов России, в которых новые поколения наследуют не только фамилию, но и опыт лучших деяний предков. Девиз "Служить Отечеству" записан на их гербе...

Служение предусматривает жертвенность, и несколько поколений потомков Владимира Леонидовича приносили в жертву Уголку личную славу на отечественных и международных аренах. Пример тому подала Анна Игнатьевна, вторая жена Дурова. Она покинула манеж, в котором с успехом выступала как дрессировщица лошадей, и приняла на себя труды ассистента в аттракционах мужа и все административно-хозяйственные обязанности по содержанию, кормлению, лечению зверей и птиц. Дочь свою, Анну, она тоже приучила быть творческой помощницей отца. Позже, с 1934 года, последнего в жизни основателя Уголка имени В.Л. Дурова, сначала мать, а потом дочь занимали пост директора Уголка, а с 1978-года "эстафету" приняла и держит ее по сей день Наталья Юрьевна Дурова. Она в четвертом поколении наследует волю, решительность, личное бесстрашие, патриотизм и писательский дар легендарной Кавалерист-Девицы заодно с характером и творческими качествами великого деда. Или прадеда?.. Ладно, разберемся чуть позже... Надо же рассказать, как и при каких обстоятельствах в роду Дуровых появилась еще одна из ряда вон выходящая женская личность...

Не все женщины из окружения В.Л. Дурова стали помощницами в делах отца. Его преемником, скорее всего, мог быть сын, Владимир Владимирович, клоун-дрессировщик, ушедший из жизни в возрасте двадцати четырех лет. Дочь Наталья была актрисой театра и эстрады, цирковым искусством не занималась. Судьба ссудила ей мучительный роман с молодым графом Орловым. Его родители категорически воспротивились этому браку. Молодые люди искали и не нашли в России свое семейное счастье, уехав во Францию. Внебрачное рождение внука Владимир Леонидович воспринял как зов младенца о спасении. Велел немедленно явиться в Москву дочери с малышом и здесь оформил законное усыновление — дал ему свое отчество и фамилию. Так внук, Юрий Владимирович Дуров, стал сыном своего великого деда. И, к счастью, — его талантливым наследником...

Помните, как встретила матушка Надежды Дуровой ее появление на свет вместо желаемого мальчика? История любит повторения: Владимир Леонидович едва спра-

вился с приступом гнева, услышав о рождении девчонки у его Юрия. Даже пощечину дал сыну за нерадивость. Но крошку Наталью распеленали, и дед ощутил себя счастливейшим из смертных: на щеке младенца была копия его родимого пятна!..

Если бы он мог догадаться, как много более полезного унаследовала от него Наталья Юрьевна... Ее колыбелью было не седло, но койка в цирковом вагончике, то и дело сменяющего места обитания. Ее игрушками стали цирковые животные, в том числе вовсе не травояд-

ные, и птицы с крепкими клювами и когтями. Девочку с ранних лет находили то на манеже, то в конюшне, подле клеток. Иногда — в самих клетках.

Однажды ее долго забирали у обезьяны. Почти всем людям известна теория о нашей эволюции от приматов. Ни одна обезьяна об этом не знает и ведет себя с нами, как подобает дикому животному. Так поступила с любопытной Талочкой и та, у которой ее выманили, наконец, после долгих страхов родителей и их цирковых сослуживцев. Бледный отец отдавал профессиональные команды, но затем долго не мог прийти в себя от стресса. Чувство ужаса охватило бывалых людей цирка, когда Талочка Дурова была обнаружена запертой в клетке с белым медведем. Всякий медведь — зверь серьезный, но белый — самый свирепый из хищников. Маленькая девочка в белой шубке наивно нанесла визит царю северной фауны. Служитель, запирая клетку, не обратил внимания на белый пушистый комок величиной с женскую муфту. Хищник стал с интересом катать мягкое и пушистое существо. Скорее всего, он принял его за кого-то другого — не за человеческого детеныша, и это спасло от трагедии. Операция по освобождению девочки из лап белого медведя проводилась вновь с профессиональными рекомендациями ее отца, мастера гуманной дрессировки.

Работать в аттракционе Юрия Владимировича она начала с четырех лет. Ей еще не исполнилось восемь, когда вместе с родителями и другими артистами концертной бригады оказалась на фронте. По вязкому бездорожью маленькую артистку мать несла к новому месту представления иной раз под бомбежкой и обстрелом. У Наташи вырабатывалась своеобразная философия. Она еще не понимала, но уже чувствовала основное правило независимой личности. Спустя много лет оно стало названием двухтомника ее избранных сочинений: *"Я в прятки с жизнью не играю"*. Все, что переживали окружающие ее люди, могла без жалоб и капризов пережить и она. Никаких сомнений на этот счет в детском разуме не было. Ее появление на поляне или в госпитальной палате с дрессированной собачкой вызывало особое умиление и восторг фронтовиков. Мне ли не знать, какой бальзам для бойца один вид пришедшего к нему ребенка или подростка. Я в возрасте 12-13 лет работал в госпитале — читал "раненым" стихи Есенина, в те годы поэта почти запрещенного, но любимого, пел популярные песни и видел неизменные слезы на самых суровых глазах. Легко представляю себе, какой благодарный прием встречала Талочка Дурова.

Есть фотография особого исторического значения: 9 мая 1945 года москвичи на Красной площади окружили цирковой экипаж с известным артистом в традиционном костюме белого клоуна и его дочуркой, увенчанной парадным бантом. Десять лет он был ассистентом Владимира Леонидовича в его зверинце, шесть — помогал своему двоюродному брату, Владимиру Григорьевичу, затем работал самостоятельно с огромной группой разных животных и птиц. Его представления шли с фантастическим успехом и надолго оставались в памяти детей и взрослых как спектакль, богатый событиями и красками. Во всяком случае, видя

аттракцион Юрия Дурова лишь дважды, и то до начала 60-х годов, я могу подробно поведать о нем любому, желающему слушать.

Мало кто знает, каким истинным сыном благородного рода Дуровых был этот человек, а без этого могут показаться нереальными некоторые черты характера и поступки его знаменитой дочери. Люди, пережившие годы тотальных идеологических требований, могут оценить одну из бесед с любимцем цирковой публики. Узнав, что он не одобряет воинствующего атеизма, его спросили, коммунист ли он. Юрий Владимирович ответил: "Я верующий коммунист". Такая смесь понятий выглядела абсолютной крамолой и при наличии любой злой воли могла привести к краху карьеры. По-видимому, обезоружила абсолютная искренность этого многоталантливого человека. Он был хорошим актером. В советском кино считался, например, лучшим исполнителем портретно-исторической роли британского премьера сэра Уинстона Черчилля.

Подобно основателю циркового рода Дуровых, он дружил с замечательными современниками, в том числе — драматическими актерами первой величины, и они уважали в нем своего достойного коллегу. Один из великих друзей Юрия Владимировича сыграл, как нынче любят говорить, судьбоносную роль в родословной Дуровского рода. Но об этом — впереди...

А пока что вернемся к бывшей гостье белого медведя, которая, несмотря на бродячую цирковую жизнь, весьма достойно завершила среднее образование и стала самой юной студенткой Литературного института. При этом она продолжала выходить на манеж в программах своего отца. И однажды рысь, играя легкими оборками парадного платья, на глазах у публики порвала сухожилие на ноге девушки и поранила ее плечо. Наталья Юрьевна проявила героическую выдержку, хотя от боли темнело в глазах. Однако эпизод стоил ей семи лет разлуки с цирковой ареной. Позже за кулисами цирка шапито ей повстречался голодный тигр. Он покинул незапертую по халатности служителя клетку и теперь шел в сторону конского загона. Дурова преградила путь хищнику, железной волей и добрым словом подчинила его, вернула на место, дождалась дрессировщика тигра, попросила принести кусок мяса и покормила хищника, чтобы оставить добрую память по себе.

Я не однажды имел случай убедиться, с каким пиететом относится Наталья Юрьевна к личности и доброму имени Надежды Андреевны Дуровой. Дед для нее — образец служения уникальной профессии, "бабаня" Анна Игнатьевна — женской преданности и деловитости, отец — жесткой целеустремленности, муж — благородства настоящего мужчины и великого актера. С Кавалерист-Девицей у Натальи Юрьевны ненний заговор на двоих. Похоже на то, что суровую самооценку "поручика Александрова" наша современница часто примеряет на себя. Чувство чести в ней развито совершенно, правда, до дуэлей пока не доходит. До сих пор она ставила своих противников к барьеру словесно. Но бывало, что капитуляция по ту сторону барьера наступала при одном лишь появлении Натальи Дуровой.

Популярная телеведущая Ангелина Вовк по праву вице-президента Общества охраны животных по-

дала в телевизионный суд присяжных иск против зоопарков, цирков, передвижных зверинцев и прочих мест, где держат в неволе и мучают дрессировкой зверей и птиц. Все было организовано по высшему судебному разряду: первостатейные адвокаты, знающие дело эксперты, свидетели. От лица ответчика просили выступить Наталью Юрьевну Дурову. Едва началось слушание дела, как истица простодушно призналась:

— Я не ожидала, что на меня выпустят любимую мною Наталью Юрьевну. К методам ее работы с животными у меня никаких претензий нет.

Вскоре было доказано, что у нас в стране есть неплохие законы в защиту животных, и что именно в государственных цирках и зверинцах строго требуют выполнения норм содержания и обращения с "братьями нашими меньшими". Были приведены статистические данные: в неволе под присмотром человека звери и птицы живут дольше, чем в условиях дикой природы. Дело закончилось подписанием "мирового соглашения" по инициативе истца...

Наталья Дурова по традиции цирковых предков всегда была дрессировщицей широкого диапазона: слоны, моржи и морские львы, собачки и обезьяны, рысь и гепард, попугаи и пеликаны... Даже теперь, с 1980 года превратив бывший Уголок в обширную "Страну чудес дедушки Дурова" с двумя сценами, отдельным аттракционом "Мышиная железная дорога" и тем добавив себе забот директора и художественного руководителя, она ежедневно репетирует с тремя животными: собачкой Ромой, вьетнамской свинкой Хрюней и великолепным фрачным джентльменом — шимпанзе Яшей. Все животные в этой Стране — Натальевичи: охотно идут к Маме и целуются с нею. Ни стека не увидишь в руках дуровских дрессировщиков, ни кнута, ни палки — только поощрительный корм. На животное воздействуют железной волей и добрым словом, при этом опираясь только на его природные способности.

Кабинет хозяйки "Страны чудес" — просторная комната с высоким потолком. К нему взмывает каскад картин, родовых и подаренных икон, фотографий. В старинном шкафу и на нем — множество фарфоровых изображений разных зверей.

Нетрудно заметить лицо, рефреном повторяющееся в фотографиях, живописи и скульптурных бюстах. Это — друг ее отца, тот самый великий мхатовский актер, украсивший и своей ветвью родовое древо Дуровых — Михаил Пантелеймонович Болдуман. Вот уж воистину слово, которое не выкинешь из песни о дуровской славе...

С юной Наташей Дуровой он повстречался в год тяжелых утрат для них обоих: у него умерла жена, она потеряла в автокатастро-

фе мать. Горе сближает, открывает сердца. И каждый прочитал в сердце другого неожиданное для обоих признание в любви. С разницей в тридцать шесть лет они поженились. Это был счастливейший из брачных союзов. И в дар за красоту и преданность чувств супруги получили нежданную награду: родился сын. Михаил-младший заявил о своей выдающейся личности почти мгновенно. Двух лет от роду он свободно читал, затем с помощью отца освоил географию и несколько иностранных языков. В четыре года начал учебу в школе, а в четырнадцать — в университете. Сегодня 34-летний доктор биологических наук Михаил Михайлович Болдуман — весьма уважаемый коллегами ученый, такой же неугомонный в своем деле, как его знаменитая мать. Порой он иронически недоумевает: "Слыханное ли дело: я — доктор биологии, а мой брат — шимпанзе?" С матерью сын иногда долго не видится, в силу неумения обоих почивать на лаврах. У него — научная программа в Санкт-Петербурге, у нее — новый проект: Храм Детства рядом с Олимпийским архитектурным комплексом и его филиал в подмосковном Раменском. Нынешний мэр Москвы — личность неординарная, заразить его высокогуманной идеей было нетрудно.

Храм Детства, с будущей церковью, театральными и концертными залами, дельфинарием и конным цирком, библиотекой и видеотекой, зимними садами и прочими радостями духовного бытия, приближается к началу своего возведения...

Но вот уж 90 лет как живет один на белом свете Уголок дедушки Дурова с его Театром зверей. При официальном названии — "Московский театрально-концертный центр "Страна чудес дедушки Дурова", дети и взрослые все равно именуют его Уголком — так теплее, ближе к тем чувствам, которые он вызывает.

Конечно, это — Страна чудес, что и говорить. А чудеса не бренны. Сменятся поколения, но продолжится в веках паломничество в этот уникальный мир, овеянный аурой "странных" личностей. Наши далекие потомки будут подниматься в музей по лестнице, украшенной скульптурами доисторических животных работы самого В.Л. Дурова. Они станут любоваться его пейзажами и люстрой из лосиных рогов, еще раз убеждаясь в том, что талант редко приходит в одиночестве.

К ним на сцену Театра зверей выйдут преемники нынешних мастеров дрессировки высшего класса Энгелины Рогальской, Светланы Денисовой с их аттракционами собак и кошек, Юрия Бирюкова с лошадями, верблюдами и бегемотом, супругов Стрельниковых, Елены, Семена и их сына Славы...

И все это будет окружено уникальной аурой до тех пор, пока сохраняется благородный и талантливый дух рода Дуровых, то есть пока сами Дуровы будут помнить, что они "вышли" из независимой натуры Надежды Дуровой, ее подвижничества и любви к животным.

В этом — весь фокус, и его превосходно проводит в жизнь народная артистка СССР, лауреат Государственной и других почетных премий и наград, академик, известная детская писательница Наталья Юрьевна Дурова. ■

Алексей ВИТАКОВ

Как вор в твои прокрадываюсь сны
И там гуляю безобразным дивом,
Пугаясь тени собственной спины,
От тени убегаю торопливо.

Но тень моя, шарахнувшись, бежит,
Не ослабляя хватки ястребиной.
Душа то замирает, то блажит,
Мечтая стать горошиной в перине.

События, как быстрая вода,
Проносят по невидимой стремнине,
Но не приснюсь тебе я никогда
Ни дивом, ни горошиной в перине.

Мой жребий так известен, так знаком!
Он был и есть, и никуда не деться! —
Гореть смертельно аленьким цветком
В вазоне снов совсем другого сердца.

Гореть и жечь, другого не дано!
Чтоб рано или поздно, вскинув руки,
Пустым стаканом вылететь в окно,
Разбив стекло непроходимой муки.

Бликующим полетом возвратить
Все то, что сжег, оставшись безучастным.
Произнеся последнее: "ПРОСТИ",
Вернуться в явь, рассыпавшись на части.

* * *

Я помню, как рождалась наша связь:
В чаду, в угаре, лучиками света,
Как немота в гортани запеклась,
Как вспыхнула, пройдя сквозь нас, комета.

Распластывались дали впереди
Безумствами разбуженных желаний.
И вынула ты розу из груди,
А я свирель и посох для скитаний.

Мы падали сквозь космос, сквозь каркас
Холодных звезд, от холода их млея,
И звезды в знаках отражали нас,
Таких несхожих: Деву с Водолеем.

РУССКИЙ САМОРОДОК

Любовь РУСЕВА

На выручку осажденной Нарве спешил кавалерийский отряд генерала Шлиппенбаха, но по пути его наголову разбили русские. Из 1200 кавалеристов противник потерял около тысячи. Петр I предложил коменданту крепости Рудольфу Горну сдаться на самых выгодных и почетных условиях, с правом вывести весь гарнизон, куда пожелает. Но Горн высокомерно ответил отказом, язвительно напомнил, как четыре года назад русские были разгромлены в пух и прах под стенами Нарвы.

рисунок **Геннадия Новожилова**

— Дурак! — Царь в гневе стукнул кулаком по столу. — Мы теперича не те, что были тогда! Борис Петрович, — обратился он к фельдмаршалу Шереметеву, — вели прочесть ответ сего надутого осла пред всей армией.

— Государь, не изволь гневаться, — пытался успокоить разошедшегося Петра князь Голицын, — Нарву мы возьмем. Гарнизон у Горна не велик.

— Знаю, что невелик, да с их артиллерией да стенами скольких своих положим!

— Майн герц, — задумчиво произнес Меншиков, — Горн, должно быть, не знает еще, что Шлиппенбах разбит...

— А коли и узнает, то все едино крепость не сдаст, штурмом кровавым брать придется, — не унимался Петр.

— А что, ежели мы обманем сего надменного шведа? Учиним баталию на его глазах? — предложил вдруг Меншиков.

Царь резко остановился и внимательно посмотрел на своего любимца, потом порывисто обнял и поцеловал Меншикова.

— Молодец! Уважил. Ей Богу, уважил. Карту!

Одним махом Петр Алексеевич очистил стол от посуды, на которой тут же оказалась карта местности. Решено было разыграть "сражение" между "шведским" отрядом, пришедшим на помощь крепости, и русскими войсками.

— Два полка одеть в синие шведские мундиры, что в Дерпте взяли. Сих "шведов" на прорыв к крепости поведу я, — сказал Петр. — Нашими командовать будешь ты, Александр Данилыч. Да смотри, не оплошай: мы будем атаковать напористо да дерзко, ты же должен нас громить да теснить.

— Государь, неловко мне тебе конфуз чинить. Уж лучше я шведом заделаюсь, а ты нашими покомандуй.

— Ничего, Алексашка, так и быть, прощу я тебе сию дерзость. Сражение должно быть упорным. Так что ты увлекайся да не забывай, что я со своими полками должен продвигаться к крепости, чтобы Горн ворота открыл, а там вместе ворвемся.

— Майн герц, уж коль ты сам на меня пойдешь, то оставь мне мой Ингерманландский полк.

— Быть по сему. Я гвардию поведу, а ты пехотными полками командуй. — Петр задумался.

— Должен, — медленно произнес он, — должен Горн попасться на сей обман.

Меншиков начал штурмовать крепость с одной стороны, а царь пошел на "выручку" шведам — с другой. Инсценировка удалась — противники поверили, и Горн поспешил "своим" на помощь: приказал открыть ворота и ударить русским в тыл. Выманенные из крепости шведы понесли значительные потери. Последний штурм Нарвы длился всего три четверти часа.

Дорого заплатила Нарва за упорство ее коменданта. В решительности, ярости и отваге ни одна сторона не уступала. Русские ворвались в Нарву с двух сторон. В разгар боя внутри кре-

пости шведы взорвали мину в пороховых погребах — мощный взрыв уничтожил множество солдат обеих армий. Разъяренные русские рубили всех подряд. За напрасное кровопролитие и большие жертвы Петр, встретившись с Горном, отвесил ему тяжелую пощечину.

Находчивость Александра Меншикова не раз спасала положение. Талант полководца проявился в нем с первых шагов на военном поприще и особенно ярко — в эпохальной Северной войне, венцом которой явилась Полтавская виктория.

Меншиков отличился еще до взятия Нарвы. Шведский адмирал Нумерс, не подозревая, что Ниеншанц взяли русские, вошел в устье Невы. Два корабля бросили якорь у стен крепости. 7 мая 1703 года в предрассветный туман 30 лодок окружили суда, и в считанные минуты солдаты под командованием Петра и Меншикова взяли их на абордаж. Это была первая морская победа. Счастливый царь наградил своего любимца за эту операцию орденом Андрея Первозванного и даровал привилегию, которая высоко поднимала престиж Меншикова: содержать на свой счет телохранителей. По сути, это была своего рода гвардия, и подобным правом личной охраны в России никто не пользовался, кроме царя.

В мае 1703 года Петр I основал город на Неве — Санкт-Петербург. Свое любимое детище он поручил Меншикову, назначив его комендантом. Борьба за город была упорной: царь упрямо его строил, а король Швеции мечтал стереть с лица земли. Но Петербург оказался в надежных руках — Александр Данилович сокрушительным орудийным огнем отбросил шведов от его стен. Фаворит наголову разбил врагов и под Кронштадтом. За эти победы государь наградил его чином генерал-поручика.

Устройство Петербурга и защита завоеванной земли требовали неутомимой деятельности, и верный Меншиков вполне оправдал надежды царя-преобразователя. Но война постоянно отвлекала его от созидательного труда. Зимой 1706 года над 40-тысячной русской армией нависла угроза уничтожения — ее блокировал в Гродно Карл XII. В страшные зимние морозы больной царь спешит к войскам, но пробраться к ним невозможно. Петр шлет курьера за курьером к командующему — фельдмаршалу Огильви, требуя вывести армию из западни, но иноземец саботирует распоряжение царя. Он решил дожидаться лета, тем самым обрекая полки на голодную смерть.

— На плаху мерзавца! Лучшие мои войска погубить решил! Я уж чрез голову сего фельдмаршала к Репнину приказ послал. Где моя армия?

В таком гневе государя еще никто и никогда не видел. Да и было от чего так бесноваться: потеря армии равнялась проигрышу не только кампании наступающего года, но всей войны.

— Государь, — рискнул подать голос Меншиков, — позволь мне отправиться в Гродно — я выведу войска.

Петр тяжело смотрел на любимца, не говоря ни слова, резко повернулся и подошел к столу. Обмакнув перо, размашисто написал: "Извольте верить ему так, как мне самому".

— Сей наказ до всех генералов касается! — Царь отдал Меншикову листок и обнял. — На сердце скребет беспрестанно. Сам ведаешь, в какой адской горести живу, покуда не увижу свою армию. Спаси ее, Данилыч.

— Спасу, государь. Коли кто строптивым окажется, не обессудь, — шпагой проколю, а полки приведу.

Получив под свое командование армию, Александр Данилович принялся повышать боевую выучку. Он утверждает "Артикул краткий" — наставление для обучения драгун военному ремеслу. Помимо правил поведения на территории союзника России (за насилие, мародерство, поджоги — смертная казнь), "Артикул" предусматривал воспитание у воинов чувства долга, патриотизма и дисциплины: "Кто к знамю присягал единожды, у оного и до смерти стоять должен", "Оной, кто крепость без нужды сдает... голову потеряет".

Вышколив вверенные ему войска, Меншиков одерживает победу, о которой заговорила вся Европа. "Мы догнали неприятеля, — писал он царю, — при Калише; шведов было 8000 человек, а поляков 26 000; он нас дожидался на очень крепкой и выгодной позиции: кругом шли неприступные болота и реки, через которые не было переправы. Однако ж мы, несмотря на такую крепкую позицию, с помощью крепкого Бога браней, созвали военный совет, все порядком рассудили и дали неприятелю генеральное сражение... на нашу долю досталась великая победа; на месте неприятелей — шведов легло больше 5000 человек, да 1000 человек поляков. Не в похвалу себе скажу: такой битвы еще прежде никогда не бывало, весело и приятно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились; все поле было устлано мертвыми телами. Поздравляю вас с преславною победою и говорю: Виват! Виват! Виват! Дай Бог и впредь вашему оружию такое счастье".

Эта победа показала, что Меншиков был не только прекрасным стратегом и тактиком, но и мастером выигрывать сражения малой кровью. Под Калишом полегла почти вся вражеская армия, наши же потери составляли 80 убитыми и около 300 ранеными.

Узнав о разгроме шведов, Петр пировал три дня. Английский и датский послы на званом обеде в Москве во всеуслышание заявили:

— Сия победа всех возбудит против шведа смелее поступать.

После того, как Меншиков разбил шведов в Померании, настал новый этап Северной войны. Военные действия были перенесены на море. В это время Меншиков тяжело заболел. Но, едва поправившись, всю тяжесть тыловой работы он взвалил на свои плечи. Необходимо было доукомплектовать армию и флот

всем необходимым. Меншиков воевал с Сенатом, который обвинял в косности, выбивая средства для ведения войны и строительства Петербурга.

Сын придворного конюха стал во главе той новой дружины, которой окружил себя Петр-Преобразователь, тех "прибыльщиков", против которых вооружались приверженцы старины, приписывая все зло им и преимущественно Меншикову. Но даже враги признавали в нем большую проницательность, удивлялись его необыкновенной ясности речи, отражавшей ясность мысли, ловкости, с какой обделывал любое дело, искусству выбирать людей, подбирать себе неподкупных секретарей.

Александр Данилович был самым способным из птенцов Петра Великого. Император превыше всего ценил в нем энергию, находчивость в затруднительных обстоятельствах, исполнительность там, где другие колебались, тратили время в рассуждениях и перебранках или ждали указа царя.

Таланты били ключом в этом самородке из простого народа. Он мог найтись в любом деле, стоять на равной ноге с человеком любой среды. Разнося по Москве пирожки на лотке, Алексашка пленил Лефорта живым взглядом веселых глаз и остроумным балагурством. Став постельником царя, он полюбился Петру замечательными, разносторонними способностями: от понимания без слов своего повелителя — до легкости усваивать манеры и ношения костюма иностранного образца. Перед первой заграничной поездкой Алексашка без труда выучил голландский и немецкие языки. Он вообще усваивал иностранные языки чрезвычайно легко — прямо со слуха.

В Голландии Меншиков работал за четверых и стучал топором так, как будто бы в сухопутной Москве всю жизнь только и делал, что трудился на корабельных верфях. В Англии этот необразованный московский пирожник в совершенстве перенял манеры английской аристократии и с полным достоинством держался в придворном обществе Лондона. Алексашка обращал на себя внимание и самой внешностью: он был высокого роста, хорошо сложен, худощав, с приятными чертами лица, с очень живыми умными глазами. Данилыч любил одеваться великолепно и, главное, что особенно нравилось иностранцам, был очень опрятен — качество редкое тогда еще среди русских.

Вероятно, за все это Петр Великий так полюбил и чрезвычайно привязался к Меншикову. В его личности самодержец видел воплощение своей мечты о преобразованной России. Появление из русского простонародья такого человека укрепляло веру Петра в то, что Россия может быть преобразована и может во всем сравняться с Европой.

Способность понимать без слов желания царя, безропотно сносить его гнев и поистине собачья преданность сделали Алексашку совершенно необходимым Петру. Никто (до Екатерины I) не мог так успокоить царя, как Данилыч.

Вот лишь один пример этому. Мятеж стрельцов и их казнь сильно пошатнули нервную систему Петра. Он был постоянно раздражен, порой доходил до исступления. На пиру во дворце Лефорта разыгралась драма, которая едва не стоила жизни первому русскому генералиссимусу. Шеин вызвал гнев царя подозрительно быстрой расправой с военачальниками стрельцов. Их казнь унесла в могилу тайну заговора. А тут еще Петр Алексеевич узнал, что боярин за деньги производил в офицеры. Шеин попытался защититься, Петр в ярости ударил эфесом шпаги по столу так, что перебил посуду.

— Вот точно так я разобью и твой полк, а с тебя сдеру кожу до ушей!

За генералиссимуса попытались вступиться Лефорт, Зотов и князь Ромадановский, но это только подлило масла в огонь. Царь рубанул по руке Ромадановского. Зотов зашатался от удара эфесом по голове. Досталось и хозяину дома. Все вскочили со своих мест бледные от ужаса в ожидании трагической развязки. Но тут спокойно и ласково, как ни в чем не бывало, заговорил Алексашка и увел царя в другую комнату. Вскоре они вернулись веселые, и пир продолжился.

Меншиков был необыкновенно сильной личностью, но подобные люди были страшны в XVII и XVIII столетии, поскольку в российском обществе тогда не существовали механизмы, сдерживавшие кипящие страсти. Необыкновенно быстрое возвышение, любовь и доверие царя разнуздали их — они не знали пределов своим честолюбивым помыслам. Сдерживающую силу заключал в себе исключительно царь, отсюда и печальные столкновения Петра I с человеком, которого он называл "дитятей своего сердца". "Выхваченный снизу вверх, Меншиков расправил свои силы на широком просторе, — писал Соловьев, — силы эти, разумеется, высказались в захвате, захвате почестей, богатства; разнуздание при тогдашних общественных условиях, при этом кружившем голову перевороте, при этом страшном движении, произошло быстро; Меншиков ни перед чем не останавливался..."

О лихоимстве Меншикова государю часто поступали доносы. Когда дело коснулось казенных интересов, над князем нависла угроза. Царь назначил комиссию для проверки злоупотреблений Данилыча по казенным подрядам, взятым им на себя под чужим именем. Судьи нашли князя виноватым и постановили лично допросить его. На заседание прибыл сам царь.

Меншиков попытался смягчить монарха чистосердечным признанием вины. Он передал Петру в собственные руки свою повинную. Государю жаль было своего Данилыча, он прочел и сам сделал поправки в челобитной, сказав:

— Эх, брат, и того-то ты написать не умел.

— Пойдемте, братцы, нам здесь делать нечего, — обратился к судьям капитан полка, взял шляпу и пошел к двери.

— Куда это? — гневно спросил царь.

— Домой.

— Как домой?

— Да, домой, потому что нам здесь нечего делать, если ты сам учишь вора, как ему оправдываться. Так ты и суди его, как изволишь, а мы — лишние.

Петр, отдавая должное прямоте капитана, упросил его занять снова свое место, и, не стесняясь, высказать, что он думает.

— А вот что, если мы по твоей воле здесь судьи, то, во-первых, бумагу его нужно прочитать всем нам вслух, а Меншикову, как виноватому, стать у дверей, и по прочтении выслать его вон, а я, как младший член, должен буду первым подать мнение о его просьбе и сказать, чего он достоин, а потом выскажут мнение свое остальные, и таким образом сохранится тобою же установленный порядок и закон.

— Слышь, Данилыч, как должно поступать?

Меншиков покорно стал у дверей. По прочтении вслух его повинной он был удален из зала. Капитан снова заговорил:

— Этот вельможа, недостойный той великой милости, какою Ваше величество его пожаловали, как первый в государстве должен бы быть всем нам образцом в хранении законов и в беспорочной к тебе и Отечеству службе. Но так как он, к общему соблазну всех твоих подданных, сам сделался участником в воровстве, то по своему положению и достоин примерного наказания в страх другим, ибо раб ведый больше волю господина своего и не сотворивый по воле его, и биен должен быть больше. Итак, мое мнение — отсечь ему публично голову как изобличенному и сознавшемуся преступнику, а имение взять в казну.

Многие члены суда были того же мнения, другие предлагали наказать публично батогами и сослать, кто-то предложил продержать целый день у позорного столба и также сослать.

— Где дело идет о жизни или чести человека, — возразил огорченный государь, — так справедливость требует взвесить на весах правосудия как его преступление, так и заслуги, оказанные Отечеству и государю, и если заслуги перевесят преступления, то судом должна быть провозглашена милость.

Петр Алексеевич вкратце исчислил заслуги князя Меншикова, в числе которых первое место занимало то, что он неоднократно спасал ему жизнь.

— Итак, — заключил он, — по моему мнению, достойно сделать ему в присутствии строгий выговор и наказать штрафом, соразмерным с причиненным убытком, а он мне впредь нужен, и, может быть, еще больше заслужит.

— Если он, государь, имел счастье спасти твою жизнь, то по справедливости нам нужно сохранить и его жизнь, и мы, надеюсь, согласны с твоей волей.

Все члены суда согласились с мнением капитана и Меншикова наказали согласно царскому приговору.

Свое семейное счастье Меншиков нашел в окружении любимой сестры Петра I Натальи Алексеевны. Из свиты царевны его привлекла одна из сестер Арсеньевых — Дарья Михайловна. Она была доброй, женственной и преданно любила своего Данилыча. Сохранившаяся переписка ярко свидетельствует о взаимной любви супругов. Находясь постоянно при царе, Александру Даниловичу приходилось постоянно расставаться с женой. Разлуки томили их обоих. Они скучали, и часто Меншиков вызывал любимую на театр военных действий. "Только не могу больше блажить против милости твоей, — пишет Дарья Михайловна. — Желаю сердечно видеть тебя, радость свою, и неотлучно быть при милости твоей всегда". "Для бога скорее приезжайте и нигде в пути не медлите, — отвечает Меншиков жене из Витебска, — потому что мне без вас зело скучно, о чем сами изволите рассудить".

Каждую разлуку они тяжело переживали. Дарья постоянно тревожилась за жизнь любимого мужа. А он чем больше подвергал свою жизнь смертельной опасности, тем больше заверял, что опасности никакой нет, что неприятель не тревожит его войска. Почти ежедневно Меншиков писал письма "с фронта". Особенно теплыми они становились в период, когда жена была на сносях. Он боялся хоть чем-нибудь ее расстроить. Меншиков просил царя не рассказывать о настоящем положении дел и не сообщать правды Екатерине Алексеевне — она могла проговориться об опасности, которой он постоянно подвергался. Когда дела были жаркие, он отговаривал и даже запрещал жене приезжать в действующую армию — оберегал от переживаний. На фронте ему трудно было бы скрыть правду — Меншиков в сражениях не прятался за спины солдат, он всегда был впереди, и зачастую сам вел в атаку конницу.

Зато в семейном кругу это был совершенно другой человек. Здесь он скрывался от государственных и житейских бурь, находил утешение, любовь и покой. Казалось, что вся сердечность Меншикова, нежность и забота доставались исключительно жене и детям. Дарья Михайловна родила Данилычу семерых детей — три сына и четыре дочери. Трое из них умерли в детстве. Остались сын Александр, дочери Мария и Александра. Меншиков был на редкость заботливым отцом и мужем. Он прекрасно воспитал детей и дал им хорошее образование.

Сев на трон, Екатерина I всю полноту власти отдала Меншикову — человеку, который с детства не разлучался с Петром Великим, был во всех начинаниях его правой рукой и доказывал не раз, что он понимает все предначертания преобразователя России. Но Александр Данилович был окружен людьми, многие из которых считали себя выше его по происхождению и

знатности рода. Вокруг светлейшего — непримиримые враги и ни одного друга, только те, кто раболепствовал перед могущественным вельможей. А дни императрицы сочтены. Кому отдаст корону Меншиков после ее смерти? В конце апреля 1727 года в придворных кругах разнесся слух, что по совету временщика Екатерина I назначает наследником внука Петра Великого — Петра Алексеевича. Несмотря на преданность царской фамилии и приверженность к преобразованиям, Александр Данилович, любя Отечество, обходит дочерей Петра Великого. Он хорошо знал Россию и понимал, что в отсутствие кумира знать восстанет против незаконных дочерей худородной крестьянки. А смута в России-матушке — вещь страшная. Своим решением он восстанавливал престолонаследие по мужской линии. Но, чтобы не предать дело Петра, Меншиков уговаривает умирающую императрицу не только пожертвовать интересами дочерей, но и дать согласие на брак юного Петра Алексеевича с его дочерью Марией. Тем самым он держал бы бразды верховной власти в своих руках и не дал бы России вернуть вспять.

Но для многих приход к власти внука Петра Великого являлся смертным приговором. Против него прежде всего восстали те, кто был причастен к суду и смерти его наследника — царевича Алексея Петровича. Во главе этой придворной партии стояла чрезвычайно сильная личность — известный дипломат, умный и коварный граф Петр Андреевич Толстой, вызвавший царевича обманом из-за границы. Но заговор против Меншикова не удался. Он упредил врагов и расправился с ними.

И все-таки светлейший просчитался — сила была на стороне старых бояр, на руку которым действовали и честолюбивые "птенцы Петра". Они сумели настроить против временщика юного императора. Петр II не любил упорный труд, а проклятый Меншиков заставлял его учиться, вместо веселых пиров и увлекательной охоты сажал за книги. Да все поучает, как царствовать надо.

— Извольте как в учении, так и в забавах везде себя кротко и тихо содержать и сие все умеренно содержать.

Как же стерпеть это 12-летнему юноше, который чувствовал себя самодержавным монархом?

— Я покажу, кто из нас император — я или Меншиков! — кричал юный царь.

Самолюбие мальчика ловко использовали враги Александра Даниловича. Его лишили дворянства и русских орденов. 11 (22) сентября 1727 года отдан приказ Меншикову ехать со всем семейством под конвоем в свое поместье Раненбург. На следующий день князь отправился с семьей на 4 каретах и 42 подводах с толпой прислуги. 120 гвардейцев провожали его. Такого пышного отъезда опального вельможи столица не знала. Но едва Меншиков отъехал от Петербурга, как курьер прискакал с царским приказом отобрать все иностранные ордена. Меншi-

ков отдал их со шкатулкой. В Твери его догнал другой курьер — с приказанием высадить его и всю семью из экипажей и пересадить в простые телеги.

— Я готов ко всему, и чем больше вы у меня отнимете, тем менее оставляете мне беспокойств. Сожалею только о тех, которые будут пользоваться моим падением.

Александр Данилович старался казаться спокойным и успокаивал близких, убеждал с христианским смирением покориться воле Божьей. Но организм внешним спокойствием не обманешь — у него открылось кровохарканье.

Клеветники не унимались и после его падения. Говорили, что он просил у прусского двора 10 миллионов взаймы, обещая отдать, когда сядет на престол. Говорили, что он предавал русские интересы и вошел в тайные сношения со Швецией.

В защиту Меншикова было написано анонимное письмо, которое подбросили к Спасским воротам. Это заступничество окончательно повредило опальному: у него конфисковали все, свояченицу Варвару Арсеньеву постригли в монастырь. У него отняли все приличные платья, одели в сермягу и простой тулуп, а голову покрыли бараньей шапкой. Так же переодели и всю его семью. Княгиня не выдержала этого унижения. С тех пор, как несчастье разразилось над мужем, она беспрестанно плакала и совершенно ослепла. По дороге, не доезжая Казани, Дарья Михайловна умерла. Меншиков сам похоронил любимую жену, но ему не дозволили долго плакать над ее могилой и торопили следовать дальше.

Меншиков, гордый и властолюбивый в период своего могущества, явил в ссылке образец христианской добродетели, твердости, смирения и покорности судьбе. Остаток дней он посвятил покаянию и молитве. Его семье и прислуге было назначено содержание в 6 рублей ассигнациями в сутки. Из этих скудных денег Меншиков сумел сэкономить и накопить небольшую сумму, на которую соорудил деревянную церковь во имя Рождества Пресвятые Богородицы с пределом св. Ильи Пророка, причем работал сам с топором в руках. Когда постройка была закончена, Александр Данилович принял на себя ничтожную должность церковного старосты и точно выполнял все сопряженные с этим званием обязанности. Он ежедневно первым входил в храм и последним оставлял его, звонил в колокола, пел на клиросе, говорил иногда прихожанам назидательные поучения, почерпнутые из Божественного писания.

На те же деньги Меншиков с сыном построили дом из 4 комнат — в одной жил он с сыном, в другой дочери, в третьей — прислуга, а четвертая служила кладовой.

Александра Даниловича мучила неизвестность — какое будущее предназначено его детям. Раскаяние в том, что его собственные ошибки погубили детей, терзало его и свело в могилу. 12 ноября 1729 года князь скончался.

Через полтора месяца умерла и его дочь — княжна Мария. За год до этого в Березов приехал князь Федор Долгоруков, давно влюбленный в княжну. Узнав о ссылке любимой, он выпросился за границу, а сам под чужим именем приехал в место заключения возлюбленной. Они были тайно обвенчаны престарелым священником, который получил за это в подарок, между прочим, барсовый плащ, долго хранившийся его потомками. Через год княгиня Долгорукова скончалась при родах. Близнецы не выжили и похоронены вместе с матерью, рядом с князем.

За десять дней до смерти Петр II вспомнил о своей бывшей невесте и 9 января 1730 года отдал приказ Верховному тайному совету "освободить из ссылки детей Меншикова с позволением жить, не выезжая в Москву, в деревне дяди их Василия Арсеньева и дать им на прокормление сто дворов... а сына записать в полк и отдать для обучения хорошему офицеру".

Волю императора исполнила Анна Иоанновна. Она разрешила Меншиковым приехать в Москву, возвратила князю Александру Александровичу часть отцовских имений и пожаловала ему чин прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка.

Княжна Александра была назначена фрейлиной и вскоре выдана замуж за генерал-аншефа Густава Бирона.

Этот "счастья баловень безродный", как назвал Меншикова Пушкин, русский самородок, благодаря своим талантам, энергии, трудолюбию и исполнительности, прошел путь от пирожника до светлейшего князя и генералиссимуса. Его полный официальный титул при Екатерине I звучал так:

"Светлейший Римский и Российского государства князь и герцог Ижорский, ее императорского величества всероссийского рейхсмаршал и над войсками главнокомандующий генерал-фельдмаршал, тайный действительный советник, государственной Военной коллегии президент, генерал-губернатор губернии Санкт-Петербургской, от флота всероссийского вице-адмирал белого флага, кавалер орденов св. апостола Андрея, Слона, Белого и Черного Орлов и св. Александра Невского, и подполковник Преображенского лейб-гвардии, и полковник над тремя полками, капитан-компании бомбардир Александр Данилович Меншиков".

"Из всех современников Петра, окружавших его, — писал знаменитый историк Костомаров, — не было никого ближе к государю, как Меншиков; не было другой личности, которая возбуждала бы до такой степени всеобщее внимание Европы странными поворотами своей судьбы". ■

от рождения до...

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Продолжаем публикацию статей о значении имен и их роли в определении судьбы человека.
Важно помнить еще одно: имя должно гармонировать с отчеством, поскольку неблагозвучное сочетание тоже может порядком осложнить человеку жизнь. Тут уж нет никакой мистики и второго дна: если обращаться к человеку легко фонетически, то и общение с ним изначально приятно. Особенно это касается имен с буквой "р". Согласитесь, что Игорь Алексеевич звучит лучше, чем Игорь Григорьевич, а Валерий Николаевич — чем Валерий Романович. Сравните: Марина Олеговна или Марина Аркадьевна, Тамара Леонидовна или Тамара Трофимовна.
То есть в человеке действительно все должно быть прекрасно, в том числе и с фонетической точки зрения. А у нас на очереди буквы "Р", "С" и "Т".

Раиса. Имя имеет древнегреческое происхождение и означает в переводе "покорная, уступчивая, легкая".

В детстве Раиса оказывается всегда в самой гуще всех детских забав и игр. Ей свойственны чувство уверенности в себе, самостоятельность в принятии решений, способность постоять за себя самыми решительными действиями.

К людям относится доброжелательно, на жизнь смотрит трезво. Не прощает обмана — сразу и навсегда прекращает все отношения. В личных отношениях с человеком рассчитывает на отдачу с его стороны, равноценную потраченным ею эмоциям и силам.

В семейных отношениях Раиса честна, ей неприятно даже в мыслях обмануть близкого человека, в чем-то схитрить. Ложь чувствует сразу. В неприятных ситуациях Раиса прибегает к единственному выражению своих чувств — молчанию.

Если же в семейных отношениях все хорошо, то и Раиса вся сияет и светится. Особенно ей нравится делать покупки для всей семьи. В компании ведет себя раскованно и весело, любит петь песни.

Слабые органы Раисы — поджелудочная и щитовидная железы.

Удачным брак будет, скорее всего, с Владимиром, Глебом, Евгением, Михаилом, Сергеем, Федором, Юрием. Брак будет непрочным с Игорем, Степаном, Яковом.

Римма. Старое, редкое имя, происходит от названия города Рим.

Римма еще ребенком выделяется способностью установить контакт с человеком, завоевать его доверие. Она чувствует, как лучше вести себя, что нужно сказать, чтобы добиться своего. Ловко обменивается с ребятами всякими пустяковыми штучками, оставаясь при этом всегда в выигрыше. Если эти способности в будущем будут развиваться, то из нее может получиться неплохой бизнесмен.

На работе Римма не блещет особенным старанием, но ее природный ум, наблюдательность и хитрость позволяют ей всегда добиваться поставленной цели.

Выйти замуж за понравившегося ей человека Римме не составляет труда. Она яркая и привлекательная женщина, способная увлечь любого мужчину. Ищет спутника, способного по достоинству оценить ее лучшие качества и терпеливо переносить все ее капризы. Одним из главных достоинств мужа для Риммы является способность обеспечить материально семью.

Римма — хорошая повариха. Квартиру содержит в чистоте, но не всегда ей удается создать образцовый порядок в вещах детей и мужа. Неудачи выбивают Римму из колеи и делают ее раздражительной. Ей следует беречь нервную систему.

Удачный брак может быть с Виктором, Константином, Михаилом, Олегом, Сергеем, Эдуардом. Менее всего следует ожидать семейного счастья с Владиславом, Геннадием, Дмитрием, Николаем.

Роман. Имя происходит от латинского слова "романус", означающего "римский, римлянин".

В детстве Роман часто болеет, возможны даже нежелательные осложнения, поэтому родителям необходимо следить за здоровьем мальчика. Роман не терпит в жизни единообразия. Он внезапно может прервать учебу в институте и пойти работать. Чем-то увлекшись, он загорается и пытается увлечь своей затеей других.

Легко влюбляется. Не испытывает никаких угрызений совести при смене своих избранниц. Будет долго искать свой идеал, пока не найдет ту, которая готова полностью посвятить свою жизнь ему. С появлением в семье детей остепеняется и становится хорошим отцом. В семье предпочитает быть лидером, но без излишнего диктата. Он с охотой помогает по хозяйству, умеет развеселить окружающих.

Роман может страдать от диатеза и должен следить за органами пищеварения.

Будет счастлив в браке с Анной, Валентиной, Еленой, Любовью, Майей, Марией, Софьей. Менее удачными будут отношения с Евгенией, Екатериной, Оксаной, Риммой, Тамарой.

Светлана. Имя славянского происхождения, от слова "светлая".

Светлана с детства отличается противоречивым и сложным характером. Она очень высокого о себе мнения, но учится средне, у нее нет особенных способностей, но есть склонность командовать.

Легко принимает сказанное людьми на веру. В то же время Светлана — добрый человек и способна оказать человеку совершенно бескорыстную помощь. В молодые годы начинает особенно

тщательно следить за своей внешностью, в одежде старается следовать моде, но иногда ей изменяет чувство меры.

Светлане нравится находиться среди мужчин, общение с женщинами не доставляет ей такого удовольствия. В случае постоянных неудач в жизни способна извлечь уроки из совершенных ошибок и круто изменить свой образ жизни. Может поменять работу, стать более уступчивой и общительной.

Хорошо приспосабливается к обстановке. Не лишена трудолюбия. Счастье Светланы всегда зависит от нее самой. Прежде чем выйти замуж, постарается убедиться, что ее избранник достойный человек и испытывает к ней настоящие чувства.

Способна быть гибкой и дипломатичной в отношениях с мужем и родственниками, поэтому все относятся к ней с любовью. Очень привязана к детям, много усилий предпринимает, чтобы дать им хорошее образование. С возрастом становится образцовой хозяйкой.

Светлана полна энергии и жизнелюбия, но подвержена стрессам и бессонницам.

Брак может быть счастливым с Алексеем, Борисом, Вадимом, Владимиром, Олегом, Эдуардом, Юрием. Возможны осложнения в браке с Александром, Глебом, Дмитрием, Михаилом, Станиславом.

Софья. Имя имеет древнегреческое происхождение и означает мудрость.

Маленькая Софья — нежная, добрая девочка. Она способна проявить сочувствие к слабому и беззащитному существу и оказать посильную помощь человеку, попавшему в затруднительное положение. Сослуживцы особенно ценят в Софье добросовестность и уживчивость. Она хороший специалист и быстро продвигается по служебной лестнице. Всего в жизни добивается сама, не рассчитывая на поблажки.

Софья деликатна, всегда готова оказать помощь чужому ребенку, оказавшемуся на время без присмотра, будет ухаживать за одинокой старушкой. Она отличный кулинар и ей удается организовать застолье на самом высоком уровне. Любит принимать гостей.

Способна сломать благополучную семейную жизнь, если в жизни столкнется с сильным любовным чувством. Следит за модой, но в одежде не допускает экстравагантности. С родителями мужа поддерживает хорошие отношения.

Софья — лакомка, отсюда все ее проблемы. Ей необходима диета.

Благополучный брак возможен с Аркадием, Владимиром, Владиславом, Глебом, Олегом, Юрием, Константином. Следует осторожно относиться к браку с Андреем, Дмитрием, Петром, Станиславом.

Семен. Имя имеет древнееврейское происхождение и означает "услышанный Богом в молитве".

Внешне Семен больше похож на мать, чем на отца. Он также наследует и многие черты характера, свойственные матери. Он добр, мягок и беззлобен. Семен будет хорошим другом, который всегда придет на помощь в труд-

ную минуту, близко к сердцу примет чужую беду.

Среди Семенов много одаренных людей. Обладая силой воли, они добиваются значительных успехов в жизни. Семены серьезно относятся к избранной профессии. Трудолюбивы, настойчивы, имеют пробивные способности. Среди них много врачей, музыкантов, инженеров, администраторов.

Семен постоянно находится в гуще самых сложных дел, но не отмахивается и от "мелочевки", не считает ее недостойной своей персоны. Не забудет поздравить товарища с днем рождения и вручить ему хотя бы небольшой подарок. Поможет в решении какой-нибудь бытовой проблемы или даст совет, к кому еще можно обратиться.

В браке Семены — образцовые мужья. У жен не возникает с ними никаких проблем. Они хозяйственны, оказывают помощь по дому, занимаются покупкой продуктов. Семены лучше своих жен ориентируются в экономическом положении семьи. На этой почве могут возникать конфликты, если Семену попадется упрямая и чрезмерно принципиальная жена.

Бывают проблемы с вестибулярным аппаратом, велика опасность травматизма.

Счастливый брак возможен с Валентиной, Викторией, Диной, Екатериной, Зоей, Ниной, Оксаной, Ольгой, Раисой, Тамарой. Мало подходят Александра, Анна, Вероника, Ирина, Марина, Светлана.

Сергей. Имя происходит от римского родового имени Сергиус, что означает "высокий, высокочтимый".

В детстве Сергей — слабый и болезненный мальчик, доставляющий своим родителям много хлопот. С возрастом он становится более крепким, начинает заниматься спортом. В его характере все сильнее проявляются мужественные черты.

В работе Сергей проявляет добросовестность, обязательность, всегда выполняет свои обещания и ему не надо дважды напоминать о чем-то. Свое мнение об окружающих предпочитает держать при себе. Среди увлечений на первом месте музыка и кино. Сергеи часто становятся актерами, композиторами, писателями, художниками.

С родными и близкими Сергей покладист и сговорчив, заботлив в отношениях со своими родителями. Старается вести себя так, чтобы случайно не нанести обиду окружающим. Со своими проблемами Сергей справляется в одиночку, не посвящая окружающих в свои душевные переживания.

Сергея привлекают спокойные и ласковые женщины. Очень охотно участвует в хозяйственных делах по дому. Мастер на все руки. Лидерство в семье может уступить жене, но в важных вопросах готов отстаивать свою точку зрения.

У Сергея слабая нервная и мочеполовая системы.

Удачный брак может сложиться с Валентиной, Викторией, Галиной, Елизаветой, Ириной, Любовью, Ниной, Риммой, Татьяной. Сложно будет в браке с Аллой, Верой, Ларисой, Элеонорой.

Станислав. Имя имеет польское происхождение и означает "стать славным".

Станислав с детства имеет неуравновешенную психику. Он капризен, старается добиться своего любой ценой, упрям и несдержан. Не может объективно оценить сложившуюся обстановку, с трудом признает свою вину. Эти черты характера будут вредить ему в течение всей жизни.

Станиславу не стоит выбирать профессию, требующую беспрекословного подчинения начальнику, например, военнослужащего. Если Станислав будет занимать руководящую должность, то его подчиненным придется трудно. Станиславу сложно угодить, трудно подстроиться под меняющееся настроение и своеобразный, не всем понятный ход мыслей.

Женой Станислава становится обычно робкая и покорная женщина. С женщиной, способной постоять за себя, Станиславу не ужиться. К жене относится хорошо и всегда раскаивается в своей несдержанности. Не хватает практичности для ведения домашнего хозяйства. Может удивить жену неожиданным подарком. Отношения с родителями жены складываются благополучно.

Станиславу не следует забывать о печени и злоупотреблять алкоголем. Возможна аллергия к антибиотикам.

Удачным будет брак с Вероникой, Еленой, Ларисой, Оксаной, Риммой, Тамарой, Элеонорой, Юлией. Брак будет несчастным с Валентиной, Евгенией, Зинаидой, Мариной, Светланой, Софьей.

Степан. Имя происходит от древнегреческого слова "стефанос" и означает "венок".

Маленький Степан — шаловливый и непоседливый мальчик, любит самые разнообразные игры. Общаться с ним легко и весело. Степан очень подвижен, за учебниками ему усидеть трудно. Родителям может доставлять хлопоты своим неугомонным характером, а учителя будут его опасаться за наблюдательность и острые замечания, которые он делает, подмечая ошибки взрослых.

Степан может выбрать профессию, связанную с творческим характером труда. Он будет хорошим художником, модельером, архитектором. У него много друзей и знакомых, перед ним открыты все двери.

Быстро ориентируется в новой обстановке. Недолго помнит обиды. Особенно хорошо себя ощущает в женском обществе. При дамах Степан блещет остроумием, он весел и предупредителен, для каждой женщины найдет удачный комплимент.

В семейной же жизни отношения Степана с женой будут складываться не так уж безоблачно. Чрезмерная общительность Степана будет давать повод для ревности. Возможен развод и новый брак. Детьми занимается от случая к случаю, перекладывая все заботы, связанные с их воспитанием, на жену.

Степан — очень выносливый человек, но для него велика опасность травматизма.

В браке отношения лучше всего сложатся с Зинаидой, Ириной, Клавдией, Надеждой, Ольгой. Трудности ждут с Анной, Еленой, Людмилой, Натальей, Оксаной, Раисой, Риммой.

Тамара. Имя древнееврейского происхождения, означает "смоковница".

Тамара с детства стремится к разнообразию в жизни. Она не может подолгу читать книжку, быстро теряет интерес к играм. В то же время ей свойственны любознательность и любопытство.

Довольно артистическая натура, ей нравится красоваться перед гостями, в школе обязательно принимает участие в самодеятельном театре. В общении доброжелательна, приветлива, но с незнакомыми людьми не забывает об осторожности.

У Тамары существует склонность к лидерству, поэтому нередко она выходит замуж за человека младше ее по возрасту. В этом случае в семье складываются отношения, удовлетворяющие обоих супругов. Жене удается удовлетворить свои лидерские качества, а муж избавляется от постоянных трений в семейных отношениях.

Бюджетом семьи распоряжается экономно, но при покупках для детей не останавливается перед ценой. Очень вспыльчива, может устроить сцену ревности при посторонних со слезами и криками. Умеет хорошо готовить, квартиру содержит в образцовом порядке. Нравится переставлять мебель и обновлять обстановку в квартире. Любит путешествовать и знакомиться с новыми людьми.

У Тамары заболеваниям подвержены кишечник и половые органы.

Возможен счастливый брак с Александром, Борисом, Виталием, Михаилом, Семеном, Юрием. Мало шансов на удачный брак с Вадимом, Игорем, Никитой, Романом.

Татьяна. Имя по одной из версий имеет древнегреческое происхождение и означает "устроительница, учредительница".

Татьяна — эмоциональный ребенок, умеет постоять за себя, практична и принципиальна. Но принципы ее во многом зависят от настроения. Среди ровесников старается быть лидером. Трудно переносит однообразие и поэтому стремится посещать спортивные секции, хореографический кружок, курсы рукоделия.

Повзрослев, Татьяна становится упрямой и властной, она ясно представляет, что ей нужно в жизни, и не выносит возражений. Способна выполнить любую работу, внимание начальника особенно стимулирует ее силы. В компании ведет себя раскованно, ей нравится мужское общество.

Семейная жизнь не всегда складывается удачно, так как Татьяна стремится навязать свою волю мужу, может без особого повода устроить скандал. Дети относятся к ней настороженно, для них она строгая мать. У Татьяны мало подруг, в отношениях с окружающими преобладает прагматичный подход.

Большое внимание уделяет внешнему виду, тратит много денег на понравившуюся одежду. В старшем возрасте становится более терпимой, семейные отношения становятся главными в жизни.

У Татьяны хрупкие кости и очень "впечатлительный" желудок. Также необходимо с детства беречь зрение.

Наибольшие шансы на удачный брак с Анатолием, Валерием, Иваном, Олегом, Сергеем. Маловероятен удачный брак с Вячеславом, Геннадием, Кириллом, Станиславом, Филиппом. ■

Олесь БЕНЮХ

официантка из бистро

Оно было безымянным и располагалось недалеко от театра Оперетты. Узенькое как кишка помещение, стойка с буфетными полками и холодильными отсеками у входной двери, три-четыре миниатюрных столика в один рядок за ней, в самом дальнем углу крошечная кухонька и кладовка. За последним столиком сидели двое.

— Ты знаешь, я человек рафинированный, — говорил седовласый, тряхнув густой волнистой гривой. — Меня изрядно покоробили слова ректора о том, что в командировку в Лондон поедут те, кто максимально достойно проявил себя в прошлом году в научном плане. Это Кондаков-то Герман?! Он же через ВАК еле-еле проскочил со своей никудышной докторской. Взятка — и крупная! — премного способствовала остепенению очередной бездарности.

— Ты, вроде, говорил, что он зять какого-то министра, — вставил его визави, хрупкий бородач.

— Именно. В этом и зарыта собака. Раньше, слов нет, стыдливо господствовало "телефонное право", "позвоночные" застенчиво процветали. Сейчас... сейчас отброшены, как досадная помеха, и стыд и застенчивость. Куда там! Правит бал господин великий доллар. К слову, нам уже третий месяц не выплачивают зарплату. Хотя она у меня, профессора, доктора филологии, в три раза ниже, чем у секретаря-референта в СП и в пять раз — чем у телохранителя президента банка.

рисунок Льва Рябинина

— А вот мне платят исправно. — Бородач поправил стильные очки в золотой оправе, жестом руки подозвал официантку: – Голубушка, Асенька, нам бы повторить по обычному рациону "озверинчика" и к нему скоромный аккомпанемент.

— СПГ "смирновской" и "хот дог" дважды, — резюмировала девица сквозь жвачку. — Бу сде.

— Еще бы! — вздохнул седовласый, провожая задумчивым взглядом предельно короткую синюю юбочку. Вот официантка, делая заказ, облокотилась на стойку, и юбка обнажила крошечные розовые трусики. — Еще бы! — еще раз вздохнул он и повернулся к бородачу: — Ты вовремя сбежал из науки. Вовремя и удачно. Кандидат и доцент по физиологии спорта — первый вице-президент процветающей риэлтерской конторы. Везунчик!

— Рецепт моего везения — каторжный труд. Теперь он, хвала Всевышнему, оплачивается соответственно. Нужны мы народу. Такие дела-с.

— Истинно нужны! — с энтузиазмом подхватил седовласый, которого звали Борис Андреевич, чокаясь с бородачом.

Официантка принесла водку и сосиски, артистично водрузила на столик стопки, тарелочки.

— Вы знаете, Асенька, смотрю я на вас и диву даюсь — откуда в вас эта грация, это изящество, эти колдовские чары, сексапильность, наконец. — Борис Андреевич улыбался, опершись локтями о столик, опустив массивный подбородок в большие пухлые ладони. — Помнится, и в Голливуде — правда, я там бывал уже после кончины несравненной Мэрилин Монро — просматривалось все это, но в ничтожных дозах.

— Чо, правда, што ль? — На ярко-красных влажных губах девицы заиграла нагловато-обещающая ухмылка. Предназначалась она профессору, однако глаза ее были обращены на доцента. Видимо, бородка вызывала у нее больше доверия.

— Истинная правда, — подтвердил бородач Альберт Иванович. — Мой друг большой дока по части "клубнички".

— Клубники не держим, — не поняла официантка. Альберт Иванович поманил ее пальцем и, когда она подошла и наклонилась к нему, прошептал ей несколько слов в самое ухо. Девица прыснула и, отбежав к стойке, стала со смехом говорить что-то барменше. Та с интересом уставилась на Бориса Андреевича.

— Чего ты ей такого скабрезного сообщил? — спросил он, насупившись.

— Помилуй Бог, напротив, — запротестовал Альберт Иванович. — Я отрекомендовал тебя самым наилучшим образом. Наилучшим!

— А все-таки? — настаивал Борис Андреевич.

— Смысл сказанного заключается в том, что у тебя, как у каждого стопроцентного славянина, эмоциональное начало превалирует над рациональным.

В этот момент Асенька, проходившая мимо их столика, как бы невзначай уронила на колени профессора какую-то бумажку. Он ловко ее подхватил.

— Ну что я тебе говорил, — довольно заметил Альберт Иванович. — Это номер ее телефона. Как видишь, наша красавица без каких-то там завиральных комплексов. Эмансипэ, в лучших традициях сексуальной революции.

— Откуда ты знаешь?

— Да уж знаю, — уклончиво ответил бородач.

— Тебе-то она нравится?

— Да если бы нравилась-разнравилась, — назидательно заметил Альберт Иванович. — Я опутан тенетами Гименея. Это ты у нас вдовец. Тебе и карты в руки. Я не имею в виду матримониальные художества, ни-ни. Не жениться же на ней, в самом деле. А так, побаловаться — почему бы и нет? Девица ладная.

— А не слишком пошловатая?

— Так ведь, чай, не царевна. Официантка в бистро, профессор.

— И то верно...

— Здрасьте, господа, с хорошей вас погодой! — Эти слова весело произнес мужчина атлетического телосложения, лет сорока пяти, румяный, кареглазый, одетый в добротную серую тройку. Держа в одной руке серую велюровую шляпу, другой он расчесывал негустые пепельные волосы. — Пардон, припозднился малость. Ученый совет затянулся, а я имел неосторожность сесть почти вплотную к столу президиума. Такая вот незадача.

Профессор и доцент, увлеченные беседой, не заметили, как мужчина подошел к их столику.

— Ба, ба, ба, — пробахал Альберт Иванович и, встав, трижды его облобызал. Тот же обряд совершил и Борис Андреевич.

— Как и вам? — спросила сквозь жвачку Асенька.

— Что вы, что вы! Боже упаси! — замахал руками в поддельном ужасе бородач. — Леонид Михайлович — членкор, жидким топливом занимается, толк в жидкостях знает досконально. Пьет только выдержанные французские коньяки. Хеннеси, Мартель, Реми Мартин.

— Бу сде, — широко улыбнулась официантка, отходя от столика.

— Стоп, стоп, милая девушка, — остановил ее Леонид Михайлович. — Кого вы слушаете? Он же призер всемирного конкурса хохмачей. Стопку водки и хвост селедки.

— Бу сде!

— Любопытствую, чем во времена Великой Смуты живет твой Совет? — Борис Андреевич подвинул Леониду Михайловичу нетронутую рюмку, отломил кусок булки с сосиской. Тот долго молча прицеливался, наконец одним глотком проглотил водку и, зажевывая ее нехитрой снедью, сказал:

— Чем живет? Уверен — тем же, чем и твой, и его. — Он кивнул в сторону Альберта Ивановича.

— Его совет нынче повыше Верховного будет, — прервал его профессор.

— А на нашем скромном Совете, — продолжал Леонид Михайлович, — извечный русский вопрос: "Что делать?" Полное отсутствие какого бы то ни было присутствия средств, повальная утечка мозгов, обвал всех планов по фундаментальным наукам. Такого не бывало со времен незабвенной княгини Дашковой.

— Ой ли, так уж все мрачно? — протянул Альберт Иванович. — Вроде бы и президент обещал поддержку, и спонсоры, и фонды разные...

— Спонсоры, фонды! — фыркнул Леонид Михайлович. — Твоя, к примеру, фирма богатенькая. А много ли вы наспонсорствовали, позвольте узнать?

— Да уже не без этого! — с ехидцей в голосе ответствовал Альберт Иванович. — Только на позапрошлой неделе целую фуру бананов в Чечню отправили.

— Вот вам наш дикий российский капитализм! — воскликнул, всплеснув руками, Леонид Михайлович. — Фура бананов в Чечню! Это не спонсорство, а гуманитарная помощь, так это, кажется, на нынешнем воляпюке именуется, батенька. И потом — ваши фруктики достанутся не детям (которые, кстати, тоже стреляют в наших солдатиков) или женщинам и раненым, а беспрепятственно попадут к боевикам — как и федеральные средства, предназначенные на восстановление хозяйства, на пенсии, пособия и зарплату. Не понимаю, при чем тут фундаментальные науки?

Альберт Иванович, прищурившись, молчал.

— Друзья, — подал голос Борис Андреевич, — поскольку явно намечается тенденция, что наша беседа из чисто академической может перерасти в глобальную, есть мнение перенести ее в мои скромные апартаменты.

— А соответствующий аккомпанемент подобрать в Елисеевском и Филипповской, — поддержал его Леонид Михайлович.

— И в Столешниковом. Заметано. — С этими словами Борис Андреевич подошел к Асеньке и тихо с ней о чем-то переговорил.

Альберт Иванович мельком взглянул на счет, степенно достал роскошный бумажник из крокодиловой кожи и положил под рюмку несколько купюр. Леонид Михайлович, достав из старинного серебряного портсигара сигарету, покрутил ее пальцами, взял в губы, но через несколько секунд она вновь оказалась в его руке.

— Спичку? — спросил Альберт Иванович, протягивая ему коробок.

— Спасибо, — застенчиво ответил Леонид Михайлович. — Я... бросаю.

— Нет ничего легче. — Альберт Иванович подержал еще немного спички в протянутой руке и, усмехнувшись, спрятал их в карман.

На улице Чехова, между Пушкинской площадью и Садовым кольцом, горделиво высится среди приземистых особнячков старинный четырехэтажный дом. Возведен он был лет пятнадцать спустя после наполеоновского пожара и несколько раз перестраивался и реконструировался. Квартира профессора Платонова Бориса Андреевича находилась на втором этаже. Помещение было просторное — четыре изолированные комнаты, вместительный холл, двадцатиметровая кухня, два балкона, антресоли, высоченные потолки. Обстановка изысканная, антикварная. Чистота повсюду отменная.

— Адский труд моих рабынь — Натальи Семеновны и Елизаветы Семеновны, — объяснял Борис Андреевич своим гостям. — Очаровательные сестры-пенсионерки из соседнего подъезда. — Борис Андреевич вздохнул, задержавшись взглядом на этикетке темной бутылки виски, и, улыбнувшись, бодрым голосом объявил: — Итак, продолжим, господа, дискуссию. Прошу к столу.

Гости не заставили себя долго ждать.

— Что ж, господа, граждане, товарищи, — произнес проникновенно хозяин, поднимая наполненный анисовой вместительный лафитник, — как и всегда, этот дом распахивает перед вами красный ковер.

— Мы же тысячу раз соглашались с постулатом — питие без тостов есть беспринципная пьянка, — вмешался Леонид Михайлович, решительным жестом остановив готового уже было чокнуться Бориса Андреевича. — Тем более, что повод для тоста есть преотменнейший.

— Ну те-с? — произнес хозяин, выжидательно улыбаясь — какая на сей раз последует хохма.

— Третьего дня в Кремле президент вручал ордена военным, деятелям культуры. — Леонид Михайлович замолк, явно ожидая вопроса. Но хозяин молчал, и тогда он продолжил: — И строителям новой России — предпринимателям. Сподобился и наш друг Альберт Иванович. Предлагаю тост за вновь испеченного орденоносца!

— А где орден? Орден надо в водке искупать, дольше будет носиться, — заявил хозяин.

Альберт Иванович конфузливо взмахнул рукой — мол, что вы, ребята! Однако все трое чокнулись и выпили.

В этот момент раздался дверной звонок, и в комнату, где сидели друзья, впорхнула Асенька. Борис Андреевич, встретивший ее, и Леонид Михайлович смотрели на девушку, разинув рты. Перед ними была совсем другая Асенька. Парижская шляпка, лондонский костюм, римские туфли, искусный маки-

яж, обворожительная таинственная полуулыбка, нечто среднее между Моной Лизой и Саскией.

— Надеюсь, я своим вторжением не смешала ваши карты, господа? — Голос был бархатный, глубокий, завораживающий. — Не нарушила ли я ненароком ваш отдых? Не перепутала час, который вы мне назначили, любезный Борис Андреевич?

— Что вы, что вы, Асенька! — воскликнул хозяин, поправляя съехавший вбок галстук и одергивая пиджак. — Все очень так. Просто... вы сейчас выглядите... как бы это точнее выразиться...

— Как Синдерелла, надевшая хрустальные башмачки, — дополнил друга Леонид Михайлович.

— А я и есть Золушка, — ответила Асенька, усаживаясь на поспешно предложенный хозяином стул. — С утра до вечера черепки да кастрюльки, уборка да мойка. А хрустальные туфельки — о них грезится разве что во сне. Впрочем, это тема, вряд ли представляющая всеобщий интерес. А у вас, судя по вашим лицам и глазам, словесные баталии идут нешуточные.

— Как и десять, и двадцать, и сто лет назад — увы! — на службе дискутируем о прелестницах, а дома о службе, — развел руками Альберт Иванович.

— Коньячку изволите? — обратился к Асеньке Леонид Михайлович. — Или предпочитаете что-нибудь послаще?

— Не выношу сластен, смакующих с манерными придыханиями заморские ликеры. Водка — исконный славянский напиток, целебный и благотворный. За даму, присутствующую за этим столом... — предложил, поднимая свою рюмку, Борис Андреевич.

Мужчины встали и Асенька церемонно и грациозно чокнулась с каждым.

— Не хватает музыки, музыку хочу, — негромко потребовал Альберт Иванович.

— Всенепременно и сей же момент, — откликнулся хозяин и, обращаясь к Асеньке, спросил: — Что бы вы желали услышать?

— У меня два любимых композитора, — рассеянно ответила она, небрежно разглядывая деликатесные закуски.

— Разрешите полюбопытствовать, кто именно?

— Антонио Вивальди и Сергей Прокофьев.

— Пардон, вас в этих мэтрах влечет что-то конкретное? — с напускной серьезностью поинтересовался Альберт Иванович.

— У Вивальди превосходны скрипичные концерты. Помните — "Времена года"? — так же рассеянно отвечала Асенька. Но по мере того, как говорила, заметно оживилась, стала даже слегка жестикулировать руками. — И оперы. У Прокофьева... "Любовь к трем апельсинам", "Каменный цветок", кантата "Александр Невский", Пятая симфония. Да если по правде говорить, я люблю у него все: "Петя и волк", "Война и мир", "Ромео и Джульетта"...

— Гения создают экзерсисы, — резюмировал Альберт Иванович и стал неожиданно собираться. — К великому огорчению, на сегодняшний вечер у меня уготовлена куча всяческих дел.

— Небось, дань с нерадивых арендаторов и прочих должников собирать? — неласково улыбнулся Леонид Михайлович.

— Господь с тобою! — взмахнул рукой Борис Андреевич. — У него для этих самых штук армия сборщиков обретается постоянно в повышенной боевой готовности.

Альберт Иванович самодовольно ухмыльнулся: "Специализация". Недолго после его ухода посидел и академик.

— Обещал завтра передать статью в "Вестник", а готова она пока лишь наполовину, — заявил он, пожимая на прощание руку Борису Андреевичу в прихожей.

Когда хозяин вернулся в комнату, Асенька, скинув туфельки, сидела на диване, поджав под себя ноги.

— Асенька, расскажите что-нибудь о себе.

— Что же рассказать? Родилась в Хабаровске. Папа был военный. Кидала нас гарнизонная судьба из Прибалтики в Заполярье, из Средней Азии в Закавказье. После Киева — Москва. Ломоносовский, филология. С третьего курса пришлось уйти, в автокатастрофе погибли папа и мама. Я сидела на заднем сиденье, отделалась ушибами, легким сотрясением. Пять лет тружусь на ниве общепита. Ординарная среднестатистическая биография. — Она печально усмехнулась.

— А почему вы решили, что я достоин вашего внимания?

— Вы как-то читали у нас обзорную лекцию о поэтике лермонтовской прозы.

— Скажите! Я и запамятовал. Поди, лет десять минуло с тех пор.

— А я не забыла. Семь лет.

— И меня не обошла сиротская доля. Отец с матушкой, Царство им Небесное, много лет как ушли. Жена не так давно. В вечной спешке да суете детей не завели. Конечно, совсем не здорово. Но — се ля ви.

— Знаете что? Давайте танцевать. — Асенька встала, протянула руку Борису Андреевичу.

— Что же мы будем танцевать? — спросил он, удивленный неожиданностью ее предложения. — Краковяк? Вальс? Польку?

— А разве это имеет значение? По-моему, и музыка сейчас не имеет значения. Просто есть вы и я. И да здравствует все хорошее! И долой все плохое!

Они вошли в просторную гостиную и зашагали, запрыгали, закружились в придумываемых ими самими тут же неординарных, экстравагантных па. Со стороны это наверняка выглядело по меньшей мере забавно, даже смешно. Но они не думали об этом. Борис Андреевич внутренне восхищался изяществом и

тактом, с которыми Асенька увела его от очередного приступа черной меланхолии. Другая стала бы развивать тему вселенских бед и несчастий. Или — что, впрочем, еще хуже, — успокаивающе клясть судьбу, призывая все кары небесные на голову злобных колдунов и ведьм, которые одни и есть источники зла, сглаза и порчи.

Они танцевали долго, то в быстром темпе, то замедленно, говорили о малозначимых пустяках, и вдруг он без интонационных выкрутас продекламировал ей экспромтом небольшое, но вдохновенное эссе о трагедиях Эсхилла, о его неувядаемой трилогии "Орестея", о превращении неистовства возвратившегося из Трои Агамемнона в примирение людского страдания с божественными силами. А богатство языка! А глубина и широта мышления! Достойным соперником можно считать, пожалуй, лишь Вильяма Шекспира. И это за всю историю человечества.

Потом он силился и не мог вспомнить, почему именно Эсхилл стал предметом его красноречивого экскурса в область античного искусства, видимо, его собеседница коснулась каким-то образом глубокого кризиса современной драматургии, так или иначе, внимала она его монологу пристально и безмолвно. Закончив говорить, Борис Андреевич испугался, не заговорил ли гостью вконец.

— Извините, Асенька, я разболтался изрядно, — виновато улыбнулся он. — Вы тут посидите минуту-другую, а я сейчас придумаю чего-нибудь горяченького. Соловья баснями не кормят.

И с этими словами он исчез на кухне. Когда же вскоре вернулся, неся в руках аппетитно дымившуюся и пахнувшую пряностями кастрюлю, наполненную лангустами, в гостиной никого не было. Он недоуменно огляделся и тут заметил на ближнем к нему столике лист бумаги. Нахмурившись, поставил кастрюлю на пол, взял лист, стал читать: "Милый Борис Андреевич! Извините, что ушла по-английски. Меня саму коробит любое проявление хамства, пусть даже скрытого под джентльменской вуалью. Но я ни жестом, ни словом, ни взглядом не хочу испортить трогательно рыцарского, светлого вечера. Свидание с радостью ныне более хрупко, чем старинный фарфор Китая. Ася".

...— Батюшки светы! — воскликнул Борис Андреевич, останавливаясь посреди лестницы Дома актера и обнимая невысокого худого старца с жиденьким песочным хохолком на макушке большой грушевидной головы. — Тысячу лет и столько же зим не видались, Ардальон Игнатьевич!

— Боренька, голубчик! — ответствовал неожиданно густым, сочным басом старец. — А, знаете ли, мы о вас давеча добрым словом вспоминали. Да! Трудоголик вы наш!

Обхватили друг дружку руками, облобызались троекратно.

— Гранд мерси, мил человек, за чеканно добрые слова о незабвенном учителе и друге нашем Дормидонте Максимовиче, — продолжал старик. — Зело полезным было ваше слово на том Круглом Столе. Да.

— Гм... вы имеете в виду Максима Дормидонтовича? — словно извиняясь, проговорил Борис Андреевич.

— Я — да, — твердо проговорил старец. — А вы?

Борис Андреевич в смущении развел руками — надо же!

— А это что же с вами за красавица? Давайте скорее знакомьте нас, — потребовал старец.

— Прошу любить и жаловать, — спохватился Борис Андреевич и даже слегка покраснел. — Асенька, моя кузина.

— Ваша кузина достойна всяческого обожания. — Старец шаркнул ножкой, склонился, целуя "кузине" ручку. — А мы, знаете ли, сбежались сегодня накоротке взбрызнуть восьмидесятый юбилей Витеньки. Он не хочет ни речей, ни тостов. И я его понимаю, не большой повод для веселья, нет, не большой. Я понимаю — тридцать, даже пятьдесят. А восемьдесят... — Он вздохнул и, извинившись, продолжил свой путь в туалет.

Не успел Борис Андреевич усадить Асеньку за столик, как над ней, слегка покачиваясь, склонился расфранченный субъект.

— Извините, — протяжно икнув, сказал он. — Из...вините, но позвольте, однако, даму на вальсок.

— Извините, — вторил ему Борис Андреевич, — но здесь не танцуют.

— Что ж с того? — настаивал субъект. — Они не танцуют, а мы... очень даже запросто сбацаем.

— Оставьте нас в покое, — так же тихо проговорил Борис Андреевич, поднимаясь на ноги. "Вот он какой, когда сердится, — думала Асенька. — Глаза молнии мечут, а в руках себя держит. Молодчина". Субъект был явно озадачен отказом. С минуту он смотрел куда-то поверх головы Бориса Андреевича. Затем, опустив глаза, плачущим голосом попросил:

— Не извольте, однако, отказать безработному артисту в ста граммах напитка плебса всех времен и народов. — И, после паузы, еле слышно добавил: — Разумеется, в долг.

Тем временем к их столику уже спешил метрдотель.

— Яков Алексеевич! — начал он с полпути. — Я же просил вас не приставать к гостям. Тем более, к таким уважаемым гостям, как Борис Андреевич. Вы уж его извините, малость перебрал.

— Слегка заложил-с, — ухмыльнулся субъект, погладив свой пестрый галстук. — Бывает-с. Мы — артисты. — И с этими словами поплелся к выходу, умиротворенно бормоча что-то себе под нос.

— Простите. И не судите строго. Его вчера из труппы уволили. Театр обанкротился. — Метрдотель еще раз извинился и

отошел к своему дежурному столику, где его ожидало несколько человек.

— Люблю я этот дом, — сказал Борис Андреевич, пробежав глазами меню и сделав заказ, пока Асенька решала, что выбрать из горячих блюд. — ЦДЛ превратился в притон для миллионеров из солнцевских и химкинских. ЦДЖ — кто ж из журналистов может выкинуть сто долларов за ужин на двоих? Здесь же хоть публика актерская еще худо-бедно сохранилась. Меценаты способствуют.

— Не очень ли мешают деклассированные, как этот... милый юноша? — улыбнулась Асенька.

— Не знаю ни одного деклассированного актера, который стал бы бандитом, — серьезно ответил Борис Андреевич.

— Эти козлы из налоговой полиции замучили меня совсем! — раздалось мелодично по залу.

— Сам король эстрады пожаловал! — Асенька устремила любопытный взгляд за спину Бориса Андреевича. Он обернулся.

По залу степенно шествовал грудастый крепыш с темной вьющейся накладной шевелюрой. Его выпуклые карие глаза внимательно осматривали всех жевавших и болтавших за столиками, словно он искал кого-то. Кому-то он деланно улыбался, кому-то едва кивал, кому-то посылал воздушный поцелуй. Три амбала-телохранителя, сопровождавшие его — правая рука в кармане, челка до бровей, серый пиджак до колен — хмуро вылавливали пронизывающим взглядом врага. В центре зала "король" остановился. Навстречу ему вышла роскошная дива — сама худенькая, волосы пушистые, за пухлыми влажными губами зубы со щербинкой. Рядом с ней словно плыл по воздуху женоподобный красавец моложе ее лет на тридцать. "Король" плотно обнял диву проворными руками, неторопливо всю огладил.

— Чудеса в решете, да и только! — воскликнул он наконец. — Что вытворяют европейские эскулапы. Ты и в юности не была такой тростиночкой!

— А ты таким кучерявеньким!

— Вот и обменялись любезностями, — поморщился красавец. — При чем здесь, право слово, молодость?

— Вот именно, — примирительно заметила дива. — Если бы молодость знала... Ладно, кто тебя там обижает?

— История давняя, — вздохнул "король", ища глазами место, где можно было бы присесть. И, увидев Бориса Андреевича, поприветствовал его ослепительной улыбкой. — Мы не помешаем, профессор? На минутку.

Борис Андреевич подставил с готовностью стул диве.

— Врагов у меня, ты знаешь, хватает. — "Король" устало наклонился к столу, и Асенька удивилась, насколько старше он выглядел вблизи. — Взбрело кому-то в голову, что я повязан с

мафией, и будто даже в Америке мафиозные авторитеты — мои посланцы столкнулись с местными. Вот и визу не дали. Гастроли сорвались. И вообще — позорище...

— Не горюй, — утешала его дива. — Через три дня я туда еду — Брайтон Бич, Вашингтон, Лос-Анджелес. Поговорю с кем надо. Не такие задачки решали.

Из банкетного зала вышли двое — длинный и короткий. Они медленно прохаживались по ковровой дорожке между столиками, оживленно беседуя.

— Эти бабы, я извиняюсь, такие сплетницы, уму непостижимо. Никакая толерантность не выдерживает, — говорил короткий, с обожанием заглядывая в глаза собеседнику. — Не далее как вчера одна наша народная живописала двум заслуженным — да знаете ли, с этакой ностальгией, что на гастролях в Японии она в вашем гостиничном номере... — он потянулся к уху длинного и что-то довольно долго шептал.

— Ха! Ха-ха-ха! — рассмеялся длинный. — Все верно. Все так и было. Именно перед открытым окном. Но, голуба моя, при чем тут ностальгия? Это называется "Приятно вспомнить".

— Да, но она еще такие небылицы плела о последнем общем собрании коллектива, — не унимался короткий. — Будто бы вы...

— Да, — бесцеремонно оборвал его длинный, — все было. Но руководитель должен знать своих подчиненных очень даже глубоко и всесторонне. Особенно в искусстве. У нас не простое равновесие характеров, не вульгарный эквилибриум, гармония требуется. Эта народная, прежде чем ею стать, знаешь, голуба, через сколько режиссеров и их помощников перескакала–перепрыгнула? Искусство требует жертв, иногда сладостных, иногда тяжелейших. В заветный бомонд единицы пробиваются. Иначе он не был бы бомондом. Ну что, пора возвращаться к нашим баранам.

Они повернулись и вскоре исчезли за занавешенной дверью.

После ужина Борис Андреевич, смеясь, старательно закутывал горло шарфом и поднимал воротник длинного твидового пальто. Асенька тоже запахнулась поплотнее в шубейку и взяла его под руку. Они не спеша спустились на Неглинную, пересекли Театральную и, миновав памятник маршалу Жукову, вышли на Красную площадь. "Как удивительно и как прелестно, впервые я встречаю человека, от которого веет теплом, — думала Асенька. — Теплом и какой-то хрупкой, незащищенной нежностью. Как волшебно восхитительно, что во мне уже два месяца зреет его семя! Говорят, от родителей в зрелых годах рождаются гениальные дети. Гениальный воин, гениальный поэт, гениальный ученый. Странно, почему я думаю только о мальчике? А гениальная актриса, поэтесса, скульпторесса? Мальчик так мальчик, девочка так девочка. Я знаю, Господь все решил как надо... Как бы я хотела крестить своего ребенка в соборе Василия Блаженного".

...В Президент-отель Альберт Иванович привез Леонида Михайловича, Бориса Андреевича и Асеньку на своем бесподобном шестиметровом лимузине. Шофер бережно подрулил к подъезду, и телохранители услужливо распахнули дверцы с обеих сторон.

— Веди нас, Сусанин, — обращаясь к Альберту Ивановичу, энергично предложил Леонид Михайлович.

— Да, сегодня ты у нас именинник, — поддержал его Борис Андреевич. — Как-никак, генеральный спонсор книги, духовный соавтор.

За входной дверью, у гардероба, стоял огромный — три на два метра — макет обложки. Во весь ее размер сепией был изображен "Знак почетного чекиста". Поверх него красной краской бежал заголовок: "Предательство? Нет, подвиг". Где-то в левом верхнем углу кокетливо притулился портрет лукаво улыбавшегося автора: высокий лоб с зачесом, слегка оттопыренные уши, генеральские погоны.

Народ, разношерстный, шумный, в ажиотации от предстоящего события, поднимался по лестнице. Почти каждый окликал Альберта Ивановича, жал ему руку, похлопывал по плечу.

— Я должен идти в президиум, — сказал он. — Можно тебя на пару слов, — и он отвел Бориса Андреевича в сторонку. — Я все собирался тебя спросить — ты что, всерьез втюрился в эту подавальщицу из бистро? Везде ее за собой таскаешь, млеешь, как отрок перед отроковицей-девственницей.

— А в чем, собственно, дело? — не глядя на собеседника, негромко спросил Борис Андреевич.

— Да ни в чем, — пожал плечами Альберт Иванович. — Моя забота — высказать удивление. А там — дело хозяйское. — И он заспешил вверх, обгоняя, улыбаясь, здороваясь.

Довольно вместительный ресторанный зал был полон. Слева у окон, которые были затянуты светлыми занавесями, за тремя сдвинутыми столиками, накрытыми красно-сине-белой скатертью, сидело пять человек: автор — генерал, издатель — нос крючком, сильные очки, лысина, тщательно прикрытая остатками волос с правой стороны, Альберт Иванович, известный правозащитник — желчный, раздражительный старик, то и дело настраивавший слуховой аппарат, и лидер Хельсинкского и прочих движений в защиту прав человека, толстая пожилая женщина — болезненная одышка, сумбурная прическа, неряшливый костюм. Гости расположились за столиками, на которых пока разместились лишь бутылочки перье и пепси.

— Дамы и господа, — начал, держа перед собой бумажку, издатель, — мы живем в замысловатое время. Общеизвестно — трудно написать книгу. Еще труднее ее издать. И, наконец, самое трудное — разумно, без потерь, ее реализовать. Во всех этих трех ипостасях книгоиздания в нашем конкретном случае удалось совершить счастливую девиацию от неизбежной, и

увы, зачастую пагубной, фатальной в наше время вековечной рутины. Начнем с автора. Из его... эээ... скажем так, конторы, — извинительная полуулыбка в сторону генерала, — он, пожалуй, первый обнажает главный нервный ствол советской, а заодно и российской внешней разведки. Чтобы раскрыть злокозненную механику действий не только бывших, но и ныне активных шпионов и сделать это в высших интересах человечества — согласитесь, для этого нужно обладать недюжинным гражданским мужеством. Если к этому прибавить талант писательский, станет ясно, какую рукопись мы получили.

В это время в зал вошел, приволакивая ногу, человек в безукоризненном черном костюме. Большая лысина и вислый сизый нос придавали всему его облику вид угрюмый, даже мрачноватый. Альберт Иванович стал приглашать опоздавшего за стол президиума, но он отказался, сделав понятный жест обеими руками, и подсел к одиноко сидевшему за крайним столиком высокому статному франту — серый костюм в синюю блестку, широкий бежевый галстук, повязанный на шее под белой рубашкой пышным бантом, в наружном кармане пиджака красная капля платка. Обменявшись сердечным рукопожатием с франтом, вислоносый налил себе перье и стал жадно пить.

— Кто это? — шепотом спросила Асенька Бориса Андреевича.

— О, это бывший член политбюро, бывший секретарь ЦК, могущественный и ныне... — так же шепотом сообщил он.

— Крупняга, — подтвердил Леонид Михайлович.

— А франт?

— Хм... Один американец, издатель, меценат, молва уверяет, — их человек в Москве.

— Теперь фактор второй — издание. Здесь автору и нам посчастливилось на извилистых тропах жизни натолкнуться на Альберта Ивановича и его американского коллегу. — Альберт Иванович и франт, привстав, поклонились и удостоились аплодисментов.

— Рубли и доллары, чудесно соединившись, сотворили сие маленькое чудо человеческой мысли и полиграфии. — Издатель взял из нескольких стопок, стоявших на столе, экземпляр книги, поднял его высоко над головой. — И, наконец, третий фактор. В России реализацию русского издания взяла на себя Ассоциация индустриалистов-демократов, а английского — нью-йоркский Концерн славянских проблем.

— Книга не успела еще попасть на прилавки, а ФБР, используя содержащиеся в ней подсказки, уже арестовало двух наших агентов, — спокойно, но громко произнес Леонид Михайлович. На него сердитым взглядом уставился смолкший правозащитник.

— Обычное вранье, которым нас обильно потчевали все семьдесят лет, — парировал издатель.

— Возможно, — невозмутимо согласился Леонид Михайлович. — Сегодня об этом сообщила радиостанция "Свобода". Такие вот наработки и такие подвижки, господа.

— Агентов взяли? — взорвалась с неожиданной для ее комплекции резвостью толстуха из президиума. — Пре-вос-ход-но! Против кого действуют эти агенты? Против наших союзников. Следовательно, они и есть предатели. И за то благословен будет автор книги, — патетический жест в сторону генерала, — что, служа Сатане во внешней разведке, умело способствовал ЦРУ в развале ненавистной Империи Зла.

— Предавая за тридцать сребреников братьев и сестер своих, — не унимался Леонид Михайлович.

— В обществе свободного предпринимательства, а именно такое мы и созидаем, — примирительно улыбнулся Альберт Иванович, — сведения, на которые есть спрос, уже сами по себе являются товаром, не правда ли?

К микрофону подошел бывший член Политбюро.

— Что есть предательство и что есть патриотизм? — негромко спросил он, улыбнулся загадочно, пожевал что-то, шевеля толстыми, словно вывернутыми, влажными губами, и, выждав несколько мгновений, громко и вдохновенно продолжал: — Я беру не низменно-житейскую, но высокую философскую категорию, субстанцию, субстрат, если хотите. Пресловутые тридцать сребреников я вынужден, с вашего позволения, — жалостливо-снисходительный взгляд на Леонида Михайловича, — отвести как допуск примитивно-вульгарный. Этак ведь можно походя опорочить и оболгать многие разумные кредиты и доброжелательные инвестиции. А с точки зрения медитационно-теологической, создание такой книги по меркам самых ортодоксальных канонов православного христианства есть подвиг раскаяния. Раскаяния и покаяния... — Оратор истово трижды перекрестился, напряженно и внимательно вглядываясь в лица слушателей.

— Сходняк знатный, — заметил Леонид Михайлович, когда официальная часть закончилась и меж столами ловко забегали официанты.

— Тебе не кажется, что иногда ты очень резок в своих оценках? — Борис Андреевич выпил рюмку коньяку, разрезал сочную грушу на дольки, предложил Асеньке, Леониду Михайловичу.

— Напротив, мягкотел до омерзения, — возразил тот, смакуя сладкий, ароматный фрукт.

...Дома Борис Андреевич, уже лежа в постели, долго ждал Асеньку. Она принимала свою любимую хвойную ванну и пришла к нему раскрасневшаяся, душистая. Он нежно гладил ее плечи, ласково целовал. Она тихонько смеялась от счастья, отвечала на его поцелуи.

— У меня такое ощущение, — говорил Борис Андреевич, — что меня пролили в тебя, и я весь в тебе растворился. Словно нас нет раздельно. Есть ты и я вместе, двуединое существо. Это так необычно и так прекрасно.

Асенька молча прижималась к нему всем телом — ногами, грудью, животом. Она еще не сказала ему, что беременна. "Успеется. Когда Он впервые стукнет меня ножкой или ручкой изнутри, тогда и скажу". Асенька вспоминала глаза священника, который венчал их в церкви Святого Воскресения. Они были добрые-добрые, как бы вобравшие в себя сострадание всех минувших, ныне здравствующих и грядущих поколений и желающие каждой былинке, каждому четвероногому и крылатому, каждому человеку мира добра и благоденствия.

Прижавшись щекой к груди спящего мужа, Асенька слушала, как мерно бьется его сердце: бум-бум-бум-бум-бум... "Борюшка мой! Как славно, что я тебя встретила, — думала она, улыбаясь от переполнявшей ее радости и мягко касаясь пальцами его плеча, руки. — Большой ребенок — правдивый, добрый, наивный. Вот уж не думала-не гадала, что на четвертом десятке доведется мне лелеять двух мужиков, старого и малого. Совсем было разуверилась, что найду, разыщу свою светлую судьбинушку, да видно Ангел мой хранитель сжалился, иначе рассудил. Бывает же такое! Это ведь все равно, что угадать все шесть цифр в Лото-миллион". И она засмеялась тихим-тихим серебряным колокольчиком. Засыпая, Асенька видела себя совсем маленькой. Мама учила ее плавать в тихой, прозрачной, пронизанной теплыми солнечными лучами речке. Было и страшновато, и невыразимо приятно. Она хлопала ладошками по воде, а мама поддерживала ее одной рукой и с напускной строгостью говорила: "Ну, давай, плыви, дурешка. Плыви!"

Асенька переодевалась после работы в подсобке. Она сбросила с себя все и оставалась в одних крохотных трусиках, когда дверка неслышно отворилась и в тесную каморку протиснулся Альберт Иванович. Он ухватил сзади обеими ладонями ее груди и попытался поцеловать в шею. Резким движением Асенька сбросила его руки, повернулась к нему лицом.

— О, да мы мамочкой готовимся стать, — с издевкой и удивлением вымолвил он, рассматривая с явным интересом ее небольшой, но уже заметно округлившийся живот. — Уж не я ли виновник сего природного казуса?

— Если еще хоть раз в жизни ты попытаешься до меня дотронуться, я убью тебя. — Она схватила с полки килограммовую гирю и угрожающе подняла ее над головой. Альберт Иванович тотчас отступил назад, уперся спиной в дверь, которую только что защелкнули и испуганно произнес:

— Ты что, сдурела? — Однако, увидев, что она поставила гирю на место, хмыкнул, обретая утраченную было самоуверен-

ность, и продолжал: — Ах, ах, ах! Какие мы вдруг стали недотроги! Ну и беда же с этой Нинкою, она жила со всей Ордынкою — и на тебе, раскаялась, в монахини подалась.

— Все-то ты врешь, — спокойно возразила Асенька, размеренно одеваясь и нисколько не смущаясь присутствия Альберта Ивановича. — Шлюхой никогда не была. А что с тобой по великой своей неприкаянности да по пьянке непростительной переспала, так это может быть одна из тех моих ошибок, в которой вечно раскаиваться буду.

— Ладно, — с издевкой процедил Альберт Иванович, — мне только и забот, что с нравственностью твоей разбираться. Мы с тобой деловой уговор заключили? Или хочешь, чтобы я на тебя своих сборщиков напустил?

— А ты меня не пугай, пуганая. Письменный контракт мы у нотариуса не заверяли. А разговор наш я забыла напрочь.

— Я напомню, — ощерился он. — Договорились, — я тебя знакомлю с обладателем квартиры, стоящей четверть миллиона долларов. Ты вступаешь с ним в связь, выходишь замуж, разводишься. Дальше дело техники. Мы, моя фирма, предоставляем ему двушку за окружной, а эту ремонтируем и "толкаем". Треть денег тебе. Так?

— Я все эти твои прожекты за шутку приняла. — Асенька смотрела Альберту Ивановичу прямо в глаза. — К тому же не очень умную.

— Вот как, — он открыл дверь подсобки и, обернувшись, бросил: — Такими вещами я не шучу. И ты убедишься в этом скорее, чем думаешь...

В тот летний вечер Борис Андреевич и Асенька возвращались домой довольно поздно. После премьеры в одном из новых театров был шумный, суматошный капустник, а потом — милый, совсем домашний фуршет. Они оба немножко захмелели и весь недолгий путь от Бронной до Чехова дурачились, пародируя участников постановки и капустника. Беспрестанно целовались, как юные влюбленные. "Я и вправду помолодел с Асенькой лет на сто, — думал бесшабашно и вдохновенно Борис Андреевич. — Такой славный человечек. И за что меня наградил ею Господь Бог? Но ведь наградил же. И познал я нирвану на старости лет". А Асенька находилась в том блаженном состоянии, которое посещало ее теперь чаще и чаще. Всякая женщина, ощущая себя истинно любимой, готова на самопожертвование. "Нет, не зря говорят — обидеть его, это все равно что обидеть доверчивого ребенка", — думала она, украдкой бросая влюбленный взгляд на Бориса Андреевича. И слезы радости, умиления, поклонения навертывались на ее глаза.

Откуда же им было знать, что в театре в двух рядах от них сидел импозантный мужчина с округлой бородкой и искрящимися любознательностью глазами, который — после того, как

упал в финале занавес — позвонил кому-то по сотовой связи. В ответ его кратко поблагодарили. И за четверть часа до их прихода домой, Асеньку и Бориса Андреевича в полутемном подъезде уже ждали двое. Оба молодые, среднего роста, без особых примет. Темные курточки, шаровары, кеды. Руки в перчатках грели в кармане "ТТ" на боевом взводе. За день до этого Альберт Иванович вторично встретился с начальником РЭУ, вручил ему пять тысяч долларов и копию ловко состряпанного завещания профессора Платонова Бориса Андреевича, по которому его квартира со всем ее содержимым наследовалась Платоновой Мартой Андреевной, якобы его родной сестрой (разумеется, лицо фиктивное).

В тот же вечер Альберт Иванович сидел в ресторане сочинской "Светланы", запивал добрым французским вином свежайшую осетрину-фри и изредка плотоядно взглядывал на скучавшую рядом с ним пышногрудую путану. Она ему нравилась. Обидно было лишь сознавать, что завтра утром ей придется выложить триста баксов. От этой заявлением, что "русский офицер с дам денег не берет", не отделаешься. Альберт Иванович вздохнул и приказал официанту налить еще вина. При всем при том, славное все-таки это дело — командировки на юг. Особенно теперь, в эпоху абсолютно свободного предпринимательства.

Альберт Иванович удовлетворенно вздохнул, расслабленно смежил веки. И тотчас ему пригрезились ее глаза, послышался ее смех, пахнуло ее запахами. Он вздрогнул. Асенька?! "Прочь, прочь! — поспешно и грубо скомандовал он. — Все вы, телки, одинаковые до омерзения. У всех вдоль. Рожать детеныша собралась, шалашовка дерьмовая! Гнездышко свить задумала, дрянь подзаборная! Прочь!" Он бросил взгляд на путану. И с ужасом увидел вместо обильно сдобренной красками помятой физиономии пышногрудой прелестное, счастливое, просветленное лицо Асеньки.

Через некоторое время в психиатрической городской больнице № 3 появился новый пациент с диагнозом "маниакальная шизофрения". Пациенту постоянно чудилось одно счастливое женское лицо. Оно стояло перед ним неотвратимо, и он не мог ни увернуться, ни спрятаться, ни отвести глаз... ■

Брачный контракт

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Начну с житейской истории. Точнее, с откровений одной моей приятельницы, которая недавно закрутила знойный роман с женатым москвичом и была безумно счастлива, но вдруг...

— Ты представляешь! — захлебывалась она негодованием по телефону. — Разговариваем с ним о каких-то пустяках, воркуем, короче. И вдруг он мне заявляет: "Мы с супругой подписали брачный контракт. Если я ухожу от

нее, то ухожу с одним чемоданом. И сам решаю все свои проблемы". Как тебе это нравится? Есть ведь такие стервы...

Приятельницу я, конечно, успокоила. Просто спросила: готова ли она принять своего ненаглядного с одним чемоданом? И дальше уже совместно строить светлое будущее?

После небольшой, но выразительной паузы, разговор сам собой перешел на другую тему. Но меня все это заставило задуматься не столько о проблемах брака (тут и без меня специалистов больше, чем брачующихся), сколько брачного контракта — штуки для нас достаточно новой и в общем-то экзотической. Брак — это ведь союз двух любящих сердец, правда? Какие же при этом нужно заключать еще соглашения, контракты?

Разумеется, нам, воспитанным на "Моральном кодексе строителей коммунизма", невероятно трудно представить себе, что любимому человеку, с которым собираешься счастливо прожить всю жизнь и умереть в один день, можно ставить какие-то условия, да еще в письменном виде и нотариально заверенные. Это же оскорбление — подозревать в корыстных намерениях своего избранника (избранницу).

Действительно, как-то неудобно получается. Но суть в том, что через какое-то время еще более неудобным будет обнаружить, что нужна-то была всего лишь квартира (прописка, машина, дача, коллекция антиквариата, поездка за границу), а не рука и сердце. И уж совсем неудобно будет остаться "у разбитого корыта" с малолетним ребеночком на иждивении и безнадежно наблюдать за ростом материального благосостояния своего "бывшего". Примеров-то подобных вокруг — тьма-тьмущая, хотя далеко не все склонны делать их предметом дискуссии в средствах массовой информации.

Скандальный развод генерала Руцкого, конечно, потрясает воображение, но чем он отличается от развода художника Шилова? Только тем, что в первом случае есть уже молодая жена, а во втором ее пока не наблюдается? Хрен редьки не слаще — обеим

Брак — это подобие осажденной крепости: те, кто внутри, мечтают из нее выбраться, а те, кто снаружи, — в нее попасть.

Французский писатель Эрве Базен.

экс-супругам не позавидуешь. Не знаю, кому пришла в голову идея заключить брачный контракт: возлюбленному моей приятельницы или его супруге, но в выигрыше, по-моему, остались они оба. Супруга (насколько мне известно, воспитывающая ребенка домохозяйка) относительно спокойна за свое будущее: у разбитого корыта она ни при каком раскладе не останется. Супруг трижды подумает, прежде чем очередное увлечение переводить на какие-то более серьезные рельсы — плата за та-

кой финт определена. И все довольны.

В принципе, я понимаю возмущение своей приятельницы. Когда она в свое время выходила замуж по большой и страстной любви, то ни о каких брачных контрактах и речи быть не могло. Тот ее избранник обладал самыми разнообразными достоинствами, но имел один крохотный недостаток: жить ему было элементарно негде. То есть существовал он в общежитии военного городка, где служил вольнонаемным, и лишался крыши над головой в ту же секунду, как только решал сменить место работы. Естественно, он получил прописку и право на жилплощадь. Естественно, никому в голову тогда не могло прийти, что большая и страстная любовь закончится большим и грязным скандалом с разделом не только квадратных метров, но и подушек с половичками. А именно этим все и закончилось, и моя приятельница оказалась в однокомнатной квартире отнюдь не улучшенной планировки, зато ее экс-супруг с новой женой счастливо существует в неплохой двухкомнатной. Вот если бы моя приятельница была дальновидной стервой...

Впрочем, и тогда ничего бы не изменилось. Государство официально признало брачные контракты всего пару лет тому назад, и то только в статусе сугубо добровольного мероприятия. Хочешь — заключаешь этот самый контракт, не хочешь — твое личное дело. В июне 2001 года в нескольких ЗАГСах Москвы было проведено мини-социологическое исследование. Подававшим заявление молодоженам предлагали ответить на один вопрос: составили ли они брачный контракт? Из двухсот опрошенных пар утвердительно ответили... четыре, а остальные либо не знали, что это такое, либо считали абсолютно излишним. "Договор? Нотариально заверенный? Мы же не квартиру покупаем".

Вот именно — **не квартиру.** И получается, что к созданию семьи люди относятся несравнимо менее серьезно, чем к покупке жилья. Хорошо, жилищный вопрос — это вообще отдельная песня, так что возьмем другой пример. Любой мало-мальски здравомыслящий человек, покупая машину, тут же стремится ее застраховать: а вдруг что-то случится? Отправляясь на пару недель отдыхать за границу, покупает страховку: а вдруг... Приобретая мебельный гарнитур, холодильник, сапоги, наконец, требует чек и гарантии. А вот вверяя свою судьбу другому человеку на долгие годы, ограничивается просто юридической констатацией этого факта, подтверждая тем самым, что создание семьи как бы не нуждается ни в каких гарантиях и изначально предполагается безоблачно-идиллическим. Ребята, так не бывает!

Ведь брачные союзы — они все разные, то есть заключаются по самым разным причинам. Есть браки по расчету и есть браки по любви, есть браки "по залету" и браки "назло кому-то". Как ни странно это покажется, последние три вида распадаются одинаково часто, то есть каждый третий, если верить социологам. А вот браки по расчету — как бы негативно мы к ним ни относились — оказываются достаточно

прочными. А ведь вроде бы не за то боролись...

Правильно, боролись за то, чтобы основным мотивом создания семьи была любовь, а не размер приданого невесты и не титул (состояние, чин) жениха. Но при этом забыли о том, что любовь-то, бывает, проходит. К тому же плохо читали классику и совершенно не обратили внимания на то, что Анна Каренина, например, от законного богатого и титулованного мужа ушла к незаконному, тоже богатому и титулованному, после чего от полноты исполненных желаний ей осталось только лечь на рельсы. Так что богатые начали плакать задолго до появления латиноамериканских телесериалов.

Теперь на нас свалилась новая "беда": в России тоже появились богатые и очень богатые люди, которым ничто человеческое не чуждо, и которые женятся (выходят замуж) как самые обыкновенные граждане. А потом начинают разводиться, после чего бывшие жены (реже мужья) остаются в прямом и переносном смысле слова ни с чем. Хуже всего то, что того же результата добиваются и значительно менее обеспеченные граждане, хотя теряют, конечно, меньше. Но ведь теряют!

Когда в брак вступают люди зрелые, самостоятельные, они в конце концов отдают себе отчет в своих поступках. Сами заваривают кашу, сами ее расхлебывают. Но вот современные 18-20-летние Ромео и Джульетты, которым обязательно нужно увенчать свою первую любовь браком, просто-таки нуждаются в определенной опеке. Собственности у них никакой нет только теоретически. Практически же юная жена прописывается в квартиру к такому же юному мужу, а через полгода эту квартиру приходится делить: брак распался, прописка осталась. Или молодоженам вполне официально дарят на свадьбу дачу дедушки-генерала, а через какое-то время приходится откупаться от уже бывшего зятя. Или — самый невинный вариант! — молодым надарили кучу дорогих подарков типа сервизов и ковров, а они их даже распаковать не успе-

За первое полугодие 2001 года в России было зарегистрировано 400000 браков. Число разводов при этом составило 366000!

ли, поскольку начали разводиться.

Всех этих неприятностей, конфликтов и даже судебных разбирательств вполне можно было бы избежать, подписав простенький брачный контракт. Типа: первые три года брака являются как бы пробными и никаких изменений в материально-жилищном положении супругов не происходит. Что у кого было, то у того и осталось, подарки остаются у той стороны, с которой делались (если мать жениха подарила невесте фамильные бриллиантовые серьги,

то их надлежит вернуть именно несостоявшейся свекрови, а если отец невесты преподнес жениху часы астрономической стоимости, то хронометр снова становится собственностью бывшего тестя). И уж тем более никаких прописок-выписок и покупок жилплощади. Успеется.

Конечно, это просто предложение, так сказать, голос с галерки, но мне представляется, что нашим депутатам Госдумы было бы неплохо уже сегодня внести брачный контракт в повестку дня. Чем рассуждать об уместности многоженства в России, лучше попытаться улучшить уже существующий тип семейных отношений. Закрепить, например, законодательно процедуру подписания типового брачного контракта перед собственно заключением брака. Пусть в большинстве случаев это будет чисто формальным действием и никогда в жизни молодоженам не пригодится. Но ведь известно: береженого Бог бережет.

Ничего придумывать не нужно: уже разработаны типовые брачные договоры, уже есть практика их заверения нотариусом, уже есть юристы, которые помогут составить контракт индивидуальный — если в нем возникнет необходимость. Даже в ГК РФ есть необходимая статья за номером 256, где прямо так и говорится: "Имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, ЕСЛИ ДОГОВОРОМ МЕЖДУ НИМИ НЕ УСТАНОВЛЕН ИНОЙ РЕЖИМ ЭТОГО ИМУЩЕСТВА".

Но не мною первой подмечено: невероятное количество законов в России компенсируется совершенной необязательностью их выполнения. Например, один из супругов прописал другого на свою личную жилплощадь. Через какое-то время любовная лодка разбилась о быт и — в полном соответствии с законом! — начинается дележка имущества, в том числе и квартиры, пополам. А уж что касается фиктивных браков, количество которых в нашей богоспасаемой стране во все времена остается практически неизменным (и не изменится, пока существует институт прописки, как бы ее, эту самую прописку, ни называли!), то уж тут контракт просто необходим.

А теперь давайте сделаем небольшое историческое отступление и посмотрим: **что же такое брачный договор?** Откуда он взялся и что с ним делать?

Брачный договор или контракт *— изобретение иностранного законотворчества, и, пожалуй, это основной аргумент российских противников сего документа. Действительно, в российской истории нет упоминаний ни о чем похожем. Зато всегда существовала* ***опись приданого,*** *которое (если что-то не сложилось) возвращалось в семью невесты.*

Впервые брачные договоры, так сказать, общего пользования, а не династические соглашения, появились в Англии в XVII веке. Они должны были защитить права замужней женщины и ее кровных родственников на фамильное имущество. Но чем дальше развивалось человеческое общество, тем изощреннее становились эти самые контракты: в них оговаривалось даже то, как должны вести себя супруги в случае... кончины одного из них. Это, конечно, крайности, но брачный контракт, как и

завещание, давным-давно является непременным атрибутом жизни современного цивилизованного человека.

Грубо говоря, это договор между мужчиной и женщиной, по которому услуги по сексуальному удовлетворению мужчины, продлению его рода, ведению хозяйства обменивались на защиту и материальное обеспечение женщины. Понятно, что время внесло свои коррективы, но суть — юридическая защита прав супругов — сохранилась.

Между прочим, в царской России до революции вообще не было единых законов о браке, разводе и брачном контракте. Все решало вероисповедание. Для православных право вступления в брак для обоих супругов ограничивалось возрастом 60 лет, но мужчины могли в порядке исключения жениться до восьмидесяти, только с согласия правящего архиерея. Другой казус русского семейного законодательства: если прелюбодеяние одного из супругов было доказано, но имелись сведения, что и второй супруг ходит налево, им ставили "взаимозачет" и отправляли жить в мире и согласии дальше. Но если вина в прелюбодеянии была доказана, то грешник (или грешница) навсегда лишались возможности заключить новый брачный союз, тут церковь была неумолима.

Революция аннулировала понятие "виновный — невиновный" при расторжении брака, упростила до предела саму процедуру(для развода стало достаточно, чтобы только одна сторона пришла в суд или в загс), а все имущество супругов надлежало делить поровну. Благо делить особенно было нечего. Статистика констатирует: в 1913 году на всю империю распадалось 5,5 тысячи браков — меньше, чем полпроцента. ***Сегодня в год разводятся 600 тысяч пар, то есть примерно половина от общего числа брачующихся.***

Десять лет тому назад появились первые российские брачные контракты: нотариально заверенные документы... не имеющие никакой юридической силы. То есть теоретически при разводе суд должен был учитывать наличие контракта, иначе происходило нарушение предварительной договоренности супругов. Но многолетняя инерция, да и отсутствие законодательной базы превращали контракты в "филькину грамоту", которую судьи просто игнорировали. Положено все нажитое в браке имущество делить поровну — будьте любезны выполнять, если не в состоянии договориться полюбовно.

С января 2000 года **официальная** возможность заключать брачные контракты появилась и в России. Теперь в этом контракте можно учесть и предусмотреть практически все: кто является собственником квартиры, а кто — единоличным (!) хозяином дачи или лимузина, какие драгоценности могут быть впоследствии проданы, подарены, обменены на коллекцию спичечных коробков, а какие должны остаться в семье их нынешнего владельца, кто и на каких условиях будет содержать и воспитывать детей, каким образом оплачивать текущие расходы и распоряжаться банковским счетом. Изложенное юридическим языком, это совершенно неудобоваримое чтение. Сформулированное "для себя" становится осно-

вой семьи. Говорят же: уговор дороже денег.

Адвокаты, занимающиеся заключением брачных контрактов, единодушно утверждают, что подобные документы уже не являются модным изыском "новых русских" или "ожиревших предпринимателей". К ним теперь чаще обращаются... родители молодоженов. То есть "процесс пошел", а дальше уже дело времени и привычки. Ну и, конечно, необходимо осознание всеми того, что заключение брака — ничуть не менее важное дело, чем покупка стиральной машины или мебельного гарнитура.

Между прочим, если у кого-то есть стремление остаться абсолютно идеалистами, то... не стоит втягивать государство в свои личные дела. Печатью в паспорте никого не удержишь, любовь в результате свадьбы тоже не усиливается. Сама регистрация брака является формой урегулирования супружеских отношений, но только правила игры, нормы отношений в этом случае устанавливаются "сверху" государством в виде правовых норм Кодекса о браке и семье. И ведь никто при этом не говорит о внесении в отношения любящих сердец чего-то чужеродного и аморального, наоборот: "как честный человек обязан жениться". А чем хуже брачный контракт? Да только тем, что пока еще — в диковинку.

А теперь представьте себе, что еще до свадьбы жених узнает, что никаких прав на квартиру невесты не получит — и тут же начинает "качать права". О чем подумает мало-мальски смышленая невеста? Правильно, о том, что больше всего суженому в ней нравится жилплощадь. И, скорее всего, будет права. Или невеста делает не слишком приятное открытие: в случае, если она переживет своего будущего мужа, все его имущество — дача, машина, уникальная библиотека, — переходит детям от первого брака. Конечно, если это любовь, то свадьба все равно состоится. А если — нет?

Теперь допустим, что контракт подписан, свадьбу благополучно сыграли, молодые прожили в любви и согласии какое-то время, а потом... ну, что-то не сложилось. Решили развестись, как интеллигентные люди. Достали контракт, посмотрели, кто с чем в случае развода остается, и оформили это дело юридически. Ни склок, ни скандалов, ни "разборок" с криминальным уклоном. Нет, конечно, останутся и драмы, и трагедии, поскольку человеческие отношения — штука чрезвычайно сложная и никакими актами нормирована быть не может по определению. Но хотя бы все будет более цивилизованно. Как, например, в Америке. Но...

Но грустный парадокс заключается в том, что в Америке еще больше разводов, чем у нас. Сегодня там разводятся 50 процентов людей, состоящих в первом браке, и 60 процентов — второбрачных. Все началось в Калифорнии, где законодательный акт допускал расторжение брака, если один из супругов просто заявлял другому: "Так жить нельзя!" Первоначальный проект документа предполагал создание так называемого семейного суда с полномочиями примирять пары, находящиеся на грани развода. Потом статья о семейном су-

де была опущена. От реформы, по существу, осталась либеральная формулировка "развод независимо от виновника", а имущество... делят пополам. Так что кто кого догоняет — это еще вопрос.

Действующее российское законодательство намного цивилизованнее и предусмотрительнее американского. В день свадьбы или после нее российские муж и жена могут заключить брачный договор — типовой или индивидуальный. Перед американским брачным контрактом у него есть, по крайней мере, одно преимущество: брачный договор не должен слишком ущемлять интересы какой-то из сторон. Во всяком случае, так записано в российском Семейном кодексе.

Какие проблемы можно реально урегулировать, заключив брачный договор? Только имущественные отношения. Но зато в этой сфере оговаривать можно все — насколько хватит фантазии. Например, раздел имущества. Основное внимание при заключении контракта, по словам юристов, их клиенты уделяют именно этому. Многие решают с помощью контракта проблему жилья. Так, с помощью договора жена может обязать мужа при разводе купить ей квартиру определенной площади. Тем же контрактом можно обязать мужа отчислять жене, к примеру, 30 или 50 процентов от его зарплаты, оговорить, кто за что в семье платит, кто покупает продукты, оплачивает обучение детей, вносит квартплату и так далее и тому подобное. Только вот прочности брака такой договор не гарантирует, браки, наверное, действительно заключаются на небесах.

Но поскольку мы живем на земле, где случиться может все и даже все, что угодно, то для какой-то гарантии стабильности, а также для собственного спокойствия составление текста брачного контракта лучше всего доверить специалистам. И в любом случае текст договора необходимо заверить в присутствии обоих супругов в нотариальной конторе. Иначе это будет просто милый сувенир.

Нотариусы, которым все чаще и чаще приходится оформлять брачные контракты, единодушно заявляют: хуже не будет. Ведь действительно такой контракт играет роль той самой соломки, которую мы так часто хотим постелить в ситуации "знать бы, где упасть". Ведь если супруги знают, что при разделе семейного пирога каждый потеряет что-то для себя значимое, они поостерегутся провоцировать в своей семье ситуацию развода. И к тому же пора называть вещи своими именами: сейчас распадаются даже браки, освященные церковью, так что и "там" гарантии никто не дает. Опять же: на Бога надейся, а сам не плошай, попытайся застраховать свою любовно-семейную лодку от максимума возможных неприятностей. Застраховать в прямом и переносном смысле слова.

Важно понять одно: брачный договор не провоцирует развод, а в большинстве случаев удерживает от него. Ведь если в "неконтрактной" семье муж или жена чуть что могут говорить "не нравится — уходи!", то при брачном договоре сто раз подумаешь: ведь в этом случае каждый из су-

пругов лишается определенной части общего имущества. Уменьшится число разводов "под горячую руку", когда муж и жена ругались-ругались, очнулись — а уже свидетельство о разводе в кармане...

Сегодня, когда у людей стала появляться значимая личная собственность и стало что делить при разводе, брачные контракты плохо приживаются еще по одной причине: уж очень нестабильно все вокруг, в том числе правовые отношения. Обычные-то контракты с нашими гражданами стараются надолго не заключать — что уж говорить о брачных? В частности, договорится пара, как делить квартиру, а к моменту развода квартира либо будет продана за долги, либо будет принадлежать не мужу, а его многочисленным родственникам...

Но ведь не может эта свистоплясна продолжаться до бесконечности! И — опять же прошу прощения за примитивность параллелей, — покупая что-то более или менее дорогое, мы все-таки не очень задумываемся над тем, будет ли данная фирма или магазин существовать до истечения гарантийного срока на продаваемый товар. Просто — стараемся взять чек. Вот и с брачными контрактами то же самое: пусть он будет хотя бы для самоуспокоения. Хотя бы для того, чтобы максимально поберечь нервы — в случае чего.

И, главное, брачный контракт на пользу прежде всего общим детям. Хотя бы потому, что при "контрактном" разводе ребенка не используют как орудие мести и борьбы между папой и мамой, а отец действительно может принимать равное участие в воспитании детей, даже если разошелся с их матерью. В любом случае такой договор должен быть как можно более "резиновым", должен учитывать как можно больше вариантов развития ситуации и возможных форс-мажорных обстоятельств. Кроме того, нотариус, который заверяет брачный контракт, обязан удостовериться в добровольности заключения этого договора обеими сторонами.

Конечно, нотариус тоже живой человек, его можно купить или запугать, и он удостоверит что хочешь даже в отсутствие одного из супругов. И это, кстати, еще одна причина того, что брачные контракты на сегодняшний день не стали популярными. Но ведь жизнь не стоит на месте. Кстати, во всех современных договорах — торговых, финансовых или любых других — по традиции в конце пишется такая фраза: *"Все споры и разногласия по настоящему контракту стороны будут решать путем взаимных переговоров. Если же соглашение не достигнуто, спор будет решаться в соответствии с действующим законодательством"*. Нелишне внести такую строку и в брачный контракт. И если "стороны не достигли соглашения путем переговоров", можно и нужно разрешать спор в соответствии с законом.

И еще специалисты подчеркивают (внимание, недобросовестные супруги!), что при составлении брачного контракта гораздо выгоднее держать свое слово. Потому что если вы обещали что-то в таком договоре, а потом от всех своих обещаний отказывае-

тесь — конечно, юридически к вам подкопаешься не всегда. Но на психологическом уровне у вашей супруги (супруга) включится ассоциативное определение: "Мой супруг допускает обман в семейной жизни". И фактически у вашей половины развязаны руки. Вы же сами признались в том, что обман для вас — не преступление и даже не проступок, а естественное состояние супружеской жизни!

...Все-таки брачный договор, как мне лично представляется, — штука довольно выгодная. И нет ничего страшного в таком "меркантильном подходе". Ведь и сам брак, собственно, столь же меркантилен: ведь изначально он в первую очередь регулирует имущественные отношения, а потом уже социальные и интимные! И надо сказать, что все-таки наш Семейный кодекс на практике при разводе чаще бывает на стороне слабых женщин (если не сам кодекс, то уж судьи точно — тоже живые люди). И брачный контракт — лучшее средство защитить интересы и мужа, и жены в равной степени. Поэтому хочется надеяться, что институт брачного контракта еще пройдет определенную доработку, лишится большинства слабых мест и станет повсеместной практикой, а не экзотикой и не "самодурством расчетливых буржуев". И помните, что такой "расчет" при заключении брака — не позор, а благо. Главное, чтобы он защищал интересы каждого из супругов!

Брачный договор может быть заключен как до государственной регистрации брака, так и в любое время в период брака. Он подлежит обязательному нотариальному удостоверению. И если вы еще морально не готовы к заключению брачного договора, то подумайте: а к браку-то вы готовы?

Хорошенько подумайте.

Самый прогрессивный контракт был заключен Джоном Ф. Кеннеди-младшим и Каролин Бисет. Он устанавливал зависимость суммы алиментов от количества прожитых лет. В случае, если брак был бы расторгнут в течение первых трех лет семейной жизни, Каролин должна была получить 1 миллион долларов; если бы развод случился в период между тремя годами и десятью, она получала бы уже 2 миллиона долларов; а если брак продержался бы дольше 10 лет, то 3 миллиона долларов.

Самый свободный контракт был заключен в 1994 году Биллом Гейтсом и Мелиндой Френч. В контракте помимо всего прочего оговорено право Гейтса один уик-энд в год проводить со своей бывшей любовницей.

Самый коварный контракт был подписан Файоной Вудс по настоянию ее жениха Маттью Бронфмана, сына владельца компании Seagram. По брачному контракту в случае развода она отказывалась от всех прав на нажитую в браке собственность в обмен на 1 миллион и право пожизненного проживания в доме Бронфмана, стоимость которого составляла несколько миллионов долларов. В 1993 году Бронфман оставил Файону, но на содержание дома у нее не хватило денег. ■

ИЗ РОССИИ-

И опять этот голос знакомый,
Будто эхо горного грома,
Наша слава и торжество!
Он сердца наполняет дрожью
И несется по бездорожью
Над страной, вскормившей его...

Анна Ахматова

Иван ЗЮЗЮКИН

Речь в нашем очерке пойдет о Федоре Ивановиче Шаляпине, о не самых счастливых его днях — жизни на чужбине. Давнишняя вроде бы история, на свете уже не осталось никого, кто был к ней так или иначе причастен. А она все равно щемит сердца, бередит души. В самом деле, почему Шаляпин, певец всех времен и народов (гово-

В РОССИЮ

рится без всякой иронии), натура наибогатейшая, прямая, донельзя русская, треть жизни разъезжая по миру, услаждает своим бесподобным голосом слух французов, немцев, англичан, китайцев, финнов, американцев, словом, всех, только не своих соотечественников? Многие его биографы недвусмысленны в ответе: великий певец не принял режим, установившийся в России после октября 1917 года, и он предпочел жить и работать на Западе. И как с этим поспоришь? Выехав однажды на гастроли за рубеж, певец уже никогда не вернется в СССР. И все же разрыв с Родиной по идейным соображениям — соблазнительно легкое объяснение драмы Шаляпина. На взгляд автора, ее корни лежат глубже...

Начнем с примечательного эпизода, описанного самим Федором Ивановичем в одной из автобиографических книг... Начало первой мировой войны застает его на гастролях в Париже. В сложившейся обстановке Шаляпин сочтет за лучшее перебраться через Ла-Манш в более безопасную Англию. Однако клерк английского консульства в Париже, прекрасно зная, кто такой Шаляпин, вежливо, но твердо предупреждает русского певца, что билет на пароход ему не продадут до тех пор, пока не будут удовлетворены все заявки британских подданных. Конечно, всемирно известный артист мог бы по этому поводу впасть в амбицию и закатить скандал на грани дипломатического. Но Шаляпин, интеллигентный человек, смолчит и терпеливо дождется своей очереди. И уже при посадке на пароход обратит внимание, что английские матросы пропускают в первую очередь пассажиров с британскими паспортами, в том числе, людей с желтым или черным цветом кожи. Такой порядок понравится Федору Ивановичу. "Однако это очень удобно — быть подданным такого государства, которое так внимательно к своим людям", — не без спрятанной между строчками грустью заметит он в своей книге.

Хотя, спросим себя, откуда бы взяться этой грусти? Уж кому-кому, а Шаляпину было грешно жаловаться на невнимание к своей персоне. Лучший бас России, да и всего мира, признанный непревзойденным оперным артистом, он, как никто из его современников, пожинает плоды громкой славы. Где он ни выступает — в Мариинском оперном, Большом театре, на провинциальных российских сценах, в итальянской Ла Скала — всюду Федор Иванович имеет феноменальный успех, ликующая толпа, случается, выносит его после спектакля из театра на руках. С ним ищут дружбы самые известные люди того времени, его принимают в своих

домах члены императорской семьи, министры, богатые промышленники, послы. Пресса расписывает чуть ли не каждый его шаг...

Нет слов, Шаляпин был далеко не безразличен к славе и популярности. Но с какого-то времени, словно на чем-то обжегшись, он начинает сторониться шумихи вокруг него, становится более разборчивым в знакомствах. Ему все меньше нравится быть героем газетных публикаций, однажды он публично обратится к тем, кто хотел бы побольше знать о его частной жизни, со словами: "...ведь интерес должен заключаться в том, как артист поет, а не в том, почему он ходит в баню по субботам, а не в пятницу". В отличие от тех дней, когда его только-только признали как певца и когда он, распираемый гордостью и вдохновением, готов был выступать до бесконечности, Шаляпин все чаще в ответ на громкое требование спеть на "бис" низко раскланивается и уходит за кулисы. Он становится как бы экономнее в трате природных сил и, в особенности, уникального голоса, доставшегося ему по какой-то счастливой случайности.

Последнее сказано не ради красного словца. Удивительно ведь не то, что он станет певцом, а то, что, родившись на свет, выживет, не сойдет с ума, не потонет в пучине жестокой, мрачной, бессмысленной жизни, какая окружала его в детстве и юности. Чего только он не вытерпит! Его нещадно бьет и травит родной отец, мелкий казанский служащий, озлобленный нищетой и унижениями на работе. Бьют мальчика Федора и вечно пьяные мастера сапожных дел, которым его отдадут в обучение. Своими издевательствами подростка чуть не доведут до самоубийства учителя-самодуры, над его страстью к театру и пению как только могут изгаляются сверстники-неучи. Да Федор и сам не ангелок: охотно участвует в диких драках казанских шаек, мелко приворовывает, утаивает от отца заработанные гроши. Но все же что-то помешает ему переступить опасную черту, поможет вырваться из трущоб грязной, несчастной, спившейся Суконной слободы. Он берется за любую роль в бродячем театре, поет в церковном хоре, убегает из дома, где ему уже подыскивают место дворника, спит в затхлых подвалах, работает грузчиком в речных портах, пока, наконец, его, здоровенного, красивого лицом русского парня и его редчайшей красоты голос не оценят по достоинству...

О своих мытарствах Федор Иванович подробно расскажет в автобиографических книгах. Возможно, он сгустит какие-то краски. Но несомненно одно: своим, как говорили в старину, низким происхождением он гордится не меньше, чем другие люди — дворянским. (Говоря о судьбе своего земляка-волгаря, М.Горький в свойственном ему стиле сравнит Шаляпина с "ослепительно-ярким и радостным криком на весь мир: вот она — Русь, вот каков ее народ!..") Особенно горд Шаляпин тем, что до-

стиг всего своим трудом и терпением, без чьей-либо протекции...

Но иначе смотрит на певца многоликий российский обыватель! Признавая за ним выдающийся талант, он относится к нему как к везуну, выскочке, лишь волей случая попавшего из "грязи в князи". В особенности, это свойственно репортерам бульварных газет. Тогдашние папарацци буквально преследуют певца, бесцеремонно хватают его за рукав, требуя подтвердить или опровергнуть слухи о баснословных гонорарах, приобретении дворца с колоннами, автомобиля той же марки, что у барона Ротшильда, дебоше, устроенном певцом во время репетиции и т. д. Практически каждый день, просматривая за утренним кофе газеты, Федор Иванович узнает о себе что-нибудь "новое": сколько у него любовниц, горностаевых шуб в гардеробе, сколько литров водки он может усидеть за один вечер и даже то, что назначен послом в Китай!

Наверное, другие люди на месте Шаляпина оставляли бы без внимания измышления желтой прессы. Но Шаляпин — артист, и этим многое сказано. Он блестяще изображает равнодушие к хуле и клевете на сцене, в жизни же этот богатырского телосложения человек после знакомства с очередной "новостью" вскакивает как ошпаренный, в гневе отшвыривает газету и на весь день становится мрачным и раздражительным. "Я вам вот что скажу: вот говорят — я грубиян, — пожалуется он одному из своих собеседников. — А кто это говорит? Газетчики... Всякий сукин сын из "Петербургской газеты" может обо мне написать вот этакими буквами: "Шаляпин-скандалист". "Новый кунштюк знаменитого баса". Черт их побери! Я же живой человек, я отец, у меня растут дети. Я за границей бывал. Там тоже газетчики чума. Но французским куда до нашего Ваньки Позднышева или Кугульского!"

Не только бульварные газеты шельмуют певца, он становится объектом эстрадной и, надо заметить, наипошлейшей сатиры. Вот, к примеру, какой стишок распевал на подмостках некий сатирик с характерной фамилией Убейко:

Если б был я, как Шаляпин Федя,
Я рычал бы на манер медведя,
Распевал бы всюду громким басом
И хористок бил бы по мордасам!

Нет, конечно же, в народе горячо любили и восхищались талантом Шаляпина. Послушать его пение почитали за счастье, люди со скромным достатком отдавали последнее, чтобы попасть на его концерт или послушать оперу с его участием. Он еще при жизни станет человеком-легендой, люди, понимающие толк в искусстве, ставят его гений в один ряд с Шекспиром, Рембрандтом, Пушкиным, Толстым... А вот околотеатральная шушера считала себя вправе "ставить на место" певца. "Русская публика меня любила — этого отрицать не могу, — признает Шаляпин в своих мемуарах. — Но почему не было низости, в которую не поверили бы, когда дело касалось меня? Почему, несмотря на преклонение перед моим талантом, мне приписывали самые худшие качества?" Эти строки написаны им незадолго до смерти, но по ним и сегодня чувствуется, что обиды, причиненные артисту, жгли его сердце всю жизнь! Ведь одно дело, когда про тебя сочиняют вздорные небылицы, и совсем другое — когда в них то ли по невежеству, то ли по злорадству верят...

Год от года у певца отношения с публикой становятся все напряженней. Добрый и отзывчивый, но в то же время легко ранимый и вспыльчивый человек, он пресекает все попытки превратить его в поющий механизм и, не считая нужным расшаркиваться перед аудиторией, все чаще отказывается петь по заказу из зала. Сам обожавший петь русские народные песни и романсы, он не хочет, к примеру, сразу после разудалой "Вдоль по Питерской" исполнять скорбную, похожую на плач "Элегию" Масне. А публика? Только что бурно рукоплескавшая ему, она ("Ведь уплочено!") начинает недовольно шикать, свистеть. Справедливости ради стоит заметить, что и сам Федор Иванович иной раз ведет себя не лучшим образом. Случалось, например, что он прямо с оперной сцены вступал в спор с профанами от искусства...

Впрочем, не все объяснишь излишней обидчивостью артиста. Сплетни, распускаемые про него, иной раз ставят Шаляпина в трудное, если не сказать, идиотское положение. К примеру, слухи об огромных гонорарах вызывают поток просьб к нему пожертвовать сколько-то в пользу то тамбовских вдов, то вологодских погорельцев, то ветеранов русско-турецких войн. Всякого рода благотворительные общества и деятели, выступающие от имени "неимущих и угнетенных", считают, что как выходец из низов Шаляпин обязан по первому их требованию устраивать то там, то здесь бесплатные концерты, больше того — перед началом концерта стоять у дверей и собственноручно раздавать контрамарки для бесплатного входа. Охочие до халявы (или просто несчастные и наивные) люди шлют артисту слезные письма с

просьбой о материальной помощи. Один из просителей напишет буквально следующее: "Хотя вы и свинья, но я поражен — ваш талант и прочее, — пришлите полтораста рублей".

Действительно, певец Шаляпин зарабатывал неплохо (хотя по сравнению с современными звездами вокала — сущие гроши), но осчастливить всех он заведомо не мог. Артист императорских театров в Петербурге и Москве с плотным графиком выступлений на сцене, он порой физически не способен (да и не всегда расположен) участвовать во всех благотворительных акциях. Но какую бурю негодования в прессе среди самозванных радетелей "неимущих и угнетенных" вызывает каждый его отказ от бесплатного концерта! "Шаляпин оторвался от народа!", "Шаляпин — скряга!" (Между прочим примерно так же отнесутся к нему многие русские эмигранты, когда Шаляпин окажется на чужбине. "Здесь русские меня ненавидят, — признается он писателю, приехавшему в Париж из России. — Мол, свой, а денег не даешь. А какой черт я им "свой"? Я работаю как вол, и что мне платят, то — мое".) Да, деньгами Федор Иванович зря не разбрасывался, бывал иногда скуп и прижимист. Но тем, кто действительно нуждался, помогал. Всю жизнь посылал деньги, забыв про все обиды, отцу, вдове провинциального актера Усатова, в свое время бескорыстно обучавшего его актерскому мастерству. Уже живя за рубежом, выделяет немалые суммы в фонд спасения голодающих детей русских эмигрантов...

Вообще-то отношение толпы к кумиру — не новая тема. Но случай с Шаляпиным особый. Всеобщее преклонение перед великим артистом уживается с нетерпимым отношением к недостаткам его характера и даже вполне безобидным слабостям. Да, Шаляпин, словно бы наверстывая упущенное в полуголодном детстве, любит шикнуть, покутить с друзьями, красиво одеться. Увы, все это многими людьми воспринимается как непростительное барство, вызов бедно живущим людям. Не ладятся у Федора Ивановича отношения с некоторыми коллегами. Как профессионал, он ставит превыше всего честное, ответственное отношение к работе. Его приводят в ярость любая недобросовестность и халтура. Недовольный тем, как его гримируют, он гримируется сам и, между прочим, достигает в этом деле высочайшего мастерства. Случается, певец на репетиции припечатывает крепким словом кого-то из солистов-партнеров или музыкантов за фальшивую ноту. Он способен разделать под орех портного за безобразно (одно плечо выше другого — и это после трех примерок!) пошитый костюм. Во все вкладывая страсть (а без нее как творить и быть артистом?), Федор Иванович вновь и вновь подставляется под критику: Шаляпин "зазнался", "распоясался"... Но он ничего не может поделать со своим незаурядным, как и его голос, темпераментом и поступаться своими убеждениями тоже не спешит, хотя каждый выпад против него принимает близко к сердцу. Много лет спустя, имея дело

уже с другой, иначе воспитанной публикой, он поставит в своих мемуарах вопрос, актуальный, пожалуй, и сегодня: "Почему это русская любовь так тирански нетерпима? Живи не так, как хочется, а как *моя* любовь к тебе велит. Горе тебе, если ты в чем-то уклоняешься от *моего* идеала". В другом месте своей книги с неизбывной обидой в душе он напишет: "В течение всей моей жизни я чувствовал всегда какого-то "человечка" за забором. Этот "человечек" гнусил: "этого нельзя", "это зачем?", "эй, сколько получаешь?" "а кто тебя сделал? а? мы... Россия и проч. и проч.". Если попытаться раскрыть кавычки, то под этим самым "человечком" Федор Иванович, скоре всего, имел в виду породу людей, считающих, что им до всего есть дело и что каждый талантливый человек является некоей разновидностью общественной собственности. Чтобы это утверждение не выглядело голословным, приведем пример из тех лет, когда в России новый режим только-только утвердится, а менталитет людей по сути останется еще прежним. Так вот, в одной из центральных российских газет, находившейся под сильным влиянием троцкистов, однажды появится статья, в которой предлагалось таких выдающихся людей, как Шаляпин, "социализировать", иначе говоря, взять их на полное государственное обеспечение, но распоряжаться их гениальными способностями лишь по усмотрению лиц свыше. А что по этому поводу думал сам Федор Иванович? Он считал, что бесконечно многим обязан своему талантливому, как он однажды выразился, "певческому" народу и находится в вечном долгу перед ним, но всегда категорически выступал против того, чтобы с ним обращались как с вещью...

Пожалуй, самым тяжелым испытанием в дореволюционное время для Шаляпина станет история с пресловутым "коленопреклонением". Произойдет она во время постановки "Бориса Годунова". Что же именно случится? Когда спектакль закончится и занавес опустится, а затем, для чествования исполнителей основных ролей, вновь поднимется, на сцену незвано выбегут хористы театра. Обратившись лицом к царской ложе (в ней сидел Николай II с домочадцами), они все как один верноподданнически станут на колени. Как выяснится потом, недовольные зарплатой, хористы таким способом хотели оказать давление на дирекцию театра. Но Федор Иванович про это ничего не знал. В растерянности он, опершись на бутафорский престол Годунова, тоже слегка преломил колена.

Боже праведный, что тут начнется в либеральных кругах! Певца назовут "презренным монархистом", "царским холопом". Рабочие восьми петербургских заводов напечатают в газетах коллективное гневное письмо со словами: "...пыль, оставшаяся на ваших коленях, загрязнила для нас ваше имя". (Непонятно, правда, как могли сговориться сразу восемь заводов да еще написать в таком напыщенном тоне.) На улицах, в общественных местах некоторые люди при встрече с Шаляпиным демонстративно отворачиваются, выкрикивают оскорбления. Уж на что Г.В.Плеханов был одним из самых либеральных социал-демократов, и тот, выражая свое неуважение к певцу, возвращает ему его фотографию с надписью "За ненадобностью"... Зато ликует черносотенная пресса, пытаясь выдать певца за опору престола.

Дорожа мнением русского общества, Шаляпин устно и печатно объясняет, что его "коленопреклонение" — всего лишь дань этикету. Ему, однако, мало кто верит, и это повергает впечатлительного Федора Ивановича в отчаяние и тяжелую депрессию. "Приезжал к Алексею Максимовичу Федор Иванович Шаляпин, удрученный, измученный чуть ли не до самоубийства", — свидетельствует об этих днях жизни певца жена Горького.

Что певец на самом деле никогда не испытывал особого пиетета к царской особе, говорит то, как спокойно отнесется он к отречению Николая II от престола и то, что как должное воспримет Февральскую революцию. Но, в отличие от многих деятелей культуры, он уклоняется от участия в митингах и дéмонстрациях и вскоре уедет из Петрограда в Крым — подальше от политики, вернее, от политиканства. "Ну ладно. Сбросили — хорошо. Но порядка же нету! — пожалуется он одному отдыхавшему в Крыму писателю, высказывая свое отношение к происходившему в России. — В Мариинском театре одни собрания... Всякий тебе в глаза тычет: мол, не прежнее время... Кому тычат? Мне? Хватит. Пока все это не кончится, буду здесь жить..."

К свершившейся вскоре Октябрьской

революции Шаляпин отнесется поначалу с энтузиазмом. В 1918-1919 годах он выступит на сцене 78 раз, что для него самого станет рекордом. И это несмотря на то, что петь в театре становится просто опасно — зимами в Мариинке температура опускалась иногда ниже нуля и Шаляпин рисковал потерять голос. Он становится одним из директоров театра и относится к своим административным обязанностям весьма серьезно. К примеру, он резко против того, чтоб под видом помощи самодеятельным кружкам уходил на сторону бесценный реквизит театра: кружков в Петрограде много, а Мариинка на свете одна! Когда материальное положение театра станет совсем нестерпимым, он в числе других деятелей искусства поедет в Москву — на прием к Предсовнаркома В.И.Ленину...

Но со временем энтузиазм у Шаляпина начнет убавляться. Как и в дни Февральской революции, его по-прежнему злит и раздражает поведение некоторых коллег. Собраний и митингов в театре станет еще больше, революционная фраза многим (как правило, посредственным) артистам заменяет и труд, и творчество. В репертуар Мариинки, вытесняя из него шедевры русской оперной классики, внедряются псевдоноваторские, лишенные национального своеобразия произведения. Участвовать в их постановках Шаляпин не хочет. (Правда, из-за своей приверженности к классике он заодно отметает и музыку Стравинского.) Певцу все чаще приходится выступать в клубах, на открытых площадках, где его, как и в прежнее время, часто просят исполнить что-нибудь, не соответствующее его настроению.

В ноябре 1918 года ему присваивают звание народного артиста, каким он в сущности всегда и был. Казалось бы, гордись и радуйся, Федор Иванович! Но нет, теперь на певца обрушивается штормовая волна ругани из-за рубежа. Белоэмигрантская пресса его, еще совсем недавно "царского холопа", теперь записывает в "большевистские холуи" и даже в "тайные агенты ГПУ"! "Уже некий пианист, бывший моим закадычным другом, выбравшись за границу из России, рассказывал всем, как низко пал Шаляпин, — с горькой самоиронией пишет в своих мемуарах Федор Иванович. — Если бы, заявлял он, к нему в руки попала власть, то он ни на минуту не остановился бы перед наказанием Шаляпина, а формой наказания избрал бы порку". А некий зарубежный писатель, — продолжает певец, — рассказывал в печати, что Шаляпин до такой степени заделался коммунистом, что ... играя роль Гремина, срывал с себя эполеты и для демонстрации бросал их в партер, приводя этим в восторг публику..."

Изо дня в день, из месяца в месяц накапливаются раздражение и творческая неудовлетворенность. Из-за своего неумения сдерживать эмоции Федору Ивановичу часто приходится писать объяснительные записки тогдашним театральным начальникам. Жизнь осложняется и тем, что его первый брак распался, а

наладить быт новой семьи в условиях гражданской войны и разрухи ему все труднее. Одна неприятность следует за другой. Будут аннулированы денежные счета певца в российских банках. Какие-то люди под видом обыска ограбят его московскую квартиру. Шаляпин протестует, жалуется, но все — впустую...

Возвращаясь из зарубежных гастролей, где его, как и прежде, принимают на ура, певец все чаще задумывается, что ему делать, как быть, пока в России неспокойно и голодно. Нет прямых свидетельств того, что, выезжая в 1922 году вместе с новой семьей на гастроли за границу, он с самого начала был намерен не возвращаться на Родину. Но одно, косвенное, есть: перед отъездом он возьмет с собой горсть родной земли и увезет ее с собой. Возможно, предчувствие ему говорило: все может статься...

Когда срок, отведенный на гастроли, истечет, вокруг Шаляпина вновь поднимется шумиха. Из России поступают требования вернуться на Родину, в противном случае, грозят певцу, его лишат российского гражданства. Белоэмигрантская среда поначалу приветствует решение Шаляпина не возвращаться в "Совдепию". Но, вопреки ее ожиданиям, он не станет делать громогласных заявлений, хулить Россию и советскую власть, по своей старой привычке сторонится политики. Такое его поведение кажется подозрительным — уж не в самом ли деле он — тайный агент ГПУ и заслан сюда для подрывной деятельности? И не делится барышами — почему? Словом, Федор Иванович станет "чужим среди своих", и это ему дорого обойдется. Время от времени русские эмигранты устраивают ему шумные обструкции, пытаются сорвать его концерты. Так русская нетерпимая любовь здесь обернется столь же нетерпимой ненавистью...

Впрочем, за рубежом Федор Иванович не только обретет завистников и врагов, но и встретит старых и заведет новых друзей. По-прежнему тепло, с большим уважением к певцу относятся Рахманинов, Куприн, Коровин и другие деятели русской культуры, тоже волею судеб оставшиеся без Родины. Они — частые гости в его доме, морально поддерживают певца, когда он впадает в тоску и депрессию.

Очень не хватает в эти году Шаляпину М.Горького, которого он считал своим самым близким другом. Когда-то они вместе много ездили по России, встречались, что называется, домами, рыбачили. Федор Иванович искренне восхищался талантом писателя-земляка. М. Горький платил ему той же монетой, гордился дружбой с певцом. Он был одним из немногих, кто открыто выступил в защиту Шаляпина, когда того травили за "коленопреклонение"... Но вряд ли их отношения можно было назвать равноправными. Признавая могучий дар Шаляпина, Горький был не слишком-то высокого мнения о его политической зрелости. Об этом говорит несколько нравоучительный тон многих его писем к певцу. Писатель, хоть и в дружеской манере, все время в чем-нибудь поправляет его, пеняет за какие-то промахи. Когда

Шаляпин останется жить за границей, Горький (сам долгое время живший в Италии) почти в ультимативной форме потребует от друга, чтобы тот вернулся на Родину. Отказ Федора Ивановича сделать это Горький объяснит "малограмотностью и социальным невежеством" певца. Он резко осудит Шаляпина, когда тот подаст в суд за то, что на Родине без его ведома и согласия издадут его книгу "Страницы моей жизни". "Записки твои на три четверти мой труд", — выговорит Горький певцу, но, правда, признает, что получил в свое время от Шаляпина за помощь в написании книги немалые деньги и еще находится у него в долгу. К сожалению, писатель, принявший когда-то живое участие в судьбе многих выдающихся людей России, так и не сможет преодолеть покровительственного отношения к Шаляпину и прекратит дружбу с ним. В своем последнем письме к бывшему другу Горький обращается к нему уже на "вы" и заканчивает словами: "Эх, Шаляпин, скверно Вы кончили..."

В 1927 году Федора Ивановича лишат звания народного артиста. Нарком просвещения Луначарский по этому поводу выступит со статьей, резко осуждающей певца, "хватающего огромные гонорары в странах Европы и Америки и не желающего ничем скрепить связь с рабочим классом СССР". В заключение нарком заявит, что у Шаляпина еще остается шанс обратиться к советскому правительству с просьбой о возвращении на Родину.

Нет, ни тогда, ни позже Федор Иванович с такой просьбой не обратится. Но до самой смерти так и не поменяет российское подданство ни на какое другое. И вот это мешает назвать его эмигрантом. К нему, скорее, более всего подходит другое слово — невозвращенец.

До сих пор у нас шла речь о том, что вытолкнуло Шаляпина из России. Теперь, пожалуй, нелишне задаться вопросом: а что его удерживало на Западе?

Здесь он, как никогда, много работает, к чему, собственно говоря, стремился всегда. В совершенстве владея французским и итальянским, певец не испытывает больших затруднений при налаживании деловых связей с западными импресарио. Оказавшись за рубежом, он начинает получать большие, иногда превосходящие его расчеты гонорары. Шаляпин покупает богатую квартиру в Париже с видом на Эйфелеву башню, строит виллу в Пиренеях, покупает дом в австрийских Альпах. Всем своим детям (а их у него от первого и второго браков было восемь) он дает образование, соответствующее их наклонностям. И себе ни в чем не отказывает, отдыхает и лечится на лучших курортах Европы.

Конечно, останься певец в России, он тоже вряд ли бы бедствовал. (Английский писатель Г.Уэллс, побывавший у него дома в гостях в 1920 году, напишет, что певец "получает то, что требует, так как забастовка Шаляпина пробила бы большую брешь в

театральной жизни Петрограда".) Как выдающийся певец и артист, он мог бы получить еще больше в виде пайков, иметь доступ в спецмагазины и другие привилегии, подобно другим крупным советским специалистам. Но это означало бы, что Шаляпин должен петь "по заказу", чего он не любил больше всего...

Но за материальную независимость, творческую свободу, обретенные на чужбине, Федор Иванович заплатит страшной ценой — непреходящей, иссушающей душу тоской по Родине... Верно, из чувства самолюбия он часто делает вид, что счастлив и доволен судьбой, но по большей части это — напускное. Почитайте его письма к дочери Ирине, оставшейся в СССР: если б строчки можно было, как белье, выжимать, из них полились бы слезы еще полного сил мужчины, не знающего, как ему, русскому человеку, жить без России. Даже если согласиться с теми, кто утверждал, будто Шаляпин, оказавшись за рубежом, начал смахивающую на одержимость погоню за деньгами (да он и самого себя не раз бичевал за это), то это можно рассматривать как попытку утешиться радостью обогащения, если нет радости жизни на родной земле. Вот он строит виллу в Испании, но стилизует ее под русский терем. Вот просит дочь Ирину прислать ему чертежи русской бани, чтобы построить ее в горах Австрии. Но русский терем в Испании? Но русская баня в Альпах? Умный человек, Федор Иванович быстро поймет: вне Родины можно купить все — кроме Родины...

Вот он и возит с собой в баночке сверчка, который, как ему мнится, поет "по-русски". Часто адреса гастролей выбирает такие, чтобы быть поближе к России. "Я затрудняюсь передать тебе чувства, которые я переживаю здесь, — пишет он Ирине, находясь в Литве, — просто-напросто: я в России! Говорят все по-русски. Наслаждаюсь этим безумно".

Всех, кто приезжает в Париж из России и заглядывает к нему, он хитро и осторожно выспрашивает, что будет, если он вернется на Родину. Но всякий раз, когда его впрямую спрашивают, действительно ли он хочет этого, Федор Иванович ссылается на слова жены, которая будто бы заявила, что он вернется в Россию только через ее труп. Нет, думается, он немного лукавил. Скорее всего, он сам в точности не знал, как ему поступить. "Я боюсь, — признается он в очередном письме к Ирине. — У вас строго, а я человек шалавый". Время от времени ему передают, что советское руководство (говорят, в том числе, сам Сталин, с которым Шаляпин был лично знаком) не будет чинить препятствий для его возвращения на Родину. Однако певец медлит с ответом...

С годами с ним происходят удивительные метаморфозы. Смотря по настроению, он даже внешне становится похожим на тех, кого изображал на оперной сцене, — то на Ивана Грозного, то на Бориса Годунова, то на Мефистофеля. Видно, до такой степени

ему было тошно и так не хотелось "быть самим собой". "Весной 1937 года, — вспоминает дочь от второго брака Марфа, — у него появилось неотвязное желание поехать обратно в Россию. Мама говорила нам, что он, подобно старому псу, хочет вернуться назад, домой..."

В том же году в Париже пройдет Всемирная выставка. Осматривая экспонаты советского павильона, Федор Иванович остановится у макета Большого театра... и разрыдается как малый ребенок: все лучшее в жизни у него было уже позади... Летом того же года он даст последний концерт. На него в числе других придет один из тех, кто тоже останется без Родины, — великий писатель Бунин. Вот что Иван Алексеевич напишет про тот концерт: "Из-за кулис он прислал мне записку, чтобы я зашел к нему. Я пошел. Он стоял бледный, в поту, держа папиросу в дрожащей руке, тотчас спросил (чего прежде не сделал бы):

— Ну что, как я пел?

— Конечно, превосходно, — ответил я. И пошутил: — Так хорошо, что я все время подпевал тебе и очень возмущал этим публику.

— Спасибо, милый, пожалуйста, подпевай, — ответил он со смутной улыбкой. — Мне, знаешь, очень нездоровится, на днях уезжаю отдыхать в горы, в Австрию. Горы, это, брат, первое дело..."

Умирал Федор Иванович долго и мучительно. (Диабет и белокровие.) Но родным и друзьям не верилось, что этот большой, красивый, породистый человек может скончаться, да еще

так рано — едва дожив до 65 лет. Когда-то художник Коровин, рисуя его портрет, залюбуется статью Шаляпина и с досадой скажет:

— Построить такого человека, а потом спихнуть его в яму. Эх, природа-дура...

Почему-то всегда пишут, как тяжело переживал Шаляпин разрыв с Родиной. Но разве Россия, потеряв его для себя еще живым, не страдала, понеся такую утрату? В народе — автор очерка знает это по своему детству — Шаляпина по-прежнему любили, гордились им, как редким чудом человеческой талантливости. "Как Шаляпин!" — вольно или невольно срывалось с уст людей, когда они слышали чье-либо красивое чистое пение. А когда в доме ставили грампластинку с его могучим и широким, как океан, голосом, басом такой силы, что его звуковая плоть, казалось, могла расколоть скалу и одновременно исполненным такой любви и нежности, какая бывает только у матери к ребенку, люди, слушая Шаляпина, очарованно замирали и по лицам многих текли слезы необъяснимой печали и предельного наслаждения...

В день смерти Федора Ивановича радио Парижа транслировало на улицах и площадях арии, песни, романсы в его исполнении. В Гранд-Опера во время антракта на сцену вышла известная актриса Франции С. Сорель. Она обратилась к залу со словами:

— Мы потеряли величайшего артиста нашей эпохи...

И опустилась на колени. А зал — застыл в скорбном молчании.

Ему, русскому человеку, окажут последние почести, какие обычно воздают выдающимся французам. Хор русских певцов, памятуя о том, что Федор Иванович всю жизнь был набожным человеком, исполнит во время панихиды церковные песнопения...

А на той земле, где он произрос как величайший артист эпохи, его кончине посвятят несколько сухих газетных строк. Всего-то...

Но придут новые времена — и совершится посмертное возвращение Шаляпина на Родину. Ему вернут звание народного артиста, в его домах откроются музеи, его прах будет перезахоронен на Новодевичьем кладбище... Но главная примета возвращения великого певца на Родину состоит все-таки в другом. Несмотря ни на что, в стране сохранится к нему отношение как к очень близкому, в чем-то даже родному человеку. (Не в этом ли была одна из причин недоразумений, возникавших между ним и русской публикой?) Как известно, на Руси особо почитаемых людей редко называют по фамилии. А чаще всего так: Александр Сергеевич, Лев Николаевич, Петр Ильич... Надо ли сегодня кому-то объяснять, кто есть в искусстве Федор Иванович?! Он был и останется — всего один такой на свете... ■

Что должны знать
и что должны рассказать
учителя и родители
своим детям
о наркомании

Сергей БАЙМУХАМЕТОВ

ОМУТ

Минное поле

Вначале некоторые отдельные факты...

— Количество смертей от наркотиков в Москве ежегодно увеличивается в два раза.

— Две трети зарегистрированных в России наркоманов — молодые люди до тридцати лет.

— Семь процентов молодых мужчин-наркоманов официально признаны инвалидами.

— После юбилейного вечера, посвященного десятилетию одной из московских школ, в туалетных комнатах нашли 117 шприцов. В празднике участвовало 300 человек.

— Как установили врачи из Уральской региональной организации "Молодежь против наркотиков", те, кто начинает употреблять наркотики с детства, выдерживают в среднем семь лет такой жизни. Дальше — смерть.

— Болезнь номер один в мире по распространенности и опасности даже не СПИД, а — вирусный гепатит. В последнее пятилетие в России смертельный вирус в большинстве случаев заражает молодых людей при внутривенном введении наркотиков. При обследовании в городе Верхняя Пышма Свердловской области половина больных вирусным гепатитом оказалась наркоманами.

Как бы ни были страшны цифры и отдельные факты, главное, что кроется за ними. А кроется за ними — *явление*. То есть образ жизни. Среда обитания.

Не будем высчитывать, сколько сейчас в Росси наркоманов. Важнее всего то, что *количество наркоманов неуклонно растет.*

Мы мальчишками говорили о кино и футболе, наши дети — о кино и рок-музыке. Нынешние дети говорят о *тяге, приходе, кумаре, кайфе*. Они живут в *наркокультуре*. Скоро мы получим поколения, полностью выросшие в *наркосреде*. **Мы получим нарко-Россию.**

Такова сегодняшняя реальность. Мы и наши дети находимся в самом настоящем окружении. Опасность грозит со всех сторон. И то, что произошло с сыном или дочкой соседа — далеко не только вина или беда соседа, далеко не частный случай, а закономерность. То же самое завтра может случиться и с вашим сыном...

Прошу родителей с самого начала осознать: когда ваш ребенок, уходя на улицу, закрывает за собой дверь квартиры, знайте — он ступил на минное поле. Уходит нормальный подросток, а вернуться домой может уже наркоман...

От беды не застрахован никто. Ни практически беспризорный сын бомжей и алкоголиков, ни воспитанник спецшколы, победитель всех возможных олимпиад. Почему? Как противостоять этому?

Простота

Почему наши дети начинают курить и колоться? Пока мы не ответим на этот вопрос, все наши остальные действия не имеют смысла. Между тем взрослые над этим практически не задумываются. Считается, что само собой ясно. Мол, дурь, мода, влияние западных фильмов, влияние улицы, делать нечего, много свободного времени, в спортивные секции теперь попадешь только за деньги, нет пионерских кружков, комсо-

мольской организации, да и вообще, кризис в стране, разорение и моральное угнетение не могут не сказаться и на подростках... И так далее.

Все это так. И все это — *около*. Почему-то никто из нас не задумывается, что такое *подростковое сознание?* Чем оно характерно? Что такое подросток как общественное и биологическое животное?

Подростковое сознание характерно тем, что его носитель — ваш сын и ваша дочь — *все впитывает как губка и ничего не боится*. Поймите, пожалуйста: стремление все попробовать биологически заложено в организме подростка. Щенок, которого впервые выводят на улицу, припав к земле, втягивает в себя, как пылесос, все, что встречается на пути. Так и подросток "втягивает" плохое, хорошее, соленое, пресное, горячее, кислое, Павку Корчагина и героя "Криминального чтива", "Бедную Лизу" и "Интердевочку" — все!

И — ничего не боится! Поэтому смешны все учительско-лекторские проповеди о вреде наркотиков, которые читаются на уровне: "Употребление наркотиков вызывает необратимые изменения в коре головного мозга, болезнь и смерть..."

Во-первых, это — сплошная абстракция. Взрослый человек с большим трудом принимает абстракции как практическое руководство в жизни, а уж подросток — тем более... Во-вторых, подростковое сознание характерно тем, что подросток живет *сегодняшним* днем. О *завтра* он практически не думает, разве что о неминуемом приготовлении уроков. В-третьих, вспомните себя: кто-нибудь из вас в пятнадцать лет всерьез задумывался о болезни и смерти? Смешно... Подросток по природе своей, по биологии, уверен, что жизнь его вечна...

Тем не менее лепет о "необратимых изменениях" считается у нас профилактикой и антинаркотической пропагандой. А какая пропаганда — такие и результаты. То есть сплошной вред. Страшный вред. Потому что подросток уже уверился: все, что мы говорим о вреде наркотиков — *туфта*.

С точки зрения взрослого, подросток вообще и тем более подросток во дворе — существо несносное и отвратное. Ничего и никого не слушает, кроме себя, ведет себя с нарочитой развязностью, все время ржет, орет какие-то глупости. Нам почему-то не приходит в голову, что многие из нас вели себя так же или примерно так же. Что подросток таким образом *утверждается*.

И в то же время, часто отрицая наши нравоучения и мнения, подросток особенно восприимчив к мнению своей среды, своего окружения, подростково-молодежного мира. К тому, что мы называем общественным мнением, модой или террором среды.

И, пожалуйста, отнесемся к этому очень серьезно. Вспомните, во что и как мы сами одевались тридцать пять лет назад, пятнадцать лет назад и во что одеты сегодня. Это мы с вами, такие умные, самостоятельно мыслящие, независимые! Почему мы, такие независимые от чужого мнения, сегодня не ходим в брюках-дудочках, башмаках на микропорах? Этот самый простой пример с обескураживающей убедительностью доказывает: если все носят узкие штаны, широкие штаны,

джинсы или слаксы — *и ты будешь, никуда не денешься.*

Безобидная по части штанов, мода стала *убийственной*, когда распространилась и на наркотики. Тридцать пять лет назад в нашем городе мальчишки тоже курили анашу. Мы этих мальчишек знали наперечет и называли их *придурками*. Для нас престижным считалось купить поллитра портвейна на десятерых и распить тайком в сквере — вот это *круто*, мы почти как взрослые, а анашисты — *придурки*.

С тех пор шкала дворового подросткового престижа перевернулась. Сейчас на пришкольных пустырях и во дворах курение анаши считается делом чести, доблести и геройства, показателем крутизны. А того, кто не курит марихуану, считают слабаком, трусом и вообще — изгоем. Как устоять четырнадцатилетнему человеку перед таким напором, какие силы надо иметь, чтобы наперекор общему мнению сказать — *нет*. А ведь во дворе он — живет, это его мир, его социальная ниша.

Вот и получается, что он не может отказаться. Он беспомощен перед *террором среды*... Да что дворы! То же самое происходит и в институтских коридорах, где, вроде бы, уже умненькие, почти взрослые юноши и девушки. Там наркоманы тоже объявили себя избранными, *продвинутыми, белыми людьми, аристократами*, а все остальные — *быдло*. Вот многие из обычных ребят и тянутся к ним почти поневоле: не хочется выглядеть *быдлом*...

Чтобы отказаться, надо иметь силы. А силы дает только знание.

На встречах с подростками я говорю: "Вот перед вами яма с дерьмом. Тот, кто прыгнет в нее, будет во всей округе считаться самым крутым парнем. Кто из вас прыгнет?"

Никто. Потому что знают, что это дерьмо и что будет вонять.

Вот мы и пришли к главному, ошеломительному выводу. *Наши дети начинают курить и колоться, потому что ничего не знают о последствиях.*

Когда им во дворе предлагают: "Курни, получишь кайф", они примерно представляют, что такое *кайф*. Но понятия не имеют о последствиях, о том, как и чем будут расплачиваться за первую затяжку и первый укол. "Необратимые изменения в коре головного мозга" они считают туфтой. Кое-что знают о *ломках*, о *привыкании*, об угрозе *подсесть*... Но ведь каждый считает себя крутым, это Васька и Петька тряпки безвольные, а я-то — сильный, я все могу...

И потому глупый наш подросток бесстрашно идет на первую затяжку, абсолютно уверенный, что это как прогулка в парк: захочу — войду, захочу — выйду. Не зная, что калитка тут в одну сторону.

Ловушка

Как наши дети начинают курить и колоться? Сценарий практически один. Конечно, есть варианты, но их немного. Они разнятся только деталями. Рассмотрим некую модель, наиболее распространенную.

Итак, вечер, двор, лавочка в укромном уголке. Сидят, курят, болтают о том и о сем мальчишки и девчонки лет четырнадцати. К ним подходит группа парней и девушек чуть постарше. Один из них спрашивает:

— Ребята, а что это вы делаете?

— Да сидим, курим...

— А что курите?

— Как что, сигареты...

— Ну вы совсем как маленькие! — изумляется парень. — Другие пацаны давно уже от травки балдеют, а вы сигаретки сосете...

И тут всегда находится мальчишка, который говорит: "А у нас же нет..."

Если таковой не находится, то разговор в нужное русло мгновенно направляет кто-нибудь из старшей компании:

— Да что ты, Вася, у них же нет, они ж еще маленькие...

— Как так нет? — воодушевляется Вася. — Нон проблем. У нас-то все есть. Что хотите, ребята? *Травку, винт?..*

Тут расчет беспроигрышный. Как сами мальчишки и девчонки говорят, на "слабо" берут, ведь самое для них страшное — быть обвиненными в трусости.

Прошу родителей, старших братьев не отмахиваться, как от глупостей, а обратить на этот момент самое пристальное внимание. Для вас — глупости, а для подростка это очень серьезно. Вспомните, речь идет о том, что называется подростковым сознанием. Учтите также, что все происходит на людях, на глазах у друзей и подруг. Если бы подросток был один, он еще мог бы отказаться. Но в компании, на виду у всех, когда предлагают старшие, сама беседа с которыми, что ни говори, лестна... да еще когда всех как будто ненароком назвали "маленькими", а ты-то давно уже таким себя не считаешь...

В общем, отказаться невозможно. Курят, колются, кайфуют, входят во вкус и привыкают. Так продолжается месяца три-четыре. Пока тот же старший парень однажды не скажет:

— Мальчики-девочки, а вам еще не надоело ширяться на халяву? Оно ведь бабок стоит, платить надо!..

Все. Игры кончились. Ловушка захлопнулась.

Расплата

Как и чем платить? Где деньги взять?

Девочкам "проще". Девочки в том мире всегда "ходовой товар". Ими расплачиваются, подкладывают под нужных людей, запускают в *хоровод*. Это когда одна на десятерых. Называется — *девочки на приход*. Под *винтом* — мощнейшим наркотиком — ни для чего нет границ. Знаю случай, когда растленные уголовные авторитеты собрались на одной из своих дач и смотрели, как тринадцатилетнюю девочку под *винтом* принудили сношаться с хозяйским догом...

Ну, понятно, из девочек делают подсадных уток, активных участниц уголовной группы. Очевидно, что рано или поздно похождения закончатся зоной. И потому некоторые девочки, более трезвые, разумные, пока не поздно, уходят из этих групп. Но поскольку от наркотика они отказаться уже не могут, находят вариант, который не грозит им колонией. Идут на "экспресс-такси".

По утрам, когда *барыги* (изготовители и продавцы наркотиков) развозят товар по клиентам, они заезжают в определенные, известные в городах места. Там уже кучкуются девочки от 13 до 16 лет. Садятся в машину, делают барыге минет — и получают свою

дневную порцию. Так и живут. Зато в зону не попадут.

Все это родители должны знать и рассказать своим дочкам: чтобы знали...

Когда в школах или училищах, рассказывая о наркомании, я подхожу к вопросу, "где деньги взять", обязательно находятся несколько мальчишек, которые кричат: "Воровать!" Да, отвечаю, разумеется. Но поскольку воровского опыта ни у кого из вас нет, то на третьем или четвертом ларьке ты попадешься. *Зона. Малолетка.* Зона страшна тем, что, во-первых, подросток там живет с ощущением безысходности. Ведь в этом возрасте два или три года — бесконечно долгий срок. Жизнь кончилась. А раз так, ничего не жалко, себя — в первую очередь.

Во-вторых, в обычной жизни есть еще какие-то ограничители и контроль: родители, учителя, перебои с деньгами. На зону же *кайф* поступает как семечки на базар, употребляют его там регулярно. Значит выйдет оттуда наш мальчишка законченным наркоманом. Снова начнет воровать. Снова попадется, но это уже будет *повторка.* На суде никто не будет разбираться в его наркоманских терзаниях, его преступление там будет рассматриваться как рецидив и сам он предстанет перед судом как рецидивист. То есть срок получит большой. А там, на зоне, или после повторной отсидки, быстро *кончится:* от грязного наркотика, от *передозы,* да мало ли от чего... И хорошо, простите меня за жестокость. Отмучается сам и перестанет мучить родителей.

В представлениях мальчишек есть еще вариант доставания денег. На встречах они кричат мне: "Стать распространителем!" Никто из них не знает, что там уже все поделено, их туда не подпустят. Деньги идут только тем, кто на более высоких ступенях иерархии наркобизнеса. А миллионная армия мальчишек и девчонок работает бесплатно.

Как это происходит? Очень просто. В известном всем доме в вашем микрорайоне живет наркодилер, к которому чередой идут подростки. Он отмеряет им, к примеру, порцию героина и говорит: "Здесь двадцать доз. Девятнадцать продашь, принесешь столько-то денег. А двадцатая — твоя! Бесплатно!"

И миллионы подростков ходят под тяжелой уголовной статьей "сбыт наркотиков", работают на наркомафию бесплатно, "за дозу". Такого рабства не знала, наверно, ни одна система.

Еще подростков используют в роли "торпед". Тот самый наркотик на основе первитина — *винт* — имеет много разновидностей. К примеру, есть винт под названием "камикадзе". После его употребления мальчишка чувствует себя терминатором, способным ударом кулака проломить кирпичную стену и разорвать голыми руками тигра со львом впридачу. Да еще его психологически обрабатывают, внушают, что надо сделать и как это легко, после чего мальчишка, как зомби, идет и "делает"... А приходит в себя, зачастую, уже в камере, в милиции.

Но и у мальчишек есть возможность постоянно употреблять наркотики без участия в уголовных делах, то есть без угрозы "зоны". Это — превратиться в гомосексуального партнера. В огромном, как страна, уголовном мире

уже налажено поточное производство 12-14-летних мальчиков для утех растленных "авторитетов". Под винтом это делается быстро. Через тридцать-сорок дней или уколов человек становится, как там говорят, *пластилин*...

В последнее время в уголовном мире появился еще один вид сексуальных надругательств над детьми: подонки заставляют мальчишек и девчонок вылизывать гениталии... Когда я в разговорах с подростками дохожу до этого, раздаются крики: "Не может быть! Никто на это никогда не пойдет!" Правильно, отвечаю я. Вы — никогда не пойдете на это. Пока вы нормальные люди. Но учтите, когда человек долго сидит на наркотинах, в его организме, в душе, в голове происходит что-то совершенно необъяснимое. Там уже нет ничего, что характеризует *человека*, никакой шкалы наших обычных человеческих оценок: плохо-хорошо, трусость-храбрость, честь-бесчестие, унижение, гордость, самолюбие и так далее. Ни понятий таких нет, ни слов. Сердце, душа, мозг наркомана — все равно что доска. Или ровная грязная лужа. Кому как угодно. С виду вроде бы человек, с руками-ногами, а на самом деле — неизвестно что. Такие идут на все, *не испытывая при этом никакого унижения*.

Наркозависимость — это не только зависимость от наркотика, физиологическая и психологическая, это прежде всего зависимость от любого взрослого подонка, который за дозу потребует от вас все, что захочет его подонская душа, и вы сделаете это, никуда не денетесь...

Эту жестокую правду должны знать родители. И обязательно рассказать детям.

Закон — что дышло...

Издавна говорят, что суровость российских законов смягчается необязательностью их исполнения. Но это и страшнее всего. Люди привыкают и забывают, а то и вовсе не знают об опасности. В этот-то момент закон, как разбойник с кистенем, вылезает из засады. Вернее, закон *используют* по-разбойничьи, как кистень.

Вот самый характерный пример. В Гражданском кодексе России есть статья, по которой можно ликвидировать акционерное предприятие, которое в течение двух лет "показывает отрицательный баланс активов". То есть нерентабельное, убыточное, так, наверно, следует понимать "отрицательный баланс активов"? Но ведь по такой статье можно закрыть половину, а то и больше, предприятий страны. Естественно, никто не помнит, чтобы её применяли. А её применяли. Всего два раза. Понятно, против тех, кого *кто-то* хотел или отдал приказ всенепременно уничтожить...

То же самое происходит и с Законом о наркомании. Уголовную ответственность за употребление наркотинов отменили в 1991 году. Наркоманов стали считать, как и во всем мире, просто больными, несчастными людьми. Но отечественные деятели с репрессивной психологией в милиции, в парламенте и других организациях не успокоились. По их инициативе в апреле 1998 года был принят новый закон, где есть статья и пункт, по которому за употребление нарко-

тинов любого мальчишку и девчонку можно посадить...

О новом законе поговорили и забыли. Широко он не применяется. Да и невозможно его применить. Хотя бы потому, что нет таких тюрем и лагерей, которые вместили бы миллионы наркоманов. О нем, законе, даже многие специалисты, милиционеры и врачи толком не знают. А уж родители и подростки — тем более.

Вот это и опасно. Вы, родители, обязаны разъяснить детям, что опасность всегда рядом. Здесь тот самый случай, когда говорят: "Закон — что дышло, куда поворотил — туда и вышло". То есть любого подростка, курнувшего марихуаны, а тем более со щепоткой марихуаны в кармане (если ее нет, то всегда можно подсунуть, подложить) довольно легко посадить на несколько лет в зону. То есть поломать всю жизнь. Если у вас есть какой-то недоброжелатель, напрямую или косвенно связанный с милицией, он всегда может применить против вас этот закон. Как разбойничий кистень. Так что будьте настороже.

Можно, конечно, призвать вас выступить совместно и потребовать от депутатов отмены этого страшного закона. Но мы с вами понимаем, что это нереально. Не отмена, отмена-то реальна. Нереальна надежда на наше совместное выступление. Каждый спасается в одиночку...

Рок-звезды, марихуана и... Билл Клинтон

Итак, вы рассказали своим детям о тех невыразимых ужасах и мерзостях, с которыми сопряжена обыденная жизнь наркомана. О том, что в любой момент они могут попасть в колонию за "простое" употребление наркотиков, не говоря уже о чистой уголовщине... Вроде бы дети прониклись, поняли. Но вдруг спрашивают: "Папа, а как же тогда наркоманы Митькин и Пупкин стали рок-звездами?"

Поскольку вы довольно далеки от подробностей жизни Митькина и Пупкина, начинаете расспрашивать детей. И выясняется, что недавно по телевидению (!) передавали беседу с рок-певцом Митькиным, который на вопрос о его отношении к наркотикам во всеуслышание на всю страну и откровенности заявил: "Ну, я-то свои три матраса марихуаны уже выкурил..." А рок-композитор Пупкин на такой же вопрос небрежно ответил: "Да, было дело, посидел годик на игле да соскочил..."

И тут вы понимаете с ужасом, что все наши беседы, весь воспитательный эффект на глазах превращается в полный нуль. Потому как это для нас они митькины и пупкины, а для подростков — кумиры! Авторитеты!

Тут любой родитель растеряется. На самом же деле никто из эстрадных певцов, публично заявляющих о своем наркоманском прошлом, наркоманом никогда не был, к счастью. Утверждаю это с уверенностью потому, что человек, хлебнувший наркоманского лиха, *никогда не будет говорить об этом таким тоном и такими словами...*

А секрет в том, что среди них завелась мода, считается особым шиком через прессу заявить о своем наркоманском прошлом. Мол, я все прошел, я крутой не только на эстраде...

Разумеется, делается это по недомыслию. Эстрадные "звездюки" просто не понимают, что подростки послушают их и придут к однозначному выводу: если *сам* Митькин и *сам* Пупкин *сидели на игле*, а стали вон какими преуспевающими, на "мерседесах" ездят и по телеку выступают — значит, ничего страшного в употреблении наркоты нет, значит — можно!

Увы, эти глупости, опять же по недомыслию, тиражирует пресса. Иногда — чуть ли не с удовольствием, чуть ли не с вызовом: вот, мол, какие мы смелые. Так наберитесь смелости и расскажите, как закончил свои дни от наркотиков и в мучениях действительно великий и неповторимый Владимир Высоцкий. Или более близкие нынешним подросткам Фредди Меркьюри, Джим Моррисон и другие. Расскажите, как наркотики сгубили жизнь величайшей певицы Эдит Пиаф.

Наконец, пресса могла бы набраться смелости и чаще писать, что всемирно знаменитый Чак Норрис — крутой Уокер, действительный кумир мальчишек всей планеты, герой, победитель, бесстрашный борец за справедливость всегда и везде — возглавляет всеамериканское движение за избавление Америки от наркотиков...

Но после того, как вы пройдете испытание рок-звездами, вас ждет более сложный экзамен. Всезнающий ваш сын может сказать: "Ну хорошо, папа, согласен: наркотики — это погибель. И мне лично они на дух не нужны. Но объясни, почему Запад до сих пор живет и процветает, а не рухнул в пропасть к чертовой бабушке. А там ведь очень многие употребляли марихуану, почти повально, и ничего. Сам Билл Клинтон в молодости баловался травкой, а стал президентом США! Объясни, папа!"

Д-да... затруднительная ситуация. Но это только на первый взгляд. Здесь суть в том, что западный человек и российский человек — совершенно разные социально-психологические типы двуногих млекопитающих. То, что для них баловство, для наших — судьба.

Да, у них очень много молодых людей курили и курят марихуану. Но в западных подростков с молоком матери, с генами отца, в плоть и в кровь, на подсознательном уровне вбит принцип — *добиться успеха в жизни. Состояться.* Стать гонщиком — как старший брат. Преуспевающим адвокатом — как дядя. Строительным боссом — как отец. Каждый мальчишка понимает, что наркомания и учеба, наркомания и успех в жизни, к которому каждый стремится, — *несовместимы.* И потому марихуана так и остается у них баловством, грехом молодости.

У нас же, если закурил первую сигарету с анашой — *значит, выбрал себе судьбу.* И с этой дороги уже — никуда. В скором времени с анаши-марихуаны переходят на иглу: на винт, на опий, героин. И так до конца. Как в омут с головой...

И потом, представления мальчишек о *повальном* курении марихуаны на Западе несколько, мягко говоря, преувеличены. Обратите на этот момент особое внимание. Как и на то, что у подростков на Западе курение марихуаны уже не считается признаком *крутизны.* С каждым годом наркотини все дальше и дальше уходят на обочину молодежной

жизни и жизни вообще. Происходит жестокое и жестокое разделение. Если вы хотите курить и колоться — пожалуйста, курите и колитесь. Мы вас преследовать не будем. Мы даже обеспечим вам всем пособие по безработице и инвалидности. Живите в своих трущобах, как хотите. Но только не лезьте к нам, не путайтесь под ногами белых людей, не мешайте нам строить жизнь так, как мы ее строим...

Вот в чем разница между наркоманией на Западе и наркоманией у нас.

Контроль

— Я узнала, что мой сын наркоман, только когда он сел в тюрьму за грабеж магазина. Позвонили, передали записку: мама, все у меня нормально, попал в "семью", пока выручают, но если ты не будешь помогать, скоро у меня начнутся ломки, а ломок я не выдержу... И мне еще сказали его друзья, оставшиеся на воле, что там, в тюрьме, один из них умер во время ломок, сердце не выдержало. Я и обезумела, все продала из дома, два года снабжала его "черняшкой" через охрану. Пока не встретилась с врачом и он мне не объяснил, что я своими руками вбиваю сына в могилу. Если уже не вбила.

Господи, до чего же мы все ничего не знаем о той жизни! Сейчас, вспоминая, я вижу и нахожу объяснение всему. Сын был не по годам развит, в том числе и физически. Очень рано почувствовал себя самостоятельным, уходил и приходил, когда вздумается. Мы не могли понять, куда он вдруг срывается на ночь глядя. Ни я, ни бабушка не могли его остановить. Он становился бешеным, просто бешеным. Его буквально разрывало изнутри. Мы объясняли это его особым темпераментом: мол, отец его покойный тоже был горячим человеком. А мальчик наш, в двенадцать лет, уже был наркоманом и рвался от нас туда, к дозе, к затяжке анаши. А мы просто считали его чересчур впечатлительным, нервным мальчиком, показывали его психиатрам. А психиатры не могли ничего определить, им и в голову не приходило! Что уж о нас говорить, о матери и бабушке, которые даже и не слышали тогда об этом.

Это — записанный мною несколько лет назад монолог несчастной матери. Одной из многих сотен тысяч несчастных матерей. С ее сыном, увы, все ясно. И тот срок отсидел, и новый, и судьба его видна до гробовой доски. Очень скорой и очень близкой.

Вот и думает несчастная мать: а если б тогда, если б сразу распознала — ведь смогла бы остановить, уж с 12-летним сыном еще бы совладала. Но ведь тогда, в то время, не думали-не гадали о такой беде.

Думают ли сейчас? Все ли знают, как заметить, определить. Ведь увидеть причастность к наркотикам на ранней стадии — значит, остановить болезнь в самом зародыше.

Специалистами выделены характерные признаки, по которым можно распознать подростка, употребляющего наркотики. Это:

— Состояние возбуждения или вялости, заторможенности.

— Речь быстрая, смазанная, непонятная.

— Как бы застывшее лицо или, наоборот, чрезмерное оживление мимики.

— Резкие смены настроения, вспышки враждебности, раздражительности без всякой причины.

— Бессонница, быстрая утомляемость, резко сменяемая энергичностью.

— Бледный цвет лица, круги под глазами, может быть покраснение лица, сальный налет.

— Отсутствие аппетита или, наоборот, вспышки прожорливости.

— Чрезмерно суженные или расширенные зрачки.

— Равнодушие, утрата интереса к прежним увлечениям и прежним друзьям...

Добавлю: если увидите у сына или дочери *папиросы* вообще или тем более папиросы в пачке из-под сигарет — можете уже не гадать. Ваш ребенок курит марихуану. Папиросы, гильзы папиросные, легко набивать *травкой*.

И еще есть один существенный момент. У подростка, который начал употреблять наркотики, часто появляется в поведении легкая высокомерная снисходительность ко всем и ко всему. В том числе, и к родителям. Мол, он знает нечто такое, о чем вы и ведать не ведаете... Этакая улыбочка внутреннего превосходства, поведение человека, приобщенного к неким высшим тайнам... Но будьте осторожны. Вполне возможно, что ваш сын так ведет себя оттого, что впервые поцеловал девушку. И думает, естественно, что такого чуда в жизни больше никто не изведал и не знает...

В любом случае, прежде чем начинать чрезвычайно сложный разговор с сыном или дочерью — сходите к наркологу, к психологу, посоветуйтесь. Как приступить к разговору... Речь-то идет о признании, о том, что подросток от вас сознательно скрывает. Ведь ситуация обоюдоострая: вы можете и ошибиться, мнительность родителей вполне понятна...

Конечно, есть абсолютно проверенный, стопроцентный способ определения. Это наркотесты. Простые, не требующие никаких специальных навыков. Наподобие тех, что широко распространены среди диабетиков, для моментального определения сахара в крови. То есть никуда ходить не надо. Никто, даже врач, не будет посвящен. Все делается на дому. Наркотест — это просто полоска картона. Она опускается в стакан с мочой — и тут же проявляется результат. Есть тест-полоски на один вид наркотика. Это нашего производства. А есть зарубежные, сразу на несколько видов.

Простота и удобство в использовании, быстрота и точность полученного результата, полная конфиденциальность — лучше не придумаешь. Но у нас наркотесты еще малоизвестны. Многие родители о них и не слышали. Тем более никто не знает и не может рекомендовать, как их применять в семье. Здесь необходим особый такт. Одно дело школа, училище, где тестирование может проводиться как бы в обязательном порядке. Как, например, в США, где во многих учебных заведениях введены специальные программы контроля. И совсем другое дело — дом, семья. Надо учитывать и нашу ментальность, отличную от западной, где медицинские тесты, визиты к психоаналитику давно стали чем-то вроде соблюдения правил личной гигиены...

Нельзя не отметить один очень важный момент. Как показал опыт стран, где наркотесты нахо-

дят широкое распространение в семьях, они там играют роль *сдерживающего фактора*. Подростки опасаются сделать первый шаг к употреблению наркотиков из элементарной боязни мгновенного разоблачения. Ведь страх (не будем обходить это слово) перед родителями за совершение неблаговидного поступка — он был и будет.

Может быть, само тестирование и не надо проводить. Или сразу же настаивать на нем. Может, для вашего сына или дочери будет достаточно уже знания того, что в доме есть *такая штука*... Сдерживающий фактор. Но как сказать об этом детям, как принести эту штуку в дом и как показать ее, как завести первый разговор, чтобы не задеть их чувства, не вызвать сразу отпора... Посоветуйтесь с психологом, учителем, врачом-наркологом. Разыграйте, придумайте вместе некую ситуацию. К примеру, у отца на работе сегодня все обсуждали статью в каком-то заграничном журнале про наркотесты. Что это такое? А правда, что в Америке они применяются сплошь и рядом, от Пентагона до школ, от банков до колледжей и мэрий? Говорят, сам факт существования наркоконтроля и наркотестирования в частных фирмах и на государственной службе имеет огромное значение. Ведь что у нас происходит на дискотеках? Шестнадцатилетний юноша с завистью смотрит, как раскованно и уверенно ведет себя там какой-нибудь двадцатитрехлетний молодой человек — прекрасно одетый, стильный, богатый. И сам он чуть ли не демонстративно нюхает кокаин (это ведь "шикарно", все знают, как это дорого!), и других угощает, приближенных. А вокруг шепчутся: "Это такой-то, из такого-то банка..." Так у шестнадцатилетнего человека поневоле складывается в голове и в душе один ряд: работа в престижном банке, кокаин, шикарная жизнь... В Америке такое невозможно. Там — при повсеместном наркоконтроле — подросток знает, что, став наркоманом, высокооплачиваемую работу в солидной фирме он не получит никогда... А правда, что и у нас будут вводить?.. А где его купить? Интересно бы посмотреть, что это такое... И так далее. Самое главное — завести первый разговор. И двигаться постепенно, как бы ненароком, без обострений и резких заявлений, ультиматумов...

Простите, что перешел уже чуть ли не к назиданиям. У каждой семьи свой мир, свой строй, своя атмосфера. Просто я напоминаю на всякий случай, что дело новое, необычное, и перед нами не взрослый человек, которого можно обязать, и не кулек в пеленках, который мы перекладывали с места на место, как хотели, а существо особое: с одной стороны, вроде бы постоянно ощетиненное, настроенное на отпор по любому поводу и чаще всего без всякого повода, а с другой стороны — беззащитное и легко уязвимое. В общем — подросток.

Чем раньше вы узнаете о болезни — тем больше шансов вылечить. Потому что эффективность лечения напрямую связана со сроком употребления наркотика. Лечение от наркозависимости — это тоже область, практически не известная родителям. А еще вернее — сознательно или бессознательно запутанная.

Медицина

Можно ли вылечить наркомана?

Наш народ — мифотворец. В стране, по моим прикидкам, десять миллионов наркоманов. Понятно, большая часть — тайные. Но предположим, что около миллиона — *зарегистрированные*. То есть те, кто сам пытался или кого пытались лечить. У них есть родители, бабушки и дедушки. Друзья, знакомые. Огромное количество людей набирается. И все они *знают, как трудно идет лечение наркозависимости*.

И тем не менее именно в нашей стране и в нашем народе, как ни в одном другом, живет и процветает миф об излечивании наркозависимости. Более того — о легком излечивании наркозависимости.

На встречах в самых разных аудиториях я привожу такую аналогию. Все мы знаем, что такое грипп. Представим, что от гриппа вылечивается 5 процентов заболевших. То есть пять человек из ста. А остальные 95 человек из 100 продолжают мучительно болеть и в конце концов умирают.

Скажем ли мы после этого, что грипп вылечивается?!

Ну разумеется — нет. Мы же не идиоты.

В Германии, где медицина не в пример лучше нашей, полностью излечиваются от наркозависимости 5 процентов больных. Пять человек из ста. Но почему же тогда мы повсеместно слышим и сами говорим, что наркозависимость излечивается? В ответ — дружное пожимание плечами...

Как говорят сами наркоманы, бывших наркоманов не бывает. Утро наркомана на ремиссии начинается примерно с такого сеанса самопсихотерапии: "Я — наркоман, у меня потребность в наркотике. Но я отдаю себе в этом отчет и буду держать себя в руках, я могу победить, я сильный!"

Страшная суть в том, что после снятия физиологической зависимости все равно остается психологическая зависимость, тяга к наркотику, к испытанному кайфу. Как будто в голове сидит зверь, который грызет тебя каждую секунду и требует: "Дай! Дай! Дай!" И многие, очень многие — не выдерживают.

Это жестокая правда. Но ее надо знать. А то к существующему непонятному мифу об излечиваемости добавилась еще и современная реклама, вносящая в наши головы полный и окончательный сумбур. В метро вагоны оклеены обещаниями в шесть дней избавить от вселенской болезни. А некая клиника в газете тиражом три с половиной миллиона экземпляров (!) заявила:

"Только что в области медицины свершилась настоящая революция... Таких людей (наркоманов — **С.Б.**) считают неизлечимыми даже в высокоразвитых государствах: врачи расписываются в бессилии современной медицины и разводят руками. Снимите лучше свои шляпы, господа! Снимите шляпы перед лучшими умами нашего Отечества, ибо они нашли новый, революционный способ раз и навсегда избавить страждущих от смертельной кабалы".

Вот так вот! Видели "патриота"? Снимите, говорит, шляпы перед нашими. Как тут не возгордиться. Вся мировая медицина бьется над тайной наркозависимости, а наши никому не из-

вестные ребята, *через два месяца после регистрации клиники* совершают "революцию в медицине"...

Однажды судьба свела в одной телевизионной передаче тогдашнего главного нарколога страны Владимира Егорова и меня с довольно известным частным врачевателем Н.Н. Я был категорически против такого соседства: или он — или я. И мне пообещали. Но, не по вине телевизионщиков, тот знаменитый врачеватель все-таки вышел в прямой эфир. Мы с Егоровым не были готовы к такому повороту. А в прямом эфире, когда ты на глазах миллионов людей, сразу сориентироваться нелегко. Но передача приобрела такой рекламный характер, Н.Н. с такой безапелляционностью заявлял о своем всемогуществе, что я не выдержал, перебил его и напрямую обратился к телезрителям. Мол, будьте осторожны, мировая медицина бессильна. Тот, кто найдет способ избавления больных от этой болезни, наверняка получит Нобелевскую премию! И если верить словам врача Н.Н., то мы видим перед собой как раз такого человека. Скажите, господин Н.Н., вы запатентовали свою методику?

Н.Н. поперхнулся. Только на секунду. Спасибо этой секунде. А то бы он, напористый говорун, снова начал вещать, прямой эфир бы кончился — и миллионы телезрителей остались бы с убеждением в его медицинском всемогуществе.

Нас спасла эта секундная пауза. В нее-то и вклинился главный нарколог страны Владимир Егоров и сказал, что министерство трижды предлагало врачу Н.Н. пройти экспертизу его метода и трижды Н.Н. отказывался.

Повторю: речь шла о частном враче, который очень известен.

Так он, как я сейчас понимаю, просто скромник по сравнению с нынешними "революционерами в области медицины". Мне только одно непонятно: зачем тратиться на рекламу, которую увидят-не увидят, поверят-не поверят... Я предлагаю самый прямой и самый простой путь к величайшему богатству и всепланетной славе. Пройдите экспертизу, запатентуйте метод. Получите Нобелевскую премию! Не хотят...

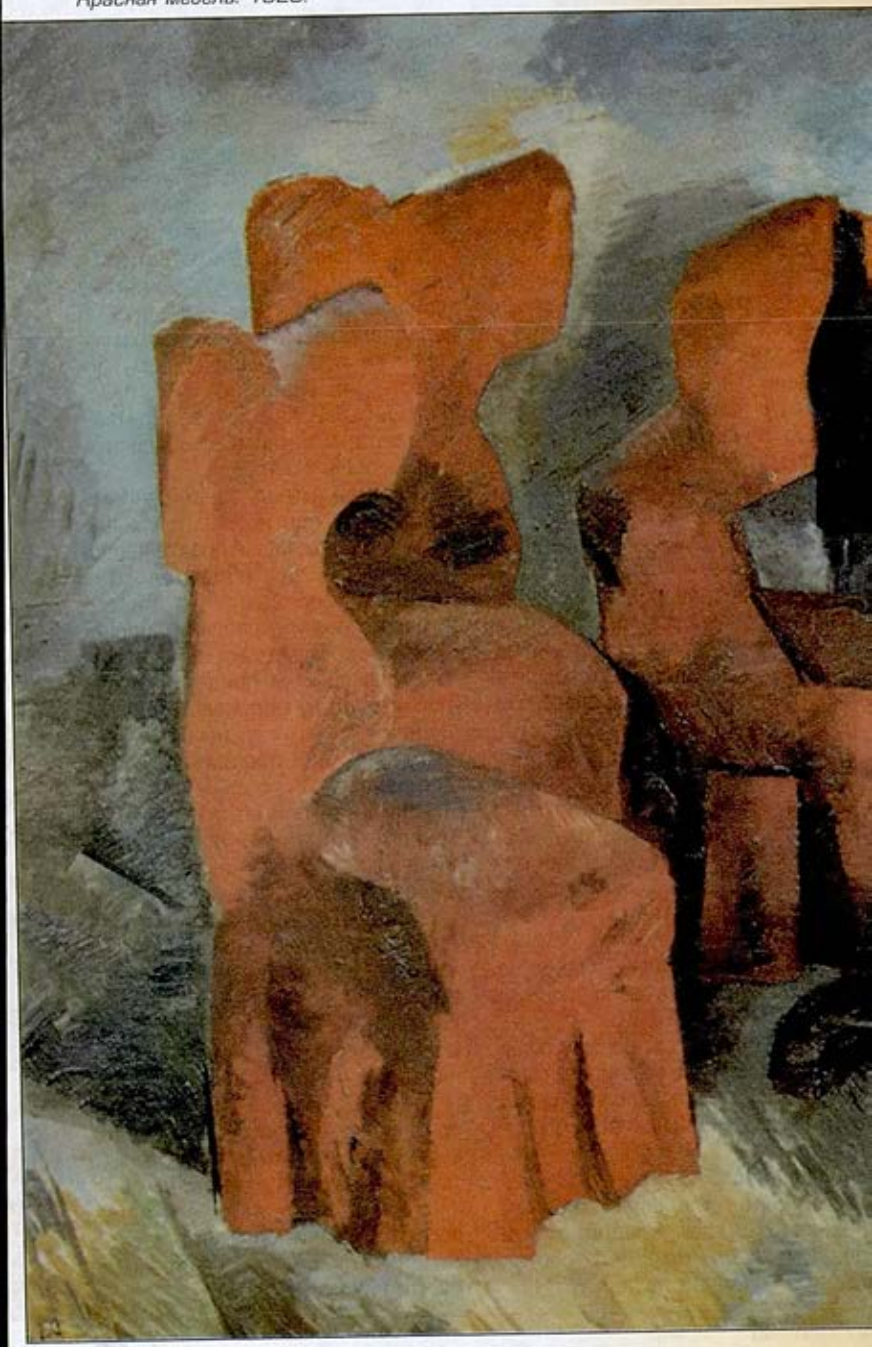
На мой взгляд, такая реклама не только противоречит врачебным канонам, но и просто-напросто опасна для общества. Она внушает молодым, что ничего страшного в употреблении наркотиков нет. Насмотрится, начитается мальчишка и придет к нехитрой мысли: ну подумаешь, подсяду немного на иглу, испытаю, что это такое, а потом вылечусь и — все дела!

Когда он поймет, что попался на самый страшный обман в своей жизни, может быть поздно. Скорее всего — будет поздно.

Простите за жестокость. И еще раз напомню: чем раньше вы узнаете о болезни сына или дочери, чем раньше начнете за него бороться, лечить — тем больше шансов вернуть его к нормальной жизни.

...Каждую минуту, вот в эту минуту, что вы читаете, в сотнях и тысячах дворов подходят к мальчишкам парни постарше и предлагают: " Курни, получишь кайф". И мальчишки соглашаются. Потому что ничего не знают. ■

Красная мебель. 1920.

Роберт Фальк

Владимир СОКОЛОВСКИЙ

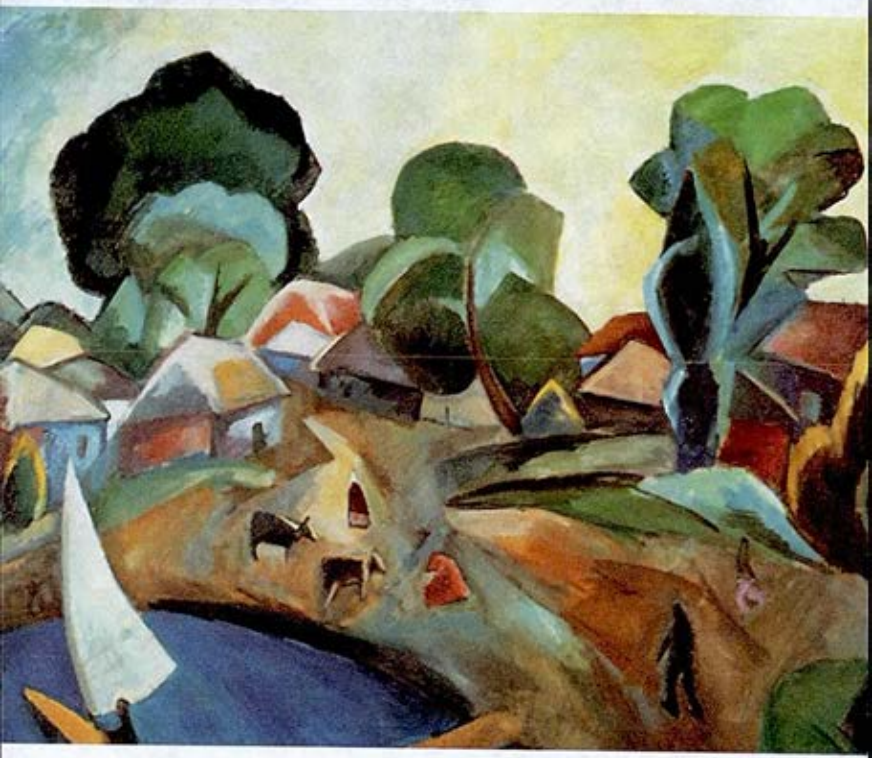
Сидящая натурщица. 1930-е.

"Постоянная неудовлетворенность собой — необходимое условие возникновения серьезного искусства. Если художник доволен собой и считает, что истина у него в кармане, это значит, что у него никогда ничего не получится. Напротив, если человек постоянно не удовлетворен результатом своего труда, это значит, что он на верном пути". Эти слова Роберта Фалька как нельзя лучше характеризуют его самого и как художника, и как человека. Несмотря на мощь дарования, его творческий и жизненный путь не был "усыпан розами". Но обладая характером волевым и настойчивым, он с мудрым спокойствием принимал неотвратимые жизненные невзгоды. Не шарил в поисках истины "у себя в кармане", а стремился обрести ее в собственной душе и окружающем мире. Как художник он был необычайно требователен и обычно работал медленно, тщательно прописывая каждую вещь. И то, что им сделано, позволяет поставить его в один ряд с крупнейшими мастерами изобразительного искусства XX века.

Роберт Рафаилович Фальк родился 27 октября 1886 года в Москве в состоятельной еврейской семье. Рисовать начал в раннем детстве, и уже с семилетнего возраста целенаправленно стремился отразить на листе бумаги все свои яркие впечатления. А во время поездки с родителями летом на курорт даже вел рисовальный дневник, для того чтобы затем подробно рассказать о своем путешествии кухарке, к которой был сильно привязан, а сделанные в альбоме зарисовки использовать как иллюстрации. В уютной комнате доброй деревенской женщины, служившей в доме Фальков, мальчик любил бывать. Здесь все ему нравилось. Особенно стеганое пестрое одеяло, состоявшее из разноцветных лоскутков. (Много лет спустя, работая над оформлением спектакля "Путешествие Вениамина Третьего" в Государственном еврейском театре ГОСЕТ, он вспомнил об этом одеяле и воспроизвел его в композиции занавеса к спектаклю.) А еще маленького Фалька привлекал огромный кованый сундук, где кухарка хранила свое имущество. Вся его внутренняя сторона крышки была аккуратно обклеена яркими лубочными картинками, обертками туалетного мыла, рекламными этикетками. Мальчик мог все это богатство рассматривать часами, словно настоящую коллекцию живописи.

К одиннадцати годам увлечение рисованием временно отступило на задний план. Роберту подарили рояль, и он увлекся

музыкой. Даже достиг таких значительных успехов, что в шестнадцать лет стал готовиться к поступлению в консерваторию. Но тут родители вновь преподносят ему подарок, на сей раз — масляные краски. И как впоследствии выяснилось, поступают весьма опрометчиво. Роберт вновь увлекся рисованием, и уже бесповоротно, со всем пылом, отдался художнической страсти. Как вспоминал сам Фальк, для него в те годы не было ничего отраднее, как бродить по лесу, или по околице вдоль плетня, или около пруда и запечатлевать все понравившиеся ему виды. Он твердо решил, что будет художником. Но Рафаил Фальк, отец семейства, даже слушать о такой глупости не пожелал. Он настаивал, чтобы его сын стал юристом, врачом-стоматологом или овладел еще какой-либо респектабельной и доходной профессией. И постарался убедить Роберта, что у того нет никакого дарования. Однако сын упорствовал. Тогда отец, преуспевающий юрист, а также акционер солидной издательской фирмы, предложил следующее испытание. В это время издательство занималось выпуском классических произведений русской литературы, а иллюстрации к ним выполняли именитые мастера, в их числе и Валентин Серов. К нему на суд и отнес однаж-

Пейзаж с парусом. 1912.

Портрет Нарышкиной. 1929.

ды вечером Фальк-старший рисунки сына. Приговор мэтра, по словам отца, оказался суров: "Пусть лучше продолжает заниматься музыкой". Хотя для Роберта это оказался и тяжелый удар, но от своего желания он не отступил. И время подтвердило его правоту. Когда в 1905 году он поступал в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где в числе наиболее авторитетных профессоров преподавал все тот же Серов, то прошел по конкурсу в числе первых. Одновременно с Фальком в Училище занимались Петров-Водкин, Лентулов, Машков, Рождественский, Сарьян... Все они стали впоследствии яркими, крупными художниками и всю жизнь с благодарностью вспоминали уроки, полученные от преподавателей, особенно Серова и Константина Коровина. Серов был очень суровым и требовательным учителем, а Коровин, напротив, предоставлял своим ученикам полную свободу, при этом исподволь, умело и ненавязчиво направляя ее в нужное русло. Оба мастера заложили в своих учениках те твердые основы технического мастерства, тот, по выражению Сарьяна, "хребет и костяк", на котором затем выстраивалось их собственное художественное "я". Демократичное по своему духу Училище приветствовало все новейшие художественные веяния. В то время кумирами студентов стали импрессионисты: Сезанн, Ван-Гог... А Фальк увлекался дивизионистами или неоимпрессионистами — Сёра и Синьяком. Они писали мелкими дробными светящимися мазками, отчего их полотна иногда напоминают мозаики или витражи.

В 1907 году Фальк пишет "Лиза на солнце" — в подражание своим кумирам, отчего вся поверхность полотна словно прошита дивизионистскими мазками-"стежками". Но одновременно в ней явственно звучит не французская, а вполне русская интонация, родственная, например, произведениям Борисова-Мусатова. И она здесь не случайна. Лиза — Елизавета Сергеевна Потехина — училась вместе с Фальком. Молодые люди полюбили друг друга и решили обвенчаться. Но родители Фалька и родители его возлюбленной, происходившей из старинного дворянского рода, противились браку. И все же компромисс был найден. Перед венчанием Фальк крестился, приняв имя Роман.

В Училище стремление к обновлению отечественного искусства привело наиболее ярких студентов к идее создания объединения "Бубновый валет", просуществовавшего с 1910 по 1917 годы. Члены объединения ставили под сомнение ценность старого искусства, а то и просто отвергали его. В своих произведениях они стремились соединить формальные новации Сезанна с традициями русского народного лубка, а позднее прибегали к деформации и сдвигам форм в духе кубизма и футуризма. Круг экспонентов первых выставок "Бубнового валета" оказался довольно широк. Наряду с русскими художниками в них участвовали завоевавшие уже себе имя французские мастера —

Дарен, Леже, Бюрак, Ван Донген, Пикассо, а также немецкие экспрессионисты — Кирхнер, Пехштейн, Марк и Макке.

Выставки сопровождались большими скандалами. Благовоспитанная публика приходила в ужас не только от стиля живописи, но даже от оформления: картины не развешивались, как обычно, в рамках, а стояли, прислоненные к стенам, как в мастерской. Однако работы Фалька выделялись особой гармоничностью, сдержанностью, уравновешенностью и некоей интеллектуальной утонченностью. А также, возможно, решением чисто художественных задач, в то время, как некоторые художники чрезмерно увлекались эпатажем. Не случайно, уже на первой выставке, несмотря на общую оппозицию со стороны публики и критики, была куплена именно картина Фалька, и за сумму по тем временам немалую — 300 рублей. Впрочем, в тот период Фальк находился все еще в поисках своего собственного стиля. И в его работах проявляется то экспрессионистическое, то кубистическое начало, которые как бы находятся и в борьбе, и одновременно тяготеют к соединению. Некоторые из его работ, например, "Храм Ильи Обыденного", отмечены особой четкостью и выразительностью контуров (и в этом сказывается воздействие изысканного Кирхнера). В других — кубистическое разложение форм. Но эти сдвиги и деформации имеют, скорее, эмоциональную подоплеку, как выражение порывов человеческой души.

В 1911 году Фальк совершил путешествие по Италии. И можно сказать, что с этого времени он начинает "поворачиваться лицом" к классическому наследию. (Кстати, путешествие стало возможным именно благодаря той самой продаже картины.) Он обошел почти всю Италию пешком, обедая в дешевых трактирах, ночуя на третьеразрядных постоялых дворах. Здесь Фальк почти ничего не писал. Он просто с упоением окунался в атмосферу итальянских городов, во многом сохранивших без изменений свой исторический облик со времени Ренессанса и даже более ранних эпох — вплоть до античности. Особое впечатление на него произвели работы Веронезе, а также росписи Сикстинской капеллы Микеланджело. Под влиянием итальянского искусства его собственные произведения обрели пространственную глубину, не свойственную другим "бубнововалетчикам". Значительную роль приобрело изображение окна, как средства соединения внутреннего и внешнего мира. У окна он расставляет предметы своих натюрмортов, сажает или ставит модели портретов. Фальк словно одухотворяет предметы, придавая им особую светоносность и усиливая психологическую и символическую роль цвета. "Цвет предметов нужно писать не красивый и похожий, а психологически необходимый и создающий нужное настроение", — любил говорить он.

Апофеозом кубо-экспрессионизма Фалька и одновременно торжественным прощанием с его кубистической составной ста-

ла знаменитая "Красная мебель", написанная в 1920 году. В ней как бы собраны воедино основные краски фальковской палитры — страстно полыхающий красный, разнообразные оттенки серого и белый, который художник называл "самым цветным". (Эта вещь создана в пору глубокого душевного потрясения. Он начал работать над картиной в санатории для нервных больных в Покровском-Стрешневе, где принял так мучительно давшееся решение развестись с Елизаветой Потехиной и оформить брак с Кирой Константиновной Алексеевой, дочерью Станиславского.) Красный здесь приобретает характер бушующего пламени. Кресла и диван, покрытые красными чехлами, напоминают красные платья и словно берут в кольцо маленький столик с черной крышкой и возвышающейся на нем черной винной бутылкой. Столик наполовину закрыт небрежно ниспадающей к полу скатертью грязно-серого цвета. И только один маленький кусочек незаполненного холста — чистого, белого, словно полоска "белых" воспоминаний. Вся композиция точно движется в бешеном вихре — вокруг ножек стола, похожих на пропеллер. Следы этого же вихревого движения — в исполненном ранее, в 1918-м, портрете Елизаветы Потехиной, названном художником "Дама в красном". Какой "закрытой" кажется эта женщина. Колючий взгляд сощуренных в щелки глаз, тонкие губы, нос заострен — и весь облик какой-то заостренный, угловатый. Ее наглухо застегнутое красное платье и серая шляпа напоминают броню и панцирь. И даже в картине "Обнаженная", где модель лежит также на красном покрывале, зрителя преследует все тот же колючий взгляд узких глаз и упорно поджатых тонких губ.

В отличие от многих представителей авангарда XX века, тяготевших к разложению формы на простейшие элементы и к использованию чистых, несмешанных красок, Фальк обращается к более традиционным методам построения колорита — в духе старых мастеров. Особенно это проявилось в картине "Женщина в красном лифе", написанной Фальком в 1922 году. Моделью послужила художница Раиса Вениаминовна Идельсон — ученица Фалька во Вхутемасе (где он с 1920 года занимал должность профессора), впоследствии она стала его третьей женой. Фальк написал ряд замечательных портретов Раисы Идельсон, с особой лиричностью и проникновенностью. Что, впрочем, и понятно. Художник смотрел на свою модель влюбленными глазами.

В 1927-м Фалька назначили деканом живописного факультета Вхутеина (бывшего Вхутемаса). Мастерская его считалась лучшей в Москве, именно в нее стремились в первую очередь попасть все начинающие художники.

В 1928 году Фальк отправился в творческую командировку во Францию, для изучения творчества французских художников. Среди его любимых мастеров был, конечно, Сезанн, кото-

рым Фальк восхищался всю жизнь. Затем Коро — но не его хорошо известные пейзажи, а, в большей степени, фигурные работы. Ведь и сам Фальк свои портреты — или, точнее говоря, изображения людей, считал наиболее важным в своем творчестве. Большую часть девятилетнего пребывания во Франции Фальк провел в Париже. Париж казался Фальку особой страной, где каждый район, как город, со своей специфической средой. Он досконально исследовал его, девятнадцать раз меняя место проживания. Но Фалька привлекал не парадный, хрестоматийный Париж "для иностранцев", а Париж, увиденный "с черного хода", его рабочие и фабричные районы, где большей частью жил и работал сам художник. В одном из писем, присланном из Франции, Фальк рассказывал: "Пишу я почти исключительно улицы Парижа, но не тот Париж, который все любят и знают. Не большие бульвары, не грандиозные площади, перспективы. Нет, наоборот! — серые, бедные улицы, мрачные дома, пустыри и так далее. И нахожу в этом большую для себя прелесть и поэзию". Таковы, например, созданные в 1934-м парижские виды "Мост на окраине Парижа" ("Мост в Сен-Клу") и "Место под застройку". А в исполненном в 1936-м году полотне "Мост у старой тюрьмы" — с черной массой мрачного тюремного здания на фоне закатного неба — уже не столько "прелесть и поэзия", а, скорее, драма, предчувствие надвигающейся катастрофы. Это был Париж накануне начала Второй мировой войны. В 1937 году Фальк покинул Францию, хорошо понимая, что в случае промедления он никогда не сможет вернуться на Родину.

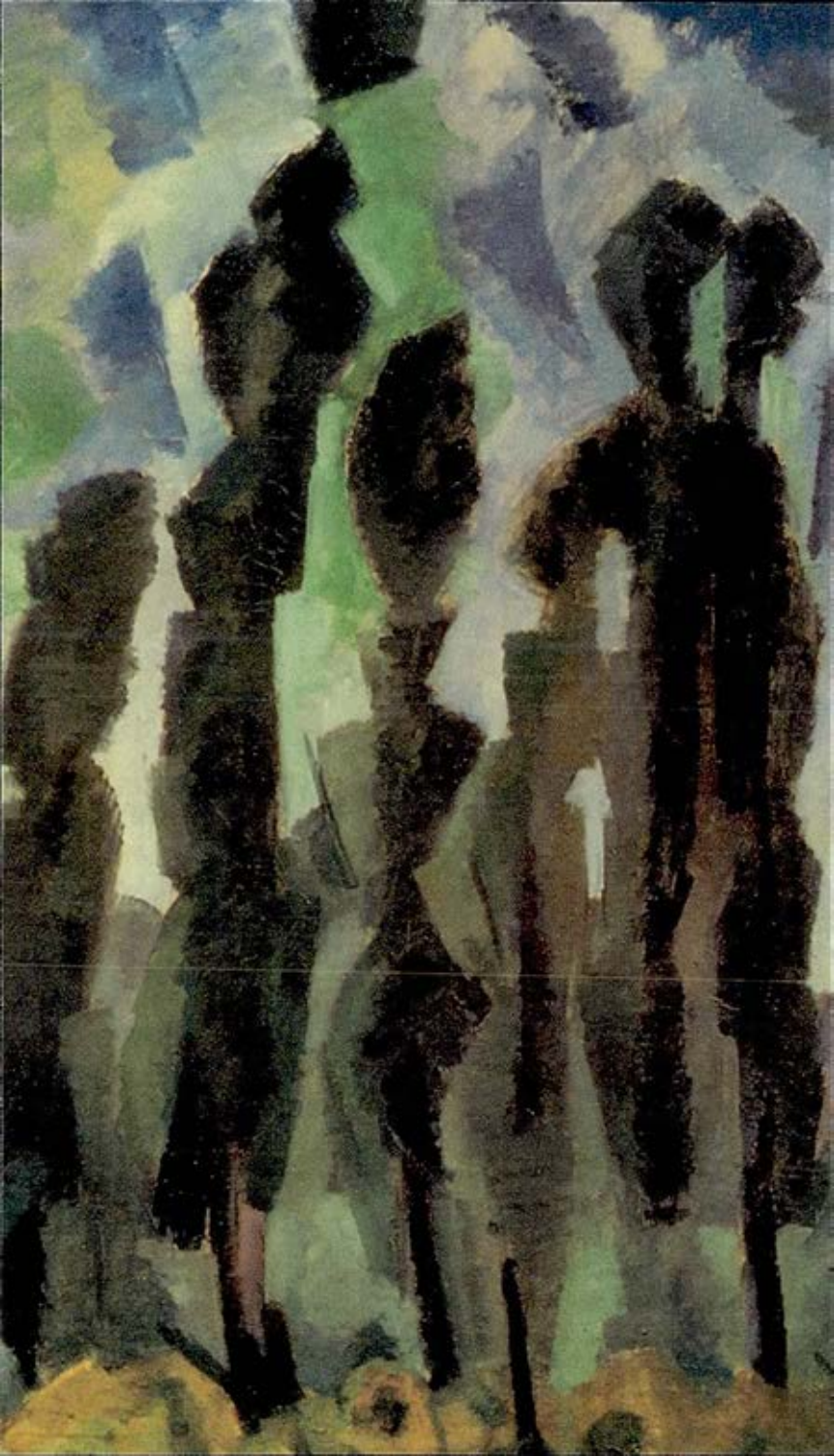
Два года спустя, в 1939-м, открылись его выставки — сначала в Доме писателей, а позднее, в более расширенном варианте, в ЦДРИ — своего рода "творческий отчет" Фалька за парижские годы. Выставки практически не освещались в прессе, были весьма холодно встречены и публикой. На художника сыпались упреки в том, что, дескать, "Париж Фалька" совсем "не парижский". Но нашелся, по крайней мере, один человек, который очаровался и его "непарижским" Парижем и уникальностью, неповторимостью творчества, а также и личностью Фалька. Это Ангелина Васильевна Щекина-Кротова — переводчик и педагог. Увидев, что она часто приходит на выставку, подолгу задерживаясь перед его полотнами, Фальк пригласил ее в свою мастерскую. И вскоре после этого они поженились. Художнику уже перевалило за пятьдесят, но он был полон сил и работал как одержимый. Высокий, худой, в своей неизменной серой рабочей блузе, он походил на каменотеса и нес на себе физические нагрузки именно каменотеса, простаивая за мольбертом с раннего утра до позднего вечера. В это время он много работал для театра. Оформил спектакли "Соломон Маймон" Даниэля и "Испанцы" Лермонтова в ГОСЕТе, "Лгун" Карло Гольдони в Театре имени Моссовета, "Заколдованный портной" Шолом-Алейхема

Женщина в белой повязке. 1923.

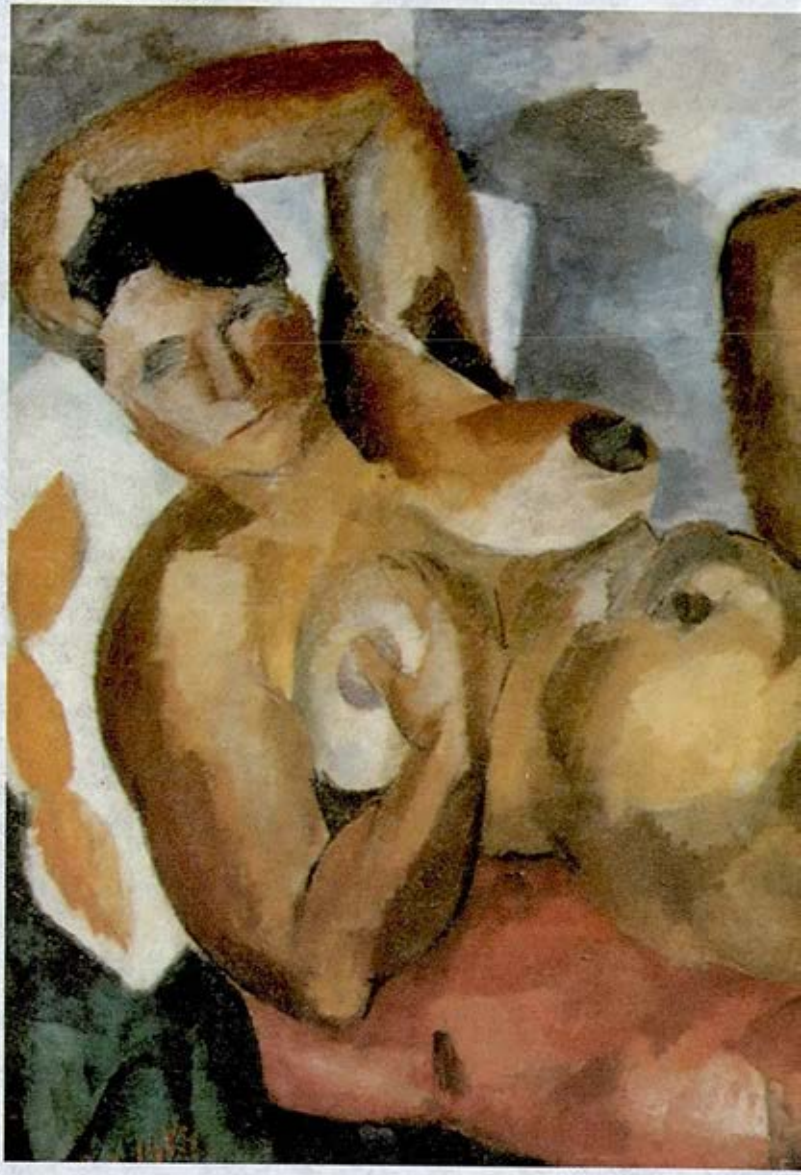

Солнце. Крым. Козы. 1916.

Обнаженная. 1916.

в Белорусском еврейском театре... В оформлении лермонтовских "Испанцев" Фальку помогал его сын Валерий, тоже художник. В то время работа в театре не только приносила Фальку творческое удовлетворение, но и давала основной заработок.

Полученные в театре гонорары позволяли заниматься главным — работать над картинами. Фальк с равным энтузиазмом писал как маслом, так и акварельными красками. Только полотна, написанные маслом, он называл "романами", в то время как акварели сравнивал с поэтическими импровизациями. Большое значение Фальк также придавал рисунку. Однажды сказал, что считает рисунок основополагающим в своем творчестве, ибо "живопись — это не что иное, как цвет, положенный на верное место, а верное место — это и есть рисунок".

Когда началась война, Фальк и Щекина-Кротова уехали в эвакуацию — сначала в Башкирию, а затем в Среднюю Азию. В 1943 году Валерий ушел добровольцем на фронт и погиб под Сталинградом. Фальк тяжело переживал потерю сына. Забвение находил только в работе. В созданных им в военные годы видах Самарканда отсутствует та кричащая экзотика, которую обычно акцентируют живописцы, изображая эти места. Пейзажи Фалька с их матовой голубизной неба, словно застывшего в знойном воздухе, и золотисто-желтыми каменными постройка-

Финус. 1956.

ми, проникнуты тонкой поэзией и таинственной волшебной атмосферой восточной сказки.

После войны Фальк вернулся в Москву. По-прежнему сотрудничает со столичными театрами и пишет картины. Так возникает целая портретная галерея, героями их становятся его жена и друзья — художники, литераторы, актеры, музыканты, искусствоведы, "люди сильного интеллекта". О Михоэлсе Фальк говорил: "Михоэлс — великий актер. Актер от Бога. Он не "играет", он живет. Живет в непрерывном общении". Художник закончил портрет Михоэлса, над которым работал несколько лет, в последний год жизни великого артиста — незадолго до его трагической гибели.

Искусство самого Фалька в конце 40-х— начале 50-х годов пришлось не ко двору и для властей, занимавшихся борьбой с "космополитизмом", и для официальной критики, добивавшей "пережитки формализма". Но почти полное замалчивание и игнорирование со стороны "официоза" компенсировалось преданностью и моральной поддержкой жены и близких друзей. И Фальк продолжает работу. Помимо портретов пишет пейзажи и натюрморты, превращая самые простые мотивы в поэтичные сюиты, где краски сверкают и переливаются подобно драгоценностям.

Лишь в 1958 году состоялась большая персональная выставка работ Фалька в МОСХе. Среди шедевров Фалька на ней был представлен и последний автопортрет "в красной феске", потрясший друзей и почитателей художника. Почти все они усмотрели в нем явные признаки приближающейся кончины. Действительно, лицо художника серо-землистого оттенка уже, кажется, тронуто печатью вечности. Взгляд под очками — словно остановившийся в момент смерти. Но красно-малиновая шапочка, по форме напоминающая скуфью православного священника, а по цвету — шапку кардинала, превращается в символ побеждающего бессмертного духа, над которым смерть не имеет власти.

Роберт Фальк скончался 1 октября 1958 года. Похоронили его на Калитниковском кладбище в Москве. В своих воспоминаниях "Люди, годы, жизнь" Илья Эренбург писал о Фальке: "Он работал до самой смерти, иссступленно, мучительно, уничтожая холсты и в десятый раз замазывая, соскребая краски, нараставшие, как струпья. И снова писал, в пятый, в десятый раз возвращаясь к той же модели, к тому же натюрморту. Он работал и когда его выставляли, и когда перед ним закрывали все двери. Работал, не думая, выставят ли его холсты. Говорил не потому, что перед ним был набитый людьми зал, а потому, что у него было много что сказать". ■

фан·та·зер·ка·

Несмотря на молодость и скромный актерский стаж, Полина Агуреева за последнее время получила просто оглушительное признание критики. Это подтверждается престижнейшими театральными премиями — "Дебют", "Триумф", "Чайка", призом зрительских симпатий по результатам, читательского опроса газеты "Комсомольская правда". Секрет успеха, разумеется, в ее таланте, но еще и в том, что талант этот раскрылся в руках опытного "гранильщика" Петра Фоменко. В прошедшем сезоне известный театральный мастер стал настоящим "именинником". За спектакли по прозе Л.Толстого он назван лучшим театральным режиссером. А Национальной театральной премии "Золотая маска" был удостоен его новый спектакль "Одна абсолютно счастливая деревня", где главную роль играет Полина Агуреева. Так что это и ее успех. И, наконец, сразу три актрисы театра "Мастерская П.Фоменко" Ксения Кутепова, Галина Тюнина и Полина Агуреева победили в номинации "Лучшая актриса 2000-2001 годов".

— Честно говоря, я не люблю о себе рассказывать, потому что это не интересно. Кроме того, не могу похвастаться легкими отношениями с людьми. Наверно, потому, что я интроверт... Но попытаюсь. Родилась в Волгограде. Многие считают, что это замечательный город, в котором живут самые красивые девушки, но лично мне он не нравится: какой-то тяжелый, "пробетонированный". Единственно, что люблю в тех местах — природу, степь, Дон, жару... У меня есть брат, он на десять лет младше, и сестра, а она — на двадцать. Когда мне исполнилось семь лет, мы переехали в Москву. Здесь пошла во второй класс, папа учился в МВТУ, а мама преподавала литературу в школе. Жили в студенческом общежитии на Бауманской.

— Почему вы считаете себя интровертом? Вы замкнутая, не коммуникабельная?

— Это значит, что о людях, фактах, мире сужу исходя только из своей внутренней жизни, а не из внешней информации. Сужу по своему внутреннему камертону. И во-

обще я плохо уживаюсь с объективной реальностью. Мой внутренний мир для меня реальнее.

— Чем вы занимались в детстве в свободное от учебы время? Наверно, спорт, кино, видео?

— Да нет. Влюблялась, книжки читала. Преимущественно классику. Я очень люблю Достоевского, особенно "Братьев Карамазовых". Никто так точно, достоверно и глубоко не описывает странности человеческого поведения, психологию. А еще я окончила музыкальную школу по классу фортепьяно. Родители заставили. Правда, сейчас чаще играю на гитаре. А после школы сразу поступила в ГИТИС. В тот год свой новый курс набирал Петр Наумович Фоменко. На приемных экзаменах читала Марину Цветаеву. Очень люблю ее стихи за их ярость.

До института довольно смутно представляла себе, что такое театр. Хотя с детства мечтала стать актрисой. Сколько себя помню, у меня всегда была насыщенная внутренняя жизнь. Много переживала и думала, в первую очередь, о смысле жизни.

— Из своего курса Фоменко и создал свой нынешний театр?

— Да. А потом некоторых выпускников тоже пригласил к себе.

— А какой был ваш самый любимый учебный спектакль в ГИТИСе?

— В постановке Елены Невежиной — ученицы Фоменко, мы ведь

учились на актерско-режиссерском курсе — "Холодно или горячо, или Идея господина Дома" бельгийского драматурга Кармелинка, автора "Великолепного рогоносца". Мы с Леной за этот спектакль получили премию "Дебют". Она в номинации "лучший режиссер", а я — "лучшая актриса". И мы поехали в Париж, вместе с другими лауреатами. (Это, собственно, и стало материальным выражением премии). Мне папа на поездку дал 700 долларов (бешеные деньги), а я их умудрилась потерять по дороге в аэропорт. Испытала такой шок, что даже не плакала. Наоборот, стало ужасно смешно, и я говорила своим спутникам: "Вот так и надо ездить в Париж!" Слава Богу, мне потом собрали в складчину немного денег.

— Вы давно в театре у Фоменко?

— Почти три года. Играю в основном лирических персонажей, хотя обожаю характерные роли. Мечтаю сыграть какую-нибудь колоритную стерву...

— А какая ваша любимая роль в текущем репертуаре театра?

— Полина в "Одной абсолютно счастливой деревне". По ходу пьесы она выходит два раза замуж, и от каждого из мужей рожает двоих детей.

— Мне кто-то сказал, что единственный театр в Москве, который можно назвать "семьей", — это театр Петра Фоменко.

— Мы действительно все в одной лодке. Наш театр такой странный, постоянно изменяющийся, похожий на живую клетку организм, построенный на очень сложных и тонких чувствах режиссера и актеров, где, в том числе, есть и взаимные обиды, и взаимное восхищение. А генератор всей этой странности — сам Петр Наумович, человек огромного творческого объема, создающий то самое напряженное движение, без которого невозможен его театр.

— В спектакле по прозе Толстого вы играете Наташу Ростову. На меня она всегда производила впечатление восторженной инфантильной чудачки. Мне показалось, что у вас получился другой человек.

— На мой взгляд, образ Наташи Ростовой многие воспринимают неправильно. Она не инфантильная, наоборот, очень страстная. У нее неудержимое желание любить и целиком отдаваться этому чувству.

— А вы сами какая? Наверно, легкая, веселая, неунывающая...

— Вовсе нет. Считаю, что я тяжелый человек, и мои близкие от этого очень часто страдают. У меня много заморочек, и потом я ужасно обидчивая.

— Можно сказать, что как актриса вы уже состоялись. Но человек никогда не останавливается на достигнутом. Хочется чего-то нового...

— Да. Хочу сыграть Марию Тимофеевну Девяткину из "Бесов" Достоевского. Юродивую, блаженную, но образ действительно интересный и сложный. А лично для себя — большой, настоящей любви.

— Это когда без скуки, усталости, монотонности, чтобы каждый день как праздник?

— Каждый день праздник — это невозможно. Но у меня есть силы преодолеть будничность в любви...

— А у вас бывает свободное время? И если да, то где вы его любите проводить?

— Я не хожу в клубы, рестораны, дискотеки. Почти все время на-

хожусь в театре. Живу я одна, в полупустой двухкомнатной квартире, купленной на бабушкины сбережения.

— Вы фантазерка? Любите себе придумывать чего-нибудь эдакое?

— Люблю дурака повалять, покуражиться, выпить, не перебарщивая, люблю розыгрыши, приколы...

— Полина, вы в кино снимаетесь?

— Нет. Я все время отказываюсь. У меня, наверно, вкус испорчен хорошими вещами. Я "отравлена" Петром Наумовичем, хорошим театром, поэтому не смогу сниматься в плохих фильмах или участвовать в сомнительных проектах.

— Видимо, жизнь вас еще не потрепала как следует...

— Не могу сказать, что я избалованная девочка, и живу в тепличных условиях. У меня много проблем и, в частности, материальных.

— Нет колье и норкового манто?

— У меня нет, например, раковины на кухне, и уже два года я мою посуду в ванной.

— А если бы вас Фоменко пригласил сниматься? Наверно, пошли бы, не глядя?

— Конечно, пошла бы.

— Даже если бы роль была не ахти какая?

— У Петра Наумовича не может быть "не ахти какая роль".

— Как вы относитесь к творческому долголетию? Можете представить себя на сцене Тарасовой или Гоголевой?

— Не знаю. Но классная актриса или актер с возрастом должны обрести высочайший уровень игры. Поэтому я за творческое долголетие. Хотя в жизни все очень сложно. Уходить надо, когда чувствуешь, что не можешь идти вперед. И это независимо от возраста.

— Что больше всего в жизни выводит вас из себя, возмущает, с чем вы никогда не сможете согласиться?

— Не терплю глупость и неискренность. Мне нравятся люди, которых можно было бы назвать "открытой системой". "Закрытые системы" не впускают в себя, ничего не способны услышать и ничего не отдают во вне.

— А что для вас важнее всего?

— Чтобы меня понимали, воспринимали адекватно, чтобы у меня была свобода принятия решений и... чтобы меня любили... ■

Беседовал
Юрий ПЕТЕЛИН.

Андрей ШАЦКОВ

ОСЕННЯЯ ЖЕНЩИНА
Светает. В овраге промокла заря.
Чернеет бессонная ночь за плечами.
Осенняя женщина — дар сентября,
Оборванной гроздью лежит на топчане.

Осенняя женщина, вереска цвет
Пришелся как раз на любви именины.
Я снова с тобой покупаю билет
Один на двоих — в никуда, в осенины,

Гремящие медью опавшей листвы,
Усталых древес, промотавших наследство.
И нам не уйти от недоброй молвы
И скрыть беспокойное пальцев соседство.

Антоновкой пахнут пустые сады.
Печально кружит лебединая стая.
На ангельских крыльях прозрачной слюды
Осенняя женщина в небо взлетает.

Осенние женщины, кто вас поймет?
Кому по плечу непростая награда?
И будет охота с борзыми и в лет,
На женщин, окраска осеннего сада!

И будут звучать средь осенних страстей,
От грусти Успенья до свадеб Покрова,
Прощальные оклики диких гусей,
Как поздней любви заповедное слово.

ПЕРЕД ТЕМ, КАК УЙТИ
Перед тем, как уйти в немоту, в темноту,
Оглянусь и к коленям твоим припаду.

Захочу заповедать, сказать, объяснить,
Что у нашей реки, где зеленая сныть,
Где, не зная покоя, свистят кулики,
Где в прощанье слились две щеки, две руки,
В угасающем отблеске летнего дня,
Ты должна иногда вспоминать про меня!

Чтобы снова и снова шептала листва
Позабытые в прошлом стихи и слова.
И звучали любви неземной голоса,
Поднимаясь туманом ночным в небеса.

Где на облаке светлом, под звездным венцом,
Будут ждать меня мама об руку с отцом.
Скажет мама: "Наверно, от суетных дел,
Ты, как зазимком битый, мой сын, поседел.
Неужели никто в этом мире, сынок,
Приголубить тебя, вместо мамы, не смог?"

Перед тем, как навек улететь в синеву,
Поцелую сухими губами траву.
Где когда-то в следах потаенно-босых
Поутру высыхали разливы росы.
Ворожила кукушка и пел Гамаюн,
Прославляя июнь,светозарный июнь!..

Не по первому снегу — последнему льду,
Я по россыпи белых ромашек уйду!

НОВОГОДНИЙ НОКТЮРН

Оторванным листом календаря
Кружился год, спускаясь по спирали,
И серпантинный мусор собирали,
Оставленный кончиной декабря.
На окнах морось, морок за стеклом,
Исход печали и печаль исхода...
Как странно отмечать Успенье года
В молчании за праздничным столом.

Минувшее, к утру твои шаги
Затихнут, унося больную память,
Лишь седины непрошенная заметь
Заволочит щетиной пол-щеки.

Останется: истома на крестах
И шпилях захолустья Ленинграда.
Где выщерблен булыжник плац-парада,
И чайки на разведенных мостах.

Над гулким Невским поздняя весна.
И лед Невы, как синий лед Байкала,
И светят звезды тускло в пол-накала,
Но все прозрачней ночи белизна!

И медленно отходит поезд прочь
Из Ленинграда в смутное сегодня,
И белый свет в канун предновогодья
На белый снег роняет тихо ночь!

Король шашлыка

Олег ОСЕТИНСКИЙ

Ну, Юрмала. Бывшая наша, а теперь ихняя конкретно — самолюбивая *заграница!* Майори, Дзинтари, Дубулты. Стандарт. Коррект. Зевок. Народу немного. Средний класс предпочитает Кипр, Турцию, даже Палангу.

На улице Йомас — все как раньше. Только русские газеты теперь валяются в самом низу стенда, прямо на асфальте. И меню — на всех языках, кроме русского. Мелкие уколы латышей компенсируют русские бандиты, — окруженные пузохранителями, они величаво шествуют по Йомас — босиком, в мятых семейных трусах. А в конц-зале — вечные русские бардады образца 60-х. И обязательно вам покажут дачу этого... как его... — ну, "калинарный техникум"!

Из баров — рубленая попса музыкального гуляша. Пива много — есть, кстати, и плохонькое. Самое лучшее — "Баусское". И чешское. Много скучной свинины! Не очень свежий творог. И вдруг — *запах.*

Запах!

Запах!

И — зурна!

Меружан из Зангезура

Надпись над простыми деревянными воротами — "Зангезур".

Уютный дворик с некрашеными деревянными столами.

Вхожу, и в уши плывет сладостная нега зурны...

В душу — сладкий дым над мангалом...

Колдующий над шашлыком человек медленно оборачивается, широко и плавно улыбаясь, — и я *столбенею*.

Глаза! Огненные глаза пророка и поэта, глаза великого Серго Параджанова — только вместо лысины очень длинные кудри. И рот — дельфиний, широкий, как у Бармалея в фильме Ролана Быкова...

И я сел. Заказал шашлык. Съел. И — *не понял*.

Поразила нежность и сочность мяса, так не характерная для наших ресторанов, легкость его разрезания — и ни одного грамма подгорелости!

И тогда конкретно обалдев, подозвал я этого непонятного повара, предложил выпить за *качество*.

Он отказался — мягко, интеллигентно, красивым баритоном: "Свои *"акопные" 150 грамм я уже выпил"*.

— "Акопные" — от слова Акоп?

— Нет, — усмехнулся шашлычник. — От слова "окоп". Вот мой окоп...

И он указал на горящий мангал...

Господа! Мы с друзьями провели в Юрмале 10 дней — и ели только у Меружана, ни-ку-да больше не ходили!

Стейки, ребрышки, шашлык, лаваш, челогач на косточке, ребрышки, отбивная — невероятные!

Шашлыки с огнем! Хашлама, легкая как сон.

"Легко на сердце от песни веселой", — это про хашламу из молодой баранины. Молоховец бы рыдала над этой хашламой!

Нашедший звон — дающий крест

Меружан Хачатрян родился в Зангезуре, глухой армянской деревушке: храм на вершине, сплетни у колодца, очаг у каждого дома.

— А что значит — Зангезур? — спрашиваю я.

— Зангезур — это "занг" и "зур". **Занг** — это колокол. А **зури** — когда люди предают друг друга. В Армении предатели опо-

вещали врагов звоном колокола. Предателей убивали, а колокол наказывали. Разжигали под ним костер — и он от жара и стыда терял звон. Звонарь выходит бить тревогу, а колокол немой! И звонарь простирает руки к Господу, и говорит: *"Занга зури!"*... Понятно? "Занга зури". Треснувший колокол. Колокол, потерявший звон.

— А как переводится твоя фамилия?

— "Хач" — это крест, а "тур"— давать. Хачатрян. *Дающий крест.*

А дело было так.

У каждого свои алые паруса

Каждому свое.

Моцарт заиграл на клавесине в три года.

Меружан в три года поднял два шампура с шашлыком!

Отец Меружана с русским именем Николай — в честь царя русского Николая, спасшего армян от турок — демонстрировал сына-вундеркинда всей Армении. Плата за показ — один баран. И вот Меружан подрос и, как порядочный армянский сын, послушался родителей — окончил Ереванский политех по специальности "электросвязь"... Стал работать инженером... И...

И тут с ним случилась *история...*

Помните свою комсомольскую юность? В честь 70-летия ВЛКСМ получил орден Дружбы народов, и по всей стране пронесся смерч комсомольских сабантуев. Примерный комсомолец Меружан попал на встречу в ЦК. На банкете увидел жутние комсомольские шашлычки — и есть отказался. Был скандал — "А ты что, лучше, что ль, можешь? Делай".

— А дальше... — смеется Меружан, — было так. Все мои шашлыки были сметены в момент — в молчании. Потом Первый секретарь произнес: "Так выпьем, товарищи, за орден — и за Меружана!"

А в 24 Меружану, как героям Александра Грина, дан был голос свыше: "Ты должен уехать". И он внял голосу. Сначала поехал в Таллинн, но в Таллинне ему показалось *суховато.* Потом — в Вильнюс. Тоже уехал. А потом — попал в Юрмалу, — песчаный пляж, сосны, чайки, море... И — остался. В 88-м пошел служить в латышскую армию, командиром взвода связи.

А вернувшись из армии, внял голосу свыше еще раз и открыл кафе "Зангезур". Пригодилось и инженерное прошлое — Меружан сотворил мангал невероятной конструкции. Угля почти не требует. Корпус из особой стали, все разделено передвижными перегородками. Вообще, Меружан изобрел все нужное для кафе сам. И сам готовит все блюда — легко, плавно, но очень быстро.

Огнем по огню

— Я не профессиональный повар, я повар-любитель. Когда готовлю, я выражаю свой дух, книги мне не нужны, я сочиняю эти книги на мангале. Я когда-то просто начал осмыслять — что же вообще происходит с мясом, с человеком, с народом... Медленный огонь, большой огонь, зима, партия, правительство, перестройка, любовь, джихад, христианство... И все хотят есть!!! Вкусно!

— А как же сделать *вкусно?*

— Вкусно? — широко улыбается медленный Меружан. — Это просто. Несколько правил. Первое: настоящее армянское блюдо можно приготовить только из настоящих продуктов. Конечно, нелепо возить зелень-мелень самолетом из Еревана. И я все выращиваю здесь — армянских сортов, причем — зангезурских! Даже закваску для мацуна вывез оттуда. Мясо у меня не мороженое, а парное, из латышской деревни. Чем кормить баранов, как ухаживать, — за этим всем я слежу. И, знаешь, несколько латышей-хуторян плюнули на свое исконное свиноводство — и выращивают для меня баранов!

— А второе правило?

— Второе? От рынка до стола все должна делать *одна рука!* Я не могу никому доверить разделку. Свинину еще могу, а баранину — нет! Вырезать надо так, чтобы потом было вкусно и легко есть — и вот это требует воображения. Надо счищать жилки, надо чувствовать волокна — вдоль или поперек. Короче — режиссура!

— Наверное, ты как-то особенно маринуешь?

— Маринады — это вообще поэма. Я сам делаю майонез...

— А уксус яблочный?

— Нет, уксус я не признаю вообще, он портит запах и вкус естественного мяса. Сухая зелень и репчатый лук — этого вполне хватит для хорошего маринада.

— А жар — сначала большой?

— Сначала большой, чтобы на мясе образовалась аппетитная корочка. Потом убавляем, чтобы мясо как бы *пропотело.* Но здесь все решают, как в музыке, нюансы. Большой жар, потом маленький, потом снова большой, мясо румянится, и получается просто конфетка.

Я смотрю ему в глаза.

— А зачем ты проводишь рукой над мясом и шепчешь? Что это за понты актерские?

— Это не понты, — улыбается Меружан, внимательно вглядываясь в лезвие ножа. — Когда я провожу над мясом рукой, я останавливаю мгновение. Успокаиваю его. И тут интересно: не столько мясо успокаивается, сколько ты сам. Это и есть момент истины для повара! Да, да, не смейтесь. Вы начинаете его понимать, этот кусок. И именно от того, какие стихи или музыка в голове повара, и от красоты его движений над мясом — именно от этого зависит вкус шашлыка. Это не мистика. Я усиливаю тепло в тех кусках, где провожу рукой, — и мясо меня слушается, оно становится нежным, я бы сказал, — если это не коробит — *живым!* Понимаете, есть много кулинарных как бы хитростей. Например, шейка сочнее, чем карбонат, и сделать ее вкусной легче. Но я могу сделать так, что карбонат будет сочнее, чем шейка. Потому что главное — иметь дух и передавать *в руки.* Надо трогать, понимаете? Надо мясо трогать! Все трогать руками — и тогда все получится. И вообще, жизнь — это ведь кулинария, в конце концов. Кулинария духа и просто кулинария. Я извиняюсь за цинизм... Но уверен, что... — Меружан широко улыбается, — что хорошо приготовленная баранина может спасти человека так же, как стихи Пушкина или музыка Моцарта.

Он танцует у гриля. Он поет. Его лицо светится. Я выдыхаю, качаю головой.

— Ты — колдун дыма, ты — волшебник шампура, ты — Параджанов гриля. Ты делаешь свои шашлыки, как он свои фильмы — золотом по золоту, огнем по огню.

Он застенчиво и задумчиво улыбается, огромные глаза в обрамлении длиннейших кудрей мягко блестят.

— А не слишком ли ты добренький? — Я чего-то злюсь, от зависти, наверное. — У тебя враги-то есть?

— Нету... — улыбается Меружан. — Есть недоброжелатели, но врагов нет. Моя теория: если хочешь побить врага, обними его! Или — накорми! Сделай его другом. Почему я со всеми клиентами говорю на "ты"? Потому что когда говоришь на "ты" — мясо вкуснее! — смеется Меружан. — Смотри!

И он — неторопливо, как пророк, и легко, как факир, — надрезает кусок мяса на шампуре. Капля светлого сока летит в огонь. "Готово!", — говорит Меружан.

— А какую музыку ты любишь? — спрашиваю я.

— Народную. И классическую. — Меружан усмехается. — Если б мой шашлык был похож на эту дешевую эстраду, ты бы его ел?

— А почему ты не делаешь хаш? Хаш!

— Потому что хаш делают тогда, когда в месяце есть буква "р". А сейчас август. Хаш — это индивидуальная вещь, как женщина. Его нужно солить, любить, трогать, вытирать руки, пальцы в хаше слипаются. Хаш спасает человека от вытрезвителя. Кстати, ты знаешь, что в Ереване и вообще в Армении вытрезвителей не было никогда? — потому что люди едят хаш.

— Ты еще не забыл Армению? — Я хитро смотрю на него, я должен говорить гадости. — Ты ведь теперь латыш?

— Нет, я навсегда в Армении, — говорит он, и глаза его вдруг сверкают, как танец с саблями Хачатуряна. — Но я люблю Юрмалу и это море. Навсегда.

Не потеряй звона

Я сижу в "Зангезуре", дудки и зурны журчат, как райские ручьи. А запахи — как гурии. Ведь не только мясо умеет делать Меружан! Какое у него варенье — кизиловое, абрикосовое, айвовое, зеленые грецкие орехи... Черешня с грецкими орехами! А пробовали вы черешню с сыром? Кизил с ананасом? Когда женщины пробуют десерты Меружана, на них страшно смотреть — глаза расширяются, ничего не слышат!

Меружан печет ароматнейший лаваш в виноградных листьях, производит уникальный сыр и маринует овощи по собственным рецептам. Минеральную воду ему привозят из Зангезура. А коньяк! Ведь именно Меружан вернул здесь армянскому трехзвездочному былую славу. Только в "Зангезуре" армянский коньяк пахнет коньяком, а не какими-то мифическими клопами.

За простыми дощатыми столами сидят особые люди, приходящие в кафе после театра, после спектакля. А в соседнем кафе — пустые сиротеющие столики.

— У тебя здесь был блат, когда начинал?

— Нет, откуда? Просто тихо начал...

Да, думаю я, ему не нужен блат у людей. У него блат с Богом.

— А конкуренты — вдруг спалят?

— Ну знаете, в Латвии это не так, как в других местах. — Меружан не позирует, не красуется, спокоен и уверен. — Надеюсь, что люди оценят мою работу, защитят...

Да, думаю я, Зангезур переводится как "потерявший звон". Но Меружан не потерял свой звон — и свою судьбу. Ведь его фамилия — Хачатрян — дающий крест.

И звон не потерян — потому что не потерян крест.

Его кулинария — подвиг вкуса — очень вкусный подвиг. А у его гриля незримо витает тень великого Серго Параджанова, гения искусства. Бьюсь об заклад, что им уготованы места в раю — рядом!

Китайцы говорят: "Янь — живое, Инь — мертвое".

"Макдоналдс" — инь, хашлама Хачатряна — янь. Хашлама — как 40-я симфония Моцарта, где все ликует, бесится, волнуется, переполнено счастьем и жаждой жизни.

Может быть, Меружан прав — надо все трогать *руками*, и тогда получится?

Ах, Меружан, поколдуй своими руками над безумным миром — может, получится?

Приезжайте к Меружану, если хотите чуда и правды, а не просто жрачки! Приезжайте, осознайте плотность пива, мяса, зурны, улыбки. И — огня.

И — попадете в рай при жизни!

P.S.

По секрету: вернувшись ночью из ресторана, Меружан съедает сосиску. Успокаивается. И смотрит знаете какую передачу, записанную для него? — "Планета животных". Понимайте как хотите. (Напишите, как поняли!)

В отличие от кулинарных рецептов, своих женщин Меружан скрывает очень умело. Но говорят, предпочитает дам экзотических — негритянок, японок, башкирок. Задаю невинный вопрос:

— А вот женщины... Они тебя как кулинара интересуют?

— В смысле — хорошо ли я их готовлю? — Меружан подкупающе серьезен.

— Фи, сэр! — возмущаюсь я. — Нет, в познавательном как бы смысле?

Меружан задумчиво пожимает плечами.

— Слушай, о чем говоришь! Армянская кухня — лучшая в мире. Увлечь меня — дело нелегкое. Нужны уж очень экзотические рецепты... Есть тут, правда, одна...— Меружан невероятно серьезен. — Мария. Она с Кубы. И вот у нее все интересно! — ну, в кулинарном смысле. Очень любопытная кухня. Так что приезжай в следующем сезоне, месяцев так через девять. Может быть, у нас в меню и появится что-нибудь кубинское.

И Меружан, разинув свою широченную пасть, глядит на меня исподлобья — очень серьезно.

И я, хихикая, верчу головой — ох, Меружан, король шашлыка и президент хашламы, как ты непрост!

Что ж — флаг тебе в руки!
И — крест.
И — звон. ■

Дмитрий ФАМИНСКИЙ

ПИКНИК В БАРСКОМ

рисунок Виталия Федорова

усадьбе

На рабочем столе сотрудника Управления ФСБ по N-ской области Вадима Петрова в хронологическом порядке были разложены служебные документы. Еще недавно, когда он только достал их из сейфа, они представляли собой бесформенную кучу, не подчиняющуюся никакому закону. Через несколько часов сосредоточенной сортировки по служебной принадлежности, степени важности и прочему ранжиру бумаги приняли вид нескольких стопок, каждой из которых была уготована своя судьба, например: лечь на стол начальника, быть приобщенной в дела различной толщины и направленности, либо отправиться в печь, краснея в жарком пламени от стыда за содержание.

Вот и пропиликало шесть — конец рабочего дня. Вадим убрал бумаги в сейф и, выйдя из Управления, пошел прогревать двигатель своего автомобиля, в силу возраста нуждавшегося в трогательной заботе. Это был старый джип небольших размеров с брезентовым верхом. На такой конструкции в странах Европы перестали ездить уже лет двадцать назад, да и на наших дорогах джип смотрелся атавизмом, но зато был незаменим в обстоятельствах бездорожья, а на внешний эффект Вадим обращал мало внимания. Он посигналил коллегам, махнул им рукой и выехал с управленческой стоянки.

Остановившись у магазина, Вадим купил бутылку сухого вина, затем подрулил к институту иностранных языков и стал ожидать Каролину.

Познакомились они весной. Вадим ехал по делам, когда увидел на остановке голосующую хрупкую девушку с длинными каштановыми волосами, одетую во что-то необычайно модное. Она так понравилась Вадиму, что он не смог проехать мимо. Девушка попросила подвезти ее до института и всю дорогу не проронила ни слова. Вадим также смущенно молчал. Когда подъехали к институту, девушка посмотрела на него своими огромными синими глазами и сказала:

— Мне показалось, что вы всю дорогу хотели мне что-то сказать, но не решались.

— Да нет, вам действительно показалось. — Вадим смутился еще больше, хотя, казалось, давно избавился от этой привычки.

Юная студентка, как ни в чем не бывало, заявила:

— Я смогу уделить вам час в обеденный перерыв, так как мне будет совсем нечего делать.

Вадим хотел, было, что-то ответить, но девчонки уже и след простыл. Вот нахалка, подумал он, но когда наступил полдень, как миленький подъехал к институту и увидел сидящую на скамейке Каролину, поджидавшую его. Они час гуляли по парку, разговаривали ни о чем, затем обменялись телефонами и разошлись.

С тех пор Вадим часто заезжал за девушкой в институт, но ни разу не был у Каролины не только в гостях, но даже в компании ее приятелей. На приглашения побывать у него дома она отвечала отказом. И, что самое удивительное, их отношения все это вре-

мя были чисто платоническими. Они разговаривали о чем угодно, иногда часами просиживали в вадимовом автомобиле или на скамейке парка, но на вопрос, почему она не хочет зайти к нему домой или куда-нибудь поехать, следовал мягкий, но категорический отказ. Объяснение состояло из одной фразы: "Мне так больше нравится". Наваждение какое-то, думал про себя Вадим, взрослый мужик, а занимаюсь ерундой. Каждый раз, подъезжая к одинокой фигурке, ожидавшей его, он хотел расставить все по своим местам, но, когда Каролина садилась к нему в машину и наполняла пространство демоническими флюидами, подавлявшими его волю и способность к решительным действиям, забывал обо всем. На прошлой встрече, в ответ на очередную попытку Вадима разобраться в ситуации, Каролина сказала: "Всему свое время. А если хочешь доставить мне удовольствие, просто привези бутылку вина, я его очень люблю".

Каролина поцеловала Вадима в щеку своими теплыми и свежими губами и стала что-то увлеченно рассказывать. Вадим не слушал, а только смотрел на нее, ощущая комфорт и спокойствие, необычайным образом поселявшиеся в нем при встречах с этим чудесным и загадочным существом. "Какой же я идиот", — подумал он, анализируя свое состояние и открывая бутылку вина. Каролина уже достала из своей сумки складной стаканчик, из которого пила сок в студенческой столовой, и подставила его под струю красной жидкости. Отпив глоток, она проговорила:

— Знаешь, я решила через недельку пригласить тебя в гости. Что скажешь?

— Тронут до глубины души. — Вадим действительно обрадовался, но с огорчением добавил: — Правда, через неделю у меня начинается отпуск.

— Поздравляю, а у меня — сессия.

— Хочешь, после твоей сессии съездим на море?

— Хочу, поехали, — неожиданно легко согласилась девушка. — А теперь мне пора.

— Уже?

— Да, ко мне придут подруги. Отвези меня домой.

Когда они доехали до ее дома, Каролина сунула недопитую бутылку к себе в сумочку, объяснив, что так ей будет интереснее готовиться к экзамену, и исчезла в глубине парадного.

Вадим развернулся и поехал к своему приятелю Северцеву Илье Сергеевичу, в кругу друзей известному как Интеграл. Его так прозвали еще со студенческой скамьи за недюжинные способности в теоретической физике и математике. Интеграл был чудаковат, как и любой другой ученый, но чудаковат, надо заметить, в меру.

Трехкомнатную квартиру Северцевых населяли сам Илья, его жена Марина и сынишка Толик, двенадцати лет. Илья практически всегда работал дома, так как, по его собственному утвержде-

нию, физику-теоретику ничего кроме карандаша и бумаги не нужно, все остальное находится в голове.

Интеграл обрадовался приходу Вадима, плеснул коньяк в широкие фужеры и сказал, что сам собирался искать приятеля, так как соскучился.

— Вадим, ты в эти выходные временем располагаешь?

— Ты же знаешь, сада-огорода-семьи не имею, выходные провожу в сладком безделье.

— Везет тебе, иногда завидую. Но только иногда, ибо семья — великая вещь. В отношении сада-огорода согласен.

— Есть какое-то предложение?

— Не составишь мне компанию в поездке за город? Интересные люди соберутся.

— Я их знаю?

— Думаю, что нет. Хотя, может быть, и знаешь кое-кого. Ведь при твоей работе есть много тайного, что ты не делаешь для окружающих явным. — Интеграл хитро прищурился. — Тебя там никто представлять не будет, впрочем, как и других. Можешь назваться кем хочешь или сохранить полное инкогнито. Вести себя можно и нужно раскованно, в душу лучше ни к кому не лезть. Таковы правила поведения.

— А что, есть какие-то определенные правила?

— Да. Публика соберется разношерстная, — от нищих до аристократов. Люди приедут отдохнуть от официоза, хамства, лизоблюдства, необходимости соблюдать субординацию.

— Это, случайно, не тайное общество или секта какая-нибудь?

— Не смеши. Просто новая мода такая, форма проведения досуга. Хотя, все новое — это хорошо забытое старое.

— Сам-то давно так расслабляешься?

— Один раз был, меня наш спонсор пригласил. Интересный мужик. Был заштатным кандидатом наук, занялся бизнесом и здорово раскрутился. Причем зарабатывает на интеллектуальном продукте, не на каких-то "сникерсах и тампаксах".

— Ладно, ты меня заинтриговал.

— Туда не так-то просто попасть. Это тебе не к теще на блины, — усмехнулся Игорь.

— Когда отъезжаем?

— В пятницу вечером, часиков в шесть. Устроит?

— Вполне.

Интеграл показал Вадиму несколько новинок, появившихся в сети "Интернет". Марина принесла им свое фирменное блюдо — утку, фаршированную чем-то очень вкусным. Сама же компанию мужчинам не составила, сославшись на обилие домашних хлопот. Затем они с Интегралом решили сыграть несколько партий в шахматы и за этим занятием просидели до полуночи.

В пятницу Вадим решил несколько служебных вопросов, заехал домой переодеться, предупредил Каролину, что на выход-

ные поедет за город, и отправился за Интегралом, который, по его расчетам, с утра методично готовился к поездке. Интеграл вышел из дома в новом спортивном костюме и с дорожной сумкой, и они тронулись в путь на Вадимовом джипе.

Когда отъехали от города километров пятьдесят, Интеграл велел Вадиму свернуть на дорогу, отходящую от основного шоссе. Дорога оказалась типично проселочной, со смачной грязью, высохшими следами от гусениц трактора и коровьими лепешками, и вела к небольшой деревушке домов в двадцать. "Купшино", — прочитал Вадим на табличке. Он открыл верх машины, и приятели всей грудью вдыхали пьянящие ароматы леса.

— Интеграл, ты все знаешь, вот и ответь мне: почему у нас вокруг просторы бескрайние, в недрах ископаемые несметные, а живем мы как нищие?

— На этот вопрос ответил классик: "Воруют". А вообще в России две проблемы: дураки и дороги. — И как бы в подтверждение слов Интеграла их так тряхнуло на ухабе, что ученый чуть не выпал из машины.

Лес сменился полем, и приятели, проехав его насквозь , добрались до деревушки "Затокино". Деревушка расположилась на холмистом берегу речки. На фоне десятков трех домов обыкновенного деревенского типа резко выделялся огромный дом за высоким забором. Пейзаж разнообразили обнесенная лесами церковь, сельмаг и новехонькая водонапорная башня, а в отдалении виднелось тихое деревенское кладбище.

Въехав в деревню, Вадим остановил машину перед воротами и посигналил. К ним подошел здоровенный парень, одетый в свободную рубашку и широкие шаровары, заправленные в сапоги. Он внимательно прочитал протянутый Интегралом пригласительный билет, после чего вежливо поздоровался и открыл ворота. Вадим загнал машину на специально отведенное под стоянку место и поставил ее в ряд с остальными представленными здесь удивительно разномастными средствами передвижения — от "мерседеса" до "Запорожца".

Интеграл обвел рукой поместье и улыбнулся: "Вот так примерно живут честные труженики".

Вадим удивленно оглядывался по сторонам. Двухэтажный особняк, по всей видимости, был только что отстроен. Вокруг него располагались беседочки, выполненные в русском стиле, и открытый бассейн с окружавшими его шезлонгами и красочными зонтиками. Среди веселой толпы гостей сновали официанты, а сами гости, разделенные на группы по интересам, танцевали, обсуждали что-то необычайно интересное, купались или просто пили. Двое даже фехтовали на шпагах.

— Хозяин этого дома человек, как ты уже догадался, небедный и очень влиятельный, — объяснял Интеграл. — У него есть практически все, кроме двух вещей: молодости и возможности

передвигаться без инвалидной коляски. Парализованы ноги, а современная медицина бессильна чем-либо помочь. Поэтому он избегает выезжать отсюда, но очень любит устраивать подобные тусовки и, наслаждаясь весельем гостей, наблюдать за ними. Он редко появляется в их обществе, но иногда вступает в беседу с кем-либо из приглашенных.

— Какая, должно быть, честь для счастливца! — иронично заметил Вадим.

Незаметно у них за спиной возник парень, открывший им ворота, подхватил вещи новых постояльцев и повел их в дом. Он показал Вадиму и Интегралу комнату, которая располагалась на втором этаже, и, нарочито окая, объяснил, что можно свободно передвигаться по всей усадьбе, не рекомендуется без провожатого заходить на псарню и без надобности в хозяйственные строения. Выходить в деревню, гулять по окрестностям разрешается без ограничений. Ужин можно заказать прямо в номер или воспользоваться шведским столом. Распорядок увеселительных мероприятий и план усадьбы лежат на журнальном столике.

Оставшись одни, друзья внимательно осмотрели номер, со вкусом обставленный приличной мебелью и даже с отдельным санузлом. Мебель современная, удобная, в светлых тонах. Шкаф для одежды, бар, журнальный столик и две кровати. Словом, как в приличной недорогой гостинице. Единственное окно во всю стену выходило на балкон. Вадим отворил балконную дверь и обнаружил, что балкон тянется вдоль всей внешней стороны дома и на него выходят двери еще из нескольких номеров, он насчитал их с десяток.

Вадим окинул взглядом обширную территорию усадьбы. Высокий забор, которым была обнесена собственность гостеприимного хозяина, стоял от дома на значительном расстоянии. Непосредственно под балконом располагался теннисный корт, рядом с ним несколько спортивных снарядов и небольшая мощеная площадка с баскетбольным щитом. За теннисным кортом росли редкие деревья, за которыми проступали контуры одноэтажных построек, по всей видимости, это и была небезопасная псарня с хозяйственными корпусами. Слева начинался парк с песчаными дорожками, выложенными по бокам кирпичами.

Вадим вернулся в комнату, чтобы предложить Интегралу совершить вечернюю прогулку по усадьбе, но, к своему удивлению, не обнаружил приятеля. Куда же он запропастился? Видимо, решил прогуляться в одиночестве. Вадим накинул куртку, пройдя по длинному коридору, спустился по широкой лестнице в холл и вышел на улицу.

Пройдя по тропинке вдоль забора, Вадим увидел в бетонной стене калитку и открыл ее.

За забором открывался чудесный вид на реку, к которой по пологому склону вела бетонная лесенка. Речку перегораживала за-

пруда, на берегу было сделано несколько уходящих в воду метра на два мостков. На двух мостках деревенские бабы стирали белье. Самый длинный мосток был свободен, к нему была привязана моторка и несколько весельных лодок. Вадим размышлял, спуститься к речке или осмотреть усадьбу, и в это время услышал за спиной женский голос:

— Добрый вечер, разрешите пройти, пожалуйста!

— Добрый вечер! — Он обернулся и увидел женщину средних лет с короткой стрижкой густых черных волос. Через плечо незнакомки был перекинут ремень от квадратной кожаной сумки, в которых обычно носят фотооборудование. Вадим сошел с тропинки, но спешившая женщина все равно задела его своей сумкой.

— Извините, я очень тороплюсь, — проносясь мимо, крикнула она.

— Ничего страшного, — невозмутимо ответил Вадим.

Он все-таки решил пройтись по усадьбе и неторопливым шагом двинулся к парку. Но углубляться в парк Вадим не стал, а вышел прямиком к корту, который наблюдал с балкона своего номера. На корте в самом разгаре шла партия между пухлым мужичком в бейсбольной кепке "Найк" и рыжеволосой красоткой в спортивной юбчонке, не скрывавшей при энергичных взмахах ракеткой белоснежных трусиков. С трудом отведя взгляд от рыжеволосой спортсменки, Вадим направился к себе и обнаружил в номере Интеграла и высокого чернобородого мужика, задыхавшегося в клубах дыма, выпускаемых физиком-теоретиком. Они о чем-то с интересом говорили, черкая листы бумаги стройными рядами формул и безобразными по качеству рисунками, похожими больше на детские каракули, не забывая при этом пить коньяк и закусывать лимончиком.

— Привет честной компании! — бодро проговорил Вадим и, вытащив свою сумку из шкафа, стал отыскивать там плавки.

— Привет-привет. Вадим, познакомься с моим коллегой из Штатов Томом.

— Очень приятно, Том. Меня зовут Вадим.

— Глэд то мит ю, — восторженно приветствовал его Том.

Раскупорив бутылку виски, извлеченную американцем из бездонной сумки, они проговорили о всякой ерунде почти час. После чего немного захмелевший Вадим, не желая отвлекать коллег-собеседников от ученого разговора, достал из сумки плавки и удалился.

Он спустился к берегу и выбрал место около досчатых мостков, на которых несколько часов назад деревенские бабы стирали белье. Аккуратно сложил одежду и, постепенно привыкая к воде, стал медленно заходить в реку. Вода была прохладная и смывала усталость и заботы, уносила из тела вялость. Вдоволь нанырял-

шись и наплававшись, Вадим растянулся на мостках и погрузился в мысли ни о чем.

Пролежав так с полчаса, Вадим почувствовал, что кто-то осторожно теребит его за плечо. Он без особой охоты открыл глаза и увидел перед собой паренька лет восьми-десяти, стоявшего по щиколотку в воде.

— Тебе чего? — поинтересовался Вадим.

— Мммм, — изрек парнишка и протянул какой-то предмет.

Вадим в легкой растерянности взял его и, рассмотрев поближе, пришел к выводу, что это обыкновенная кожаная сумка, в которых обычно фотографы носят свои принадлежности. Где же он недавно такую видел? Ну конечно, похожую сумку несла через плечо торопливая брюнетка, встреченная им несколько часов назад.

— Где ты это взял? — спросил Вадим у мальчишки. Но тот только мычал, жестикулировал руками и хлопал большими васильковыми глазами. Глаза, надо заметить, были весьма смышленые.

— Он не умеет разговаривать. — К ним подошла худощавая девочка, одетая в старенькие шорты и футболку. Она взяла немого за руку, вывела из воды, подвела к сандалиям и жестами объяснила, что надо надеть обувь. Немой послушался. — Брат нашел эту сумку, когда мы с ним проходили через лес. Наверное, ее забыл кто-то из ваших.

Вадим открыл сумку и обнаружил там фотоаппарат, несколько катушек с пленкой и еще некоторые приспособления, назначение которых он не знал.

— Спасибо вам, я попробую найти хозяина этого оборудования. Впрочем, вы могли бы и сами отнести это в усадьбу. Может быть, владелец или сам хозяин отблагодарили бы вас.

— Нам не надо ни чужого, ни благодарности, — по-взрослому ответила девочка, взяла брата за руку и повела его в деревню.

В это время с горы послышался веселый смех, временами чередующийся с визгом и иными неразборчивыми воплями. Это теннисно-волейбольная компания решила окунуть свои распаренные тела в реку. Компания скатилась с берега и, разделившись на две группы, попрыгала в воду со свободных мостков. Спустя мгновение перед Вадимом вынырнула рыжеволосая теннисистка. Она взялась руками за доски, немного подтянулась и, демонстрируя пышную грудь, завела непринужденный разговор:

— Меня зовут Вика! А вас?

— Очень приятно, Вадим.

— И мне приятно! Вы новенький? Я вас раньше здесь не видела.

— Да, я здесь действительно впервые.

— Как вам усадьба?

— Восхищен. Никогда не видел ничего подобного, даже не мог предположить, что в нашей деревне возможно такое. — Вадим говорил вполне искренне.

— Вы совершенно правы, это достаточно редкое явление в сегодняшней деревне. Иван Иванович, так зовут хозяина, стремится построить жизнь в этой деревушке по забытому образцу, характерному для России века, эдак, девятнадцатого.

Их уединение нарушил подплывший напарник Вики по теннису.

— Кстати, меня зовут Сидор, я историк, а эта шалунья — моя жена.

Шалунья при этих словах кокетливо скосила глазки, утопила лысую голову мужа в воде, села на нее, затем вильнула бедрами и скрылась под водой. Вынырнула она на противоположном берегу и принялась скакать по чистому полю, сшибая парашютики с одуванчиков.

Вадим помог Сидору выбраться на мостки. Сидор достал из плавок фляжку, отвинтил крышечку и предложил Вадиму. Тонкий аромат дорогого коньяка не оставлял сомнений, что напиток не повредит. Вадим, в свою очередь, извлек из одежды сигареты и положил пачку между собой и Сидором. Сидор оказался разговорчивым и компанейским и поведал Вадиму, что хозяин усадьбы прекраснейший человек, славянофил и патриот. Деньги свои он сделал, может быть, и не кристально честным способом (а кто из нас не без греха?!), но свои капиталы направил явно на богоугодное дело. Дал работу почти всем деревенским жителям, обеспечивает им неплохой материальный уровень, медицинское обслуживание, образование детям. Восстанавливает церковь. Надо ли говорить, что они признают его своим барином и боготворят!

Шел двенадцатый час ночи. Вадим забрался в постель и ощутил свежесть белья, от которого шел слабый лимонный запах. Но заснуть не смог, так и лежал, вслушиваясь в звуки музыки и в болтовню веселящихся людей, доносившиеся из открытого окна. Потом достал из-под кровати сумку и извлек фотоаппарат. "Минолта" — прочитал он название и, посмотрев в окошечко указателя отснятых кадров, увидел цифру 24. На черном пластмассовом корпусе около объектива были еле различимы несколько царапин. Вадим убрал фотоаппарат на место и, накрывшись одеялом, закрыл глаза. В это время в дверь кто-то тихонько постучал. Наверное, Интеграл вернулся. До его ученой головы никак не доходит, что можно достать из кармана ключ и не будить соседа.

— Открыто, — сонным голосом проговорил Вадим и хотел, было, перевернуться на другой бок, но краем глаза заметил, что это не Интеграл, а незнакомая женщина.

— Извините за вторжение! — возбужденным голосом проговорила незнакомка. Было заметно, что она слегка запыхалась.

Высокая, стройная, стрижка каре. — Это не вы нашли фотоаппарат?

— Я. — Вадим, наконец, понял, что перед ним вчерашняя знакомая, которая куда-то очень торопилась.

— Я оставила сумку на берегу, вместе с одеждой, а сама пошла купаться. Знаете, вниз по реке есть очень красивое и безлюдное место. Выхожу на берег, а сумки нет. Хорошо, что еще одежду не стащили.

— Пожалуйста, возьмите! — Вадим заглянул под кровать и достал сумку.

— Как мне повезло! А где вы ее нашли? Я уже мысленно распрощалась со своей техникой.

Вадим хотел рассказать про мальчишку, но что-то удержало его, и он лишь вскользь обронил:

— Совершенно случайно.

Заметив его борьбу со сном, женщина еще раз высказала слова благодарности и удалилась.

Вадим проснулся на удивление рано. Чувствовал он себя превосходно и, выйдя на балкон, с удовольствием вдохнул полной грудью свежий лесной воздух. Приятно закружилась голова. Над рекой стоял туман, и Вадиму захотелось прогуляться вдоль берега. Не теряя времени даром, он оделся и, взглянув на спящего Интеграла, вернувшегося в номер под утро, вышел из дома.

Он шел парком, наслаждаясь тишиной и отсутствием отдыхающих. На реке впечатление от тишины еще более усилилось. Она как бы обволакивала привыкшего к разнообразному шуму горожанина, затыкала уши клочками тумана, вешала хлопья на руки и сковывала ноги. А необыкновенная свежесть от реки, проникая в организм, наполняла тело необычайной силой. Вадим решил подняться вверх по течению, туда, где начинался лес, и где, по словам сестры немого мальчика, прямо среди деревьев запросто валялась сумка с фототехникой. Он шел минут двадцать, и чем дальше лежал его путь, тем гуще становился лес. Вадим решил остановиться и передохнуть. Он присел на необъятный ствол поваленного дерева и закурил.

Вдруг до него донесся тихий всплеск, затем второй. Оглянувшись, Вадим увидел лодку. На веслах сидела вчерашняя девочка. Она сосредоточенно гребла и вскоре поравнялась с местом, где сидел Вадим. На дне лодки лежала старая хозяйственная сумка, чем-то набитая до самого верха. Что лежало в сумке, Вадим разглядеть не мог, так как содержимое было накрыто черным полиэтиленовым пакетом. Проплыв вверх по течению, девчонка скрылась из поля зрения любопытного отдыхающего. И чего это меня любопытство одолело, спрашивал он сам себя, когда продирался сквозь лесную чащу, чтобы проследить, куда держит путь эта маленькая лодочница. Оказалось, что метров

через сто от поваленного дерева река делала крутой изгиб и превращалась практически в ручей. Весла едва не касались берегов, и продвижение вперед требовало немалого искусства. Но и Вадимов путь не был усыпан розами, а через некоторое время он и вовсе вынужден был остановиться, так как чаща стала совсем непролазной. Вот досада. Вадима почему-то увлекло это небольшое лесное приключение, словно игра в войну или индейцев в детстве. Неудачливый преследователь вернулся на свое место у поваленного дерева и снова закурил. Затем решительно встал, смело вошел в лес и стал продираться сквозь сучья деревьев и прочей лесной растительности. Его энергии хватило на пятнадцать минут, и он готов было уже вернуться назад, но чаща закончилась, уступив место участку смешанного леса, где деревья росли на приличном расстоянии друг от друга. Внимательно рассматривая пышную растительность под ногами, Вадим набрел на полянку земляники и с полчаса ползал там от кустика к кустику, в каком-то первобытном азарте поедая ягоды. Увлекательное занятие прервал неожиданно незнакомый утробный звук, больше похожий на рычание. Было в нем что-то зловещее. Вадим не относил себя к безрассудно смелым людям, наоборот, профессия приучила его быть осторожным. Но что страшного мог он увидеть в это солнечное утро в этом чудесном лесу, девственно чистом каждой капелькой росы, каждым глотком воздуха? И он встал и пошел на звук. Земляничная поляна резко перешла в мшаник, в котором ноги утопали по щиколотку. По нему Вадим вышел к маленькому болотцу, предвестнику большой топи. Так оно и оказалось. С каждым шагом звук становился все более отчетливым, и скоро явственно стал слышаться зловещий рык. Вадим уже засомневался в безопасности своего предприятия, но было поздно. Оглядевшись вокруг, он увидел, что в ложбине, стоя по колено в воде, какие-то крупные, похожие на собак или волков, звери терзают свою жертву. Их морды, повернутые в сторону Вадима, были окровавлены. Глаза блестели животным инстинктом хищника. Они смотрели на человека, прервавшего их трапезу. Человек, застывший от ужаса, смотрел на них. Псы, а это были, скорее всего, именно они, несколько мгновений раздумывали, напасть на непрошенного гостя или продолжить свое занятие. Видимо, выбрав последнее, они решили пренебречь помехой, не сулящей особой опасности. Вадим понял, почему животные вызвали в нем такой ужас. Дело было не только в их окровавленных мордах и исходящей от них опасности, дело было еще и в жертве. Псы терзали обнаженное тело человека. Трудно было определить, мужчина это или женщина. Преодолев оцепенение, он осторожно стал отступать от проклятого места и, выйдя из поля видимости собак, пустился бегом. Не помня себя от страха и отвращения, выбежал к реке, и, немного отдышавшись, побежал по тропинке к усадьбе.

У первого же охранника, встретившего его в воротах, Вадим спросил, где можно найти телефон. Тот помялся, переступая с ноги на ногу, а затем сказал:

— Телефон не предусмотрен.

— Как это не предусмотрен? — в некотором замешательстве поинтересовался Вадим.

— Не предусмотрен внутренними правилами.

— Но мне необходимо позвонить!

— Обратитесь к управляющему, его можно найти в комнате с соответствующей табличкой в хозяйственном блоке. — И парень с необыкновенным достоинством зашагал к бассейну, держа перед собой поднос, уставленный коктейлями.

Вадим направился к хозблоку и по дороге встретил Сидора, идущего в обнимку с шикарной блондинкой невысокого роста, как раз под размер Сидора, великолепно сложенной и с почти по-детски наивным лицом. Сидор приветливо помахал Вадиму рукой и спросил, чем он так озабочен. Вадим объяснил, что ищет, откуда позвонить. Сидор сочувственно закивал головой:

— Да, это проблема, у меня даже сотовый изъяли при входе в усадьбу!

— Не может быть! Почему?

— Одно из чудачеств хозяина. Он считает, что телефон и иные современные средства связи с внешним миром мешают отдыхать и единиться с природой, которая, как ты уже, наверное, заметил, здесь потрясающая.

— Да, потрясает. — Вадим хотел рассказать Сидору об увиденном, но тот был слишком пьян и увлечен белокурой бестией, висящей у него на плече.

— Зачем тебе телефон? Расслабляйся лучше, в городе еще назвонишься. — Обняв блондинку пониже талии, Сидор увлек ее к бассейну, прихватив по дороге бокал с коктейлем.

Вадим пошел по направлению к хозблокам и вскоре стоял напротив двери с нужной ему табличкой. Постучал, не услышав ответа, повернул ручку и без труда открыл дверь. Проникнув внутрь, он оказался в небольшой прихожей с бревенчатыми стенами и длинными лавками вдоль них. Из прихожей вела еще одна дверь, с красивыми петлями и ручкой в виде железного витого кольца. Вадим снова для приличия постучал и услышал моложавый голос: "Войдите". Управляющий сидел за большим письменным столом и пил чай из блюдечка с сахаром вприкусу.

— Милости просим. Чем могу служить? — с неохотой оторвался он от своего занятия.

— Я один из ваших отдыхающих, меня зовут Вадим Петров.

— А меня — Петр Иванович. Как отдыхается?

— Спасибо, замечательно. По крайней мере, отдыхалось до сих пор.

— Что-то случилось? Могу чем-нибудь помочь? — участливо спросил управляющий.

— Мне необходимо позвонить.

— Может быть, вы все же объясните, в чем дело? — Голос хозяина кабинета стал более требовательным.

— Давайте сначала позвоню, а потом объясню. В самом деле, поверьте, промедление может повредить владельцу усадьбы.

— Что ж, если так, звоните по моему телефону.

Вадим стал набирать номер, но было занято. Тогда он вкратце обрисовал лесное происшествие.

— Какой кошмар, наверное, омерзительное зрелище, — взволновался управляющий. — Надеюсь, никто из наших гостей не пострадал. Надо будет доложить хозяину. — Он нажал какую-то кнопку на выдвинувшемся из стола пульте, и через несколько секунд ему ответил молодой бас. — Сейчас же проверьте, все ли гости на территории усадьбы, — коротко распорядился управляющий и отключил микрофон.

Вадим в это время все же дозвонился в милицию и сообщил о происшествии.

— Через час обещали прислать наряд, — сказал он управляющему.

— Через час вряд ли, места наши глухие, но хорошо хоть пришлют. Наверное, им придется показать место происшествия, а сделать это сможете только вы, Вадим... Как по батюшке?

— Семенович. Можно просто Вадим.

— Ага, так где вас искать в случае необходимости?

— Я буду на территории, скорее всего, в баре.

— У меня только одна просьба, не рассказывайте гостям об увиденном кошмаре, а то пойдут разговоры, не дай Бог, начнется паника.

— Договорились. Хочу у вас спросить, не было ли в числе приглашенных черноволосой женщины лет 30-40, по всей видимости, журналистки или фоторепортера?

— А вам зачем? Это ваша знакомая?

— Да нет, она потеряла фотоаппарат, а потом забрала его. Но ее никто из тех, с кем я говорил, не знает.

— Скорее всего, нет, не было. Журналистов, вроде бы, не приглашали. Но по внешнему описанию судить трудно, я не могу знать всех гостей в лицо. Вот если бы вы назвали имя, тогда...

— Имени я не знаю. Да это к делу и не относится, так, праздное любопытство.

Вадим сидел в баре до тех пор, пока один из охранников не пригласил его к управляющему. Приехал наряд милиции, вместе с которым прибыли представитель прокуратуры, судмедэксперт и криминалист. В этом составе вместе с управляющим, не привлекая особого внимания, они отправились к месту происшествия.

Для чистоты эксперимента Вадим повел процессию по тому же пути, что проделал утром. Они дошли до поваленного дерева,

и здесь Вадиму пришлось уже вспоминать точное направление. Вот и ложбина у болотины, окровавленные кочки, разбросанные остатки костей.

— Давайте работать, ребята, — стал торопить милиционеров сотрудник прокуратуры.

Формально он руководил действиями милицейского наряда и хотел быстрее покончить с осмотром места происшествия и взятием необходимых проб для исследования. Специалисты работали около двух часов, делая положенные манипуляции и составляя протокол. Петр Иванович наблюдал за происходящим отстраненно, даже равнодушно, а Вадим вспомнил, что еще сегодня утром пребывал в безмятежном настроении и рассчитывал провести так весь сегодняшний день.

Обратно шли молча. Милиционеры не стали заходить в усадьбу, а отправились в деревню, чтобы провести опрос местного населения на предмет получения значимой для расследования информации. Прокурорский работник сел в подъехавший прямо к реке УАЗик без опознавательных знаков и, заверив управляющего, что будет сделано все возможное для успешного расследования, углубился в свои записи, что-то уточняя и дополняя. Петр Иванович и Вадим отправились в усадьбу, и по дороге управляющий заверил Вадима, что все из приглашенных гостей на месте, один только ушел в деревню, но это было уже после происшествия. Он еще раз попросил не наводить панику и держать язык за зубами, и когда они проходили мимо хозблоков, исчез за своей дверью.

Вадим снова сидел в баре и размышлял о том, что свой долг гражданина он выполнил, а Интеграл, по его просьбе, обещал разузнать кое-что в деревне в связи с происшествием. В это время за его столик присел незнакомый молодой человек вполне приличной наружности, в очках, модном летнем костюме и с приятной улыбкой на лице.

— У вас свободно?

— Да, пожалуйста, присаживайтесь.

— Меня зовут Никита.

— А меня Вадим.

— Не откажетесь пропустить со мной по рюмочке коньяку?

— С удовольствием.

— Готов поручиться, что вы здесь впервые. Ну, и как вам?

— Вполне прилично. А если быть откровенным, раньше я ничего подобного не встречал.

— Хозяин богатый человек, помешан на сочетании старинных российских традиций с современной жизнью.

— Я уже заметил, еле нашел, откуда позвонить. — Вадим вовремя закрыл рот, чтобы не разболтать, зачем ему потребовалось срочно куда-то звонить.

Но Никита, казалось, и не собирался задавать вопросов.

— Позвонить? Да знаете ли вы, что отсюда можно позвонить в любую точку земного шара и его окрестностей, — проговорил он заговорщицким голосом.

— В самом деле? Я этого не заметил.

— Ну и к лучшему, а то я слишком разболтался! — Лицо Никиты выражало неподдельное сожаление.

— Скажите, — как бы не замечая смущения молодого человека, спросил Вадим. — Вы не знаете случайно высокую черноволосую женщину, которая носится с фотоаппаратом?

— Случайно знаю. А что, понравилась?

— Дело в том, что... (и Вадим вкратце пересказал историю с фотоаппаратом).

— Ее зовут Марина Полежаева. Она журналистка, но больше фоторепортер. Раньше часто здесь бывала, и в усадьбе, и в деревне. Последнее время я ее не видел.

— А почему вы так уверены, что это она?

— Уверен, я неплохо знаю уклад местной жизни, и случайных людей здесь практически не бывает.

— А вы сами частый гость в усадьбе?

— Нет, я здесь нахожусь постоянно, работаю. — Молодой человек выпил рюмку коньяку и закусил лимоном. — Мне пора, если будет желание, заходите ко мне в комнату 317. Непременно заходите, — добавил он после небольшого раздумья.

— Спасибо, зайду обязательно.

Часов в десять утра следующего дня в номер вошел Интеграл и разбудил Вадима.

— Интеграл? Привет!

— Привет, привет.

— Что-то ты долго общался со своим физиком-самоучкой, наверное, очередную теорию родили. Или ты дал местному Кулибину генеральное направление его мыслей на следующую пятилетку?

— Твой плоский юмор ни к чему, мужик действительно толковый. Но я кое-что и для тебя узнал. Твою брюнетку зовут Марина, фамилия неизвестна. Она последнее время регулярно бывала в деревне, ночевала у соседей моего знакомого самоучки. Последний раз ее видели вчера утром, она направлялась куда-то с фотоаппаратом и маленьким рюкзачком. По ней все. Что касается местных жителей, из деревни никто не пропадал, это точно. Там всего дворов тридцать, все про всех известно.

— Спасибо, Интеграл. А вот скажи, кто еще живет и работает в усадьбе, кроме охранников?

— Не знаю, возможно, врач, юрист, кто-то из научных работников. Хозяин финансирует некоторые научные исследования.

— Слушай, я тут познакомился с одним, он меня в гости приглашал, давай сходим.

— Я пас. Мне необходимо обсудить некоторые вопросы с моим американским коллегой. Он, наверное, уже проснулся.

— А пренебречь этим, как ты любишь выражаться, никак нельзя?

— Понимаешь, моей лаборатории необходимы гранты, и финансирование во многом зависит от того, сумею ли я убедить своего зарубежного партнера в необходимости этих исследований.

— Ну и ладно. А когда мы возвращаемся домой?

— Часов в пять надо двигать в город.

— Согласен. Тогда встретимся прямо у машины.

— О'кей.

Перекусив, Вадим решил навестить Никиту, делать больше все равно было нечего. Он без труда нашел нужную комнату. Она располагалась на втором этаже и ничем не отличалась от других. Вадим постучал, услышал: "Войдите", толкнул дверь и оказался в просторной комнате с приглушенным освещением и ультрасовременной мебелью. На широкой кровати, застеленной чем-то черным, лежал Никита. Он был одет в спортивный костюм, мокрые после душа волосы гладко зачесаны, перед ним находился монитор компьютера. Неплохо устроился, подумал Вадим, вспомнив свое рабочее место и скромный персональный компьютер с западающей клавиатурой и несмываемой пылью на экране.

— А, привет, привет! Заходи, гостем будешь. — Никита отложил клавиатуру и поднялся.

— Не помешал?

— Напротив, отвлечешь меня от работы, которая жутко затягивает и повышает риск гиподинамии.

— Ты компьютерщик?

— Да. Что-то вроде системного программиста.

— Не смею далее проникать в тайны этого дома, — решил обозначить границы своего любопытства Вадим.

Но Никита, по всей видимости, давно не общался с людьми со стороны и был рад возможности потрепаться просто так, ни о чем. Он стал показывать гостю какие-то картинки на мониторе своего компьютера, по-видимому, объясняющие суть его работы. Затем до Никиты дошло, что неплохо было бы предложить гостю выпить, и он, нажав на какую-то кнопку на встроенном в столик пульте, подогнал к себе бар на колесиках и предложил на выбор любой из напитков. Вадим выбрал пиво, он решил, что за несколько часов перед дорогой может позволить себе баночку пивка. Никита замесил в трехсотграммовый бокал убойный коктейль из коньяка, мартини, портвейна, сока и виски, отхлебнул и, судя по выражению лица, остался очень доволен.

— А ты чем занимаешься? — Он закурил длинную коричневую сигарету и, наслаждаясь процессом, пустил несколько ровных колец дыма.

— Я так, скромный госслужащий.

— Да ладно тебе. Здесь простые редко бывают.

— Я действительно попал сюда случайно. Меня друг пригласил, — уклончиво прокомментировал Вадим и, чтобы переменить тему, обратил внимание на стоящий рядом экран. — А это что?

— Ты Джорджа Оруэла читал?

— Что, неужели "старший брат" наблюдает?

— Принцип тот же. Хозяин, когда захочет, может связаться со мной, в частности, проведя сеанс связи через этот экран.

— Фантастика. И среди ночи может?

— Редко. Он тактичный. Но если есть необходимость, то без церемоний.

— А кто он такой, твой хозяин? Средства, по всей видимости, имеет немалые, живет с размахом. Но пока я сюда случайно не попал, я о нем и не слыхивал.

— Мой хозяин человек очень и очень влиятельный. Он не только богат, но имеет такие связи в нашей стране и за ее пределами, что может даже влиять на некоторые политические процессы.

Через некоторое время Никита, к немалому удивлению Вадима, самым обычным образом уснул, уронив пустой стакан на ковер. Ну, вот и славно, подумал Вадим, допил пиво и удалился. Он пошел в свой номер — собрать вещи и поспать часок перед дорогой.

На следующий день водоворот привычных дел закружил Вадима, и он не заметил, как время подошло к вечеру. Оперативная работа специфична, среди прочего, еще и тем, что ее никогда нельзя доделать полностью. Всегда остается перечень неустановленных фактов, деталей и обстоятельств, неисполненных запросов, невыполненных планов. Тем более, если работаешь только положенное по КЗОТу время. Есть и еще проблемы. Поэтому приходится всегда балансировать на грани выполнения обязательных требований и творческого поиска, который только и может привести к желаемому результату, ради чего и строится вся эта сложная система противодействия разведывательно-подрывной деятельности иностранных разведок. Но никакая система мер не будет работать, если предусмотренные ею обязательные проверки не будут доведены до конца.

Вадим и сам любил законченность во всем, поэтому его раздражало то незавершенное дело, которое было прекращено указанием начальства. Суть материалов была достаточно проста. Вадим получил информацию о том, что в одном из исследовательских институтов из лаборатории, проводящей исследования в области бионики, пропали материалы о ходе одного из экспериментов. Эту информацию он получил от своего старого источника, которого завербовал еще на заре службы. Источник считался бесперспективным, потому что не располагал необходимыми возможностями и мог предоставлять информацию низкого уровня. Не в том

месте работал. А тут неожиданно он позвонил и попросил встретиться.

Рассказ агента "Почкина" был достаточно импульсивен, и Вадим уже пожалел, что тратит время на такую ерунду. Подумаешь, потеряли какие-то бумажки. Это не секретная тематика, не оборонный заказ. По крайней мере, из рассказа Почкина этого не следует. А следует то, что один из сотрудников, 35-летний Кормишин Федор, проводил по собственной инициативе какие-то эксперименты, был очень увлечен своими исследованиями, готовил статью. В один прекрасный день он пришел на работу, а было это год назад, в апреле-мае, и не обнаружил в своем столе тетрадки с записями. Он перерыл весь стол, день ходил сам не свой, заглядывал под мебель, за экспериментальные установки, в шкафы с книгами. На следующий день стал приставать ко всем сотрудникам, не брали ли они, случайно, его записей, просил их даже показать личные папки с исследовательскими материалами и ящики столов. Некоторые жалели его и показывали, некоторые откровенно посылали подальше. Но скоро не выдержали и жалеющие. Атмосфера подозрительности никому не нравится, а коллектив всегда жил достаточно дружно. Когда Федора попросили рассказать, почему он так психует из-за какой-то тетрадки, он признался, что получил очень интересные данные, тянущие если не на открытие, то, по крайней мере, на небольшую сенсацию. Все были немного удивлены, ведь лаборатория работала над одной тематикой и ничего сенсационного не намечалось. Но Федор признался, что пока все поочередно бегали в административные отпуска с целью подработки, сидели с детьми в рабочее время, на что из-за низкой зарплаты руководство закрывало глаза, он сидел в лаборатории и ставил эксперименты. И получил действительно стоящий результат.

После этого рассказа все единодушно признали, что Федю можно понять, ведь такой научный стоицизм не всем под силу. Они еще раз все вместе перерыли лабораторию вверх дном, но тетрадку не нашли. Тогда кто-то предложил обратиться в милицию. У одного из сотрудников нашелся знакомый в уголовном розыске, неплохой, говорят, специалист. Ему и позвонили.

Специалист пришел на следующий день, спокойный дядька лет под сорок, одетый в поношенный пиджачишко и брюки, вытянутые на коленках. Он выслушал рассказ Кормишина очень внимательно, кое-что записал в блокнот. Затем осмотрел замок, на который запирался ящик, спросил, ставится ли комната на сигнализацию, поговорил с вахтером в вестибюле и обещал сделать все, что в его силах. Но сотрудникам он заранее сказал: "Мы убийства не успеваем раскрывать, а вы тетрадочки теряете. С составом преступления проблемы. Нет в вашем случае состава. А если состав и можно натянуть, то слишком малозначительная выходит у вас кража. А уж об отпечатках пальцев и иных зацепках и речи не идет". После этой тирады, взглянув на унылые лица

ученых, он немного смягчил акценты и добавил, обращаясь к Федору: "Если тебе твои записи так дороги, Федор, не знаю, как тебя по батюшке, так ты должен был к своему столу не прикасаться и никого на выстрел, тьфу ты, ни на шаг близко не подпускать".

Через несколько дней пожилой сыщик позвонил и сказал, что помочь пока ничем не может. Если Федор хочет, пусть пишет заявление в милицию, но это глухой номер. На этом все и застопорилось.

Вадим всегда давал человеку выговориться, но Почкин вещал уже около сорока минут, а ничего интересного для службы контрразведки не изложил. Пива, между прочим, выпил уже три бокала и сигарет выкурил полпачки, а денег на представительские расходы операм не выдают, времена трудные не только у ученых. Наконец, Почкин сообщил, что, когда шум вокруг этой истории утих, один из сотрудников этой же лаборатории купил себе иномарку, новую, сияющую и роскошную до неприличия. Всем рассказал, что часть денег выиграл в лотерею, часть скопил, а часть добавил тесть. "А вообще, Вадим Семенович, — Почкин низко склонился к уху Вадима, — есть у этого Липихина связи за границей, очень даже неплохие связи, только он их не афиширует. Вот так".

В общем, Почкин дал Вадиму информацию, которой он вначале не придал никакого значения. Больше для очистки совести подсобрал данные на Липихина, Кормишина, шефа их неординарного научного коллектива Либкнехт-Пущина, на остальную научную братию и доложил обо всем своему непосредственному начальнику.

Начальник Вадима, Иван Иванович Сомов, выслушал подчиненного и сказал, что его доклад хорош только для использования в известном месте, но "дельце" завести разрешил. Прихлебывая чай из огромной кружки и потирая переносицу, где остались следы от очков, он посоветовал Вадиму на будущее заниматься более перспективными ситуациями, а пока хорошенько проинструктировать Почкина, чтобы не отвлекал по всякой ерунде.

Таким образом Вадим получил разрешение работать в выбранном им направлении и стал собирать сведения на всю научную компанию более основательно. Неожиданно для себя он обнаружил, что Либкнехт-Пущин известен в торговых кругах как преуспевающий бизнесмен, человек деятельный и своего никогда не упускающий. Он имел несколько фирм, зарегистрированных на родственников и занимающихся торгово-закупочной деятельностью. Сам по себе этот факт не мог послужить основанием для обвинения Либкнехта в противозаконной деятельности, более того, говорил о нем, скорее, как о предприимчивом человеке, стремящемся прокормить семью. Еще Вадим выяснил, что Липихин числился у Либкнехта менеджером и, кроме того, был женат на его племяннице. Но и это не главное. Интересным было то, что у фирмы Либкнехта, имевшей название "Сателлит",

была масса зарубежных партнеров, которые регулярно приезжали в N-ск на деловые встречи. Учитывая, что фирма занималась продажей овощей, которые ей поставлялись из соседних колхозов, это, по меньшей мере, было весьма странно. Сомов дал Вадиму указание проверить характер контактов на предмет возможной причастности иностранцев к спецслужбам. Вадим выполнил указание, но ничего заслуживающего внимания не нашел. Кроме того, пришло официальное подтверждение, что разработки, которые велись в лаборатории Либкнехта, никогда и близко не стояли к оборонной тематике. Так что дело действительно рассыпалось на глазах. Из составленного им плана мероприятий Вадим не успел лишь лично побеседовать с Кормишиным. Нового это вряд ли чего добавило бы, но для прояснения кое-каких деталей и полного завершения комплекса мероприятий было уместно.

Поэтому во вторник, чтобы скоротать вечер, который по причине подготовки Каролины к экзамену он вынужден был провести один, а также чтобы окончательно отвлечься от негативных впечатлений, полученных в усадьбе, Вадим поехал к Кормишину. Сверив адрес, он остановился у нужной двенадцатиэтажки и поднялся на пятый этаж в пропахшем кошками лифте. Входную дверь в среднестатистическую городскую квартиру ему открыла средних лет миловидная женщина, вся такая чистенькая, аккуратненькая, в атласном халате и мягких домашних тапочках. Другие неуловимые детали внешности также свидетельствовали о чистоте и аккуратности, как неотъемлемых чертах ее характера и образа жизни. Она не пригласила Вадима войти и через порог спросила, чем может ему помочь. Вадим представился и сказал, что хотел бы поговорить с ее мужем.

— Его нет дома.

— Когда он вернется?

— Понятия не имею. Он уже две недели не ночует дома.

— Ольга Петровна, могу я все-таки войти, мне надо задать вам несколько вопросов?

— Что ж, входите. — Она распахнула дверь и, повернувшись к Вадиму спиной, проследовала в комнату.

— Извините за беспокойство, — пробормотал Вадим, снимая ботинки.

— Ничего страшного. Вы, видимо, не привыкли церемониться, так что не берите в голову. Пожалуйста, располагайтесь. — Она показала на кресло около журнального столика, напротив того, в которое села сама.

— Я хотел поговорить об исчезновении результатов экспериментов, которые вел ваш муж. Слышали об этом что-нибудь?

— Да, Федор очень переживал, когда украли его записи. Надеялся, что поможет какой-то милиционер, но так ничего и не дождался.

— А где он сейчас?

— Вадим Семенович, поверьте, я и правда не знаю. — Женщина устало поправила волосы, и по выражению ее лица было видно, что она, скорее всего, не врет.

— Я хотел выяснить у Федора все обстоятельства пропажи документов.

— Оставьте свой телефон, когда Федор вернется, я ему передам, и он вам обязательно позвонит.

— Да, пожалуй, — замялся Вадим. — А не могли бы вы вкратце пересказать мне, что же все-таки произошло?

— Я практически ничего не знаю, не люблю лезть в дела мужа. Могу только сказать, что Федор очень переживал по этому поводу, даже некоторое время болел. Ждал помощи. А потом сам решил предпринять попытку найти пропажу или хотя бы разобраться в причине исчезновения документов.

— А он никого не подозревал?

— Подозревал, только не знаю кого.

— А что это были за записи?

— Какие-то физико-химические характеристики. Я сама имею гуманитарное образование, так что не смогу квалифицированно прокомментировать их. Давайте так. Когда Федор вернется, я передам ему, что им интересовалась ФСБ, и оставлю ваши координаты. Я действительно ничем не могу вам помочь.

— У вас не сохранился, случайно, телефон сотрудника уголовного розыска, который пытался помочь вашему мужу?

— Случайно сохранился. — Женщина достала из телефонной книжки клочок бумаги и отдала Вадиму.

На этом они и распрощались.

Вадим сумел дозвониться до оперативника из уголовного розыска, который приходил в институт и был знакомым кого-то из научных сотрудников — коллег Федора. Звали его Дмитрий Сергеевич Понин. Сначала Понин никак не мог понять, чего от него хотят. А когда понял, то, помявшись, согласился на встречу с Вадимом, сказав, что ему удобнее всего в обеденный перерыв.

Вадим подъехал к районному управлению внутренних дел ровно в назначенное время и без труда отыскал кабинет Понина, который тот делил еще с одним оперативником. Его сосед был молодой, долговязый и белобрысый, в потертой ветровке и видавших виды джинсах. В ведомстве Вадима такой внешний вид не приветствовался, но в милиции нравы были, по всей видимости, демократичнее. Белобрысый, при виде Вадима, куда-то засобирался и быстренько исчез за дверью. Понин, выслушав, зачем пришел оперативник из дружественной организации, достал из стола пакет кефира и сайку, расстелил на столе газету и принялся все это поглощать, предложив пришедшему разделить с ним трапезу. Но Вадим вежливо отказался и вынул блокнот, продемонстрировав готовность поговорить о деле. Понин рассказал уже

известную Вадиму историю, но с большим числом оперативно-значимых подробностей.

— А вы знаете, что этот потерпевший почти что пропал? — неожиданно спросил Вадим.

— Знаю, мне звонила его жена.

— И каково ваше мнение на этот счет?

— Молодой человек, я ей сказал, повторю и вам. Пусть пишет заявление. Весьма возможно, он действительно пропал. Но так часто встречаешься с мужскими загулами и переживаниями впечатлительных жен. Тем более что у меня в производстве несколько уголовных дел, возбужденных по вполне конкретным обстоятельствам и требующих расследования в строго ограниченные сроки.

— Короче, некогда пустяками заниматься?

— Совершенно справедливо. Но вам-то зачем заниматься такой ерундой? Думаете, документы украла иностранная спецслужба?

— Ничего я не думаю, просто люблю доводить начатое до конца.

— Полезная привычка. — Понин допил кефир, скомкал газету и выкинул ее в корзину для бумаг, давая понять, что разговор окончен.

Остаток недели Вадим провел в повседневных служебных заботах и вечерних свиданиях с Каролиной. Впрочем, эти свидания плавно переходили в ночные, и Вадим почти не бывал дома. А со следующей недели у него начинался отпуск. Вадим никак не ожидал такого стремительного развития их романа и был если не на седьмом небе, то в очень приподнятом настроении. За эти дни он даже познакомился с несколькими подругами девушки, узнал, что ее родители живут в Б-ке, есть маленький братишка. Сама Каролина оказалась вовсе не импульсивной и непредсказуемой, какой была в течение их странных встреч, а очень спокойной, рассудительной и любящей домашний уют. Такие вот метаморфозы.

Вадим и Каролина решили, что последние две недели его отпуска они проведут на море, раньше нельзя, так как Каролине надо сдать сессию. Поэтому первые две недели заслуженного отдыха он проведет в сладком безделье, будет спать до обеда, смотреть, как Каролина занимается, навестит пару-тройку своих друзей. Мысли Вадима о будущем отпуске прервал телефонный звонок.

— Господин Петров?

— Да.

— Я по поводу случая в лесу, произошедшего с вами неделю назад.

— Извините, с кем имею честь?

— Это Петр Иванович, управляющий. Хочу выразить вам признательность, что вы оставили эту историю без огласки. А

звоню для того, чтобы сообщить: экспертиза показала — кровь на месте этой, с позволения сказать, трапезы принадлежит свинье.

— Какой свинье?

— Самой обыкновенной, скорее всего, выращенной на нашей ферме или убежавшей у кого-то из деревни.

— Не может быть, я своими глазами видел...

— Перепутали, перепутали, сударь... и слава Богу.

— Ну... если экспертиза показала... Рад, что все так закончилось.

— Что ж, господин Петров, не буду вас больше утомлять. Это все, что я хотел вам сообщить. Всего доброго.

— Всего доброго.

Свинье. Подумать только! Чушь какая-то. И зачем он позвонил? Хотя, почему бы и нет? Заботится о репутации своей усадьбы.

Вадим решил заехать к Интегралу, все равно времени у него хоть отбавляй, заодно расскажет ему про звонок управляющего.

Интеграл пребывал дома один. Жена и сын ушли в гости. А он, как всегда, испытывал возможности своего кондиционера и курил одну сигарету за другой. Они выпили кофе, и Вадим рассказал другу о звонке управляющего, о том, что результаты экспертизы показывают не человеческую, а свиную кровь на месте происшествия. И либо у Вадима галлюцинации, либо кто-то кого-то водит за нос. Осталось разобраться, кто кого.

— А что, ты по своим каналам не можешь проверить результаты экспертизы? — спросил Интеграл.

— В принципе могу, но для этого необходимо основание, чтобы отправить запрос, или хорошие знакомые, чтобы выяснить это в частном порядке. Оснований для официального запроса у меня нет, тем более что я не докладывал ситуацию начальству. Знакомые в том райотделе милиции также отсутствуют. А что, ты считаешь, надо проверить правдивость слов управляющего?

— А ты не считаешь? — ехидно перебил его Интеграл. — Коню понятно, что здесь что-то не так.

— А что конкретно тебе кажется "не так"?

— Думаю, то же, что и тебе.

— Так ты подозреваешь, что брюнетку-фотографа могли съесть лесные собаки?

— Я в этом почти не сомневаюсь, мне не ясно лишь, почему они съели именно ее.

— А как же свинья?

— Свинья? Сдается мне, что управляющий — сам большая свинья, соврал, подлец, чтобы все шито-крыто было. Да, совсем забыл. Мне звонил знакомый физик-самоучка из деревни. Помнишь, я тебе о нем говорил?

— Помню, конечно.

— Так вот, к нему твой немой мальчишка приходил, спрашивал, как тебя найти.

— Меня?

— Тебя, тебя. У него какие-то проблемы.

— И что, твой физик обещал помочь меня найти?

— Он сначала мне позвонил. Так что ответить мальчишке?

— Дай мой адрес, телефон.

— Договорились, только потом не отлынивай.

— Интеграл, а кто все-таки хозяин усадьбы? Имя-то хоть известно?

— Не знаю я, поверь! Это в вашем ведомстве все про всех знать стремятся и, наверное, без предварительной проверки с человеком не связываются.

— Хорошо, я попробую навести о нем справки, а к немому, может быть, и сам в гости съезжу, если чего раскопаю.

— Ради этого поедешь в усадьбу? Как-никак, семьдесят верст и не по самой хорошей дороге.

— Зато природа какая, я же в отпуске.

На том они и распрощались.

Сидя дома и слегка отупев от просмотра телевизионных программ, Вадим решил позвонить своему коллеге по работе. Попросил установить Марину Полежаеву, примерно тридцати-сорока лет. Дело это было плевое, и через несколько минут коллега перезвонил и назвал полные данные трех Марин Полежаевых и их адреса. Слишком распространенное сочетание, хорошо хоть только три, прокомментировал он. Был уже вечер, и Вадим решил проверить названные адреса, может, это поможет ему развеять возникшие сомнения? Каролина только промычала что-то невразумительное на его заявление, что он выйдет по делам, и продолжила зубрежку.

Заехав на заправку, Вадим отправился по адресам. Первый адрес находился совсем рядом с квартирой Кормишина и интуитивно притягивал Вадима. Он поднялся на третий этаж и позвонил в металлическую дверь. Ему повезло, дверь через минуту открыли, и на пороге появилась знакомая брюнетка. Она была в спортивном костюме и вопросительно уставилась на непрошенного гостя. Вадим несколько секунд раздумывал, как представиться. Здесь существовало множество вариантов, отработанных оперативной практикой. Можно было, убедившись, что женщина жива, извиниться, сказать, что ошибся дверью, и просто уйти. Можно было, показав служебное удостоверение, выдумать благовидный предлог и завязать с хозяйкой недолгий и ни к чему не обязывающий разговор. Но Марина разрешила проблему сама , сказав, что узнала Вадима, пригласила его войти и провела в комнату. Она любезно предложила гостю кофе, не дожидаясь ответа, принесла его дымящейся кофеварке и разлила по чашкам.

— Я не смогла как следует вас отблагодарить за то, что нашли мою камеру.

— Ничего страшного. Не подумайте, что сейчас я пришел именно за этим.

— Чем же тогда я обязана вашему визиту? И, самое интересное, как вы узнали мой адрес?

— В наше время это проще простого, — уклончиво ответил Вадим. — Мне про вас рассказал один из служащих усадьбы.

— Ах, вот как! Но что вы хотели у меня узнать?

— Дело в том, что когда я встретил вас, спешащей в сторону леса, а потом ночью, когда вы забирали у меня камеру, я не мог предположить, что ранним утром следующего дня стану свидетелем чудовищной сцены, разыгравшейся в лесу. Кстати, деревенские жители видели вас идущей именно к тому лесу. А потом вас уже никто не видел.

— Что же случилось в лесу?

— Собаки разорвали какого-то человека на части, и я стал невольным свидетелем этого кошмара. Рассказал обо всем управляющему усадьбы, и он вызвал милицию.

— Какой ужас! И чем закончилось расследование?

— Экспертиза определила, что кровь на месте преступления была свиная, и управляющий сообщил мне это по телефону.

— Слава Богу. Что же вас привело ко мне?

— Я лишь хотел убедиться, что не произошло досадной ошибки, и вы действительно живы.

— К счастью, это так! Хотя я, в самом деле, ходила в лес и фотографировала там, однако никаких монстров не видела и даже криков не слышала.

— А куда вы ходили, если не секрет, конечно?

— Не секрет. По поваленному дереву перебралась на ту сторону и фотографировала.

— Там же болотина.

— А вот это-то мне и требовалось! Посмотрите. — И Марина обвела рукой стены своей комнаты, которые были увешаны фотографиями леса и болот, в разных ракурсах, с разной степенью увеличения, но без единого повторения.

Вадим понял, что его визит ни к чему не привел, и стал прощаться.

— Что ж, мне пора. Не буду злоупотреблять вашим гостеприимством. — Он допил кофе и пошел к выходу.

Ну вот, одним скелетом в шкафу стало меньше, думал он, спускаясь по лестнице. Зайдя в магазин, купил пива и отправился к Каролине.

Перед тем как выехать за город, Вадим решил навестить Интеграла. На всякий случай он вкратце рассказал другу о цели своей поездки и предупредил его, что если не вернется через пару дней,

пусть сообщит на работу и Каролине. Хотя девушку пугать без необходимости не надо.

— Кто такая Каролина?

— Ты ее не знаешь, мы только недавно стали вместе жить. Замечательная девушка!

— Невеста, что ли?

— Хотелось бы надеяться. А скажи, Интеграл, существуют сейчас такие научные данные, которые стоили бы нескольких десятков тысяч долларов?

— Конечно.

— А если это результаты экспериментов отдельно взятого среднестатистического ученого?

— Ты некорректно ставишь вопрос. Не называешь область исследований, тему, условия работ и т. д.

— Я и сам не знаю. А вот тема — бионика.

— Бионика — перспективная наука, хотя я в ней не силен. Но мой ответ — да. Если информация востребована, она очень дорого стоит.

— Ладно, мне пора. — Вадим поднялся.

— Все-таки едешь. Оружие берешь?

— Отродясь не носил, тем более табельное. Потеряешь — раскрутят по первое число.

— Хочешь, дам свой газовый?

— Откуда он у тебя, Интеграл?

— Да так, купил по случаю, от бродячих собак отстреливаться.

— Нет, спасибо.

— Ну, удачи тебе! Я позвоню своему физику-самоучке, его, кстати, зовут Телегин Андрей Васильевич, если будут проблемы с ночлегом, обратишься к нему.

— Спасибо. Ну, пока!

— Давай!

Сев в свой автомобиль, Вадим несколько минут раздумывал, куда держать путь — в усадьбу или к сельскому учителю. Полагаясь на интуицию и здравый смысл, он выбрал усадьбу.

Петров рассчитывал добраться до усадьбы еще засветло, чтобы его визит не выглядел неприличным, но приехал в Затокино уже поздно вечером, поэтому решил воспользоваться гостеприимством приятеля Интеграла, а уж в усадьбу идти на следующий день с утра, со свежими силами и ясной головой. Одно смущало Вадима, неудобно беспокоить человека в столь позднее время, ведь, насколько он знал, в деревне ложатся спать рано. Но, на удивление Вадима, не успел он подъехать к дому местного интеллектуала, как на крыльцо выскочил человек в дождевике до пола. Лицо его трудно было различить под капюшоном. Он поспешно открыл деревянные ворота и махнул Вадиму рукой: "Заезжай". Порядком измотанный, Вадим выбрался из джипа и поздоровался с хозяином.

— Добрый вечер. Меня зовут Вадим, я товарищ Ильи Северцева.

— Да-да, он мне звонил, предупреждал.

— Зачем вы хотели связаться со мной? Что-то случилось?

— Похоже, пропала сестра того немого мальчика, который передал вам фотоаппарат.

— А сам он где?

— В данный момент спит у меня на печке, я дал ему успокоительное. Ну, проходите в избу, смените одежду, обогрейтесь, поешьте, а потом уж я вам все расскажу подробно.

— Спасибо. Переодеться, конечно, не мешало бы.

Они вошли в чистую просторную избу.

— Избу еще мой дед сработал. Хозяйничаю сам. Жена умерла, а детей Бог не дал,— проговорил хозяин.

— Хорошо у вас, — непроизвольно вырвалось у Вадима.

— Ну, угощайтесь! Чем богаты, тем и рады!

Вадим и Андрей Васильевич выпили водки, закусили вареной картошкой, салом и солеными огурчиками. Хозяину было на вид лет сорок — сорок пять. Среднего роста, сухощавый. Лицо умное и энергичное. Высокий лоб и редкие, какие-то бесцветные волосы. На тонком вытянутом носу — очки в роговой оправе с квадратными стеклами устаревшей модели.

Андрей Васильевич рассказал Вадиму, что немого мальчика зовут Вася, а его сестру Виктория. Их родители погибли в позапрошлом году. Живут одни. Виктория неплохо справляется по хозяйству, одновременно учится в техникуме, собирается поступать в институт. Часто подрабатывает на кухне у хозяина усадьбы. Трудно им приходится. Но Вася не капризный, послушный. Несмотря на свою немоту, очень умный, добрый, любит сестру. Ходит в школу-интернат. Так и живут. Хотят переехать в город. Вике там обещали работу, которую можно совмещать с учебой. Дом продадут, на первое время хватит.

— Так что же все-таки случилось с Викторией? Вы говорили, она пропала?

— Да. Сегодня днем ко мне прибежал Василий и с помощью жестов, рисунков и каракулей на бумаге объяснил, что Виктория вчера утром ушла из дому, сказав, что у нее дела. До вечера не вернулась. Вася прождал ее всю ночь, а утром обежал округу, спросил у соседей, у охранников в усадьбе и, отчаявшись, пришел ко мне.

— Куда же она могла деться?

— Вот именно, что никуда. Окрестности она знает прекрасно. Врагов, вроде бы, нет. Несчастный случай? В общем, не знаю, что и думать.

— А не могла она просто задержаться где-нибудь? Девушка молодая, друзья там, подруги?

— Нет, исключено.

— Вы сообщали в милицию?

— А вы считаете, надо было?

— Безусловно. Звоните прямо сейчас. Не хочу пугать, но если что-то произошло, в дежурную службу уже может поступить информация.

Андрей Васильевич позвонил в милицию и сообщил данные Виктории и обстоятельства ее исчезновения. Повесив трубку, он с возмущенным лицом обратился к гостю:

— Знаете, что они мне ответили? Даже язык не поворачивается повторить.

— Не повторяйте. Я примерно догадываюсь. Расскажите все, что знаете, о хозяине усадьбы.

— Что ж, извольте. Хотя знаю я о нем, как и большинство других, очень мало. Зовут его все "барином", как вы, наверное, уже успели заметить. Настоящего имени не знаю. То ли Алферов, то ли... Не помню. Появился он здесь пять лет назад. Наша деревенька испокон веков здесь стоит. Последнее время совсем плохо стало. Вся молодежь уехала в город, остались одни старики. А место прекрасное. Я и сам здесь родился, потом долго жил в городе, но к родным местам потянуло, и я вернулся. Так вот, этот барин снес добрую половину старых домов и выстроил здесь усадьбу. Дал работу местным жителям-бедолагам, они на него теперь молятся. Восстанавливает церковь. Часто сюда приезжают из города "крутые" машины, встречаются даже правительственные. Самого хозяина я видел только раз, высокий благообразный мужик, лет эдак пятьдесят, в самом соку. Прогуливался вдоль реки, оглядывал окрестности.

— Я слышал, что он прикован к инвалидному креслу! — недоуменно воскликнул Вадим.

— Может быть, я видел не того человека, спутал. Не знаю. В общем, этот барин занимается еще какими-то научными экспериментами. На них он тратит много денег, об этом мне еще Илья рассказывал, да я и сам кое-что слышал. Кстати, у него в доме постоянно проживают несколько ученых. Недавно еще один появился.

— А имена их вы знаете? Может быть, случайно слышали?

— Нет. Они очень редко выходят из усадьбы. Живут как в золотой клетке, даже удивительно. Изредка ходят купаться на речку, в город съездят, да и то на машинах. А местные жители нелюбопытны.

— Я знаком с одним из них, завтра утром попробую пройти в усадьбу и переговорить с ним. Вроде бы неплохой парень. Но сначала займемся поисками Виктории. У вас есть лодка? Думаю, поиски надо начать с реки.

— Лодку найдем. У меня лично нет, займу у Петьки-рыбака. Вы ложитесь спать, а часиков в пять поплывем.

Вадим улегся на набитом соломой матрасе, застеленном залатанным в нескольких местах, но чистым бельем, и уснул глубоким здоровым сном.

Разбудил его Телегин не в пять, а в шесть, объяснив это тем, что жалко было прерывать сладкий сон. Они с Василием уже договорились насчет лодки и приготовили завтрак. Вадим с удовольствием поел, и все трое отправились в путь.

Туман над рекой висел плотной стеной. Деревня еще спала, и на воде, где слышимость обычно усиливается, не было слышно ни звука. Интуитивно Вадим стал грести вверх по реке, туда, где он последний раз видел девочку, плывущую в лодке, но немой указал ему рукой на еле заметную протоку. Вадим пожал плечами и повернул туда, с трудом продираясь сквозь высокую растительность и действуя только одним веслом. Проплыв так несколько десятков метров и испытывая непреодолимое желание повернуть назад, он неожиданно выплыл в маленькую заводь. Вокруг, прямо из воды, росли сочные зеленые растения, названия которых он не знал, а на дне мелькали стайки маленьких рыбок. Даже удивительно, как среди топкой, заболоченной местности, сплошь заросшей буйной зеленой растительностью, возник этот сравнительно большой, чистый водоем. Он имел форму правильной окружности, в диаметре примерно метров тридцать. Из заводи вела еще одна протока, которая, вероятно, соединяла ее со следующей заводью. Немой встал почти в полный рост и напряженно всматривался в берега.

Они миновали уже несколько водоемов и начали склоняться к мысли, что следовало бы повернуть назад.

— Смотрите! — Неожиданно при входе в очередную заводь Вадим увидел маленький островок. На этом островке располагался шалаш, искусно замаскированный под местный ландшафт.

Они причалили, выбрались из лодки, и Вадим, осторожно приподняв связку зелени, закрывающую вход в шалаш, заглянул внутрь. На топчане, импровизированном из полиуретанового коврика, чехла от надувной лодки и спального мешка, спал одетый в камуфляж человек, со спутанными от сна волосами и бородой. Услышав шорох приподнимаемой занавеси, он сквозь сон проговорил:

— Вика?

— Нет, это не Вика.

— Кто здесь? — Человек вскочил и сел на постели, ошарашенно осматривая посетителей.

— Мы тоже ищем Вику.

— Вы что, из милиции?

— Нет, хуже. — Вадим вытащил служебное удостоверение.

— Можно взглянуть?

— Пожалуйста.

Незнакомец взял красную книжечку в руки и внимательно изучил ее.

— И что? — несколько надменно спросил он.

— А то, что мы ищем девочку, которую зовут Виктория. Она потерялась.

— Такая высокая, симпатичная? С пшеничными волосами и голубыми глазами?

— Совершенно верно. Это она, — обрадованно заметил физик-самоучка. — По крайней мере, описание очень похоже.

— Она мне еще рассказывала, что у нее есть немой брат Вася. Вика привозила мне еду. А познакомились мы случайно. Я строил шалаш, она проплывала мимо. Затем она стала приплывать ко мне каждый день. Мы разговаривали, она рассказывала мне, что собирается поступать в институт.

— Да, все правильно. Когда она была здесь последний раз?

— Позавчера. Обещала приехать и сегодня.

— А документы у вас есть? — поинтересовался Вадим.

— Конечно, а как же. — Незнакомец протянул Вадиму паспорт, завернутый в целлофан, чтобы не промок.

— Кормишин Федор Львович, — прочитал Вадим вслух. — Значит, решили на некоторое время уйти из нашего суетного мира?

— Я научный сотрудник. Работал-работал, денег не заработал, только мозги утомил. Дай, думаю, прочищу их на свежем воздухе.

— А почему выбрали именно эти места? Если не секрет, конечно.

— Нет, не секрет. Вниз по реке у меня живет однокашник. Чудак, знаете ли! Жил-жил в городе, а потом захотел сделаться школьным учителем. Охотник он страстный. Вот я и решил сплавиться к нему по этой замечательной реке.

— Что ж, извините, что нарушили ваше уединение. Не могли бы вы, Федор, подсказать нам, куда собиралась направиться Виктория?

— Не знаю, она мне ничего о своих планах не говорила, мы просто общались, отвлеченно, так сказать.

— Что ж, тогда всего доброго! — Вадим, физик-самоучка и Василий дружно кивнули новому знакомому.

— До свидания, а вернее, прощайте! — сказал им Кормишин и, растянувшись на своем ложе, повернулся спиной к любопытным визитерам.

Когда троица вернулась в деревню, на берегу несколько женщин полоскали белье и гурьбой носились вездесущие ребятишки. Но только одна одиноко стоящая фигурка приковала их внимание. Вася выскочил из лодки, не дожидаясь, пока она причалит к мосткам, и побежал к сестре.

— Какое счастье! — всплеснул руками Андрей Васильевич и перекрестился. Он выбрался из лодки, по колено в воде подтащил ее к берегу, наспех привязал к нужному колышку и поспешил к Виктории.

— Добрый день! — сказал подошедший к ним Вадим. — Вы заставили нас поволноваться, Виктория!

— Здравствуйте, дядя Андрей! — приветливо поздоровалась девочка, прижимая к себе голову брата и обращаясь к Андрею Васильевичу. Вадима она как бы и не замечала.

— Вика, милая, где ты пропадала? — спросил физик-самоучка.

— Да так, ездила к подружке в город. Непредвиденная задержка произошла.

Они стали подниматься в гору к деревеньке. Немой не отходил от сестры, придерживая около себя за шорты, видимо, чтобы снова не убежала.

Путь до деревни занял не более десяти минут. Вот они поравнялись с крепким бревенчатым домом с роскошным садом, и Вика с Василием исчезли в нем. Вадим с Андреем Васильевичем тоже пошли домой.

Когда они немного передохнули, Андрей Васильевич начал накрывать на стол, а Вадим решил осмотреть его скромное жилище. Он прошелся взглядом по книжным полкам и отметил удивительное разнообразие представленных здесь изданий. В основном, это были монографии по физике, химии, математике, биологии. Встречалась и художественная литература, классическая и бульварная, от любовных романов до крутых детективов. Однако он не смог сосредоточиться на этом занятии. Из головы у Вадима не шел Кормишин. Может быть, следовало взять его с собой, ведь была у Петрова такая мысль. Но Кормишин не вещь, да и неизвестно было, чем закончатся поиски Виктории. Сейчас, когда все завершилось благополучно, можно было спокойно переговорить с ученым. Вадим не забыл о том, что планировал попасть сегодня в усадьбу, но решил, что, возможно, Федор сможет сообщить ему нечто важное, относящееся к этому делу, раз уж он появился в такой близости от барской усадьбы. И, кроме того, усадьба никуда не денется, а вот биолог может собрать свои манатки и подыскать другое место для отдыха. Приняв решение, Вадим быстро поел и попросил у Телегина разрешения еще раз воспользоваться лодкой. Тот без лишних вопросов ответил согласием.

Кормишин, казалось, ждал его появления и нисколько не удивился. Он предложил Вадиму чай, сваренный в котелке на костре, и они уютно устроились на стволе поваленного дерева.

Вадим рассказал Кормишину, что приходил к нему домой и собирался побеседовать с ним о пропаже его исследований. Свой интерес объяснил тем, что его заинтересовал факт кражи результатов научных исследований из НИИ, сам по себе весьма редкий и странный. Не скрыл, что наводил справки о характере исследований лаборатории, где работал Кормишин, и не нашел там ни защищаемых государством секретов, ни иного интереса для спецслужб, но для себя хотел бы разобраться, что к чему.

— Выходит, что ты натолкнулся на меня совершенно случайно? — с легким недоверием спросил Федор.

— Абсолютно, я в отпуске.

— Предпочитаешь проводить отпуск в средней полосе?

— Вообще-то нет, больше люблю море. Но моя девушка еще учится, и до поездки на юг я решил немного развеяться в наших широтах.

— Ладно. Я все по порядку расскажу, а ты уж разбирайся сам.

И Федор рассказал Вадиму следующее:

"Год назад в гости ко мне пришел один бывший коллега, просто так пришел — поболтать вечерком. Начали с пива, а продолжили, как на Руси водится, водочкой. Разговор зашел про современные научные достижения, новые направления и т. д. Я вспомнил о только что прочитанной статье, про клонирование, а он и говорит, что все это здорово, но есть вещи и покруче. При этом достал из папки несколько скрепленных степлером листов бумаги и протянул мне. Я прочел. Там был диалог отца с сыном. Суть в следующем. Отец, а он заядлый аквариумист, рассказывает сыну о новых видах аквариумных рыбок. Сын расспрашивает его, как сейчас выглядят его аквариумы, сколько в них содержится видов рыб, каких. Несколько раз он называет латинские названия рыбок, что очень удивляет отца. "Ведь это обычно знают только профессиональные аквариумисты, откуда ты помнишь такие сложные названия?" — спрашивает он у отпрыска. И сын вспоминает, как в детстве помогал отцу ухаживать за аквариумами и кое-что запомнил, правда, сведения его отрывисты и поверхностны, но несколько названий прочно врезались в память. Внизу под текстом было дано пояснение, из которого следовало, что отрывочные знания, которые человек получает в течение всей жизни, как-то накапливаются в мозгу и влияют на восприятие им других знаний, например, при овладении профессией, принятии решения. Суть в том, что человек не может организовать свою память таким образом, чтобы избежать этих знаний-паразитов. Идеально организовать свой мозг могут единицы, да и то это будет не стопроцентное вытеснение ненужной информации.

— И что из того? — удивился я. — В чем же "фикус-пикус"? Это что, круче клонирования?

— Ну, крутизну я не сравнивал, но над моделированием таких систем и поиском методов вытеснения "знаний-паразитов" или управления ими, как хочешь назови, трудятся некоторые ученые, — ответил гость.

— Не буду спорить, — заметил я, — такие разработки, возможно, и ведутся, но, наверняка, только в развитых странах, в нашей же в настоящее время на науку денег нет.

— Это у государства нет, но есть еще и частные конторы.

— Что-то я таких не знаю, — возразил я.

— Если у тебя будут хорошие идеи, а еще лучше, конкретные наработки, такого частника я тебе найду.

Ну вот, а наутро, как мне показалось, он пожалел, что дал почитать мне этот текст, а, может быть, просто голова с похмелья болела, но выражение его лица было весьма кислым. А идея меня заинтересовала, и я, шутки ради, попытался смоделировать эти "лишние знания". Вот и домоделировался".

— То есть ты стал работать над этой проблемой, и у тебя получилось? — спросил Петров, прихлебывая крепкий чай из алюминиевой кружки.

— Да, кое-что получилось.

— Ты работал один?

— Конечно. Во-первых, я люблю работать один, во-вторых, все наши разбежались по отпускам.

— А тот "доброжелатель" больше не появлялся?

— Почему же, выразил мне искреннее сожаление и соболезнования.

— То есть, он появился уже после того, как ты закончил эксперимент?

— Да нет, я ему кое-что рассказывал о промежуточных результатах, он несколько раз заходил, но не верил мне.

— И это, конечно, Липихин? — Вадим был уверен в утвердительном ответе, но, к своему удивлению, ошибся.

— Нет. При чем здесь Липихин? У того только калым на уме, он и наукой-то почти не занимается, так, "трудовик" в институте держит. Это, если тебе так интересно, Семка Полежаев.

— Кто-кто?

— Семен Давыдович Полежаев.

— А у него, случайно, жены нет?

— Случайно есть.

— Фотокорреспондент Марина Полежаева, брюнетка?

— О, тебе и это известно? У вашей организации длинные руки.

— Просто я видел ее неделю назад, она также появлялась в этих местах, заходила в усадьбу, потеряла фотоаппарат, а потом он случайно оказался у меня, и она его забрала.

— Мир тесен.

— А вот что тебя, Федор, притягивает сюда, ради чего ты кормишь здесь комаров? Почему именно здесь ищешь свои записи?

— А с чего ты взял, что я ищу записи?

— Брось, Федор, мне известно это от твоей жены, да и так понятно. Давай лучше делать это вместе, а то, сдается мне, непростые дела творятся в деревеньке.

— Страшные, я бы сказал, дела.

— Даже так?

— Семка какое-то время сотрудничал с... даже не знаю, как назвать, ну, пусть будет, усадьбой. Делал для них кое-какие расчеты. Это мне потом уже Марина рассказала. Он жил здесь, такое у хозяина правило. Марина приезжала к нему, они гуляли по лесу, мечтали, как Семен заработает денег, и они уедут в путешествие по Европе. Хозяин действительно платил изрядно.

— Что же произошло потом?

— Она обычно приезжала к нему по воскресеньям, и хозяин давал Семену выходной, иногда даже отпускал его в город. В один из таких приездов он пришел ко мне и показал эти проклятые листки бумаги. А Марина стала замечать, что от воскресенья к воскресенью ее муж меняется, причем не в лучшую сторону. Он стал замкнутым, очень нервным, начал повышать на нее голос, иногда до истерики. На все вопросы, что с ним происходит, отмалчивался или просил отстать от него. Это случилось через полтора месяца после его поступления на службу к хозяину и продолжалось еще полтора месяца. Марина терпела, надеясь, что трехмесячный договор скоро закончится, и ее мужу больше не придется жить в таких условиях и ради денег находиться в постоянном стрессе, причин которого она не знала. Но в очередное воскресенье, предпоследнее перед окончанием контракта, Семен попросту не вышел из усадьбы. Марине объяснили, что он уехал в командировку, вернется через месяц, и она может не волноваться. На законный вопрос, почему муж не поставил ее в известность, ей ответили, что не вмешиваются в личную жизнь своих сотрудников, и пригласили Марину на очередную вечеринку, чтобы время в ожидании Семена проходило незаметно.

— И что она?

— Она поначалу обиделась на Семена, подумала, что он попросту ее бросил. Потом пораскинула мозгами и пришла к выводу, что здесь что-то не так. Она попыталась собрать по своим журналистским каналам информацию на это заведение, именуемое усадьбой, но не смогла даже выяснить имени хозяина. Тогда и приехала на эту вечеринку, поразузнала, что к чему, завела знакомства в деревне и стала наблюдать за усадьбой. По будням жила в деревне у Виктории. Когда я видел ее в последний раз, она сказала мне, что подозревает, как бы с Семеном не случилось несчастье. А потом у меня прекратилась с ней связь, и я не знаю, где она сейчас и что с ней.

— Когда ты видел ее в последний раз?

— Примерно недели две назад.

— А я позавчера.

— Не может быть. Где?

— У нее же дома.

— И чем она занималась?

— По-моему, готовилась к выставке.

— Готовилась к выставке?

— Да. Показала мне свои работы, напоила кофе.

— Не может быть.

— Что не может быть?

— Последнее время в голове у нее было только одно — как найти своего мужа. Она сама мне говорила, что забросила подготовку к вернисажу, даже отказалась от участия.

— Однако это факт.

— И что тебя привело к ней домой? — спросил с недоверием Федор.

— Одно лесное приключение в этих местах.

— Не расскажешь? Откровенность за откровенность.

Вадим немного помедлил, а потом вкратце пересказал собеседнику свое лесное приключение.

— То есть ты пришел убедиться, не Марина ли была той несчастной жертвой?

— Совершенно верно.

— Да, фантастика. Может быть, она получила от Семена какое-то известие?

— Вполне возможно. Кстати, когда истекает срок командировки Семена?

— Боюсь, что никогда. Но в усадьбе обещали, что месяц, значит, значит... чуть ли не в это воскресенье.

— Марина приедет сюда его встречать?

— Должна.

— Знаешь что, сдается мне, лучше бы тебе убраться отсюда и переселиться в более надежное место.

— Пожалуй, ты прав. Только куда я переберусь?

— Или возвратишься домой, или несколько дней поживешь у моего знакомого из Затокино.

— Это у того, с кем ты приплывал сюда?

— Да, его зовут Андрей, и, думаю, он будет не против.

— А кто он такой?

— Физик-самоучка, у него огромная библиотека и отсутствие жены, так что вас ничего не будет стеснять. Может быть, даже найдете общие темы для разговора.

— Моя жена, наверное, сильно волнуется? — вспомнив о доме, с грустью проговорил Федор.

— А ты как думал? Я бы на твоем месте ей позвонил.

— Да, наверное, я так и сделаю, когда доберусь до телефона.

— Ну что, плывешь со мной? — спросил Вадим.

— Да, так как я уже и сам понял, что ничего здесь не высижу.

Затушив костер и вернувшись к шалашу, Федор быстро сложил вещи, и они сели в лодку.

Андрей Васильевич обрадовался новому знакомству, так как его жизнь в деревне была весьма однообразной и лишенной регулярного общения с людьми умственного труда. Образованные представители человечества, особенно научные работники, к которым он отчасти причислял и себя, встречались в этих широтах достаточно редко, разве что в усадьбе. Но в усадьбу его не очень-то и допускали. Сам Андрей Васильевич имел незаконченное высшее образование, но всю жизнь тянулся к знаниям, прочитал, пусть и не совсем системно, огромное количество книг в различных областях науки. В своей мастерской физик-самоучка пытался ставить эксперименты, большей частью описанные в

научном практикуме для студентов-старшекурсников. Иногда пытался придумать и что-то свое, правда, практически всегда без шансов на серьезный успех. Но сам процесс, исключая, конечно, минуты разочарования конечным результатом, доставлял ему немалое удовольствие. Единственным человеком, который его как-то поддерживал и подпитывал современной научной информацией, был Интеграл. Как они познакомились и нашли общие точки соприкосновения, никто не знал. Надо ли говорить, что деревенский интеллектуал очень уважал городского ученого, занимавшегося серьезными разработками в области теоретической физики.

Андрей Васильевич совсем не удивился тому, что Вадим привел с собой постороннего человека. Конечно же, он сразу узнал в нем обитателя шалаша. Федор же больше не пытался строить из себя простого любителя уединения на природе и качать права перед людьми, не меньше его заинтересованными раскрыть тайну проклятой усадьбы, при том условии, конечно, что эта тайна существует.

Андрей Васильевич отвел Вадиму и Федору отдельную комнату, и, пока они отдыхали и меняли промокшее от водного похода белье, накрыл на стол. Робко постучавшись в дверь, пригласил их отужинать.

За столом, утолив первое чувство голода, они стали обсуждать, как Вадиму лучше попасть в усадьбу, и стоит ли вообще это делать. Все трое увлеклись попытками смоделировать ситуацию и предлагали самые неожиданные решения проблемы.

В это время в сенях скрипнула дверь, и на пороге показалась Виктория, ведущая за руку своего брата. Она увидела Вадима и Федора и очень смутилась, это было написано на ее симпатичном юном лице, еще не научившемся прятать эмоции. Она хотела, было, захлопнуть дверь и убежать на улицу, но хозяин радушно пригласил ее войти. Федор уже подвинулся, освобождая место на лавке рядом с собой, и Виктории ничего другого не оставалось, как сесть за стол. Она сосредоточенно ковыряла вилкой вареную картошку и искоса поглядывала на присутствующих, время от времени промокая рот своему братцу, который кушал с завидным аппетитом. Когда трапеза, скованная неловким молчанием, подходила к концу, и хозяин пошел готовить чай, Вадим обратился к Виктории с просьбой поговорить с ней наедине. Та, немного помешкав, согласилась.

Они прошли в соседнюю комнату и присели на диван.

— Почему вы так странно ведете себя, Виктория, я вам доставил какие-нибудь неприятности?

— Нет, — лаконично ответила девушка.

— Буду говорить напрямую. Я приехал разобраться в том, что творится в этой усадьбе, найти пропавшие работы Федора. Я сотрудник правоохранительных органов, сейчас в отпуске и работаю для себя.

— А знаете ли вы, что здесь бывали сотрудники не только правоохранительных, но всяких других органов, покруче вас чином? — усмехнулась Вика.

— Вполне допускаю. Только я приехал сделать свое дело, и меня эти чины не очень волнуют. Давайте не будем отвлекаться на пустые разговоры. Вы поможете мне проникнуть в усадьбу?

— В качестве кухонного рабочего или поломоя?

— Кого угодно.

— А почему вы не воспользуетесь своим знакомством с управляющим или своим служебным удостоверением?

— В крайнем случае я так и поступлю, но мне не хотелось бы раскрывать все карты. Хорошо. Не хотите мне помочь, и не надо. Постараюсь справиться сам. Но, сдается мне, у вас тоже есть проблемы. Может быть, я, проникнув в усадьбу, смогу и вам с братом оказаться полезным. — С этими словами Вадим встал с дивана и направился к двери. Вика же спокойно рассматривала какое-то издание по радиотехнике, словно это был дамский журнал мод. В ответ она не проронила ни слова.

Открыв дверь, Вадим столкнулся с Василием. Немой направился прямиком к сестре, заполз на диван и просунул голову ей под руку, в которой она держала журнал. Вика с нежностью обняла брата. Вадим молча вышел и прикрыл за собой дверь.

Пройдя через соседнюю комнату, мимо тревожно спящего Федора и умиротворенно дремавшего с газетой в руках Андрея Васильевича, он вышел из дома и направился в сарай, где находился его джип. Он сел на переднее сиденье и открыл бардачок. Оттуда Вадим достал атлас автомобильных дорог и, используя его как планшет, принялся рисовать план усадьбы. В это время за своей спиной он услышал шорох и, обернувшись, увидел Вику, незаметно подкравшуюся и наблюдавшую за его работой. Она, как ни в чем не бывало, заметила:

— Еще одну калиточку забыли пририсовать.

— Ты что здесь делаешь? — как можно строже спросил Вадим.

— Воздухом подышать вышла. Ну так что, калиточку рисовать будете? — вопросом на вопрос ответила Виктория.

— Покажи, где она.

Вика уверенно ткнула в схему пальцем и попала в центр забора, огораживающего усадьбу слева.

— Учтите, она запирается, — добавила девушка.

— Я все-таки хочу перелезть через забор со стороны реки, мне кажется, это проще и безопаснее.

— Не советую, вас сразу обнаружат. Один раз деревенские мальчишки попробовали проникнуть в усадьбу таким образом, но их тут же вычислили.

— Неужели ограда по всему периметру оборудована сигнализацией?

— Да, причем последней модели.

— Откуда ты это знаешь?

— Неважно, знаю и все. Возьмите вот это. — Она протянула Вадиму прямоугольник из пластика, похожий на кредитную карточку. — Это электронный ключ от калитки со стороны леса и реки, прорезь для нее найдете под металлической пластинкой, что под заржавевшим недействующим замком.

— Откуда у тебя этот ключ?

— Слушайте, некогда мне разговоры разговаривать. Если удастся проникнуть в усадьбу, можете обратиться к Никите, есть там такой молодой научный сотрудник, сошлитесь на меня. А больше я никому доверять бы не стала. — С этими словами Вика развернулась и, не обращая внимания на хотевшего еще что-то спросить Вадима, быстро удалилась.

Вадим шагал по деревне вдоль забора усадьбы. Для отвода глаз он взял с собой удочку, которую бросил в траву, как только обогнул забор со стороны леса, ведь здесь его уже не провожали любопытные взгляды. Он без труда отыскал калитку и легко открыл ее при помощи Викиной карточки. Быстро проникнув в усадьбу, захлопнул за собой калитку и спрятался в тени одного из вековых деревьев. Постоял немного, прислушался. Ничего, кроме пения птиц и отдаленной музыки, не слышно. В усадьбе было безлюдно, шезлонги и столики для коктейлей вокруг бассейна убраны. Вадим решил пробраться прямиком к Никите, который, как ему показалось, был не прочь пообщаться. Да и Вика рекомендовала его как человека, на которого можно положиться.

Осторожно выглянув из-за ствола дерева, Вадим быстрым шагом прошел вдоль стены усадьбы, оставаясь в тени деревьев, и проскользнул в двери центрального входа. Поднялся по ступенькам и, никем не замеченный, постучал в знакомую комнату 317.

Никита возлежал все на той же огромной кровати, только волосы у него были не гладко зачесаны назад, а встрепаны и торчали во все стороны. Никите не пришлось вставать, так как дверь открывалась с пульта дистанционного управления, того самого, который перемещал бар по комнате. Он попытался изобразить на лице радость и удивление:

— Привет, привет, вот не ожидал!

— Я, наверное, не вовремя?

— Всегда рад, располагайся. — Никита встал с кушетки, чтобы поздороваться с гостем за руку.

— Никита, я оказался здесь, в общем-то, случайно. — Вадим начал прощупывать, как лучше построить разговор.

— Потом, потом, — замахал руками Никита. — Давай-ка лучше за встречу. — Он нажал несколько кнопок на чудесном пульте, и к ним подъехал передвижной бар. Вадим заметил, что Никитино лицо несколько помято и на нем лежит печать тревоги и усталости. Никита налил полстакана виски и, чокнувшись с Вадимом, выпил его залпом. Вадим отхлебнул глоток и поставил свой

стакан на столик, взяв кусочек лимона на закуску. Лицо Никиты немного порозовело и разгладилось.

— Ну, рассказывай, какими судьбами к нам пожаловал.

— Места ваши мне понравились, в данный момент я в отпуске, вот и решил заглянуть.

— Хозяин тебя пригласил?

— Да нет, я сам.

— Шутить изволишь?

— Вовсе нет.

— К нам на территорию просто так проникнуть нельзя, охрана не пропустит.

— И на старуху бывает проруха, — коротко заметил Вадим.

Тактичный Никита не стал более заострять внимание на щекотливой теме проникновения Вадима в усадьбу.

— Надолго к нам? Где собираешься остановиться, чем заниматься?

— Если быть откровенным, я хотел бы увидеться с господином Полежаевым.

— Кем-кем?

— Полежаевым Семеном Давыдовичем.

— Кто есть этот, уверен, достойный гражданин? — спросил Никита, засыпая в рот горсть соленых орешков.

— Это один из физиков-исследователей, заключивших контракт с вашим хозяином.

— Откуда тебе это известно?

— Мы свои источники информации не выдаем даже на отдыхе, — полушутя ответил Вадим.

— Я такого не знаю, хотя неплохо знаком почти со всем персоналом усадьбы. Но готов помочь тебе, только в том случае, если мы разработаем соответствующую легенду для управляющего, ну... зачем ты приехал, как проник сюда и т.д. и т.п. Понимаю, что ты приехал неспроста, но это не мое дело. Предлагаю сказать, что я сам пригласил тебя в усадьбу, после того, как мы познакомились на пикнике. Нам это иногда разрешается, но только старым сотрудникам, проверенным. Я к таким как раз и отношусь, но еще никогда не пользовался этой возможностью. Скажем, что я впустил тебя через заднюю калитку, а управляющему послал уведомление по локальной компьютерной сети, но оно до него не дошло по техническим причинам. Это можно будет устроить, управляющий ушлый мужик, но в таких делах не дока. Авось, проскочит.

— А как можно узнать, где сейчас Полежаев? — продолжал гнуть свою линию Вадим.

— Я действительно не помню такого. Попробуем уточнить. Случаем, не родственник Марины, помнишь, про которую ты у меня выспрашивал на пикнике?

— Это ее муж. Он устроился к вам по контракту, который должен закончиться в это воскресенье. Но его неожиданно отправили в командировку.

— В командировку?

— Совершенно верно.

— О командировках я тоже ничего не слышал. Но это еще не повод для беспокойства.

— Не повод. Но поверь, причины беспокоиться существуют.

— Ладно, давай я попробую навести справки через картотеку нашего "отдела кадров". Им, кстати, заправляет управляющий. Я ему как-то отлаживал компьютер, поэтому имею представление об этой программе.

С этими словами Никита взял в руки клавиатуру компьютера и быстро забегал по ней пальцами.

Вадим же в ожидании результата расположился в низком мягком кресле и стал смаковать виски. Пить много было нельзя, но уж больно хорош напиток. В комнату заглянула весьма миловидная девушка, но Никита сделал ей знак рукой, что занят. Вадима она заметить не успела, и слава Богу, хотя рано или поздно его появление в усадьбе не останется незамеченным. Никита пояснил, что это его ассистентка Миси, очень способная девушка.

— Я нашел нужную тебе фамилию,— наконец сказал Никита, — но доступ к его досье для меня закрыт.

— Что это означает?

— То, что я не могу прочитать его досье, больше ничего.

— Приходилось тебе раньше сталкиваться с тем, что фамилии некоторых сотрудников держатся в секрете? — поинтересовался Вадим.

— Нет, не приходилось. Но раньше я и не наводил справок по файлам отдела кадров. Если опишешь мне его внешность, возможно, узнал бы его среди персонала.

— К сожалению, я с ним никогда не встречался.

— А если позвонить Марине? Она может дать описание, даже показать фотографию.

— Странно, ее ты знаешь, а мужа — нет.

— Но она мне никогда не говорила, что ее супруг работает у нас в усадьбе.

— А вообще, вы хорошо знали друг друга?

— Несколько раз болтали, когда она приезжала сюда, не более того.

— А откуда будем звонить?

— Нет проблем. — Никита извлек из прикроватной тумбочки мобильный телефон. — Мне он положен по штатному расписанию.

Никита набрал продиктованный Вадимом номер, в ответ послышались лишь длинные гудки. Вадим хотел позвонить Интегралу, но пока в этом не было необходимости. Конечно, проще всего позвонить Андрею Васильевичу и попросить Федора описать внешность Семена Полежаева. Но здесь был немалый риск навлечь на физика-самоучку неприятности. Кто его знает, может

быть, звонки из усадьбы фиксируются и прослушиваются. Надо пользоваться телефоном только в случае крайней необходимости.

— Никита, а где располагаются помещения, в которых проводятся исследовательские работы?

— Смотря какие. Я, например, работаю половину времени в своей комнате, половину — в лаборатории на втором уровне.

— Что за уровень?

— Исследовательские помещения расположены под землей, на нескольких этажах, называемых уровнями.

— И сколько всего таких уровней?

— Мне известно три. Только давай сразу договоримся, Вадим, информацию о характере исследований я предоставлять не буду, или буду в разумном объеме. А то у меня, знаешь ли, проблемы появятся, а вот сможешь ли ты помочь их разрешить, я не уверен.

— Настаивать не могу. Только мне кажется, что проблемы у тебя уже появились, и не только у тебя, но и у Виктории.

— Откуда ты знаешь про Викторию?

— Откровенность за откровенность. Виктория и ее брат, по моему мнению, каким-то образом замешаны и в историю с пропавшим фотоаппаратом, и еще в одно приключение, о котором я тебе не рассказывал. По моим подсчетам, ты также играешь какую-то роль в этой истории.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Тогда вкратце перескажу тебе один сюжет. — И Вадим описал свое лесное приключение.

— Ну и при чем здесь мы с Викой? Плавать по реке никому не запрещено.

— Вне всяких сомнений. Только я выяснил, что она возила еду одному человеку, у которого загадочным образом из рабочего стола пропали результаты его полугодичных исследований.

— Я не знал о том, что Вика возила еду какому-то искателю пропавших изысканий. Но это не объясняет ее отношения к лесной трагедии.

— А может быть, она не только еду ему возила, а было у них какое-то общее дело, о чем она умолчала?

— На что ты намекаешь?

— Этот искатель пропавших исследований не случайно прибыл в эти места. Он был знаком с Полежаевым и рассказал мне его историю, из которой следует, что Семен заключил контракт с хозяином на очень выгодных условиях и вначале был очень доволен. Но потом стал чем-то весьма удручен, а вскоре и совсем исчез.

— Марина его здесь искала?

— Скорее всего.

— То есть ты хочешь сказать, что у нас пропадают люди, и к этому может быть причастен хозяин?

— Может быть, не так категорично, но я предполагаю нечто подобное.

— Интересная история.

— Еще какая. Ну, так что, поможешь?

— Я же пообещал.

Часы, меж тем, показывали далеко за полночь, и Вадим с Никитой решили, что перед завтрашним днем, который обещал быть напряженным, необходимо немного поспать. Места на широкой Никитиной кровати вполне хватило для двоих, нашлось и лишнее одеяло с подушкой.

На следующее утро, выйдя из дома, они разошлись в разные стороны. Никита пошел в научный модуль, а Вадим направился к спортивной площадке. Была суббота, и большинство обитателей усадьбы предпочитало проводить время именно там. Среди них оказались совсем молодые ребята: две девушки, лет двадцати с небольшим, одна из которых заглядывала в комнату Никиты, и два парня, примерно одного с ними возраста. Рядом крутился седой старичок с длинной окладистой бородой и лоснящейся загорелой лысиной. Старичок, впрочем, был весьма бодрый. Он таскал легонькие гантельки и посматривал на молоденьких девчонок, одетых в коротенькие спортивные трусики и делающих вблизи от него упражнения, растягивающие мышцы ног. Остальные представляли собой достаточно разношерстную публику, впрочем, неизменно одетую в пестрые спортивные облачения и осваивающую какой-нибудь спортивный снаряд. И только один ученый выделялся из этого шумного сборища. Мужчина с чисто славянским типом лица облачился в кимоно и в отдалении ото всех, чтобы не мешали, делал боевые выпады руками и ногами и кричал что-то непонятное.

Вадим присел на лавочку и стал наблюдать за происходящим. Обитатели усадьбы, не привыкшие к присутствию посторонних, время от времени искоса поглядывали на него. Наконец один из них не выдержал и подошел знакомиться.

— Доброе утро!

— Доброе утро!

— Извините, вы новый сотрудник или гость?

— Гость. Я приехал к Никите.

— Не хотите составить нам компанию в волейбол? Меня, кстати, зовут Виктор.

— Спасибо за предложение, меня зовут Вадим. Но я не взял с собой спортивной формы.

— Жаль, тогда присоединяйтесь к нам позже. У меня сегодня день рождения, приглашаю. У нас редко бывают гости. Знаете наше кафе около бассейна?

— Да, я был здесь однажды и имел удовольствие по достоинству оценить это заведение.

— Тогда приходите часика в три.

— Спасибо, постараюсь.

Другие обитатели усадьбы, увидев, что незнакомец и их коллега непринужденно беседуют, также сочли необходимым подойти и познакомиться. Они поочередно предлагали ему разделить с ними занятия спортом и приглашали пообщаться. Соскучились, видно, в своем замкнутом коллективе. Через некоторое время все решили, что в кафе отправиться можно прямо сейчас, необязательно ждать трех часов. Так и сделали.

Ученые сдвинули столы и расселись вокруг них. Они наперебой стали рассказывать Вадиму, что им несказанно повезло и их хозяин просто какой-то ангел во плоти. Вадим узнал, что, в основном, здесь собрались физики и биологи, был один математик, один химик, пара программистов и отставной военный инженер. Судя по рассказам людей, занимающихся научными исследованиями, в усадьбе было гораздо больше, чем сидящих за столом. Это внушило Вадиму оптимизм, так как Никита сможет поговорить с кем-нибудь из остальной научной братии и выяснить что-либо интересное. Сидящие за столом считали, что барин, а его и здесь все так называли, спас их от унижения, дал им работу по специальности и весьма приличную зарплату, благодаря которой даже после истечения контракта они могли чувствовать себя независимыми. Взамен ученые были временно, если судить по условиям контракта, ограничены в передвижении и общении. Им позволялись лишь редкие выезды в город и выходы в деревню или окрестные леса. Все это окупалось прекрасными условиями быта и возможностями для научной работы. Практически все достижения современной техники и научной мысли были к их услугам. Чего же еще надо?

Застольный разговор меж тем перескакивал с одной темы на другую. Добровольных затворников во имя науки и своего кошелька очень интересовали любые малозначительные подробности жизни города, которые они могли почерпнуть лишь из информационных программ телевидения и редких случаев общения с родственниками. Вадим, пользуясь удобным поворотом беседы, спросил, не знает ли кто Полежаева Семена, физика. Никто из присутствующих его не знал. Это уже начинало быть интересным. Вадим допускал, что Никита мог не знать Полежаева, но из десятка сидящих в кафе кто-нибудь должен был его знать, хотя бы понаслышке. Вадим предположил два варианта: либо Полежаеву было изменено имя, и его здесь никто не знал под собственной фамилией, либо он занимался какими-нибудь конфиденциальными работами отдельно от остальных.

Обильные возлияния разогрели публику, и поступили предложения размяться на танцевальной площадке. Все, включая седовласого старичка, усиленно двигали руками и ногами на свободном пространстве небольшого бара. Быстрые мелодии чередовались с медленными, и Вадим то и дело оказывался в объятиях разных партнерш. Особенно жаркими были объятия у неплохо

сохранившейся шатенки, лет сорока пяти. Ее звали Алена Семеновна, или, как она разрешила Вадиму с томным выражением глаз, "просто Алена". Последним был объявлен белый танец, и Алена категорично завладела Вадимом. Она была в легкой маечке, и от нее исходил запах распаренного женского тела, правда, сдобренный каким-то дорогим дезодорантом. Алена обвила шею Вадима загорелыми руками и, касаясь упругими сосками его груди, склонила голову на плечо партнера. При этом прошептала, что очень устала и утомилась танцами, но это приятная усталость, и она давно так не веселилась. После этого Алена предложила сбежать от общества и сходить искупаться. Остальная компания тоже разделилась по интересам и понемногу стала расходиться кто куда. На Вадима никто не обращал внимания, что его весьма радовало.

Когда они вышли из кафе, Алена сказала, что ей нужно зайти в свою комнату, чтобы взять купальник и переодеться. Ее комната располагалась в правом крыле усадьбе, со стороны которого начинались хозяйственные постройки. Она оказалась не менее комфортной, чем у Никиты, выдержанной в похожем стиле, только с преобладанием розового и белого цветов. Алена пригласила Вадима садиться, указав рукой на низкую тахту. Сама же вынула из шкафа махровое полотенце и спросила у гостя:

— Вадим, ты не возражаешь, если я приму ванну, чтобы снова быть в форме, а потом уж сходим на пляж?

— Нет, конечно, торопиться некуда. Тем более, у вас здесь такие ванны, что никакого пляжа не надо.

— Если хочешь, закуривай, не стесняйся. Здесь очень хорошая система кондиционирования.

— Здесь, по-моему, все хорошее.

— Загляни в бар, там есть, чем поживиться.

Вадим налил апельсинового сока, закурил и стал ждать Алену. Где-то через полчаса она вышла из ванной, закутанная в махровое полотенце, и присела рядом с Вадимом.

— Ты мне очень нравишься, поэтому я расскажу кое-что о Полежаеве, которым ты интересуешься. Несколько месяцев назад появился у нас новый сотрудник. Его сначала поселили в соседнюю со мной комнату. Чернявый такой, среднего роста, в очках и с большим мясистым носом. Я почему его запомнила, он ко мне еще заварочки стрельнуть заходил. Не знал, чудак, что в его комнате все это предусмотрено. Ну, я ему объяснила, что к чему. А на следующий день он снова зашел, мы вместе посмеялись над вчерашним, и он мне сказал, что теперь его переводят в какой-то другой блок.

— Какой блок?

— Я и сейчас не знаю. Есть, правда, у меня одна догадка. — Алена изящным движением взяла Вадима за руку и продолжила: — Так вот, одно время ко мне часто захаживал управляющий.

Хотел он от меня того, чего обычно хотят мужчины от женщин. Но у него долго не получалось. Тогда он решил поднять себя в моих глазах до невиданных высот и устроил мне экскурсию по подземным помещениям. Мы опустились на лифте на три этажа вниз. Я и не предполагала, что такое возможно. Там есть все необходимое для жизни. Целый городок.

— Ты видела работающих людей?

— Нет, дело было ночью, но я кое-что понимаю в организации исследовательских работ. Оборудование там самое современное. Кроме того, есть даже небольшой искусственный парк, тренажерный зал, теннисный корт, сауна, бассейн.

— Ну и как, создал управляющий должное впечатление?

— Он меня просто изнасиловал. — Алена неожиданно заплакала и отвернулась.

— Алена, извини, пожалуйста, я не хотел тебя обидеть. — Вадим сел поближе и погладил Алену по голове. Та не реагировала и плакала навзрыд. Вадим налил стакан воды и заставил ее выпить.

— Только не рассказывай никому, пожалуйста! — попросила Алена, немного успокоившись, и прижалась к Вадиму.

— С чего ты взяла, что я собираюсь это делать? Не переживай, скотов на свете много.

— Он и сейчас мною пользуется, козел. Правда, по-тихому, чтобы никто не знал.

— Зачем же ты все это терпишь? Что тебя здесь держит?

— Мне остался всего месяц. Потом должны заплатить деньги, и я минуты не останусь в этом месте. А без денег куда денешься? Выхода нет, приходится терпеть.

— Семья есть?

— Нет. С мужем я развелась пять лет назад, а детей Бог не дал.

— А ты уверена, что тебе заплатят эти деньги?

— А как же иначе? — Алена удивленно уставилась на Вадима.

— Всякое бывает. Например, по моим подсчетам, Полежаеву как раз и не заплатили. Более того, у него контракт закончился несколько недель назад.

— Не пугай меня, Вадим.

— Может быть, я смогу помочь тебе выбраться отсюда. Я, конечно, многого не обещаю, но если ты мне поможешь, и я докопаюсь до истины, то и ты выберешься из этой передряги. Скажи, а были случаи, когда по истечению контракта люди спокойно увольнялись отсюда?

— Конечно, были, мы даже устраивали прощальные вечеринки.

— Ты сможешь проводить меня в этот подземный город или хотя бы указать дорогу?

— Я знаю, что попасть туда можно через крыльцо, выходящее к реке. Только там везде кодовые замки, которые открываются электронным ключом.

— А самого хозяина ты когда-нибудь видела?

— Лишь несколько раз, при приеме на работу и мельком, когда он показывал мое рабочее место каким-то важным гостям.

— А чем ты занимаешься?

— Я биофизик, моделирую некоторые условные рефлексы у собак. Пытаюсь ... извини, Вадим, не могу тебе все сказать. Запрет на разглашение любых сведений о работе — одно из условий контракта. Я и так слишком разоткровенничалась, у меня могут быть неприятности. А если ты окажешься обманщиком, то и вовсе большие проблемы.

— Ну-ну, не стоит так плохо думать о людях. Ты будешь в своей комнате?

— А что?

— Мне необходимо ненадолго отлучиться. Надо разыскать Никиту, а то он совсем меня потерял.

— Ты еще придешь? — В глазах Алены стояла просьба.

— Постараюсь.

Он зашел по дороге в бар и неожиданно увидел там Никиту.

— Привет, ты где пропадаешь?

— Да вот, познакомился с одной очаровательной женщиной, зовут Алена Семеновна.

— Алена? Ну, такая кого хочешь завлечет. С тобой мечтает увидеться управляющий.

— Зачем?

— Не знаю. Наша версия с твоим появлением прошла как по маслу.

— Ты поговорил с кем-нибудь?

— Да, но никто твоего Полежаева не знает. Правда, я особо не настаивал, упоминал его имя лишь мельком.

— Вот и отлично, больше вообще не упоминай, а то можем проколоться.

— Что-то случилось?

— Нет, просто ситуация начала развиваться по нужному сценарию, и я сам теперь смогу задать интересующие меня вопросы официально. Причем, не впутывая тебя.

— Ты имеешь в виду встречу с управляющим?

— Да. Давай подождем, пока я переговорю с ним. Тогда будет ясно, как вести себя дальше.

— Договорились. Слушай, Вадим, мне надо сбегать в деревню. Пока ты поговоришь с этим хорьком Петром Ивановичем, я как раз обернусь.

— Чувствуется, у тебя к нему большая симпатия.

— Здесь все его "очень любят".

— Договорились. Если что, я буду у тебя или в комнате у Алены Семеновны.

И Вадим, проигнорировав многозначительную улыбку Никиты, направился к конторе управляющего.

Управляющий встретил его любезно. Радушно улыбаясь, он указал на кресло около столика, на котором уже стоял дымящийся самовар.

— Какими судьбами, Вадим Семенович? Надеюсь, не служебные проблемы к нам привели, а так, отдохнуть приехали?

— Да в отпуске я. Когда был здесь на пикнике, очень мне места понравились. С Никитой вот познакомился, воспользовался его приглашением.

— Могли бы и мне позвонить, я бы вам пропуск устроил.

— Зачем такого занятого человека отвлекать? У вас вон, поди, столько забот и хлопот.

— Вы мне льстите, Вадим Семенович. Отдыхайте на здоровье, баньку истопим, стол накроем, все как полагается. Если вас что-то интересует, по работе или лично, тоже поможем. В допустимой степени, конечно. Почему нет? В вашем ведомстве тайны хранить умеют.

— Вы что же, справки обо мне наводили?

— Естественно. Вы работаете... — и управляющий назвал полную должность, и даже отдел, где работал Вадим.

Такого поворота событий Вадим не ожидал. Управляющий сознательно показывал свою осведомленность, подчеркивая этим, с людьми какого уровня взялся тягаться Вадим. Одновременно он всячески выказывал расположение к собеседнику и даже предлагал помощь. Проанализировав ситуацию, Вадим предположил два варианта: либо управляющий был уверен, что Вадим не запросит у него ничего такого, чего тот не сможет безбоязненно ему показать, либо собирается вытянуть из него, зачем он действительно заявился в их глухомань, да еще во время своего отпуска. Вадим закурил сигарету, чтобы еще немного потянуть время, хотя его никто и не торопил.

— Скажите, Петр Иванович, а могу я увидеться с хозяином усадьбы?

— Конечно, можете, только сейчас он в отъезде. Вернется завтра.

— Хорошо, Петр Иванович, не будем ломать комедию. Я действительно приехал сюда, чтобы прояснить некоторые моменты. Во-первых, я не до конца верю, что в лесу было растерзано тело свиньи. Во-вторых, меня удивила, если не сказать больше, атмосфера закрытости и жесткие ограничения, которые администрация усадьбы ввела для своих сотрудников. А в-третьих, и это, пожалуй, главное, — по моим данным, физик Семен Полежаев, заключивший контракт с вашим хозяином, бесследно исчез из этого уважаемого заведения.

— Вот так, значит, вы представляете себе положение вещей?

— Да, именно так.

— Что ж, готов ответить на все вопросы и даже показать кое-что. Давайте по порядку. Насчет свиньи — ее уже съели. Второе. Дисциплина у нас, действительно, жесткая. Но это всего лишь, чтобы победить извечную русскую расхлябанность. Кроме того, темы исследований уникальны, мы боимся утечки информации, плагиата и подобных вещей. Здесь на сравнительно малой площади сконцентрировано уникальное оборудование, которое требует постоянного нахождения около него специалистов и соответствующей охраны. И мы никого не неволим. Наоборот, платим солидные деньги и создаем необходимые бытовые удобства. А если человек сам хочет уйти, отпускаем его. Конечно, выплаты производятся в полном объеме только тогда, когда работник выполнит все взятые на себя обязательства. Теперь самое простое. Полежаев никуда не пропал. Он действительно находится в командировке и завтра появится перед своей супружницей. Вы сможете стать тому свидетелем.

— Ну, если все так обстоит на самом деле, я готов принести свои извинения.

— Не стоит, буду очень рад, если сниму камень с вашей души. Поэтому предлагаю сейчас совершить маленькую экскурсию по подземному городу, о котором, вы, я думаю, уже наслышаны, но почему-то не задали ни одного вопроса. А завтра я познакомлю вас с хозяином.

Допив чай, управляющий и Вадим вышли из хозблока и пошли к заднему крыльцу усадьбы. Войдя в дом, они спустились по деревянной лесенке вниз, и управляющий нажал на звонок перед стальной дверью, искусно замаскированной под дерево.

Подземное путешествие заняло около двух часов. Управляющий провел Вадима по всем трем этажам, правда, нигде особо не задерживаясь и не давая вступать в контакт с сотрудниками.

Первый этаж был разделен на отдельные боксы стеклянными перегородками. Сотрудники работали за персональными компьютерами, по одному в каждом боксе. Некоторые стояли за чертежными досками, кто-то обходился без "персоналки" и работал просто за письменным столом. В некоторых боксах сотрудники в темных комбинезонах производили манипуляции с какими-то небольшими вещицами, напоминающими микросхемы. Они использовали не известные Вадиму механизмы, при помощи которых и работали со схемами. Механизмы эти, в представлении Вадима, выполняли роль технологических роботов, которых он видел в японских научно-популярных фильмах.

Второй уровень произвел на Вадима большее впечатление. Там располагались закрытые боксы, внутрь которых Вадим допущен не был. Кроме этого, на втором этаже располагались и клетки с подопытными, как объяснил управляющий, животными. Набор самый обычный: обезьяны, собаки, кошки, рыбки, крысы.

Вадим остановился около клетки с пятнистым забавным поросенком, который содержался отдельно, бегал по клетке, махал хвостиком и повизгивал. На этом этаже практически не было персонала, только два человека, сидевших около больших мониторов. Открыв дверь в конце коридора, отделявшего клетки и боксы друг от друга, управляющий продемонстрировал Вадиму зимний сад и сауну, о них, по всей видимости, и говорила Алена. Посреди сада располагался даже маленький бассейн.

Третий уровень был разделен пополам прозрачной перегородкой. Одна половина представляла собой пустую площадку со множеством люков в полу. Вторая была разделена прозрачными перегородками и напичкана всевозможной аппаратурой, назначение которой Вадим определить не мог. Здесь работали шесть сотрудников в таких же стандартных белых комбинезонах, как и их коллеги с других этажей. Только, в отличие от них, на ногах у них были надеты поверх обуви прозрачные полиэтиленовые бахилы, а на воротник также крепился прозрачный колпак, который в случае необходимости мог использоваться как шлем. Сообщение между уровнями осуществлялось при помощи лифта. По уровню сотрудники передвигались на маленьком электрокаре или пешком. "Вот и все, — сказал управляющий, когда они поднялись наверх. — Экскурсия окончена".

Вадим выразил восхищение увиденным, после чего, еще немного поговорив о достижениях прогресса, местной природе и прочих приличествующих моменту вещах, они пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по своим делам.

На следующее утро Вадим проснулся на удивление бодрым. Было шесть утра, но Никита отсутствовал. Более чем странно, что не пришел ночевать. Вадим умылся, выпил чашку кофе и вышел на улицу. По земле стелился туман, было сыро и свежо. В усадьбе не видно ни души. Только около центральных ворот в специальной стеклянной будке клевал носом охранник. Вадим прошел через центральные ворота, теперь ему не надо было соблюдать инкогнито, и направился к дому физика-самоучки.

По пути ему встретилась молодая женщина в темных очках и прозрачном шелковом платье. Когда он поравнялся с ней, незнакомка неожиданно обратилась к нему:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — несколько опешив, поздоровался Вадим.

— Вы меня не узнаете?

— Признаться, нет.

— А теперь? — женщина сняла очки и улыбнулась.

— Марина Анатольевна Полежаева?

— Совершенно верно, вы еще заходили ко мне несколько дней назад.

— Да-да. Очки сильно меняют внешность. Извините, что не узнал вас сразу.

— Я хотела еще раз поблагодарить за фотоаппарат. Очень дорожу этой камерой.

— Ну что вы, не стоит. Мне ее принес немой мальчик из этой деревни, когда я отдыхал на пляже. Он ее нашел где-то в лесу, а я только передал вам.

— Все равно, я вам очень признательна. Знаете, в наше время естественнее было бы, если бы вы оставили ее себе.

— О времена, о нравы. А вы здесь какими судьбами?

— Сегодня должен возвратиться из командировки мой муж, он работает здесь, в усадьбе. У него заканчивается контракт, и, наконец, он сможет вернуться домой, и мы отправимся в путешествие.

— Мои поздравления!

— Я так долго этого ждала. А вот, кстати, и он. Давайте я вас познакомлю. Семен, Семен! — Марина замахала рукой вышедшему из ворот усадьбы худощавому смуглому человеку, одетому в джинсовый костюм и дорогие кроссовки.

— Мариша, привет! — Он бросился навстречу жене и, когда та оказалась в его объятиях, поднял ее на руки и закружил.

— Семочка, милый, наконец-то! — радостно повторяла Марина.

Им было не до Вадима, и он приготовился уже идти своей дорогой, но Марина все-таки вспомнила о нем, окликнула и представила мужу.

— Рад познакомиться! — приветливо произнес Полежаев.

— Взаимно!

— Мы можем подбросить вас до города, моя жена приехала на машине.

— Нет, спасибо. У меня своя есть.

— А вы что, отдыхаете здесь?

— Да, приехал на несколько дней, у меня отпуск.

— Ну, тогда счастливо оставаться!

— Здесь, кстати, и Федор.

— Какой Федор?

— Кормишин.

— Кормишин?

— Да.

— А кто это такой? — удивленно спросил Семен Давыдович.

— Он говорил, что знает вас. Вы ему еще про усадьбу эту рассказывали, пару научных идей подсказали.

— А... Федька! — без особого энтузиазма всплеснул руками Полежаев. — Где же он?

— Пойдемте, могу показать.

Марина и Семен переглянулись и пошли за Вадимом к дому физика-самоучки. На входной двери висел большой амбарный замок, но двор был закрыт только на щеколду, видимо, чтобы Вадим мог добраться до своего автомобиля. На ветровом стекле он обнаружил записку, из которой следовало, что у Федора неожи-

данно появились дела в городе, а Андрей Васильевич ушел в лес за грибами. Вадим передал своим новым знакомым, что Федор Кормишин отбыл в город. Они сказали, что там обязательно с ним встретятся, и укатили на своей новой "девятке".

Вадим хотел заглянуть к Виктории и ее брату, но у них тоже висел замок. "Да, рано поднимаются в этой деревне", — отметил он про себя и пошел обратно в усадьбу. Надо найти Никиту, поблагодарить его и Алену за гостеприимство, попрощаться с управляющим и отчаливать домой, к Каролине. Забыть обо всей этой истории, своих сомнениях и спокойно готовиться к поездке на море. Потому что дальнейшая игра в детектива может выглядеть просто смешной.

Вадим вернулся в усадьбу и у ворот столкнулся с управляющим. Тот обратился к нему с неожиданным вопросом:

— Вадим Семенович, вы хотите побеседовать с хозяином?

— Я бы с удовольствием, только захочет ли он уделить внимание моей скромной персоне?

— Уже захотел. Так что, пойдемте?

— Пойдемте.

Управляющий повел Вадима к заднему крыльцу, через которое они проникали в подземный городок. Но теперь они поднялись наверх по витой, стилизованной под старинную, лестнице. Хозяин, по всей видимости, решил принять Вадима в башенке, возвышавшейся над всем строением на уровне третьего этажа. Управляющий сначала постучал в двойную дверь и, только когда услышал "войдите", тихонько приоткрыл ее и скользнул внутрь. Через некоторое время он вышел и пригласил Вадима, а сам остался ждать в приемной.

Комната, в которую попал Вадим, не поражала ни своими размерами, ни богатством убранства и обстановки. Много книг в расположенных вдоль стен высоких стеллажах. Старинная кровать с резной дубовой спинкой. Огромное старинное кресло около современного торшера. Напротив белый экран во всю стену. В углу практически незаметен платяной шкаф. Создавалось впечатление, что комната вбирала в себя вещи из прошлого, настоящего и будущего. Но, что самое интересное, в ней никого не было.

Вадим подошел к книжным полкам и стал рассматривать корешки книг. Он нашел здесь старинные издания на русском, немецком, английском и французском языках и так увлекся, что не заметил, как погас свет. Он резко обернулся и увидел молодого человека, стоящего посреди комнаты, наверное, одного с ним возраста, или даже чуть младше. Тот был одет в свободные джинсы, кроссовки и майку с короткими рукавами. У него были длинные волосы и спокойный приветливый взгляд. Он протягивал Вадиму руку. Вадим подошел к незнакомцу и протянул свою, но вместо человеческой ладони поймал воздух. Вадим оторопел, но спра-

вился с собой и решил пощупать стоящего перед ним человека — рука прошла сквозь него. Внезапно бесплотный человек исчез, и Вадим в полном изнеможении опустился на пол.

Свет зажегся вновь через несколько мгновений. Дверь, которую Вадим принял за платяной шкаф, открылась, и в комнату вошел все тот же молодой человек.

— Не стоит волноваться! — обратился он к Вадиму. — Здравствуйте, и извините меня за невинную мистификацию. Обожаю такие розыгрыши.

— Кто вы? — с трудом сдерживая эмоции, спросил Вадим.

— Я хозяин усадьбы, зовут меня Эванс. То, что вы видели, лишь голографический дубль, только очень хорошего качества.

— Что-что?

— Голографический дубль — специальная проекция направленных световых лучей. Вы были когда-нибудь в кинотеатре со стереоэффектами или, может быть, смотрели популярный французский сериал про спецагента Никиту? Она в качестве подготовки поражала возникающие вокруг нее объемные мишени в виде людей и даже вступала с ними в рукопашную схватку.

— Да, что-то такое припоминаю. Но могу я убедиться сам, что вы больше не голограмма?

— Конечно! — Эванс подошел к Вадиму и пожал его дрожащую руку.— Вы прибыли сюда, чтобы выяснить, что же произошло с вами в лесу?

— Совершенно верно.

— Объяснению управляющего, как здравомыслящий человек, вы не поверили?

— Не до конца. Во-первых, у меня хорошее зрение, а во-вторых, откуда в лесу взяться домашней свинье?

— Вы действительно видели, как разрывали на части и поедали человека, — спокойно заявил Эванс, разливая по бокалам коньяк. — Но не реального, а виртуального. — Это тоже было голографическое изображение. Вот оно. — И он включил огромный экран на стене.

Вадим заново просмотрел сцену, увиденную им туманным утром, и пережил те страшные события. Только теперь на пленке присутствовал и он сам в качестве невольного участника.

— То есть, вы это все подстроили специально?

— Термин "подстроили" здесь не уместен. Мы провели маленький эксперимент.

— А какова же его цель?

— Посмотреть, как человек с твердой психикой и некоторыми профессиональными навыками воспримет происходящее. Оказалось, что он принял все за чистую монету.

— Зачем же вы мне все это рассказываете? Не боитесь, что я доложу о подобных полузаконных экспериментах своим коллегам, и они займутся вашей конторой?

— По-моему, вы преувеличиваете и драматизируете. А что касается ваших коллег, то, во-первых, здесь нет преступления, а, во-вторых, мы выполняем некоторые оборонные заказы, в силу чего поддерживаем связь и с вашими коллегами. Так что давайте разойдемся мирно. Согласен, возможно, мы немного переборщили. Готов компенсировать моральный ущерб.

— Не надо мне ничего компенсировать, лучше ответьте, как к вам попала тетрадка с экспериментами Федора Кормишина? Ведь она у вас?

— Была у нас, теперь уже у него. Мы объяснили Федору ситуацию, заплатили деньги, в общем, он остался доволен. Скоро, кстати, он устраивается к нам на работу. А тетрадку эту принес Полежаев. Проще говоря, он спер ее у Кормишина. Первоначально выдал эти результаты за свои, но потом все открылось, и мы хотели выгнать Полежаева, но он упросил не делать этого.

— Что ж, понятно. Я, пожалуй, пойду.

— Надеюсь, вы не в претензии?

— Нет, что вы!

Вадим попрощался с хозяином и вышел из его кабинета. За дверями его уже поджидал управляющий, он пожал ему на прощание руку и пригласил заезжать, когда только захочется.

Вадим попрощался с Аленой, Никитой и Андреем Васильевичем, сел в свой видавший виды автомобиль и тронулся в путь, подальше от всех загадок, круто замешанных на человеческих пороках и глупости. Подумать только, размышлял Вадим, то, над чем ломал голову, оказалось простой голограммой, а сам он был лишь подопытным кроликом.

Вдруг на дороге впереди Вадим заметил две одинокие фигуры. Подъехав поближе, он узнал Вику и ее брата. Вика подняла руку, прося Вадима остановиться, подошла к машине и залезла на заднее сиденье, братец устроился на переднем.

— Есть разговор, — сказала она, не тратя времени на приветствие.

— Весь внимание. Как вас занесло в такую глушь?

— Мы вас поджидали.

— Это проще было сделать в деревне.

— Не скажите, там слишком много ушей. Я не очень-то вам доверяю, но мой брат настоял на встрече.

— Вот как? Спасибо, Василий. Только в чем дело?

— Дело достаточно серьезное, и для вас в том числе.

— Чего же ты раньше молчала?

— Думала. Наконец Василий убедил меня в том, что вы хоть и туповатый, но порядочный человек.

— Ну что ж. — Вадим обладал одним ценным качеством — он был необидчив.

— Вы виделись с Эвансом? — спросила Вика.

— Да.

— Он показывал всякие штучки, типа объемных изображений?

— Показывал. А управляющий показывал подземный городок. И что с того?

— Вам, Вадим Семенович, угрожает опасность, и я не удивлюсь, если вы не доберетесь до города.

— Неужели? А Эванс приглашал меня на очередной пикник.

— Эванс — мерзкий и опасный тип. Он цацкался с вами только потому, что принял вас за другого.

— За кого же?

— Об этом потом. Сейчас давайте переберемся в безопасное место, и я введу вас в курс дела.

— Давай переберемся. Показывай дорогу.

Виктория стала показывать Вадиму путь, и он вынужден был петлять по малоразличимым лесным тропкам, пока вконец не потерял ориентацию. Наконец они оказались в почти непроходимой чаще, и дальше не то что ехать, идти было затруднительно. Виктория же казалась этим вполне довольна. Забросав машину хворостом, они дошли пешком до маленькой землянки, вход в которую был замаскирован ветками, девочка раздвинула ветки, и они вошли внутрь. В землянке было все, что нужно для проживания, включая продукты, небольшую печку, спальные мешки и даже маленький телевизор.

Вадим натаскал сучьев и разжег печку. Вика собрала на стол. Когда в землянке приятно запахло горящей смолой и распространился запах свежезаваренного чая, она рассказала следующее.

Ее отец, разработавший проект усадьбы, содержится в настоящее время в ней же, в подземной тюрьме. Эванс обманул его и заставляет работать на себя. Когда надобность в отце исчезнет, его ликвидируют, а вместе с ним и Вику с братом. Сейчас Вика живет лишь благодаря тому, что отец отказывается работать без гарантии ее жизни и свободы. Это его единственное и обязательное условие. Эванс имеет обширные связи, умеет казаться большим гуманистом, филантропом и радетелем за судьбы Отчизны и простого народа. На это многие покупаются. На самом деле, под личиной научных исследований он обделывает свои темные делишки. В усадьбе устроил настоящий террор. Из ученых, кто работает в подземном городке и мало-мальски осведомлен о характере проводимых экспериментов, никто не уходит просто так. Они исчезают...

— У меня на этот счет иные сведения. Например, Семен Давыдович Полежаев, проработавший в подземном городке некоторое время и даже побывавший в какой-то служебной командировке, вполне благополучно сегодня покинул усадьбу и, встреченный женой, на новой машине, купленной на заработанные деньги, отправился домой.

— Ха-ха-ха. Ловко вас обвели вокруг пальца. Эванс на такие штуки мастак.

— Что ты имеешь в виду?

— Это были дубли, копии семьи Полежаевых, так как Марину убили на моих глазах, а Семена Давыдовича, талантливого физика, еще раньше. А фотоаппарат, который мы вам передали, чтобы использовать пусть мизерный, но шанс, чтобы пленка дошла до правоохранительных органов, исчез в руках того же Эванса. Его забрала у вас дублерша Марины. На пленке были обличающие Эванса кадры, которые Марина передала нам перед своей смертью, предчувствуя ее. Но мы тоже хороши. Нашли не самый удачный способ распорядиться этими уликами.

— А что было на пленке?

— Точно не знаю. Но у нас остался еще один шанс. Я знаю, где находится тело Марины со следами пыток. Эванс ублюдок и садист. Он пытал ее, стремясь узнать, кому она могла рассказать или передать компромат на него, который собирала последние недели. Она сделала вид, что увлеклась Эвансом, и он допустил ее слишком близко к себе, хвастаясь своей властью и богатством. Марина не успела покинуть усадьбу, прихватив с собой накопленный материал, чтобы предать эти сведения гласности. Но, что было, то было...

— Вика, ты употребила слово "дубли".

— И что?

— То есть, это тоже были голограммы?

— Да нет, конечно. Это были живые люди, только искусно загримированные под Полежаевых. У Эванса целая команда специально обученных людей, он использует их в самых разных ситуациях.

— Я могу обратиться к проверенным ребятам, и мы постараемся вывести его на чистую воду.

— Вашими бы устами, да...

— Мммм ... — напомнил о себе немой. Он держал на ладошке кассету от фотоаппарата.

Вика с минуту молча смотрела на брата, пока тот жестами объяснял ей что-то, изредка поглядывая на Вадима. Выслушав объяснения Василия, она вдруг рассмеялась и прижала его к себе.

— Он вытащил кассету из фотоаппарата, перед тем, как отдать вам, и вставил другую.

— Молодец, парень, — похвалил Вадим.

— Давайте поедим, — предложила Вика, — а потом уж будем думать, как выбраться из создавшегося положения, хотя мне, по правде говоря, оно кажется безвыходным.

— Безвыходных положений не бывает, — вынужден был сказать Вадим, хотя и сам не испытывал особого оптимизма.

Пока они поглощали нехитрый, но вкусный ужин, приготовленный Викторией, у Вадима было время пошевелить мозгами.

Первым делом необходимо отвезти Викторию и Василия в безопасное место. Затем незамедлительно предупредить всех участников этой истории, которым также может угрожать расправа со стороны Эванса. Предприняв эти действия, нужно подыскать команду надежных парней и освободить отца ребят, одновременно доложить начальнику обо всей этой истории. И вообще...

— О чем задумались, Вадим Семенович? — неожиданно прервала его мысли Виктория.

— Думаю о том, что надо отвезти вас в надежное место, и чем быстрее, тем лучше.

— Но мы должны помочь отцу, поэтому, если будем около него, что-нибудь получится.

— Послушай, Вика, ты, конечно, очень умная, смелая и серьезная девушка, но поверь, очень мало смыслишь в таких делах. Действовать сообща вовсе не означает постоянно находиться вместе. Лучше, если ты последишь за братом и будешь оберегать его. Кроме того, когда вы окажетесь в безопасном месте, у Эванса будет недоставать на руках важных козырей, и шансов с ним справиться прибавится.

— Хорошо, я согласна, ведь у нас с Васей нет иного выхода, — произнесла она после некоторого раздумья и посмотрела на брата, который мирно спал, свернувшись калачиком на сколоченной из досок лежанке.

— Завтра рано утром я отвезу вас в город и поселю в безопасном месте. Вы там поживете недельку, а я постараюсь найти пути решения нашей проблемы.

— А как вы думаете, моего отца можно спасти? — Вика смотрела на Вадима широко открытыми беззащитными глазами, в которых было столько тревоги и надежды. Ее самостоятельность и напускная взрослость куда-то подевались, уступив место желанию хоть немного разделить с кем-то ответственность за судьбу отца и брата.

— Думаю, что да, во всяком случае, очень на это надеюсь и постараюсь сделать все от меня зависящее. — Вадим понимал, что, давая такое обещание, он не сможет обмануть Вику и ее брата.

— Спасибо, — пробормотала Вика и легла рядом с Василием. Через несколько минут она уже спала.

В четыре часа утра Вадим встал, быстро разжег печку, вскипятил чайник, затем разбудил Вику и объяснил ей план действий. Пока они с Василием пили чай, Вадим освободил джип от веток и стал прогревать двигатель. Автомобиль хоть и имел потрепанный и неказистый вид, но заводился всегда как часы. Не подвел он и в этот раз. Бензина также было достаточно. Вопрос состоял в том, как выбраться из леса не замеченными людьми Эванса. Главное — добраться до города.

Выехав на проселочную дорогу, Вадим вдавил педаль акселератора до упора, и автомобиль, разбрызгивая экологически чис

тую деревенскую грязь по сторонам, понесся к шоссе. Слава Богу, они никого не заметили. То ли Эванс уже снял свои посты, то ли не знал этой дороги, а может, охранники, поставленные здесь, не выдержали бессонной ночи и уснули на часок-другой где-нибудь под кустом. Ведь время для сна самое подходящее — четыре часа утра.

На шоссе практически не было машин, что позволило Вадиму развить неплохую скорость и быстро доехать до города. Он немного попетлял по улицам и, убедившись, что за ними никто не следит, отвез ребят на свою квартиру. Потом заехал на мойку и отдраил свою машину. Пришлось мыть даже брезентовый тент. Через полчаса джип сиял как новенький. Заправив машину, Вадим поехал к Каролине.

Девушка очень обрадовалась его возвращению. На ее лице не было и тени недовольства. Едва он перешагнул порог, она обвила его шею руками и прижалась к нему. Вадим поднял ее на руки и отнес в комнату, где, усадив на колени, рассказал о своей поездке. Каролину все это очень заинтересовало, и Вадиму пришлось подробно обрисовать и причины, побудившие его поехать в усадьбу, и встречу с хозяином, и, наконец, рассказать об отце двух несчастных детей. Каролина слушала внимательно, не перебивая. На ее лице отражались сочувствие к детям, брезгливость к Эвансу, любовь к самому Вадиму.

— Ты бы меня очень выручила, если бы позвонила или зашла к ним в течение дня.

— Конечно, — ответила Каролина.

— А я пока съезжу на работу, надо доложить ситуацию и переговорить с ребятами.

На этом они расстались, и Вадим поехал в Управление.

Непосредственный начальник Петрова подполковник Сомов был на больничном, поэтому Вадим решил обратиться напрямую к начальнику отдела, которого все за глаза называли просто Шефом. Полковник Валерий Осипович Берендеев, шеф крупного отдела Управления, завершал пятый десяток своей жизни и был в самом расцвете сил и карьеры. Он начал службу еще в КГБ и прошел путь от простого оперативника до начальника крупного подразделения. Был он высокого роста и слегка полноватый, с добродушным, типично русским лицом. Его облик никак не вязался с привычкой Берендеева носить синие клубные пиджаки с металлическими блестящими пуговицами и курить трубку. Валерий Осипович восседал за массивным столом в отделанном дубовыми панелями просторном кабинете. На кончике его мясистого носа покоились очки с прямоугольными стеклами без оправы. Когда Вадим вошел, Берендеев приподнял голову, несколько секунд пристально смотрел на подчиненного, а затем пригласил его присесть за маленький столик.

— Чего тебе в отпуске не сидится, в такую-то жару? — спросил он. — Случилось чего?

— Со мной произошла интересная история, с одной стороны, имеющая отношение к делу, которое вы постановили закрыть, с другой, сама по себе содержащая признаки составов нескольких преступлений.

— Это на отдыхе-то? Ну, рассказывай. — Сняв с носа очки и откинувшись на спинку кресла, шеф приготовился слушать

— Две недели назад я посетил один загородный пикничок...

— Завидую, давно не выбирался за город.

— Так вот, первое, что меня удивило, сама обстановка празднества. Я впервые столкнулся с тем, что вдали от города, среди запустевших и полуразрушенных деревень, есть некий оазис благополучия — барская усадьба, окруженная вполне крепкой и зажиточной деревенькой.

— Что значит, барская усадьба? — набивая трубку, спросил Берендеев. — Музей, что ли, какой? Хорошо сохранившийся дом помещика?

— Да нет, в том-то и дело, что помещик самый настоящий, а крестьяне, хоть и зажиточные, но самые что ни на есть крепостные.

— И где же это место?

— Деревня Затокино, километров 70 от города.

— Никогда не слышал. Так. И что дальше?

— Хозяин примерно раз в две недели устраивает в своей усадьбе светские рауты. Причем вход строго по приглашениям. Бывают самые разные люди, от простых или кажущихся такими, обывателей до сильных мира сего. Причем хозяин беззастенчиво отбирает у гостей средства связи и ставит им еще некоторые незначительные ограничения, а в остальном предоставляет полную свободу. Все довольны. В усадьбе есть всё, делающее быт приятным: кафе, бассейн, спортивная площадка и т. д. и т. п.

— Прямо рай земной. Рад за тебя, Вадим, что умеешь так цивилизованно отдыхать. Что ж, ты еще сравнительно молод, семьи нет, на здоровье. Но я не улавливаю, что привело тебя посреди отпуска ко мне и заставляет отнимать время у занятого человека?

— В первое же чудесное утро пребывания в усадьбе я решил прогуляться по берегу реки. — И Вадим начал последовательно, опуская незначительные подробности, рассказывать шефу о своих приключениях.

Берендеев слушал очень внимательно. Через десять минут он попросил секретаршу принести им чай, через пятнадцать отложил по телефону какую-то встречу. Когда повествование дошло до того места, где Вадим рассказывал о научных изысканиях, проводящихся в усадьбе, шеф заметно оживился и стал задавать уточняющие вопросы.

— Что, в самом деле, управляющий и хозяин говорят, что в их усадьбе проводятся исследования по оборонной тематике?

— Да, но это лишь слова.

— В определенных кругах слова просто так не произносятся, особенно такие.

— Вам что-нибудь известно о научных институтах, занимающихся технологиями двойного назначения?

— Нет, не известно, — ответил Берендеев, но не сразу, а после минутного раздумья.

Прошел час, когда Вадим закончил свой рассказ. Настроение шефа заметно изменилось. Он задумался, и задумался достаточно серьезно. Его очень тревожило, что он, искушенный контрразведчик, знающий все секретные военные объекты и научные учреждения, занимающиеся оборонной тематикой, действительно ничего не знал о подобном объекте в деревне Затокино.

— Вот что, Вадим Семенович! То, что ты мне рассказал, действительно интересно. Но чтобы полностью оценить данную ситуацию и дать ей компетентную оперативную и правовую оценку, мне необходимо посоветоваться с коллегами из других отделов, и даже иных правоохранительных органов. Что касается чистой уголовщины, если, конечно, данные подтвердятся, это компетенция органов внутренних дел. Мы сюда лезть не будем, да и не имеем права. А вот что касается научных работ по оборонке, тем более привлечения научных работников к проведению секретных экспериментов, здесь мы подключимся обязательно. Конечно, после соответствующей проверки. Поэтому я наведу кое-какие справки и посоветуюсь с руководством, а ты пока изложи-ка все это в рапорте. Только, пожалуйста, никаких заявлений от детей пока не бери, они же несовершеннолетние. Да и сам знаешь, торопиться не следует. Договорились?

— Да, Валерий Осипович, буду следовать вашим указаниям.

— Зайди ко мне завтра, после обеда. Устраивает?

— Конечно.

— Тогда всего доброго.

Выйдя от шефа, Вадим зашел в свой кабинет, который делил с Денисом Сомовым. Денис был не просто однофамильцем его непосредственного начальника, он был его сыном. В чекистской среде следование по стопам родителей достаточно распространено, существовали целые семейные династии. Дед передавал ремесло своему сыну, тот своему. Однако это не означало, что дети находились в каком-либо привилегированном положении по сравнению с остальными молодыми сотрудниками, взятыми, как говорится, с улицы. Они так же служили, переносили все тяготы и лишения, а их преимущество заключалось чаще всего лишь в том, что они в нужный момент могли получить своевременный и квалифицированный совет, а в наш век информации

это весьма и весьма важно. Конечно, из всякого правила есть исключения, и встречались в этих династийных рядах и откровенные, не заслуживавшие своего места, протеже, но это никак не относится к Денису Сомову.

Сомов-младший поступил на службу в Управление ФСБ по N-ской области три года назад после окончания московского института ФСБ, так называемой "вышки" — Высшей школы КГБ. Он очень старался зарекомендовать себя с хорошей стороны и не подвести отца, благодаря чему быстро овладевал чекистским ремеслом. Денис относился к профессии со всей ответственностью и потому был не по годам серьезен. А в остальном — отличный парень: высокий, стройный, с открытым веснушчатым лицом и живыми глазами.

В настоящее время Сомов-младший самозабвенно занимался подшиванием документов в толстое рабочее дело. Вадим ушел в отпуск, молодой сотрудник почувствовал себя единовластным хозяином кабинета. Он романтично воображал себя человеком, в кабинетной тиши делающим важное государственное дело, поэтому испытал легкое разочарование при виде коллеги.

— Как отдыхается? — спросил Денис.

— Спасибо, отлично.

— Чайку не желаешь? Настоящий, листовой, разваривается классно.

— А почему бы и нет? — философски изрек Вадим. Несмотря на жару, ему захотелось выпить горячего свежезаваренного чая. Знающие люди говорили ему, что нет лучше средства утолить жажду в жаркую погоду.

Сомов-младший достал из тумбочки чашку, включил чайник. Затем проследовал на свое место и закурил.

— Послушай, Денис, у тебя, случайно, нет списков оборонных предприятий, располагающихся в нашей области? — спросил на всякий случай Вадим, заранее зная ответ.

— Случайно есть, — как ни в чем не бывало, ответил Сомов.

— Да, я и забыл, что кураторство над этими "почтовыми ящиками" теперь входит в твои должностные обязанности.

— А что?

— Ты можешь дать мне этот список?

— Ну, в общем-то, могу. Он лежит у меня в сейфе.

— Я недавно столкнулся с фактом существования в лесной глуши некоего частного объекта, хозяин которого утверждает, что проводит своими силами научные разработки по закрытой тематике.

— Частного?

— Частного.

— Не может быть, до этого у нас еще не додумались.

— Еще как додумались.

— А где конкретно, область большая? — спросил явно заинтересованный Денис.

— Вот здесь. — Вадим подвел Дениса к крупномасштабной карте области, которая висела на стене кабинета, как раз над столиком с провизией.

— Странно! Я хоть и не помню на память все оборонные объекты, но знаю точно, что в этой местности их нет.

— Давай все же уточним по списку, — предложил Вадим.

Денис открыл сейф и протянул коллеге требуемый документ. В качестве приложения к нему была небольшая карта области, на которой Денис по собственной инициативе отметил все секретные объекты красными точками. Район области, интересовавший Вадима, действительно не содержал никаких отметок. Проверять по списку эту информацию Вадим не стал, так как знал, что Денис сделал работу точно и пунктуально, и вероятность того, что он пропустил какой-то флажок, ничтожно мала.

— А чем тебя этот объект заинтересовал? Разрабатывать кого-то из его сотрудников, что ли, собрался? — со знанием дела, смачно затягиваясь сигаретой, поинтересовался Денис.

— Да нет, просто справки хотел навести, и, как оказалось, не зря.

— А в чем конкретно дело?

— Да так, пустяки. Люди на этом объекте пропадают.

— Как пропадают?

— Их ликвидируют после того, как они отработают контракт.

— Контракт? — Денис все больше выказывал неподдельный интерес.

— Контракт на занятие научными исследованиями, который заключают научные сотрудники с хозяином усадьбы.

— А кто хозяин усадьбы? — не унимался Денис.

— Понимаешь, Денис, я рассказал бы тебе все и подробно, но опасаюсь, что это может сослужить тебе дурную службу. Есть вещи, которых лучше не знать, а если уж знаешь, то ни в коем случае не пытаться узнать более подробно.

— Ну, если не хочешь, не говори, я не очень любопытный, — обиженно проговорил Денис.

— Не обижайся, старик. Когда понадобится помощь, обращусь к тебе, если, конечно, не передумаешь.

Они еще немного поговорили, попили чаю, и Вадим отправился домой, где его ждали Василий и Виктория. Его мучило сомнение, стоило ли рассказывать Денису, хотя и отрывочно, о своих злоключениях и подозрениях? Но сказанного не вернуть, мы часто говорим лишнее.

Виктория и Василий вышли в прихожую встретить Вадима. Вика была в кухонном фартуке, а брат весь перепачкан в муке. С кухни распространялся удивительно вкусный запах печеного теста и мяса. Василий деловито взял у Вадима пакеты с продуктами

и поволок на кухню, а Вика спросила, есть ли какие новости про отца, и сумел ли Вадим что-либо предпринять для его освобождения. Вадим вкратце рассказал Вике, что доложил ситуацию шефу, и теперь будет ждать его решения, а детали предложил обсудить позже.

После обеда, когда Вика закончила мыть посуду, они с Вадимом сели на диван и принялись обдумывать, как поступить дальше.

— Вика, ты согласишься, если будет необходимо, написать заявление в милицию?

— По какому поводу?

— По поводу убийства Марины и ее мужа.

— Знаете, Вадим Семенович, если необходимо, напишу, но я не доверяю милиции.

— Почему?

— Вы и сами лучше меня знаете. Например, я убеждена, что местная милиция куплена с потрохами мерзавцем Эвансом. Да и в городе найдутся покровители, связанные с ним.

— В твоих словах, к сожалению, много правды. По поводу вашей местной милиции у меня родились похожие подозрения. Но поверь, во-первых, в органах внутренних дел работает масса достойных и честных людей, а, во-вторых, убийства относятся к компетенции уголовного розыска, и официального обращения к ним требует закон.

— Тогда мне ничего не остается. Чтобы помочь отцу, я пойду на многое. А уж несчастное заявление написать — нет проблем!

— Спасибо, Вика! Обещаю, что все уладится. Теперь давай поговорим о теле Марины. Ты действительно уверена, что сможешь указать место, где его можно найти?

— Я сама его там спрятала.

— И где?

— Почти там, где вы встретили Федора.

— Так вот зачем ты плавала туда! Скажи, а Федор знает об этом?

— Думаю, нет, мы познакомились с ним, когда я уже возвращалась обратно. Он решил пособирать клюквы в болотистой местности, недалеко от своего шалаша, а я как раз шла к лодке. Это было примерно неделю назад.

— Покажи, пожалуйста, на карте, где это место.

Вика указала, где примерно закопала упакованное в целлофановый пакет тело Полежаевой.

Неожиданно раздался звонок. Вадим открыл дверь, на пороге стояла улыбающаяся Каролина, держа в руках большую хозяйственную сумку

— Привет! Вот не ожидал тебя увидеть! — обрадовано воскликнул он.

— От меня не так-то просто избавиться! — в тон ему ответила Каролина.

— Что это у тебя?

— Привезла кое-какую одежду твоим подопечным. Как считаешь, они не обидятся? Ты же говорил, что они приехали практически без вещей, так как собирались в спешке.

— Думаю, не обидятся, они отличные ребята. Но какая же ты все-таки молодец! А я собирался уже к тебе ехать, вина вот купил.

— Ну, вино мы сейчас и выпьем!

Вадим взял у Каролины сумку с вещами и провел ее в комнату, где на диване сидели брат и сестра. Вадим представил их друг другу, и уже через несколько минут в комнате установилась непринужденная и комфортная для общения атмосфера.

Довольный, что ребята приняли Каролину как свою, Вадим отправился к Интегралу.

Он рассказал другу о своих приключениях в усадьбе, о странных исчезновениях людей, об отце Виктории.

— Я и предположить не мог, что там творятся такие вещи, — воскликнул ошарашенный Интеграл.

—А ты, случайно, не знал отца этих детей? Он ведь тоже ученый и, по всей видимости, неплохой?

— А как их фамилия?

— Погодины.

— Фамилия очень распространенная. Погодин, Погодин... что-то не припоминаю. Хотя... был один Погодин, Иваном звали. Тоже физик, занимался квантовой механикой, защитил докторскую, а потом исчез куда-то. Я имею в виду, что исчез из поля зрения научного мира, то есть перестал публиковать свои статьи, делать эксперименты, а потом и вовсе уволился. Где он теперь, понятия не имею.

— А ты его хорошо знал?

— Да не то чтобы хорошо. Так, виделись пару-тройку раз на конференциях.

— А по фотографии узнаешь?

— Постараюсь.

— Слушай-ка, Интеграл, вот ты говоришь, что и не предполагал, что в усадьбе такое может твориться?

— Совершенно верно.

— А мне сдается, ты меня на пикничок не случайно повез.

— Я действительно пригласил тебя с собой, чтобы ты профессиональным и отвлеченным взглядом окинул этот райский уголок. Но я никак не мог предположить, что события станут разворачиваться так стремительно. Меня интересовал лишь вопрос, как ты воспримешь факт существования этого оазиса благополучия в деревенской глуши.

— А что тут странного?

— А то, что не может простой, пусть даже очень богатый человек, поддерживать научные исследования на таком высоком

уровне, приглашать видных западных специалистов, обеспечивать весь комплекс необходимых для научных разработок условий, я имею в виду подачу электроэнергии, связь, поставку химических веществ и т. д. И где? В деревенской глуши, где жители только и знают, как коровам хвосты закручивать, грибы собирать, да пьянствовать.

Вдруг они оба замолчали, услышав какой-то металлический звук, похожий на скрежет ключа в замке. Звук доносился со стороны входной двери.

— Может, это твоя жена? — шепотом спросил Вадим.

— Нет, они с сыном уехали на несколько дней за город. Может, пьяный какой-нибудь ошибся дверью? — Интеграл поднялся и хотел пойти к двери, но Вадим остановил его.

— Подожди, встань за шкаф и погаси свет, а я посмотрю. — С этими словами он на цыпочках прошел в коридор и встал таким образом, чтобы входная дверь спрятала его от вошедшего.

Дверь стала медленно открываться, и кто-то быстро прошмыгнул в коридор и прикрыл ее за собой. На какое-то мгновение вошедший повернулся боком к Вадиму, и тот нанес ему удар по голове и стал заламывать руку за спину. Незваный гость оказался здоровенным детиной, почти двухметрового роста, и очень грузным. Удар отключил здоровяка лишь на несколько мгновений, да и то благодаря эффекту внезапности. Взломщик покрутил огромной, стриженной под бобрик, головой и с диким ревом ринулся на Вадима, который попытался встать в боксерскую стойку, чтобы отразить атаку, но оказался подмятым тушей этого быкообразного представителя рода человеческого. Плохо бы ему пришлось, если бы не подоспевший из соседней комнаты Интеграл. Защищая неприкосновенность своего жилища и жизнь друга, он шарахнул чем-то тяжелым по голове здоровяка и погрузил его в глубокое забытье. Вадим с трудом поднялся на ноги и, отряхиваясь и ощупывая свою голову, попросил Интеграла включить свет.

— Чем ты его шарахнул?

— Гантелей, они у меня как раз под шкафом валялись.

— Надеюсь, не убил. Давай-ка его свяжем.

— У меня, кажется, есть для этого все необходимое. — С этими словами Интеграл извлек из антресоли прочную альпинистскую веревку и продемонстрировал, как умеет завязывать двойные узлы.

— Ну, ты даешь! — восхитился Вадим. — Тебе бы по оперативной части поработать, в спецназе, например.

— Спасибо, нам и так неплохо. Скажи лучше, что нам теперь с ним делать? Допросить с пристрастием?

— Поспрашивать его, конечно, следует. Думаю, он скоро очнется. Но без пристрастия. И вызови милицию, как-никак на твое жилище совершено нападение. — С этими словами Вадим прощу-

пал одежду детины и обнаружил в одном из карманов четкие контуры пистолета. — Причем вооруженное, — добавил он.

Пока Интеграл звонил в милицию, Вадим внимательно вгляделся в нападавшего и узнал в нем одного из охранников усадьбы. Ему стало не по себе. Неужели они добрались и до Интеграла? Уж от него-то чего хотят?

— Узнаёшь? — спросил он, кивнув в сторону детины, у подошедшего ученого.

— Нет, не узнаю. А кто это?

— Надеюсь, милиция установит его имя и фамилию. Это один из охранников, обслуживавших нас в усадьбе.

— Мм-мм... Мм-мм... — замычал связанный и понемногу разлепил глаза.

— Кто тебя прислал сюда? — спросил у него Вадим.

— Мм-м... я просто ошибся дверью.

— Да ну? А отмычки и пистолет тебе зачем?

В это время раздался звонок, и открывший входную дверь Интеграл увидел на пороге наряд милиции. За двумя бравыми сержантами стояли оперативник УГРО и судмедэксперт. Лицо оперативника было осунувшимся от жары и усталости, и Вадим не сразу узнал в нем Понина. Вот повезло, подумал он, так как Понин ему сразу понравился. Понин действительно работал быстро и профессионально, несмотря на свой усталый вид. Он также узнал Вадима и с удовольствием пожал ему руку, даже лицо его на мгновение оживилось. Он отправил сержантов по этажам провести опрос жильцов, не видели ли они чего, затем подробно расспросил Вадима и Интеграла о случившемся и записал их показания в засаленный блокнот. Далее, пригласив понятых, Понин обыскал детину и составил соответствующий протокол об изъятии отмычек и огнестрельного оружия. Примерно через час дежурная смена отбыла, прихватив с собой, естественно, и незваного визитера.

Только теперь Интеграл осознал, что случившееся очень серьезно. Он сидел на кухне осунувшийся и курил сигарету за сигаретой.

— Надо понимать, он приходил меня кокнуть? — спросил Интеграл у Вадима.

— Не думаю, но семье на всякий случай позвони и попроси не торопиться с приездом.

— Слушай, они ведь и к тебе могут сунуться, тем более, если прознают, что дети Погодина прячутся в твоей квартире.

— Об этом никто не должен знать, даже люди, которым ты безгранично доверяешь.

— О чем речь, Вадим. Кстати, когда будешь освобождать из плена этого Погодина, рассчитывай и на меня.

— Спасибо. Ну ладно, разбежались. Кстати, поинтересуйся завтра в милиции судьбой нашего взломщика, имеешь полное право.

— И ты держи меня в курсе. Удачи!

Прошло несколько дней. Вадим проживал большей частью у Каролины, но два раза в день обязательно заезжал к себе на квартиру наведать брата с сестрой. Дети привыкали к новой обстановке, содержали квартиру в идеальной чистоте и порядке, строго выполняли инструкции Вадима по соблюдению безопасности. Вика больше не спрашивала Вадима, когда они отправятся на поиски отца, а терпеливо ждала, когда он сам заговорит об этом. Она, видимо, понимала, что не все так просто, и Вадиму Семеновичу необходимо решить для этого ряд проблем.

Вадим действительно времени не терял. Он наведался к Интегралу и заручился его поддержкой в освобождении Погодина и, возможно, иных узников Эванса. Кроме того, ему позвонил Кормишин и также вызвался помочь. Вернее, вызвался он только после того, как Вадим намекнул ему на то, что его друг, скорее всего, погиб, и самого Федора может также подстерегать опасность, тем более, учитывая тот факт, что молодой ученый собрался заключать контракт на работу в усадьбе. Неизвестно, что больше подействовало на Кормишина — опасность попасть в лапы Эванса или осведомленность его нового знакомого из органов, но он согласился принять участие в операции. После этого Вадим познакомил Федора с Интегралом, и они вместе обсудили некоторые детали.

Берендеев лично позвонил Вадиму и попросил связаться с неким господином Куницыным Игорем Станиславовичем, начальником оперативной группы сотрудников уголовного розыска, которым милицейское руководство поручило заниматься Полежаевыми и Погодиным. Вадим незамедлительно позвонил Куницыну и договорился с ним о встрече, а через два часа уже сидел у него в кабинете.

В кабинете Куницына стояли три стола, владельцами которых, по-видимому, являлись трое располагавшихся за ними сотрудников. А на одном из столов сидел четвертый оперативник. Когда Вадим вошел, один из присутствовавших слез со стула и тоже уселся на стол, освобождая гостю место. Поймав укоризненный взгляд коллеги, сидевшего за столом у окна, он молча вышел из кабинета и принес три стула.

— Ну вот, а то гость подумает, что у нас стульев нет. Игорь Куницын, — представился подполковник и приветливо улыбнулся.

— Вадим Петров, — произнес Вадим, пожимая его сухую крепкую ладонь.

— А это Николай, Александр и Илья, — представил Куницын членов своей группы.

Ребята по очереди пожали Вадиму руку.

— Может, чайку или кофе? — предложил коротко стриженный Илья, которого на улице вполне можно было спутать с "братком".

— Почему бы и нет? С удовольствием!

Илья принялся готовить чай, а Куницын решил перейти непосредственно к делу.

— Ну что, прочитали мы вашу информацию. Если все действительно так, то целый преступный синдикат получается. И, насколько мы поняли, кто-то из ваших сотрудников непосредственно некоторое время жил в этой усадьбе?

— Совершенно верно. Этим сотрудником был я.

— Отлично. Значит подробности можно узнать от первоисточника.

— К вашим услугам. Могу даже оказать необходимое содействие.

— Редко услышишь такое от сотрудников вашей конторы, — шутя заметил Игорь. — Ладно, ближе к делу. Как отыскать точное или хотя бы приблизительное место, где спрятано тело Полежаевой?

— Есть человек, который лично спрятал его и знает это место.

— Он что, соучастник? Или агент?

— Ни тот, ни другой. Это дочь Погодина. Они с братом вынуждены были бежать от Эванса и сейчас прячутся в надежном месте. Я договорился с Викой, так ее зовут, что она, в случае надобности, даже заявление в милицию от своего имени напишет.

— Ладно, посмотрим. Найдем труп, может, и никакого заявления не понадобится. Давайте завтра же приступим к поискам. Саня, дуй выписывать командировочные, путь предстоит не близкий. — Куницын обратился к Вадиму: — Когда можно поговорить с девушкой?

— Да хоть сегодня.

— Не стоит тащить ее сюда. Устроишь нам встречу?

— Без проблем. Приезжай ко мне, там и поговорите.

— Давай прямо сейчас и поедем, — оживился Игорь. — Коля, если что, я на пейджере. — Он кивнул ребятам, и они с Вадимом вышли.

Через полчаса они уже сидели в его гостиной и пили чай с печеньем, испеченным Викторией.

Виктория держалась молодцом, спокойно повторила оперативнику историю своего отца, рассказала про убийство Марины и, предположительно, ее мужа и без колебаний согласилась показать место, где спрятала труп.

Решено было отправиться в усадьбу завтра же утром.

Каролина, узнав, что Вика с оперативной группой уезжает в усадьбу, предложила, чтобы Василий пожил это время у нее. Мальчик долго не соглашался. Но надо отдать должное Каролине — она умела ладить с маленькими детьми.

В Затокино решено было отправиться на двух машинах. В одной — Вадим, Интеграл, Виктория и Кормишин. В другой, принадлежащей лично Куницыну, — его оперативники. Их задачей

было найти труп Полежаевой, после чего составить необходимые бумаги и вызвать судмедэксперта и прокурора.

Стояла чудесная солнечная погода. За городом жара переносилась намного легче, а когда свернули с шоссе и въехали в лес, то все без исключения с удовольствием вдыхали непередаваемый хвойный аромат. Они решили выехать к реке чуть выше усадьбы, чтобы остаться, насколько возможно, незамеченными, и Вика, знавшая в окрестностях все тропки, вызвалась показать путь.

Они не доехали до реки каких-то триста метров, так как дальше им преградили путь растущие по берегу деревья. Пришлось тащить надувные лодки и подвесные моторы к ним на себе. Решено было оставить у машин одного из оперативников, Интеграла и Федора Кормишина, чтобы обеспечить сохранность техники на случай всяких неожиданностей, потому что от Эванса можно было ожидать чего угодно. Для поддержания связи Куницын передал своему оперативнику рацию, которую использовали, наверное, еще во времена хрущевской оттепели. Но ничего более нового отдел материально-технического снабжения УВД предложить не мог. Интеграл же удивил всех. С видом фокусника он достал из кармана новенький сотовый телефон и вручил его Вадиму. Себе оставил свой, не такой современной модели, но все же вполне рабочий, которым пользовался уже несколько лет.

— Откуда у тебя такая роскошь? — изумился Вадим.

— Нескромный вопрос, — парировал ученый.

— Спасибо. А если я его потеряю или в болоте случайно утоплю? Вещь-то дорогая.

— Да ладно. Мне его коллега из Англии подарил, для него это сущая безделица.

— Так уж и безделица? — удивился Куницын. — Держи вот, а то одним сотовым телефоном жив не будешь! — С этими словами оперативник достал из-за пояса пистолет "Макарова" и протянул Интегралу. — Оружием пользоваться умеешь?

— А как же, военную кафедру на родном радиофаке закончил, — ответил Интеграл и стал поднимать оружие, одновременно пытаясь взвести курок, но забыл снять пистолет с предохранителя. Хорошо еще, что оружие он направил в сторону леса, а то пришлось бы Куницыну выбивать пистолет из рук незадачливого физика.

— Саня, пока мы будем бороздить просторы местной реки, научи человека пользоваться этой игрушкой, — сказал Куницын, обращаясь к оперативнику, которого оставил дежурить вместе с Интегралом и Федором Кормишиным.

Больше времени на разговоры не было, и они двинулись в путь. Вадим с Куницыным несли лодки, оперативники — моторы, а Вика — сумку, в которой находился небольшой запас еды и письменные принадлежности. Накачав лодки, спустили их на воду и следом стащили по крутому берегу моторы. Вадим, Вика и

Илья сели в головную лодку, а Игорь и Николай двинулись следом.

Вскоре миновали уже знакомые Вадиму поваленное дерево и крутой изгиб реки и приблизились к протоке, но Вика велела плыть дальше и указала другую, более широкую протоку, в которую и свернули.

Эванс сидел в глубоком кресле во флигеле своего дома в полной темноте и размышлял. В последнее время он чувствовал себя беспокойно, понимая, что лично его персоне и его благосостоянию грозит опасность. Первые признаки этого появились, когда Марина стала совать нос в его дела, и он вынужден был ее ликвидировать. Потом приехал этот Вадим. Сначала вел себя вполне обычно, и даже Петр Иванович не обнаружил в его поведении ничего особенного, а он в таких делах дока. Но когда неожиданно нагрянул вновь, пришлось ему подыграть, надо же было узнать, чего он хочет. Только весь вопрос в том, правильно ли узнали? И знает ли Х., что его не в меру любопытные сотрудники мешают солидным людям заниматься серьезным делом? Может быть, пора спросить у самого Х.? Да еще этот дебил, посланный прощупать городского придурка-физика, чуть не угодил в каталажку! Хорошо еще, что не успел в милиции лишнего сказать, вовремя выдернули его оттуда. Итак, чего стоит опасаться больше всего?

Проанализировав ситуацию, Эванс пришел к выводу, что единственной его серьезной оплошностью было то, что, позабавившись с Мариной, он оставил ее помирать одну в лесу, желая продлить мучения строптивой корреспондентки. Когда он отправил за ее трупом управляющего, тот вернулся ни с чем. Куда делся труп, было непонятно. А труп со следами пыток — верная статья. Найдут — сразу уголовное дело возбудят, тут и высокие связи не помогут, хотя... хотя ничего невозможного в этой жизни нет — вопрос цены. Эта мысль немного успокоила Эванса, и он, щелкнув кнопкой на коммутаторе, заказал охраннику, дежурившему у дверей, еще порцию коктейля. Затем вызвал к себе управляющего.

— Ну что, Петр Иванович, как продвигаются поиски?

— Безрезультатно. Мы прочесали местность на десятки километров кругом, никаких следов.

— Ваши предположения?

— Скорее всего, тело закопала девчонка в каком-то укромном месте.

—Закопала? Закопала... Закопала... А зачем? — вытянув губы трубочкой, спросил Эванс.

— Наверное, похоронила. Они хорошо относились друг к другу.

— Похоронила... Черта с два! Знаю я эту упрямую девчонку, вся в отца. Она спрятала труп, чтобы потом его откопать и предъявить в качестве доказательства. — Эванс неожиданно вскочил с

кресла и нервно забегал по комнате. От былой медлительности не осталось и следа. — Необходимо как можно быстрее найти место захоронения, нужно их опередить! — нервно прокричал он.

— Кого опередить, шеф? Простите, я не совсем понял, — озадаченно развел руками Петр Иванович.

— Девчонка наверняка уже "настучала".

— Считаете, она успела добраться до города?

— Безусловно, куда же ей еще деваться?

— И менты могли поверить ее бреду?

— Не должны. Что ты, ментов не знаешь? Но подстраховаться необходимо.

— Знаю, уж кого-кого, а их знаю. Они пока раскачаются, пока свои бумажки составят. Им теперь только себе на жизнь подзаработать, а преступление подождет. Тем более, если бы солидный человек к ним пришел, или звоночек кто выдал, из начальников, а то бред какой-то девчонки!

— Все равно, Иваныч, тело необходимо найти. Или...

— Да, шеф?

— Или тех, кто за ним придет.

— Вы все-таки считаете, что придут?

— Обязательно придут, Иваныч. Обязательно. Я чувствую. Все! Давай же, не тяни! Работай!

— Все сделаем, шеф, будет в лучшем виде исполнено, в лучшем виде... — бормотал, пятясь, Иваныч, потом быстро повернулся и шмыгнул за дверь.

Управляющий зашел в свою каморку и включил самовар. Это стало у него почти привычкой. Полковник ГРУ в отставке Казанцев Петр Иванович любил попить чайку и предпочитал его любому другому напитку. Но сегодня он изменил своим правилам и, посмотрев в задумчивости на отделанный карельской березой бар, проигнорировав закипающий самовар, подошел к резной дверце, открыл ее и налил себе стакан водки. Выпил в два приема и закусил соленым огурчиком из дубовой кадки. Налив себе еще порцию и положив поверх стакана огурец, Петр Иванович сел за письменный стол, аккуратно обтер руки носовым платком и выдвинул из столешницы пульт связи. Нужно вызывать Штопора, иначе головы не сносить. Проделав необходимые манипуляции на панели управления, он услышал сонный голос:

— Слушаю.

— Штопор, ты срочно нужен.

— Зачем?

— Есть работа.

— По правилам, ты должен меня предупреждать заранее.

— Ты не понял. Настоящая работа.

— Хорошо, сейчас буду.

Штопору не надо было повторять два раза. Они с Казанцевым понимали друг друга с полуслова. Это понимание у них устано-

вилось еще со времени совместной службы в ГРУ. Только Казанцев был военным разведчиком, а Штопор, по паспорту Геннадий Иванович Пилявский, — пилотом вертолета, который частенько в этой разведке применялся. И не только в разведке, надо отметить, а еще для выполнения деликатных поручений, которые, в основном, и называются государственной тайной. Когда Казанцев вышел в отставку, он был еще полным сил мужиком и искал себе работу. Случайно встретил Эванса, и они, что называется, нашли друг друга. Переквалифицировавшись в завхоза с функциями руководителя службы безопасности, Казанцев стал подыскивать верных помощников, потому что на дородных деревенских парней в обеспечении безопасности многосложного хозяйства Эванса трудно было рассчитывать. Одним из них стал, конечно, Штопор. Ему отвели отдельную комнату в хозблоке в удаленной части усадьбы. В лицо он был известен лишь ограниченному кругу обитателей усадьбы, а уж о том, чем занимался, имели представление лишь единицы. А занимался он очень простым и даже скучным делом — время от времени, по мере надобности, доставлял на своем вертолете закрытые контейнеры из той части подземных лабораторий, которые располагались за рекой и не были продемонстрированы Вадиму. Что было в контейнерах, Штопор не знал и, что особенно ценно, не стремился узнать.

Пилявский появился на пороге комнаты управляющего через пять минут. Он был чисто выбрит, гладко причесан и одет в выцветший летный комбинезон. Внешне Штопор не имел возраста, ему можно было дать и сорок с небольшим, и все шестьдесят. Худощав, всегда подтянут и опрятен. Движения скупые и легкие, лицо невыразительное, а взгляд тяжелый.

— Что случилось, Иваныч?

— Хозяин предполагает, что на нашу территорию пожаловали непрошенные гости.

— Что нужно от меня? Установить местонахождение?

— Да, установить и доложить, кто, сколько и что делают.

— А дальше?

— Дальше — ждать распоряжений хозяина. Кого возьмешь с собой?

— Собакевича и, как понимаю, полный боекомплект.

— Правильно понимаешь. Отправляйтесь прямо сейчас.

— Хорошо. Буду на связи.

— Удачи, Штопор. Если вытянешь пустышку, нам всем придется хреново.

Штопор вышел от управляющего и направился к псарне, чтобы захватить с собой Собакевича. Собакевича потому так и прозвали, что он очень любил собак и проводил все свое свободное время рядом с ними. И действительно, он увидел напарника сидящим прямо на траве и окруженным сворой гончих. Псы виляли хвостами и стремились лизнуть Собакевича в лицо. На-

до заметить, что отворачивался он весьма вяло. Одна же молодая псина ритмично вылизывала языком его руку и пыталась усесться рядом, чему активно препятствовали остальные собаки. Завидев Штопора, Собакевич лениво поднялся и, обтерев обслюнявленную руку об ухо ближайшей псины, подошел к напарнику.

— Разморило меня что-то, — заметил он. — Чего тебе надо?

— Собирайся, есть работа.

— У нас же сегодня выходной!

— Приказ хозяина.

— Ладно, пошли, чего мне собираться, только подпоясаться.

И они направились к заветной двери, спустились на несколько метров под землю и по тоннелю на специальном электрокаре переправились на ту сторону реки Должанки, где размещалась посадочная площадка для вертолета. Все это заняло у них не более двадцати минут, ведь Эванс заботился об удобствах своих сотрудников и очень серьезно относился к безопасности организованного им предприятия.

Штопор открыл железную дверь небольшого ангара, где помещалась летающая машина, и исчез в его недрах. Через несколько минут он появился с тележкой, в которой лежал металлический ящик зеленого цвета, и позвал напарника:

— Собакевич, помоги!

— Иду. — Собакевич, цокая подковками своих "казаков", подошел к Штопору. — А боеприпасы зачем?

— Надо. Бери, понесли.

— Понесли, понесли. Чувствую, не дело мы затеяли, — вытирая пот со лба с обширными залысинами, заметил Собакевич.

— Это не мы затеяли, — отрезал Штопор. — А за риск нам платят дополнительно.

Они снарядили крупнокалиберный пулемет боеприпасами и сели в вертолет, где Штопор, пока велась подготовка машины к полету, объяснил Собакевичу их задачу. Прошло совсем немного времени, и легкая маневренная машина взмыла в воздух, отправляясь на поиски незваных гостей.

Примерно в это же время Вадим, Виктория и трое оперативников выбрались из лодок недалеко от того места, где Кормишин построил свой шалаш. Они спрятали лодки в камышах и пошли вслед за Викой, от зрительной памяти и правильных действий которой теперь зависело очень многое. Вика уверенно шла впереди, утопая во влажной болотистой почве подошвами своих видавших виды кроссовок. Они прошли уже около трех километров, и почва под ногами стала заметно тверже, исчез запах болотной сырости, снова сплошной стеной вырос лес. Наконец Виктория остановилась и стала внимательно приглядываться к мест

ности. Махнув остальным рукой, чтобы следовали за ней, она прошла еще сотню метров и, раскидав ветки, указала мужчинам на чуть заметный холмик свеженасыпанной земли. Мужчины достали саперные лопатки и принялись копать. Через несколько минут лопаты уткнулись во что-то мягкое. Расчистив землю, они обнаружили большой, в рост среднего человека, сверток, завернутый в целлофан. В это время в кармане Вадима заверещал мобильник.

— Слушаю! — быстро ответил он.

— Вадим, это я, Илья!

— Что случилось?

— Мы только что видели вертолет, непонятно откуда взявшийся. Он полетел в вашу сторону.

— Они видели вертолет, он летит к нам. — Вадим передал слова Интеграла Куницыну.

— Вертолет? Ну и что? Мало ли какой это вертолет, — заметил тот вслух.

— У них есть вертолет, я точно знаю, и они наверняка ищут нас.

— Тогда это меняет дело. Скажи, чтобы Александр проинформировал о создавшейся ситуации Управление. И при первой же опасности пусть сматываются оттуда в любое безопасное место. У них же всего два пистолета на троих.

Вадим передал распоряжение Куницына и от себя добавил, что они, кажется, нашли то, что искали. В этот момент до их слуха донесся приглушенный шум вертолета, и они, как по команде, вскинули головы вверх. Вдали показалась точка, быстро увеличивающаяся в размерах. Они забросали яму ветками и спрятались под деревья. Вертолет летел совсем низко, почти касаясь верхушек деревьев и немного наклонившись носом к земле. Над местом, где находились Вика и оперативники, вертолет завис на несколько минут, но не обнаружил ничего подозрительного и двинулся дальше.

Когда крылатая машина исчезла из виду, ребята продолжили работу и через десять минут полностью извлекли сверток из ямы. Сомнений больше не оставалось, это было тело человека, причем уже начавшее разлагаться. Вика побежала в кусты, ее стошнило, а Вадим достал носовой платок и прижал его к носу. Привычный же к таким вещам Куницын спокойно развернул целлофан в том месте, где предположительно должно быть лицо. Действительно, из-под целлофана показалось лицо, запачканное кровью, со спутанными прядями коротких черных волос. На нем четко проступали безобразные кровоподтеки и следы пыток. Куницын закрыл целлофан и попросил у Вадима сотовый телефон. Он связался с Управлением и лично доложил о том, что труп найден. От себя лишь добавил, что Виктория опознала Марину Полежаеву, хотя та, в действительности, боялась даже приблизиться к телу. Но оперативник был уверен, что перед ним труп Марины Полежае-

вой, зверски замученной неизвестным лицом. Или известным? Это еще предстоит доказать. Начальник велел оформить соответствующий протокол и доставить тело в город. Легко отдавать такие распоряжения, всегда труднее выполнять. И где взять понятых? Без них протокол осмотра не будет иметь юридической силы. Куницын повторил свою мысль вслух.

— Понятых? — переспросил Вадим.

— Да, ими могут быть любые два человека, не принадлежащие к оперативной группе, не заинтересованные в ходе расследования, и совершеннолетние, естественно.

— Спасибо, Игорь, кто может выступать в качестве понятых, я еще помню.

— Но где их взять? Не идти же в усадьбу? А вокруг ни одного праздношатающегося крестьянина.

— А Илья и Федор не подойдут? — заметил Вадим.

— Точно! Я и не подумал. Слетай-ка за ними! — велел он Илье, — а я пока протокол составлю.

Игорь уселся на пень и, взяв стандартный бланк и письменные принадлежности, принялся за работу. Вика постепенно приходила в себя, но старалась держаться подальше от мешка. Куницын сфотографировал находку в разных ракурсах. Он вынужден был полностью развернуть целлофан, и даже ему, видавшему виды оперу, стало не по себе. Марина была абсолютно нагой. На ее теле четко проступали колотые раны, ожоги в районе грудей и внизу живота, кровоподтеки. Скорее всего, но это окончательно определит экспертиза, у нее сломаны ребра и переносица. Закончив осмотр, Куницын плотно упаковал труп обратно в целлофан и достал сигареты.

— Он ее пытал, мерзавец! Да еще как! Куда же запропастились наши понятые? Уже полтора часа прошло. Вадим, позвони, пожалуйста, своему другу.

— Никто не отвечает, — озадаченно произнес Петров, сделав несколько попыток дозвониться до Интеграла.

— Ну вот, а говорили, что импортная техника супернадежная. Давай-ка, прибегнем к старому ментовскому методу. — С этими словами Куницын достал свою рацию, что-то там подкрутил и стал методично повторять условленный позывной. Бесполезно.

— Попробуй позвонить в свою контору, технику проверим, и ситуацию заодно доложишь. — Вадим протянул Игорю сотовый.

— А ты чего в свою не позвонишь? Я просто спрашиваю, без подкола, — поинтересовался Куницын, принимая из рук Вадима телефон.

— Я действую сейчас наполовину как частное лицо, и у нас операцию никто не координирует.

— Понятно. Гнилая все-таки у вас контора. — Игорь набрал номер своей, как он внутренне был убежден, — не гнилой конто-

ры, доложил обстановку и, видимо, получив необходимые указания, принялся действовать. Они с Вадимом и Николаем соорудили из веток подобие носилок, положили на них тело мертвой женщины и, меняясь, по очереди начали преодолевать лежащие впереди километры. Вика плелась сзади, вымотанная событиями дня и опустошенная от того, что, увидев обезображенный труп Марины, мысленно заново пережила те страшные события.

Штопор и Собакевич решили облететь владения хозяина с самых отдаленных точек и, постепенно сужая круги, обследовать всю территорию. Штопор был отличным пилотом, да и Собакевич знал свое дело, поэтому уже через час после вылета они обнаружили в непосредственной близости от реки и километрах в двух от усадьбы непрошенных гостей. Им не составило труда рассмотреть номера машин и, связавшись по рации с усадьбой, выяснить, кому они принадлежат. Одновременно они получили приказ продолжить поиски, а к машинам были направлены пятеро ребят, вооруженных до зубов, но для маскировки снаряженных еще и удочками. Им удалось разоружить не ожидавших нападения троих мужчин. Правда, оперативник сумел-таки оказать достойное сопротивление, но был успокоен ударом рукояткой пистолета сзади по голове. Их связали, погрузили в машину и доставили в усадьбу. Разместили в отдельных комнатах, больше напоминавших камеры, отобрали документы и через управляющего передали Эвансу. Тот изучил удостоверения оперативника и паспорта Интеграла и Кормишина, пришел к выводу, что владельцы обеих машин среди захваченных в плен отсутствуют, и немедленно отдал распоряжение продолжить поиски.

С вертолета сообщили, что видят резиновую лодку, привязанную в камышах. Как не маскировали ребята лодку, то ли ветер, то ли течение вынесли ее на середину протоки, так что с воздуха лодку стало очень хорошо видно. Эванс дал команду двигаться в район расположения лодки и ждать около нее, когда появятся хозяева резинового суденышка с поклажей, которая интересовала его больше всего.

Навстречу оперативникам и Вике отправились три группы. Одна, состоящая из пятерых человек, поплыла по реке на быстроходном катере. Две других отправились пешком по правому и левому берегам реки. Они были более многочисленными и включали в себя по восемь человек. Вертолет должен был присоединиться к поискам и координировать деятельность групп сверху. Казалось, что деваться преследуемым просто некуда, они полностью находились во власти хозяина усадьбы и выдрессированных сотрудников службы безопасности, боевиков, умевших в случае необходимости превратиться в вышколенных официантов или придурковатых лакеев.

Понимая, что Илья, Кормишин и Интеграл, скорее всего, схвачены, оперативники решили подготовиться к любым неожиданностям.

Виктория предположила, что если им удастся спуститься ниже по реке, у них появится надежда на спасение. Она очень хорошо знала местность вокруг деревни Пеньково и могла рассчитывать на гостеприимство некоторых своих родственников, которые там жили. То, что им придется добираться до Пенькова по реке, ни у кого не вызывало сомнений. Но сначала надо было вновь спрятать тело Марины, а затем разделиться на группы. Первую группу составляли Куницын и Вадим, вторую, естественно, оперативник Николай и Виктория. Положив тело Марины в волчью яму, попавшуюся на пути, и замаскировав ее ветками, Вадим с Куницыным пошли к реке первыми, предупредив, чтобы Николай и Виктория не подходили к берегу без их сигнала. Раздвинув камыши, они увидели ту же картину, что и Штопор с Собакевичем с вертолета. Одна из лодок болталась посреди протоки, зато другая оставалась в том же положении, как они ее оставили. Они огляделись по сторонам, но ничего подозрительного не заметили. Подали условный сигнал и, дождавшись Вику и Николая, стали решать, как поступить дальше.

— Я предлагаю отвязавшуюся лодку оставить здесь, а самим сесть в ту, которую они, скорее всего, не заметили, и плыть на ней, — предложил Вадим.

— Четверым в одной резинке? — усомнился Николай.

— Тогда давайте воспользуемся двумя лодками, попытаемся проскочить, — снова предложил Вадим.

— Ну что ж, попробуем прорваться, — горько усмехнулся Игорь.

Быстро разместившись в лодках, они завели моторы и двинулись вниз по течению.

Вика села в первую лодку, так как только она могла ориентироваться в сложной системе проток и имела шанс вывести компанию в русло Должанки как можно ближе к усадьбе. Возможно, около усадьбы у бандитов будут хоть немного связаны руки, и расстрелять их в открытую они не решатся.

Неожиданно упали первые крупные капли дождя, а уже через десять минут небо заволокла черная туча, началась гроза и страшный ливень. Это был подарок судьбы, так как Штопор и Собакевич не смогли отправиться в полет в такую погоду. Эванс, обычно сдержанный в выражениях, обматерил их по этому поводу на чем свет стоит. Вадим и его спутники прекрасно понимали, что судьба предоставила им шанс, и теперь необходимо приложить все силы, чтобы им воспользоваться. В лодках нашелся брезент, и им накрыли Викторию и некоторые ценные вещи, например, протокол, составленный Куницы-

ным, и фотоаппарат, хранивший страшные кадры, сделанные у обнаженного трупа. Пока была минута передышки, Вадим позвонил физику-самоучке, предупредил его, если бандиты, а он уже открыто их так называл, прознают, что во время своего визита в усадьбу Вадим останавливался именно у него, у Телегина будут крупные неприятности, и попросил принять меры предосторожности. Немного подумав, он позвонил и Никите. Конечно, это был риск, но риск оправданный. Если Никита заодно с Эвансом, и его знакомство с Вадимом на пикнике было не случайным, сейчас это уже не могло никак им навредить. Эвансу все равно известно их местонахождение и планы. Но если Никита честный человек, то он сам находится в опасности, и его необходимо предупредить. Хотя, возможно, уже и поздно. Однако у него есть шанс помочь не только себе, но и Интегралу, и еще двоим, попавшим в усадьбу и насильно удерживаемым там (Вадим не знал этого наверняка, но чувствовал, что это так).

Дождь и не думал прекращаться, а они уже вышли в основное русло Должанки. До усадьбы оставалось совсем немного, как неожиданно из-за поворота показался катер, двигавшийся прямо на них. Передняя лодка успела резко повернуть влево и укрылась в небольшой впадине у берега. Вторая не смогла совершить спасительного маневра и подверглась нападению бандитов. Автоматная очередь немного приглушалась ливнем, но все равно звучала зловеще. Когда катер проплыл мимо лодки, укрывшейся во впадине берега, их заметили, но Куницын среагировал первым — выдернул чеку из гранаты, которую быстро извлек из кармана, и кинул ее в катер. Прогремел взрыв, слившийся с очередным раскатом грома. Куницын угодил точно в катер, в самую гущу сидящих там бандитов. Когда Вадим с Игорем подплыли к тонущему катеру, оказалось, что трое из них погибли, а двое были ранены. Раненые кое-как доплыли до берега и, выбравшись на него, поползли прочь. Игорь махнул на них рукой, так как в первую очередь помощь нужна была Илье и Николаю — оба оказались тяжело ранены. Перетащив ребят в свою лодку и запустив мотор, они стали спускаться вниз по течению к Пеньково. Это был их последний шанс.

Пеньково располагалось на высоком берегу реки и было не менее живописно, чем Затокино, правда деревенька выглядела намного беднее. Вадиму с Игорем удалось незамеченными причалить и втащить лодку с ранеными товарищами на песок. Вика, стоя по колено в воде, помогала толкать лодку сзади, пока Вадим не отправил ее на поиски родственников, а сам с помощью Игоря сдул лодку, спрятал ее в кустах, и они понесли раненых в гору. Взобравшись на пригорок, тут же увидели Викторию, махавшую им рукой от второго с краю деревни дома.

В доме Викиной дальней родственницы, сгорбленной полуслепой старухи, их ожидала жарко натопленная русская печь, парное коровье молоко и ноздреватый, собственного изготовления, хлеб. Бабка, однако, была не так плоха, как могло показаться с первого взгляда. Она властно велела положить раненых на широкие лавки и раздеть. Достав из печки чугунок с кипящей водой, сначала промыла раны, а потом стала обрабатывать их какими-то пахучими мазями и настоями. Илья и Александр стонали и стискивали зубы, а бабка, не обращая внимания на их стоны, морщинистыми загорелыми руками с распухшими суставами все втирала и втирала мазь и посыпала раны сверху каким-то порошком. Затем перемотала их тряпочками, а сама забормотала какие-то молитвы или заклинания.

Вика тем временем дала Вадиму и Игорю старую, но чисто выстиранную крестьянскую одежду — широкие холщовые портки и просторные рубашки, залатанные в некоторых местах, и отправила их в баню. Сама же, также переодевшись в сухое, принялась помогать бабке по хозяйству. Бабка заставила раненых выпить отвар, и вскоре они уже крепко спали.

Через некоторое время из бани вернулись распаренные Вадим и Игорь. После всего пережитого их быстро сморил сон, но Игорь еще успел позвонить в свою контору и доложить обстановку. По-видимому, шеф принялся давать необходимые инструкции, но Куницын, извинившись и сказав, что засыпает, просто нажал отбой.

Когда Игорь с Вадимом уснули, Вика рассказала своей двоюродной прабабке Пелагее, что с ними произошло и как она оказалась здесь в компании представителей правоохранительных органов. Пелагея провела шершавой ладонью по Викиным волосам.

— Успокойся, детка, станется ему, антихристу.

— Бабуль, а они поправятся? — спросила Вика, кивнув в сторону раненых.

— Обязательно поправятся, не переживай.

— Пить... пить... — простонал в бреду Илья.

— Поди, дочка, дай ему воды. Только немного.

— Позови Игоря, пожалуйста! — прошептал Илья, напившись воды из ковша.

— Игорь спит, Илья, он очень устал. Зачем тебе?

— Позови или... тогда скажи ему, если я помру, пусть передаст жене и дочке, что я... я их очень люблю и прошу у них прощения.

— За что? — удивилась Вика.

— За то... — Илье было трудно говорить, — что у меня такая профессия.

— Не надо, Илья, бабушка обещала, что вы с Александром обязательно поправитесь.

Но Илья уже не слушал ее, он снова впал в забытье.

Скоро сон сморил и Викторию, и она уснула на старом бабушкином сундуке, застеленном цветастым половичком, сшитым из разноцветных лоскутиков от старых ненужных тряпочек.

Эванс был вне себя. Он запустил в управляющего чашкой с кофе, когда тот доложил ему, что трое его людей убиты, двое ранены, а беглецы на свободе и, самое главное, не ясно, где их теперь искать. Управляющий, несмотря на кофейный ожог на ляжке, терпел и смиренно слушал хозяина. Обвинив службу безопасности, Штопора, Собакевича и самого управляющего во всех грехах, Эванс немного успокоился и обрел способность мыслить трезво.

— Петр Иванович, необходимо завтра с раннего утра вновь организовать поиск беглецов.

— И пешим порядком, и на вертолете?

— Совершенно верно. Я уверен, что они никуда, кроме Пеньково, деться не могли.

— Да, вероятнее всего.

— В общем, так, обыскать все дворы, прочесать окрестный лес. Минимум предосторожностей, так как терять нам нечего. — Эванс немного подумал и добавил: — Ну, кроме откровенной уголовщины, конечно. И еще. Подготовь мне для разговора с этими придурками, которых мы отловили на поляне около реки, Бинго и Кэт.

— А кто будет объектом?

— Объектом? Да пусть хоть Аленка твоя.

— Господин Эванс, может быть, лучше кто другой? Вон Никитка, программист гребаный, сколько наколбасил? Может, пусть он лучше, а?

— Я что, не ясно выразился? Сказано Алена, значит, Алена. Другую себе найдешь. В деревне добра этого — хоть завались. А Никитка мне пока нужен. Он специалист приличный.

— Понял, будет сделано, — упавшим голосом проговорил управляющий.

— Все на этом. Можешь идти, Петр Иванович.

Когда управляющий вышел, Эванс набрал телефонный номер, который знал наизусть.

— Михаил Александрович, добрый вечер! — проговорил он крайне любезным тоном.

— Добрый, если он, конечно, в действительности такой. Скорее ночь.

— Извините, что нарушаю ваш покой, но меня заставили это сделать неотложные обстоятельства.

— Слушаю.

— Дело в том, что под меня копают...

— Я знаю, кто под вас, как вы выразились, "копает".

— Но тогда...

— Тогда надо знать, как далеко они зашли.

— Зашли они на мою территорию, похоже, собираются пришить мне уголовщину.

— У них есть конкретные доказательства?

— Ну... я не знаю...

— Я считаю, что могут быть.

— Могут.

— Что вы хотите от меня?

— Как что? Обезопасить наш общий бизнес.

— То есть замять уголовное дело, которое, скорее всего, заведут на вас?

— Да.

— Но не кажется ли вам, что это ваши проблемы? Хорошо, подумаю, что можно сделать. Позвоню сам. — И Михаил Александрович положил трубку.

— Сволочь! Почуял, что запахло жареным! — сказал вслух Эванс и швырнул телефонную трубку на пол.

После этого спустился на этаж ниже, зашел в лифт, замаскированный под двери шкафа, и нажал нижнюю кнопку. Лифт опустил его в подвал, где Эванс, сев в электрокар, велел водителю везти его в бокс "Д".

Бокс "Д" располагался в самом конце подземного лабиринта, созданного Эвансом. Этот лабиринт он проектировал при помощи одного талантливого, но невостребованного инженера, которого по окончании работ пустил в расход. Рабочие и инженеры были задействованы в строительстве отдельных частей грандиозного сооружения, и картину в целом представлять не могли. Наиболее посвященных или любопытных из них он также убрал. Когда Эванс впервые переступил черту закона и убил человека, он испытывал смешанные чувства страха и угрызения совести. Но когда число жертв перевалило за десяток, эмоции перестали мучить его, и он заботился лишь о том, чтобы не оставлять следов. Настоящего имени Эванса никто, за некоторым исключением, не знал, подлинных документов никогда не видели, да он и сам забыл, когда пользовался ими. На самом деле ему было не 25-30, на которые он выглядел, а гораздо больше. Он сделал себе несколько пластических операций, усиленно следил за здоровьем.

Через десять минут электрокар довез Эванса до заветной двери. Воспользовавшись электронной карточкой, он открыл ее и проник внутрь. Комната была разделена прозрачной перегородкой на две половины. В одной из них находились привязанные к стульям Интеграл, Кормишин и оперативник Николай. Рядом с ними за пультом с множеством кнопок и индикаторов сидел управляющий. Во второй части комнаты находилась привязанная за руки к перекладине, находящейся у нее над головой, раздетая донага женщина. Около женщины, а это была Алена, крути-

лись две собачки рыже-белой масти, с висячими ушами и длинными хвостами, гончие Бинго и Кэт. Кэт стояла спокойно, наклонив голову и рассматривая странную железку, прикрепленную на высоте полутора метров от пола к прозрачной перегородке. Это был колебательный контур, и от него к пульту тянулось множество проводов. Бинго весело бегал по комнате, обнюхивал углы и несколько раз лизнул голую женщину, отчего ее тело покрылось мурашками. Алена старалась стоять к мужчинам боком, от бессильного стыда лицо заливала пунцовая краска, а глаза были полны слез.

Эванс уселся на специально приготовленный для него стул и минут пять рассматривал пленников.

— Значит, это вам захотелось приключений? Тоже мне, следопыты!

— Они заявили, что не будут с нами разговаривать! — издевательски проговорил управляющий, кивая в сторону пленников.

— Какая самонадеянность! — притворно возмутился Эванс и продолжил: — Итак, господа, я хочу продемонстрировать вам один небезынтересный в научном плане эксперимент, который должен одновременно подтвердить безграничность познания и заставить вас вступить со мной в диалог. Пикантность ситуации в том, что на месте этой симпатичной женщины может в дальнейшем оказаться любой из вас. Ну, не будем говорить лишних слов, лучше все продемонстрировать наглядно. Начинай, Петр Иванович.

Управляющий нажал на одну из кнопок и стал медленно поворачивать какую-то ручку на пульте. Собаки, как по команде, вскинули головы и уставились на колебательный контур. Потом стали проявлять повышенную нервозность, бегать по комнате, скулить, пока не забились в угол, где прижались друг к другу, дрожа от страха.

Управляющий выключил колебательный контур, и псы незамедлительно вернулись к своему обычному поведению. Затем управляющий проделал на пульте еще какие-то манипуляции, и собаки, снова как по команде, подбежали к Алене. Обхватив ее ноги своими лапами, они стали имитировать половой акт. От отвращения и боли Алена закричала, но находящиеся за перегородкой ничего не услышали, так как перегородка была звуконепроницаемой.

— Достаточно, — велел Эванс и, обращаясь к Интегралу, спросил: — Как вы оцениваете эту научную разработку? Вы же, кажется, физик? Да и ваш товарищ по несчастью, если мне не изменяет память, занимается бионикой? Вы видели когда-нибудь что-либо подобное?

— Прекратите эту мерзость! — наконец произнес Интеграл. — Вы же, надеюсь, ученый, а не садист.

— Я не просил давать оценку моим действиям и методам ведения допроса. Я спросил ваше мнение о моем изобретении.

— Так вы, выходит, нас допрашиваете? Позвольте узнать, на каком основании?

— Основание здесь только одно — мое личное желание, — ядовито улыбаясь, пояснил Эванс.

— Хорошо! Что вы хотите знать? — спросил Интеграл.

— Что вы делали около моей усадьбы?

— Приехали отдохнуть, половить рыбу.

— А куда делись ваши спутники, куда они поплыли на лодках?

— Я же говорю, ловить рыбу. А может, захотели погулять по лесу на той стороне реки.

— Петр Иванович, продолжай, пожалуйста. Ребята, видно, не поняли, с кем имеют дело.

Петр Иванович снова включил колебательный контур.

Собаки, до этого мирно лежавшие у ног Алены и вылизывавшие себе лапы, поднялись и, зловеще оскалившись, стали ходить по комнате. Их носы наморщились, пасти хищно оскалились, обнажив клыки. Раздалось утробное урчание, Бинго молниеносным броском вцепился Алене в ногу. Кэт последовала его примеру и вонзила свои клыки в ягодицу. Лицо жертвы исказилось гримасой боли, рот открылся в диком крике, от которого чувствительный Эванс всегда предпочитал отгораживаться звуконепроницаемой перегородкой.

Наверняка, собаки загрызли бы несчастную женщину насмерть, но произошло непредвиденное. Неожиданно погас свет. Первым среагировал управляющий, он не стал дожидаться, когда Эванс облает его, и набрал номер на сотовом телефоне, чтобы связаться с охранником, дежурившим у пульта коммуникаций. Связь сработала, но дежурный ничего объяснить не смог. Свет отрубился во всех подземных боксах, а причина непонятна. Выслана аварийная команда и группа охраны. Когда привели в действие аварийное освещение, охрана эвакуировала шефа в его апартаменты, а пленников поместила обратно в комнаты-камеры. Бедную Алену отвязали и, почти бесчувственную, отправили в ее комнату под присмотром врача. На такие случаи в усадьбе был специальный врач, человек немногословный и хороший профессионал. И, самое главное, он философски относился ко многому в этой грешной жизни, в том числе, и к клятве Гиппократа. Врач вкатил покусанной женщине успокоительное, затем продезинфицировал раны и, убедившись, что ее жизни и здоровью ничего не угрожает, удалился.

Эванс был не только удивлен и озадачен, а по-настоящему, может быть, впервые за последние годы, напуган. Отключение света само по себе не могло послужить причиной его страха. Оно стало лишь последней каплей. И теперь, возможно, следует немного приоткрыть завесу таинственности над личностью Эванса.

Эванс, по паспорту Гуменшток Павел Павлович, родился пятьдесят лет назад в семье служащих. Его папа, Павел Сергеевич Гуменшток, служил в системе МВД и вышел в запас полковником. Мама, в девичестве Сельверстова Любовь Петровна, работала в каком-то НИИ со сложным названием типа "Вторстройбракзагранпостав" и даже защитила кандидатскую диссертацию, а потом до самой пенсии благополучно пила чай в рабочее время, отмечала многочисленные юбилеи и празднества и чувствовала себя вполне довольной жизнью. Их семья была благополучной и дружной, и младший Гуменшток рос в достатке, хорошо учился в специализированной английской школе и имел возможность продолжить образование в высшем учебном заведении. Он выбрал медицинский институт и легко поступил туда . Учился прекрасно, но мысль о собственном превосходстве настолько овладела его сознанием, что присутствовала в любой мысли, сопровождало любое стремление, любое желание молодого человека. Он примерял на себя только образы известных и прославившихся тем или иным способом людей, сопоставлял свою и их биографии.

По окончании института Павел выбрал для себя в качестве жизненного ориентира биографию хирурга Пирогова и, поступив в аспирантуру, вступил с великим ученым в "социалистическое соревнование". Через три года разразилась трагедия. Его, одного из лучших студентов на курсе, обошел завзятый троечник, имевший одно существенное преимущество — папу академика. Этот неумеха и тупица защитил блестящую диссертацию, которую ему писал почти весь коллектив кафедры нейрохирургии. У Гуменштока также были наработаны неплохие материалы, но, работая минимум по десять часов в сутки, он физически не успевал оформить их. После этого события в нем с новой силой ожили прежние комплексы. Диссертацию он, конечно, защитил, и не менее блестяще, чем конкурент, но заграничная стажировка и лидирующее место в институте достались счастливому сопернику. Молодой Гуменшток готов был впасть в невиданную доселе депрессию и чуть ли не наложить на себя руки, но вовремя остановился. Пройдя курс лечения у опытного психотерапевта, он сделал для себя важный жизненный вывод: ему нужны власть и деньги, а известность и слава — о них серьезные люди и не задумываются — дешевый "понт". Придут — хорошо, а нет, так и не надо.

Но легче построить план, чем его осуществить. Ни подходящих связей, ни денег у Гуменштока не было. Он уволился из института и прозябал три года в районной больнице, все больше превращаясь в среднестатистического нищего врача. Поношенная болониевая куртка, ботинки с прошитыми подметками, разведенный спирт под селедочку в праздники и философское утешение с умной книгой в домашней тиши под банку пива. Возможность заниматься научной карьерой своим уходом с

кафедры он себе отрезал на многие годы, если не навсегда. Остались лишь нищенское жалованье и тяжелая и ответственная работа. Родители к тому времени были еще живы и немного помогали сыну, приговаривая, что ему пора жениться и что зря он бросил науку. Жениться и в самом деле было пора, но только не на ком. Санитарки и докторши, находившиеся рядом, его не устраивали, контакты с внешним миром он практически обрубил. Так, наверное, никогда и не превратился бы среднестатистический бедняга доктор Гуменшток в богатого, таинственного и влиятельного Эванса, если бы не Его Величество Случай.

Однажды в больницу привезли тяжелого больного с крайне сложной травмой головы. Больной этот отличался от других еще и тем, что от него ни на шаг не отступали спортивные молчаливые ребята. Не те, что ходят с крестами во все пузо и делают распальцовку, а вполне даже приличные, вежливые, но в охране тела своего хозяина настойчивые. Его доставили прямиком на операционный стол, чуть ли не спихнув оттуда больного, которому предстояла плановая операция. И тут встал очень непростой вопрос, а именно, кто будет делать операцию. Специалистов такого уровня и необходимого оборудования в больнице не было. Никто из врачей не рисковал встать к операционному столу и взять в руки скальпель. Всеобщее волнение нарастало. Один из секьюрити, видимо, старший, вытащил из одного кармана пистолет, из другого — пачку денег, и предложил врачам простой выбор: либо кто-то берет на себя ответственность и делает операцию, либо никто из здесь присутствующих не проживет дольше их хозяина. И тут персонал больницы под воздействием такого мощного стимулятора вспомнил о Гуменштоке, у которого был выходной, и о том, что его диссертация близка по теме к нынешнему оперативному вмешательству. Ребята не стали терять времени даром. Гуменштока привезли на огромном черном джипе через десять минут, благо, жил он неподалеку, в буквальном смысле сунули в руки скальпель и поставили к операционному столу. Гуменшток был к тому моменту не совсем трезв, так как выпил, лежа на диване перед телевизором, банок пять крепкого пива. Чуть покачиваясь и не обращая внимания на вооруженных людей, Павел удалил из операционной всех посторонних и принялся за дело.

Операция прошла на удивление успешно. А еще через несколько недель больной смог разговаривать. Его перевели в центральную клинику, в палату "люкс", и Гуменшток почти забыл о нем. Удачная операция принесла ему сумму, на которую он мог безбедно жить около года, и он был этим вполне доволен. Но неожиданно к нему домой нагрянули те самые молчаливые молодые люди, заставившие его сделать операцию. Оказывается, их хозяин, вот чудак, захотел поговорить с человеком, спасшим ему жизнь. Что ж, у богатых свои причуды, и Павел вынужден был подчиниться.

Когда Гуменшток вошел в палату к своему бывшему пациенту, тот внимательно осмотрел его с ног до головы, попросил присесть и рассказать о себе. Павел сначала неохотно, а затем все более подробно разложил перед незнакомцем свою жизнь. Тот слушал очень внимательно, а потом вдруг заснул, так как был еще очень слаб. Павла отвезли обратно домой.

Затем его еще несколько раз привозили в больницу. Больной креп день ото дня и уже не только слушал Гуменштоковы откровения, но и сам вступал в беседу. Пациент оказался крупным финансовым воротилой, звали его Виктор Сергеевич, а фамилия простая и необычная одновременно — Зонтиков. На вид ему было лет сорок с небольшим, он носил очки и совсем не походил на бандита.

— Значит, хочешь стать богатым и влиятельным человеком? — спросил в одно из посещений Зонтиков.

— Да, — просто ответил Гуменшток.

— Ты же хороший врач, можно сказать, талантливый.

— Мне этого мало, да и интерес к медицине иссяк.

— Нет. Хороший врач это много. Я, знаешь ли, даже завидую тебе. Делаешь нужное людям дело, и делаешь качественно. А деньги? Деньги и врачебной практикой заработать можно. Я же, например, заплатил. И другие состоятельные больные найдутся.

— Вы не поняли. Я о настоящих деньгах говорю.

— О настоящих? — переспросил Зонтиков. — Настоящие деньги иногда приводят к вот таким последствиям. — Он указал на свою голову. — И приносят проблемы, о которых не имеющий их человек даже не подозревает.

— Проблемы везде есть, важно, как к этому относиться, — философски заметил Павел.

— Хочешь попробовать зарабатывать деньги?

— Хочу, но не имею возможности.

— А если я тебе помогу?

— Буду признателен.

— Да нет, это я тебе признателен за то, что спас мне жизнь. Будешь отдавать процент от прибыли, если, конечно, сможешь ее получить.

В дальнейшем Зонтиков ни разу не пожалел о своем решении. Гуменшток проявил незаурядные способности, хватку, продемонстрировал умение решать проблемы без оглядки на моральные ценности и скоро преуспел на том небольшом участке коммерческой деятельности, который доверил ему господин Зонтиков. Тогда Зонтиков доверил ему еще один участок, а потом отдал под контроль и большую часть своей империи. Заработав достаточно денег и приобретя нужные связи, Гуменшток решил создать свою империю, собственный бизнес. И у него получилось. Так родилась усадьба, потом к ней добавился подземный городок, сначала занимавший площади непосредственно

под усадьбой, а потом разросшийся на значительное расстояние за реку. Создание собственной империи не далось Гуменштоку безболезненно, ведь он стал составлять конкуренцию многим важным людям в городе, да что мелочиться, и во всей стране. Ему пришлось оборвать старые связи, устранить нескольких конкурентов и недовольных тем, что он слишком быстро выбирается "из грязи в князи". Зонтиков тоже был не очень доволен, так как Гуменшток уносил с собой многие секреты его бизнеса, отнимал некоторые сферы влияния, лишал ощутимой доли прибыли. Но они сумели договориться, и Зонтиков впоследствии не раз благодарил судьбу за то, что не стал на пути у своего "крестника".

Прошло еще несколько лет, и Гуменшток, к тому времени предпочитавший жить затворником и переименовавший себя в Эванса, занял лидирующее место среди "деловых" людей в области. Он приобрел связи среди политиков, представителей силовых структур, легальных бизнесменов. К первоначальному его занятию — торговле наркотиками — прибавились научные разработки в области самых современных областей физики, биологии, психологии. Последнее время Эванс уделял большое внимание предвыборным технологиям и иным методам влияния на массовое сознание. Он шел в ногу со временем. Везде все было схвачено, а если встречались неожиданности, то он решал их, как было принято в мире "деловых" людей. И вот теперь он не мог объяснить себе тот странный липкий страх, дискомфорт и неуверенность, появившиеся в последнее время. С чем это связано? Его хотят погубить конкуренты? Навряд ли. В чем же дело? Ведь не в том же, что неожиданно погас свет? Да нет, глупости все это! Удастся ли на этот раз избежать неприятностей с органами правосудия? Вот в чем вопрос! И, как любой вопрос, его необходимо решать. И, как любой вопрос, его можно решить!

Полковник Берендеев сидел в кожаном кресле и испытывал дискомфорт от чувства неуверенности в себе. Вообще-то это чувство редко посещало его. Даже на ковре у начальства он отличался прямотой и четкостью суждений, всегда точно излагал свою точку зрения и крайне редко менял ее. Но сейчас Берендеев был противен самому себе. Он не решался доложить начальнику Управления о том, что его сотрудник Петров, сам того не понимая, вмешался в суперсекретную разработку. Мало того, что вмешался, еще и ментов за собой потащил. Интересно, как далеко он сумел зайти? Размышления Берендеева прервал телефонный звонок.

— Слушаю!

— Валерий Осипович? Вас беспокоит Сотников Михаил Константинович, начальник отдела по раскрытию убийств уголовного розыска.

— Чем обязан?

— Мне только что звонил мой сотрудник, старший группы, которая отправилась в Затокино по информации из вашего ведомства. С ними, кстати, и ваш человек.

— Да, я в курсе, — ответил Валерий Осипович.

— Тогда, наверное, он вам уже докладывал обстановку. У них двое раненых. Но они нашли труп женщины, о которой вы сообщали, и сейчас спасаются от погони в деревушке Пеньково, это сто пятьдесят километров от города. Мы планируем выслать туда медиков, оперативную группу и экспертов.

— Могу чем-нибудь помочь?

— Да. У нас есть взвод ОМОНа, чтобы провести штурм усадьбы, но на всякий случай, не поможете ли и вы своими людьми?

— Какой штурм?

— Ну, это условное название. Мы собираемся провести в усадьбе обыск, но думаем, что хозяин не будет гостеприимным и не облегчит нам задачу.

— Что, уже и постановление оформили?

— Да, оно лежит у меня на столе. Так как с группой спецназа? Поможете?

— Я вам позвоню.

— Хорошо. Только учтите, что мы отправляемся в Затокино через час.

— Так быстро? Может быть, понадобится составить план совместных действий.

— Какой план, Валерий Осипович? Пока мы его будем составлять, там наших ребят перестреляют, им терять, насколько я понял, нечего.

— Я обязательно позвоню вам.

Час от часу не легче. Что ж, в такой ситуации доклад руководству просто неизбежен. Черт бы побрал этого Петрова. Берендеев набрал номер начальника Управления и попросил разрешения зайти для срочного доклада.

Начальник Управления ФСБ по N-ской области Семен Валентинович Пестов восседал за массивным столом в просторном, отделанном дубовыми панелями, кабинете. Пестов был моложав, подтянут, говорил всегда спокойно и вежливо.

— Что стряслось, Валерий Осипович? — приветливо встретил он своего подчиненного.

— Неожиданный поворот в деле "Филантроп".

— Что же случилось?

И Берендеев подробно, мучаясь от того, что в кабинете начальника нельзя курить, рассказал о случайном вмешательстве Петрова в разработку и о том, что в настоящее время милиция готовится к решительным действиям и просит у них помощи.

— Что они там, целую бойню решили устроить? Зачем им наш спецназ?

— Опасаются, что сил не хватит.

— Усадьба так сильно укреплена?

— Да, изрядно. В службе безопасности несколько бывших сотрудников ГРУ.

— Соседи хотят с нами ответственность разделить. Ладно, поможем. Я распоряжусь, чтобы выделили группу.

— Они отправляются через час.

— Замечательно, наши ребята прибудут прямо на место. Вам также необходимо там быть. Лично. Теперь самое главное. Вы уверены, что не расшифруете своего человека в окружении Эванса?

— Уверен, насколько можно быть уверенным в чем-либо.

— Это философия, а мне нужен четкий ответ. Понятно, что от случайностей никто не застрахован.

— Уверен.

— А ваш Петров, он не сможет догадаться, кто из людей Эванса работает на нас?

— Нет. Агент очень опытный, неоднократно проверенный.

— Хорошо. Тогда действуйте по обстоятельствам и постоянно держите меня в курсе событий.

— Есть, Семен Валентинович. Разрешите выполнять?

— Да, выполняйте, — сухо ответил Пестов и добавил дружелюбно: — Всего доброго.

Берендеев вышел от шефа и почувствовал, как по его тучному распаренному телу стекают капли холодного пота. В ушах звенело, видимо, снова давление подскочило. Но к себе в кабинет он шел вполне успокоенный пониманием и поддержкой начальства.

Войдя в свой кабинет, Берендеев плюхнулся в кресло, принял таблетку и с наслаждением закурил. Он набрал номер телефона Сотникова и уверенным голосом заговорил:

— Михаил Константинович? Еще раз здравствуйте, это Берендеев!

— Слушаю, Валерий Осипович.

— Мы поможем людьми.

— Отлично. Лучше ваших специалистов для подобных деликатных дел не найти.

— Почему деликатных?

— Ну, этот Эванс, как он себя именует, а в девичестве Пал Палыч Гуменшток, очень непростой человек, — загадочно произнес Сотников.

— Что вы имеете в виду?

— У нас, например, есть данные, что он наркотиками приторговывает.

— Давайте не по телефону, обсудим все на месте.

— Договорились. Где встречаемся?

— Я предлагаю через полтора часа около дорожного знака "пятидесятый километр", это как раз перед поворотом на Затокино. Там и планчик небольшой составим.

— Договорились.

— Тогда до встречи.

Положив трубку, Берендеев связался с группой спецназа и дал указание находиться в готовности к выезду на объект. Сообщил необходимые сведения об объекте, чтобы ребята смогли соответствующим образом экипироваться. Затем Валерий Осипович вызвал к себе Сомова-младшего и сказал, что тот поедет с ним на важное задание. Опытный Берендеев догадывался, что молодой оперативник знает, куда и зачем отправился его сосед по кабинету, и посчитал правильным не привлекать к этому делу лишних людей. А помощник ему был необходим. Уже через полчаса, обсудив необходимые детали, они отправились на задание.

Проснувшись, Вадим и Игорь первым делом поинтересовались самочувствием своих раненых товарищей. Оно было по-прежнему тяжелым, и им необходима была срочная медицинская помощь. Игорь связался со своим руководством и услышал, что к ним выдвигается совместная оперативно-штурмовая группа УВД-ФСБ. Было велено не предпринимать больше никаких самостоятельных действий, а дождаться коллег и действовать совместно с ними. "Скорая помощь", как пообещал Сотников, будет в Пеньково с минуты на минуту. Что ж, приказ есть приказ, и Вадим с Игорем вынуждены были подчиниться, хотя прекрасно понимали, что любое промедление в такой ситуации может вызвать необратимые последствия. Люди Эванса отыщут труп или просто скроются с места событий, и ищи их потом по всей стране. Так или иначе, но выбора у них не было. Игорь позавтракал и уселся около своих оперативников, а Вадим решил прогуляться по деревне. Вернее, не прогуляться, а осмотреть местность. Виктория увязалась за ним.

Было часов шесть утра, и по земле клубился белый туман. Кроссовки Вадима промокли от росы, а привычная к деревенской экзотике Вика и вовсе шла босиком. Заметив недоуменный взгляд Вадима, она прокомментировала, что это доставляет ей огромное удовольствие и закаляет организм, а также служит средством психологической разрядки. Они миновали последний дом и вышли за околицу, и тут Вадим заметил, что на почтительном расстоянии от других строений располагается еще один пятистенок, выглядевший достаточно мрачно.

— Вика, а это чей дом?

— Здесь живет сельский учитель, он поселился в Пеньково несколько лет назад.

— А откуда он взялся?

— По-моему, из города приехал.

— А чем он занимается? — Внезапно Вадима осенила простая мысль. Как он мог забыть, ведь в этой деревне жил тот самый чу-

дак-учитель, который проходил по делу Кормишина. К нему еще Липихин мотался, и Петров сначала думал, что в этом есть какой-то оперативный смысл.

— Как, чем занимается? Детей учит, — ответила Вика и недоуменно посмотрела на Вадима.

— Да, конечно. Чем же ему еще заниматься,— пробормотал Петров.

— Кстати, интересный дядька, — заметила Вика как бы между прочим.

— Чем же он интересный?

— Однажды я видела его в усадьбе, и приходил он не иначе, как к самому Эвансу. Я заметила его случайно, его визит, очевидно, хотели скрыть. Но никто не предполагал, что я могу его знать. Да и шел он в надвинутой на глаза кепке, свитере, ворот которого скрывал всю нижнюю часть лица. Как в шпионском фильме, — шутливо добавила она.

— Ты не могла ошибиться?

— Ошибиться каждый может, но у него на носу есть такая характерная неровность, то ли выжженная родинка, то ли оспина какая, не знаю. А еще к нему иногда приезжают иностранцы. Я слышала английскую речь.

— А на чем приезжают? На крутых иномарках?

— Да нет, на иномарке только один раз, в основном, на отечественных машинах, причем не самых последних моделей.

Вадим с Викой прошли мимо дома сельского учителя и остановились невдалеке от него. Сквозь утренний туман до них донеслось стрекотание мотоциклетного двигателя. Через несколько минут с противоположного конца дороги показался мотоциклист и, не заметив их, заехал во двор к учителю, затем мимо них проехал "жигуленок". Вадим мельком взглянул на его пассажиров, и один из них, сидевший за рулем, показался ему смутно знакомым. Где же он мог его видеть? Вадим так и не вспомнил. Мало ли у него знакомых? Правда, место для встречи уж больно специфическое, но мир тесен.

Пройдясь еще немного, они вернулись к дому Викиной бабушки. К этому времени уже приехала "Скорая помощь" и группа оперативников УГРО. Рядом стояла и "Волга" Берендеева. Раненых погрузили на носилки, поместили в реанимационную машину и, включив мигалку, увезли в город. Куницын о чем-то договаривался с Берендеевым и Сотниковым.

— Здравствуйте, Валерий Осипович! — сказал подошедший к ним Вадим.

— Привет, блудный сын! — тихо ответил Берендеев.

— Привет, Вадим! — протянул руку подошедший Денис.

— Здорово!

— Мы тут обсуждаем план совместных действий, какие у тебя соображения? — спросил Берендеев.

— Надо действовать крайне осторожно, в усадьбе есть пленники, которыми Эванс наверняка будет прикрываться как живым щитом.

— Тогда, может быть, окружим ОМОНом усадьбу по периметру, а ваши парни проведут штурм? — предложил Сотников — У вас это лучше получится.

— Здесь есть одна опасность, — заметил Берендеев. — Когда начнется штурм, Эванс сможет избавиться от пленников, чтобы не оставлять улик. Мы не успеем блокировать все ключевые точки и оставим ему пространство для маневра.

— Я видела в усадьбе резервуары с серной кислотой и знаю, где они расположены, — вмешалась в разговор Вика.

— А это еще кто такая? — удивился Берендеев.

— А это тот самый человек, благодаря которому мы все здесь и оказались, — ответил за нее Вадим.

— Я знаю еще одного! — намекнул Берендеев, правда, почти беззлобно. — Девочка, тебе надо держаться от таких дел подальше.

— У меня в усадьбе отец, и я знаю расположение помещений в подземном городке, а вы — нет. И если вы просто окружите усадьбу омоновцами, то получите дырку от бублика, а не Эванса. Подземный городок простирается далеко за реку, и Эванс ускользнет от вас на вертолете.

— Вертолетная площадка располагается именно там?

— Да.

— А ты можешь примерно обозначить на карте выходы на поверхность из этого лабиринта?

— Попробую. Мне, конечно, легче было бы показать на местности.

— Нет, Виктория, рисковать твоей жизнью мы не имеем права.

— Хорошо, давайте карту.

На крупномасштабной карте Вика отметила места, где за рекой были выходы из подземного лабиринта Эванса, затем нарисовала примерный план усадьбы и подземного городка и отметила место, где они перепрятали труп Марины. Теперь спецназовцы могли работать предметно. Пора было двигаться к месту будущих событий, расставлять омоновцев и спецназовцев ФСБ по постам и начинать операцию. Спецназовцы расположились в лесу, не доезжая Затокино, чтобы не попасться на глаза людям Эванса. Вика показала короткий путь к этому месту через лес, и служебные "Волги" с трудом, но преодолели этот путь, сэкономив массу времени, которое в противном случае пришлось бы потратить на объезд по шоссе.

Когда они прибыли на место, Берендеев объяснил задачу своим ребятам, а Сотников — своим. И операция началась.

Когда сорок минут, по расчетам достаточных для того, чтобы омоновцы заняли указанные позиции, прошли, начала действовать группа спецназа ФСБ. На проникновение в усадьбу им от-

водилось тридцать минут. После истечения этого срока полковники двух ведомств должны будут войти в ворота усадьбы и официально предъявить владельцу постановление прокурора на обыск.

Эванс проснулся от телефонного звонка.

— Алло! — сонным голосом проговорил он.

— Павел, это я.

— Слушаю! — Остатки сна мгновенно слетели с Эванса. Он слишком хорошо знал этот голос.

— Тебе необходимо уносить ноги.

— Что случилось?

— А ты еще не знаешь?

— Признаться, нет.

— Выписано постановление на проведение обыска в твоей усадьбе.

— Не может быть!

— Еще как может. И через несколько часов к тебе пожалует рота ментов и гэбэшников, а может быть, уже пожаловала.

— Что же мне теперь делать?

— Советую смываться. Я уже помочь ничем не могу, нечего было трупы по всему лесу раскидывать. Да и звонить больше не буду. Твои телефоны могут прослушиваться.

— У меня же защита, в Штатах специально покупал.

— Засунь эту защиту, знаешь куда? Все. Действуй. Надеюсь, отходные пути ты себе отработал?

— Отработал.

— Когда уладишь дела, позвони мне во Францию, я через месяц буду там. Телефон знаешь?

— Конечно, 75...

— Ты что, сдурел, Павел? Я же сказал, телефон может прослушиваться. Все. — И звонивший повесил трубку.

Эванс вскочил на ноги и вызвал управляющего.

— Что, свет починили?

— Нет. Хуже того, теперь он отключился во всем подземном городке. Специалисты не могут понять, в чем дело.

— Теперь уже и не надо! Пора уносить ноги, собирайся! С минуты на минуту у нас будут проводить обыск.

— Кто?!

— Слишком много говоришь! Собери все наличные, документы на настоящие и подставные имена и необходимые в дороге вещи, самый минимум.

— Есть! — осознав всю важность момента, по-военному ответил управляющий.

— Жду через пятнадцать минут.

Когда управляющий ушел, Эванс по компьютерной сети дал команды на уничтожение всех секретных данных. Он также соединился с инженером Рубиным, своим доверенным ли-

цом, сказал, что ему необходимо уехать, и назначил его вместо себя. Он объяснил Рубину, что в усадьбе будет обыск, и велел показать сотрудникам правоохранительных органов все, что они попросят, кроме секретных лабораторий, которые они вряд ли найдут. Эванс распорядился также быть с представителями закона предельно вежливым и до конца играть свою роль. Всех пленников подвалов и лиц, на которых проводились эксперименты, он приказал убрать и растворить трупы в кислоте.

Как и было велено, точно через пятнадцать минут управляющий вернулся в кабинет Эванса. Он был чем-то сильно взволнован.

— Господин Эванс, неприятности!

— Что, что случилось еще?

— Все выходы заблокированы, в усадьбе полно спецназовцев, посты не отвечают на позывные.

— Значит, уже пришли. Оперативно. Тогда тем более пора. Запри-ка на всякий случай двери и здесь, и в приемной.

— Уже запер.

И тут послышались глухие удары. Дело в том, что в усадьбу уже проникли люди Берендеева. Вика точно описала план усадьбы и подземного городка, поэтому они быстро добрались до покоев самого Эванса.

Как только раздался шум ломаемой двери, Эванс схватил свой портативный компьютер, в котором были сосредоточены все основные результаты научных исследований и конфиденциальные данные, папку с важнейшими бумагами и нажал потайную кнопку в стене. Заработал какой-то механизм, и комната стала вращаться.

Когда фээсбэшники взломали дверь в тамбур, перед ними вместо двери в комнату оказалась глухая стена, на которую они ошарашено уставились. А Эванс с управляющим, тащившим две объемистые дорожные сумки, шагнули в проход, открывшийся за дверью, и, зайдя в лифт, нажали на нем единственную кнопку. Уже глубоко под землей, сев в маленький электрокар, они скрылись в узком тоннеле, о существовании которого не знал никто, так как из конструкторов и строителей, строивших его, кроме Погодина, в живых никого не осталось.

Ребята из группы захвата сообщили Берендееву, что Эванс странным образом забаррикадировался в своем кабинете. Валерий Осипович решил, что далее медлить нельзя, и они двинулись в усадьбу. У ворот их уже встречал Рубин, который сначала для порядка удивился визиту представителей спецслужб в их тихий уголок, а затем, внимательно изучив служебные удостоверения Берендеева и Сотникова и прочитав постановление на обыск, любезно предложил показать все, что интересует "уважаемых господ полковников". На вопрос, находится ли в

усадьбе в настоящий момент ее владелец, он ответил отрицательно. Вадим и Игорь также вошли в усадьбу, чтобы сопровождать начальников. Когда они прошли в глубь усадьбы, Рубин любезно поинтересовался, обведя владения своего хозяина рукой:

— С чего же все-таки господа предпочитают начать осмотр? Может быть, принести план усадьбы? А пока предлагаю выпить по чашечке кофе в нашем баре, — любезно предложил он, отдав распоряжение принести план усадьбы по мобильному телефону.

— Нет, спасибо! Мы лучше начнем осмотр, а схему пусть принесут по ходу дела, — решил Берендеев, предварительно посоветовавшись с Сотниковым.

— Что ж, куда вас вести? — осведомился Рубин.

— Может быть, в подземный городок? — предложил Петров. — Я думаю, самое интересное именно там.

— Согласен! — сказал Сотников.

— Тогда начнем, — вытирая пот, подытожил Берендеев. — Ведите нас, господин хороший, в ваш секретный институт, посмотрим, какой наукой там занимаются!

Рубин с интересом взглянул на Вадима, но быстро отвел взгляд и повел офицеров ко входу в подземелье. Пока они шли, Берендеев связался с Управлением и попросил прислать группу оперативников и криминалистов, чтобы оказать помощь в осмотре и обыске усадьбы. Им одним эта задача была явно не под силу.

Осмотр начали в том же порядке, в каком управляющий водил недавно Вадима. Рубин показывал лаборатории, оборудование, рабочие места, кладовые, методично и последовательно отвечая на возникающие вопросы и комментируя непонятные вещи. Он пообещал, что когда приедет группа экспертов, они смогут также беспрепятственно пройти по всем помещениям, при необходимости изъять блоки памяти компьютеров и иные необходимые вещи и документы. "Скрывать нам нечего!" — постоянно приговаривал он. Обстановка внутри подземного института заметно изменилась. Свет горел лишь местами , сотрудников почти не было. Редкий ученый находился на своем рабочем месте, да и то в их число входили только те, которые обслуживали круглосуточно работающие установки. Вадим и Игорь во время обхода подземных помещений находились в состоянии готовности к любым неожиданностям, в том числе, и к вооруженным. Но их не последовало. Спецназовцы могли уже не скрываться и в открытую обеспечивали безопасность оперативников и сотрудников подземного института. Они присутствовали во всех известных опергруппе ключевых точках усадьбы. Ребята хорошо знали свою работу и были готовы в любую минуту пресечь поползновения особо рьяных охранников, желавших доказать преданность своему хозяину и готовых в любую

минуту применить оружие. Некоторые из них были уже обезврежены и, связанные, валялись на полу.

Все время, пока шел обыск, у Вадима из головы никак не выходил незнакомец, которого они с Викой видели в "жигуленке" у дома сельского учителя. Он пытался отбросить эти мысли и сосредоточиться на более важных проблемах, но ничего не получалось. А между тем поиски продолжались уже около часа, и, по утверждению Рубина, он показал все подземные помещения. Но пока они не нашли ничего предосудительного, и, самое главное, никаких следов инженера Погодина, Интеграла, Кормишина и иных пленников не было. Надо ли говорить, что Вика не согласилась с утверждениями Рубина и предложила продемонстрировать оставшиеся части лабиринта, по крайней мере, те из них, что ей были известны от отца. Рубин при этих словах заметно побледнел и стал менее разговорчивым. Такие метаморфозы в поведении помощника Эванса заметно ободрили опытных Берендеева и Сотникова, уже склонявшихся к мысли окончательное обследование усадьбы и составление многочисленных протоколов предоставить экспертам-криминалистам и направленным к ним оперативникам, а самим отправиться на доклад к начальству. Полковники, в целом, были не довольны ходом поисков, самое неприятное было — исчезновение Эванса, ради задержания которого и затевалась, по сути, вся операция. Конечно, обнаружение трупа Полежаевой, следы перестрелки, покушение на жизнь оперативников содержали состав преступления, но... Главный подозреваемый ускользнул, и ускользнул, что вдвойне обидно, в самый последний момент, буквально из рук. И как теперь оправдываться перед руководством, как подать ситуацию... Этот вопрос все больше занимал головы умудренных опытом полковников. Но, так или иначе, ради освобождения пленников и отыскания важных следов преступления они продолжат осмотр подземных помещений, пока самый последний уголок этого дьявольского лабиринта не будет обследован.

Вика вспомнила расположение нескольких подземных тайников, и группа добралась, наконец, до помещений, где содержали Интеграла, Кормишина и Илью. У Вадима с души свалился огромный камень, ведь его товарищи, попавшие сюда и по его косвенной вине, живы и здоровы!

Но надо еще найти Викиного отца и, возможно, других несчастных ученых-заключенных. Берендеев связался с оперативниками и попросил находящегося среди них врача спуститься к ним, чтобы оказать спасенным медицинскую помощь. Рубин, скрипя зубами, отдал распоряжение проводить к ним врача. После того, как врач спустился в подземелье и занялся пленниками, группа продолжила поиски.

И тут Вадим остановился как вкопанный. Он вспомнил, кого видел в "жигуленке" около дома сельского учителя.

— Валерий Осипович, я, кажется, знаю, где искать Эванса.

— Да ну? И когда же тебя осенило? — шутливо спросил шеф, хотя глаза смотрели более чем серьезно.

— Только что.

— И где, позволь полюбопытствовать?

— Долго объяснять, мы можем потерять время.

— Тогда поехали, — просто сказал шеф, понимая, что, может быть, это последний шанс удачно завершить операцию.

Вадим, Денис и трое из группы захвата сели в джип Вадима, а Берендеев и еще четверо охранников разместились в УАЗе и последовали за ними.

Вадим хорошо запомнил дорогу и очень спешил. Он боялся опоздать.

Проведя операцию по всем правилам, они проникли в дом скромного сельского учителя и обнаружили там Эванса, управляющего и самого господина Лаврушкина, изрядно напуганного неожиданным вторжением. По всему было видно, что они готовились отправиться в путь. Вернее, отправиться в путь собирались Эванс и управляющий, а Лаврушкин всячески помогал им в сборах и получал последние инструкции. Эванс и Казанцев изменились практически до неузнаваемости. Эванс облачился в одежду скромного горожанина, произведенную в Турции и купленную на промтоварном рынке, умудрился подстричься "под ежик" и надеть контактные линзы, изменившие пронзительную голубизну глаз на цвет темно-зеленой болотной тоски. Управляющий был менее оригинален. Он приклеил усики, надел темные очки и джинсовый костюм. Еще на подступах к дому оперативники заметили стоящий во дворе автомобиль, снаряженный в дорогу и с прогретым двигателем. Эванс сидел на табурете и проверял что-то в своем "ноутбуке", управляющий и учитель складывали рюкзак. Стол был накрыт, видимо, перед дорогой мистер Эванс собирался как следует подкрепиться. Когда в комнате появились люди в масках, быстрее всех среагировал управляющий. Он нырнул на пол, в ноги спецназовцев, и, перекатившись через плечо, хотел вырваться на улицу, но не смог, был скручен и брошен на пол. Лаврушкин тоже попытался действовать, но почему-то его выдумки хватило только на то, чтобы забиться под стол. Эванс, в отличие от остальных, не сопротивлялся, словно был готов к такому развитию событий, спокойно сидел и наблюдал за происходящим.

— Гуменшток Павел Павлович? — спросил вошедший за спецназовцами Берендеев.

— Да, а в чем, собственно, дело?

— Вы арестованы. Вот ордер на ваш арест. — И Берендеев протянул ему бумагу.

— Это какое-то недоразумение! Вы меня с кем-то путаете! — начал было Эванс, но тут заметил стоящего за спиной Берендеева Вадима и все понял. Желая, видимо, "сделать хорошую мину при плохой игре", он напустил на себя вид радушного хозяина и пред-

ложил: — А не желаете ли откушать, господа? Парни молодые, здоровые, с ружьями. Тем более, на свежем воздухе. Проголодались, наверное?

Берендеев терпеливо выслушал тираду Эванса и спокойно произнес:

— Мы вами и так по горло сыты. Собирайтесь, поехали!

Эванс развел руками, дескать, насильно мил не будешь, позволил защелкнуть на руках наручники и вышел в сопровождении охраны.

Его усадили в служебную "Волгу", подъехавшую к домику учителя по вызову Берендеева, причем, Валерий Осипович настоял, чтобы Вадим непременно ехал с главным задержанным в одной машине. Так что пришлось Петрову руль своего автомобиля передать Денису, чему последний был несказанно рад, так как в настоящее время обучался вождению автомобиля, и со дня на день ему предстоял экзамен в ГИБДД. Затравленно смотревшего на окружающих Лаврушкина и ухмыляющегося управляющего препроводили в подоспевший УАЗик. Процессия двинулась в город, в управление ФСБ по N-ской области.

Эванс сидел на заднем сиденье служебной "Волги", плотно зажатый между Вадимом и дюжим майором из группы захвата. Он с тоской поглядывал на свой "ноутбук", которым завладел еле вмещавшийся на переднее сиденье Берендеев. Казалось, потеря содержащихся в компьютере данных его только и огорчает по-настоящему.

Эванс повернулся к Вадиму.

— Вот видите, Вадим Семенович, как незначительная ошибка может обернуться крупным поражением.

— Что вы имеете в виду? — не понял собеседника Петров.

— Ну, как же? Вы сумели опередить меня, а не понимаете таких простых вещей? Не стоило экспериментировать тогда в лесу. Ох, не стоило.

— А... Вы о голограмме?

— Да. И тем более не стоило объяснять ее смысл. Пустое бахвальство. Что ж, поделом мне!

Остаток пути они проделали молча.

Через час вся группа собралась в Управлении ФСБ. Там их уже ждал начальник следственного отдела и сам генерал Пестов. Арест столь важной птицы широко не афишировался, удалось даже предотвратить поступление информации об этом событии в СМИ. Перед началом следственных действий начальник Управления решил побеседовать с задержанным без протокола. Приглашен был и Берендеев. Но перед длительной беседой Валерий Осипович все же нашел время и, отозвав Вадима в сторону, поинтересовался, как опер Петров сумел определить местонахождение Эванса? По дороге выяснить этот вопрос он не мог, так как Эванс ехал с ними в одном автомобиле. Вадим объяснил, что по-

лучил информацию о том, что сельский скромняга-учитель инкогнито появляется в усадьбе и время от времени общается с иностранцами. Кроме того, он видел господина Липихина (это и был тот незнакомец, которого он заметил в машине и личность которого усиленно вспоминал) в непосредственной близости от домика учителя. Сопоставив эти детали с некоторыми иными материалами, Вадим понял, что, вероятнее всего, Эванс поддерживает конфиденциальную связь с внешним миром, в числе прочего, и через этого любителя природы. "Да, — проговорил Берендеев, — если удастся найти и разговорить Погодина, а ему нет смысла выгораживать Эванса, и приплюсовать это к уже имеющимся материалам, любопытная история может получиться. Причем сугубо по нашей специальности. Вот тебе и бесперспективное дело!". Сказав это, он поспешил в кабинет Пестова.

А в усадьбе в это самое время во всю шла кропотливая черновая работа. Оперативники ходили по деревне и опрашивали местных жителей, а часть из них совместно с омоновцами прочесывали лес за речкой. Уже был найден и доставлен в усадьбу труп Полежаевой, и над ним корпели несколько судмедэкспертов. Допрашивались Собакевич и Штопор, опросили половину населения деревни и научного коллектива, работавшего в усадьбе. Специалисты-техники изъяли и отправили в город для последующего изучения несколько грузовиков со всевозможным оборудованием и техникой. Среди этого железного хлама коллеги Вадима прихватили для изучения и несколько подопытных животных из зверинца Эванса. Зверьки были настолько милы, что один из оперативников протянул руку сквозь железные прутья одной из клеток, чтобы погладить симпатичного лисенка, но тут же отдернул ее назад и вскрикнул, лисенок просто тяпнул его за палец до крови. Все бы ничего, но один из медиков предупредил незадачливого опера, что от диких зверей легко заразиться бешенством, чем вверг парня просто в шок. Деревенские бабки наблюдали за событиями в усадьбе, прислонившись к забору, живо обсуждали происходящее и время от времени мелко крестились.

В этой суете никому не было дела до девочки и ее немого брата, которые уже час безуспешно занимались поисками своего отца. Куницын некоторое время сопровождал их, но был вынужден переключиться на иные неотложные дела. Правда, выделил им для охраны и продолжения поиска одного из оперативников. Вика и Василий обошли все уголки подземелья, нашли еще несколько потайных дверей и двоих узников, потерявших от одиночества рассудок и слабо реагировавших на пришедших, но отца среди них не было. Вдруг сопровождавший их оперативник получил сигнал по рации. Он выслушал говорившего и с удивленным лицом передал аппарат Виктории.

— Возьмите, пожалуйста, это вас.

— Алло, я слушаю! — прошептала Вика.

— Вика, это я, Никита!

— Привет, чего ты хочешь?

— Я, кажется, знаю, где надо искать твоего отца! — Никита старался говорить ровно, но было заметно, что он с трудом сдерживает волнение. — Я нахожусь на втором уровне, поднимайтесь сюда!

— Хорошо, сейчас идем.

Они поднялись на второй уровень, где обнаружили Никиту, сидящего за разложенным "ноутбуком". По его внешнему виду можно было предположить, что он не спал как минимум сутки, и столько же не ел, не умывался и не причесывался. Никита стал показывать на мониторе какие-то схемы, причем менял окна так быстро, что Виктория едва успевала улавливать суть его объяснений. Общий смысл сводился к тому, что Никите удалось обнаружить чертежи поворачивающейся комнаты Эванса и подземного хода, вернее, их разрозненные части. А уж состыковать было делом техники и времени, конечно.

Для того чтобы проникнуть в этот подземный ход, им пришлось выбраться на поверхность и добраться до приемной Эванса. Отыскав замаскированную за дубовой панелью кнопку, Никита привел механизм в действие, и кабинет начал поворачиваться. Больше всего Никита боялся, что неправильно вычислил путь проникновения в подземный переход, но пока все шло согласно его расчетам и реконструированным чертежам. Наконец дверь заняла свое привычное место, и проход в кабинет хозяина был свободен. Никита нажал вторую кнопку, и механизм снова пришел в действие. Дверь совместилась со входом в потайной лифт, они ступили туда и опустились вниз.

Сердце Виктории буквально выпрыгивало из груди, она очень боялась потерять последнюю надежду, боялась заглянуть в глаза брата, если поиски окончатся ничем или, еще хуже, Вася увидит мертвого отца. Никита снова разложил "ноутбук" и еще раз сверился с планом. Сомнений не было, это был тот самый подземный ход. Он располагался на самом нижнем уровне. Вот и стоянка электрокаров. Прямо ведет тоннель, по которому скрылись Эванс и управляющий. Слева и справа — два тоннеля, ведущие, исходя из планировки, в помещения, приготовленные под лаборатории, но до сих пор не занятые. Одно из помещений было оборудовано как жилое. Туда и направились Вика, Василий, Никита и оперативник Семен, в изумлении осматривавший подземные лабиринты и цокавший постоянно языком.

Электрокар быстро довез их до места назначения, и они оказались перед дверью, какие обычно устанавливаются в стандартных городских квартирах. Дверь была выкрашена в стальной цвет, на ней не было ни глазка, ни замочной скважины, ни даже ручки. Слева от двери находилась панель с сенсорными

кнопками и динамиком переговорного устройства. Никита начал манипулировать с ними, но это не привело к положительному результату. Иногда ребятам казалось, что динамик включался, но на их отчаянные призывы откликнуться, следовало гробовое молчание. Никита попытался открыть дверь. Для этого нужно было набрать на сенсорной панели код и нажать кнопку с обозначением ключа. Он уже сделал несколько неудачных попыток, когда за дверью послышались слабые звуки, и она стала отворяться сама собой. Когда дверь окончательно открылась, перед глазами ребят предстал старик с длинными седыми волосами и бородой, опускавшейся почти до пояса. Он был одет в поношенный костюм и опирался на палку. Было видно, что ему очень тяжело стоять, и он прислонился к стене, с трудом переводя дух.

— Отец! — бросилась к нему Вика.

— Мм-мм... — замычал немой и тоже обнял отца.

— Вика, Васенька, дети мои! — чуть слышно проговорил старик. По его щекам катились слезы, руки тряслись, он в изнеможении опустился на пол и потерял сознание.

Оперативник, не теряя времени даром, уже передал по рации, чтобы прислали врача и носилки. А дети опустились на корточки около своего отца и беззвучно плакали, не то от радости, что наконец-то нашли его живого, не то от горя, что опять могут его потерять.

Вадим, выполнив свой служебный долг, пошел к выходу. В Управлении ему сейчас делать было нечего, разберутся и без него. Он спустился на первый этаж и уже собирался пройти мимо охранника, мельком показав ему служебное удостоверение, но неожиданно его остановил прапорщик и сказал, что его вызывают в кабинет к начальнику Управления. Петров пожал плечами и, обдумывая, что бы это могло означать, поспешил в начальственный кабинет.

Немного запыхавшись от быстрого подъема по лестнице и стесняясь своей мятой несвежей рубашки, он вошел в просторную прохладную приемную с царственной секретаршей за внушительным столом. Ангелина Викторовна красноречиво дала понять, что его уже ждут, и продолжила заниматься бумагами. Вадим приоткрыл тяжелую дубовую дверь.

— Разрешите войти?

— Войдите, — ответил Пестов.

— Старший оперуполномоченный Петров по вашему вызову прибыл.

— Проходите, Вадим Семенович! — Пестов вышел из-за стола и протянул Вадиму руку. — Я хочу, чтобы вы присутствовали при беседе с задержанным. Во-первых, вы заслужили это и вам будет интересно задать Гуменштоку пару вопросов, а во-вторых, вы знаете многие не известные нам с Валерием Осиповичем дета-

ли, и мистеру Эвансу будет труднее вилять и уводить разговор в сторону. Не знаю, догадались ли вы, но мы давно вели разработку Гуменштока, и ваше вмешательство было, признаться, неожиданным, не говоря уж о том, что несанкционированным. Повлеки это за собой провал операции — и я бы вам не позавидовал. Но победителей не судят! Преступник захвачен с поличным — дело сделано!

— Еще не известно, как отреагирует на это Центр, — осторожно произнес Берендеев.

— Мне, Валерий Осипович, уже известно — реакция положительная. И скоро представители из Москвы будут здесь.

В это время зазвонил один из телефонов, и Пестов, сняв трубку, коротко бросил: "Ведите! ".

Через несколько минут ввели Гуменштока, он был без наручников и выглядел достаточно неплохо, во всяком случае, казался совершенно спокойным. Пестов пригласил его сесть, а сотруднику, сопровождавшему задержанного, велел подождать в приемной. Он представился и попросил Гуменштока рассказать подробнее о своей деятельности и прокомментировать свое отношение к сути предъявленных обвинений. Согласно кивнув, Гуменшток откинулся на спинку стула и задумался. При этом придал лицу такое выражение, будто ничего не произошло, и он сидит в этом тихом прохладном кабинете со старыми знакомыми и наслаждается беседой. Через некоторое время Гуменшток попросил кофе и, сделав глоток, начал говорить.

Свою причастность к убийствам Пал Палыч отрицал начисто. Ограничения свободы передвижения ученых признал, но отнес это к специфике правил внутреннего распорядка усадьбы, может быть, слишком жестких, но ведь ученые сами подписывались под соответствующими строками контрактов, так что все в пределах закона. Ситуацию с содержанием в плену инженера Погодина он комментировал уже не так уверенно, но, считая это, по всей видимости, не принципиальным, не стал выдумывать законообразных объяснений, а просто сказал: "Да. Наказал я его. Посадил в темницу. Так не ликвидировал же? Пусть радуется!"

— Вы всегда так просто относитесь к человеческим жизням и судьбам? — спросил Пестов, которого покоробила последняя фраза Гуменштока.

— Конечно! Я реалист и человек действия. Для меня его жизнь представляла интерес только с точки зрения получения идей, генерированных мозгом этого инженеришки. А заботиться о себе он сам должен.

— А вы циник! — поморщился Пестов. — Но не будем отвлекаться. Что вы можете сказать по сути своих экспериментов?

— В основном, я изучал проблемы человеческого сознания, и в этой связи возможности управления как отдельными представителями, так и крупными группами рода человеческого. Думаю, вам и так все известно. Я же работал в том числе и на вашу

контору. — Гуменшток почесал переносицу и допил кофе, после чего посмотрел на присутствующих с видом победителя.

— Да что вы говорите? — Пестов изобразил на своем лице крайнее удивление.

— Причем сотрудничал не с вашим провинциальным управлением, а работал на Центральный аппарат. Так что поосторожнее со мной, не переусердствуйте!

— Постараемся! — в тон ему ответил Пестов. — Только подскажите, чтоб мы уж совсем не ошиблись, как звали вашего куратора из Центра? Не он ли случайно? — И Пестов достал из материалов дела фотографию благообразного мужчины лет 50-ти.

— Да, это он, — подтвердил Гуменшток. — Но если он вам известен, зачем проводить чуть ли не опознание?

— Почему "чуть ли"? Это самое настоящее оперативное опознание! Дело в том, уважаемый, что вы все эти годы работали не на российскую, а на иностранную спецслужбу, а этот милый господин — кадровый разведчик, сотрудник ЦРУ.

— Не понимаю! — Гуменшток побледнел, на лбу выступила испарина, руки задрожали.

— Да, трудно сразу уложить в голове, но это факт. Он просто завербовал вас и использовал втемную. А вы решили, что теперь, с такой-то крышей, все можно, и пустились во все тяжкие — оружие, наркотики. На научные исследования у вас в последнее время и сил не оставалось. Да и зачем, деньги и так текли рекой. Вы еще и меценатствовать начали, лечить свои застаревшие комплексы неполноценности.

И тут произошло неожиданное — Гуменшток потерял сознание. Пестов срочно вызвал врача. Когда задержанного увезли в лазарет, генерал задумчиво произнес:

— Ну, вот, если бы последствия нашего диалога дошли до какого-нибудь писаки из "желтой" прессы, он обязательно раструбил бы на весь свет, что в ФСБ задержанных доводят до беспамятства. — Он обернулся к Вадиму: — Теперь вам все ясно, так что можете быть свободным. А нам с полковником необходимо обсудить кое-какие детали.

Эпилог

Инженера Погодина долго лечили. После реабилитации он сообщил следствию много интересного об Эвансе и его приближенных. В частности, что несколько лет назад, когда еще не было ни подземных исследовательских помещений, ни разветвленной системы подземных ходов, ни многочисленной команды ученых и обслуги, да и самой усадьбы, как таковой, в природе не существовало, он встретил талантливого ученого и, с его точки зрения, порядочного человека Павла Гуменштока. Гуменшток предложил неизвестному, но имеющему много нереализованных идей ученому финансирование и место для проведения самых смелых исследований. На фоне всеобщей разрухи и не ме-

нее жесткого, чем в других областях современной российской жизни, диктата блата и кумовщины в научной среде предложение выглядело фантастично. Погодин согласился. Во-первых, он должен был кормить дочь и только что родившегося сына, а во-вторых, жить не мог без физики, да больше ничего и не умел. Так и началось их сотрудничество. За год Погодин сколотил неплохой коллектив ученых, таких же голодных, как и он сам, и таких же увлеченных своими идеями. Гуменшток времени даром не терял, сумел привлечь необходимые инвестиции и обеспечить должным образом финансирование исследований. За несколько лет он отреставрировал облюбованный им заранее огромный деревенский дом, построил подземный исследовательский центр, организовал современную службу сервиса и безопасности, причем ему удалось сделать это путем наименьших потерь и практически без огласки. Он просто воспользовался подручным материалом и вырастил из простых деревенских парней, спавших и видевших, как перебраться в город на заработки, отряд верных, хорошо оплачиваемых охранников, готовых горло перегрызть за своего хозяина. А из деревенских девушек и женщин сделал штат обслуги, умеющей держать язык за зубами и получивший теперь возможность неплохо обеспечивать своих голоштанных ребятишек. Погодин занимался исследованиями в области физики, химии, медицины и психологии, и совершенно не интересовался деятельностью Гуменштока. Ему было достаточно того, что в его распоряжение были предоставлены все современные источники информации, виды техники и подручные материалы, а работы щедро финансировались. И он добился поразительных результатов — за каких-то несколько лет смог сделать несколько научных открытий мирового уровня. А по прошествии еще одного года значительно опередил зарубежных коллег в области применения психотехнологий и массового гипноза. Вот тут-то и стали появляться первые разногласия между Погодиным и Гуменштоком, все больше именовавшим себя к этому моменту Эвансом. Погодин хотел встречаться с коллегами по ремеслу, участвовать в конференциях, обмениваться опытом. Эванс был категорически против. Он считал, что достаточно платит ученым за их работу, поэтому может ставить и кое-какие ограничения. Чем дольше существовал подземный институт, тем больше возникало противоречий между Эвансом и Погодиным. Ученый, обладавший аналитическим умом, стал интересоваться подробностями финансовой и организационной деятельности Эванса, чего делать раньше избегал, и быстро разобрался, что скрывается за "благородной" идеей. У него открылись глаза на все происходящее. Он понял, что в усадьбе введена казарменная дисциплина, его партнер имеет связи с криминалом, а на продаже результатов исследований зарабатывает такие деньги, что ученым даже и не снилось. Погодин был честным и неопытным в таких делах человеком, и ре-

шил напрямую поговорить с Эвансом, сообщить ему, что не хочет больше иметь отношение к грязному бизнесу, а в случае, если это не подействует, пригрозить сообщить в органы правопорядка. Так он и сделал, а в результате Эванс запер его в подземелье, заставил работать почти бесплатно, выделяя деньги только на содержание детей, которых использовал одновременно в качестве заложников. Ученые, узнавшие о таком произволе, решили вмешаться, но их попытки изменить ситуацию, уйти из усадьбы и сообщить обо всем властям были жестоко пресечены. Эванс уничтожил основных противников и ввел в усадьбе настоящий тоталитарный контроль.

Эти и иные, полученные в процессе расследования, данные послужили основанием, чтобы Эвансом-Гуменштоком вплотную занялось именно ФСБ, а не милиция, хотя обвинения в убийствах с него никто не снимал.

В усадьбе обнаружили большое количество наркотических веществ, которые, по утверждению Эванса, использовались сугубо в научных целях. Но с этим следствию и суду еще предстояло разобраться. Как предстояло разобраться и с убийством Марины Полежаевой, исчезновением ее мужа, нанесением тяжких телесных повреждений Алене и многими другими "художествами", следы которых в изобилии были найдены в поместье.

Вадим Петров все-таки получил от начальства выговор за несанкционированные действия, чуть не погубившие суперсекретную разработку. Но, одновременно, ему была объявлена благодарность, автоматически этот самый выговор отменявшая. Его даже хотели повысить в звании, но в последний момент воздержались. Пусть сначала доведет до конца все свои застрявшие дела, а там видно будет. Но Вадим был счастлив уже и тем, что отправился, наконец, с Каролиной в долгожданный отпуск. Правда, для отдыха ему выделили всего две недели, так как впереди предстояло много кропотливой, но интересной и, возможно, не совсем на прасной работы.

Погодин не вернулся к научной деятельности, а начал работать простым школьным учителем. Ему делали заманчивые предложения и сулили перспективы как зарубежные, так и отечественные государственные и частные учреждения. Но он уже был сыт всем этим по горло и считал, что результаты его исследований могут быть действенным инструментом как в руках правителей, так и в руках преступников, поэтому посчитал за лучшее уйти в сторону. Он поселился с детьми в городе, недалеко от Вадима и Каролины, и пытался теперь наверстать упущенное, давая своим детям как можно больше родительского тепла и заботы. Погодины и Петровы частенько ходили друг к другу в гости, иногда вместе с Интегралом ездили в Затокино к физику-самоучке.

Усадьба использовалась теперь как государственный исследовательский центр — не пропадать же оборудованию. Да и красот

местной природы не могли омрачить ранее происшедшие здесь трагические события. Все стирается со временем. А деревенские жители, работавшие на барина, теперь готовили пищу и мыли пробирки господам ученым, понаехавшим из города в большом количестве.

Часть охранников были осуждены на разные сроки и отдыхали теперь в местах не столь отдаленных, но не с таким чудесным климатом, как в Затокино.

Процесс по делу Эванса был закрытым, сложным и очень длительным. Смогли ли ему инкриминировать убийство и остальные преступления? Получил ли он условный или настоящий срок? Неизвестно. Известно одно — Эванс куда-то исчез. Может, Вадим кое-что и знал,но молчал, так как никогда не путал личные и служебные дела и строго хранил государственную тайну.

Архив же Погодина был частично уничтожен, частично изъят компетентными органами. Интервью он не давал, мемуаров не писал, и лишь один раз, отдыхая в Затокино, взялся было написать статью, но, не дописав до конца, порвал и бросил в печку. Угли почти истлели, и физик-самоучка, случайно заметивший импульсивный поступок инженера, дождавшись, когда тот выйдет из комнаты, вытащил клочки из печки и попытался сложить их вместе, чтобы прочитать написанное. Склеить удалось только маленький отрывок, и он бережно его хранил, частенько перечитывал и показывал только близким людям. А было там написано следующее: "...В современном мире во всех областях жизнедеятельности (бизнес, политика, обывательский уровень) определяющее значение приобретает возможность доступа к информационным ресурсам. Лидерство определяется наличием лучших, чем у конкурента, систем поиска, обработки, анализа и использования информации. Одновременно, понятие лидерства для подавляющего большинства людей означает получение наибольшего богатства или власти. Это становится и основной целью. Для достижения этой цели применяются психотехнологии, которые используют, в основном, важнейшее свойство информации — влиять на сознание и подсознание человека. Вернее, влияет информационный поток, определенным образом сформированный и направленный по одному или нескольким из каналов восприятия человека (логика, зрение, слух, обоняние, осязание, вкус). Максимального эффекта можно добиться, направив потоки по всем каналам. Скажу больше, сейчас разработаны методы, позволяющие влиять на сознание человека не только на психоэмоциональном, но и на клеточном, биологическом уровне..."

Но из этих обрывочных черновых набросков вряд ли можно было понять суть исследований, проводившихся в усадьбе. Да и нужно ли? Ведь сам инженер Погодин попытался забыть обо всем этом. ■

Игорь ГАМАЮНОВ

"МЫ ОБЛЕГЧИМ

***НАТАША ИСЧЕЗЛА** в конце октября. Дома, в ее комнате, осталась открытой швейная машинка с недошитой юбкой, будто только что вышла.*

Опросили ее однокурсников, бывших школьных приятелей — безрезультатно. Объявили в розыск. Родители ждали звонка: если ее похитили, то должны же бандиты потребовать выкуп.

Но такого звонка не было. Были другие: кто-то набирал номер и — молчал. Мать кричала: "Наталья? Ты? Ну скажи хоть слово! Где тебя держат? Как тебе помочь?!"

А трубка продолжала молчать.

Нашли Наталью только весной. В лесу. Когда сошел снег.

Хуже наркотика

"Перед тем как проснуться нынче утром, видел, что кто-то умирает, умер. Очень часто вижу теперь во сне смерти..."

Иван Бунин. 12 апреля 1919г. "Окаянные дни"

ИСТОРИЮ ЭТОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ мне рассказала воронежская знаменитость, следователь облпрокуратуры с 40-летним стажем Эмилия Андреевна Крайкина. *Специалист по безнадежным делам* — так о ней говорят. Громкоголосая женщина с насмешливым блеском в глазах. Утверждают: у нее не было подследственных, кто бы в конце концов не начинал ей исповедоваться.

— Власть над другими людьми — хуже наркотика, — объясняет мне главный мотив этого преступления Крайкина. — Несчастная Наталья оказалась под гнетом такой власти, попыталась освободиться. И — погибла.

...А за окном прокурорского кабинета, где мы беседуем, отвесно падает снег, и облепленные им деревья становятся нежно-воздушными. Будто из какой-то другой, не нашей жизни.

Там, в сквере, когда шел в прокуратуру, я наткнулся на темно-бронзовую скульптурную группу: сидящий на скамье человек и остромордая собака рядом. На постаменте с трудом разобрал тусклую надпись — "Иван Бунин". Он ведь здешний, поэт антоновских яблок, "Темных аллей" и русской "Деревни", навсегда распрощавшийся с Россией "Окаянными днями".

Сейчас, пока Крайкина рассказывает мне историю гибели Натальи, в сквере снег облепляет Бунина и его собаку, меняя их очертания, и кажется, будто они плывут в белых сумерках мельтешащего снегопада. Куда плывут? Из одной жизни — в другую? Из той, окаянной — в нынешнюю, не менее окаянную?

— Все-таки странно, — говорю Крайкиной, листая копию ее многостраничного обвинительного за-

ТЕБЕ СМЕРТЬ"

ключения (она их пишет хорошим литературным языком, с подробностями, воссоздающими обстоятельства и характеры). — Такая жестокость... Может, это психическая аномалия?..

— Здесь аномалия другого рода. Дело в том, что власть над другими — это такая страсть, она сметает все. И самого человека тоже, — выносит Крайкина свой приговор.

Знали — дочь внушаема

"Ночью лил дождь. День серый, прохладный. Деревцо, зазеленевшее у нас во дворе, побледнело."

Иван Бунин. 12 апреля 1919г.
"Окаянные дни"

ТЕЛЕФОННЫЕ ЗВОНКИ с последующим молчанием изматывали. Но и давали надежду. Фоняковы*, родители Натальи (отец — доцент одного из воронежских вузов, мать — педагог) знали: дочь внушаема, поддается чужому влиянию. Особенно — если оно исходит от волевого человека. Вдруг влюбилась?.. Увлеклась? И, наделав глупостей, стесняется показаться родителям?

А тут один из ее знакомых, Валерий Фролов, обронил в телефонном разговоре, будто на днях видел, как неподалеку от вокзала Наталья садилась в черную "Волгу" с иногородними номерами. После такого ошеломительного сообщения, ближе к ночи, опять раздался звонок, опять в трубке молчали, и Наташина мама заходилась в крике: "Ну почему, почему ты молчишь, доченька!?"

— Она, видимо, хочет лишь ваш голос услышать, — объяснила ей ближайшая Наташина подруга Вера Прокудина. — И тем самым дать вам знать: у нее все в порядке. Чтоб вы не убивались.

Эти двое, казалось, сделали все, чтобы помочь Фоняковым. Терпеливо вспоминали подробности последних встреч с Натальей. Характеризовали ее новых знакомых (не очень-то лестно). Как-то поехали с Фоняковыми на привокзальную площадь, где, по их утверждению, последнее время тусовались Натальины приятели. Заходили в кафе, в тир, разговаривали с какими-то парнями, что-то выспрашивая (Фоняковых на это время оставляли у дверей). Выходили с озабоченными лицами. Да, все помнят Наталью, она здесь часто бывала, но куда делась — не знают.

Одна странность тогда поразила Фоняковых: Вера Прокудина, всегда небрежно-раскованная, многословная, была напряжена, тщательно подбирала выражения, умолкая на полуслове. Чего-то недоговаривала? Но и без того ясно, к чему Прокудина и Фролов их

* *Фамилии изменены.*

подводили. У Натальи, будто бы, была другая, не известная родителям жизнь — хождения в рестораны, случайные знакомства. И даже — наркотики. "Да у нее же следов на руках не было, — ахнула Наташина мама, — я бы заметила, если б она кололась". — "Уколоться можно не только в руку, — заметила Прокудина, — и на ногах есть удобные места".

В милиции (их туда пригласили первыми из числа Натальиных знакомых) они говорили о том же. Их информацию проверяли оперативным путем. Не подтвердилась. Их вызывали снова, уточняли подробности. Снова проверяли. Опять — "по нулям". То есть что-то в их словах от реальности было — действительно Наталья появлялась с друзьями у вокзала. Но и только.

У следователей, ведущих это дело, возникло в конце концов стойкое ощущение, будто эти двое, чем-то обиженные на Наталью, придумывают ее "вторую" жизнь. Стали изучать этих двоих.

Хвалила внучку за жесткий характер

"...А в соборе венчали, пел женский хор... Милые девичьи личики у певших в хоре, на головах белые покрывала с золотым крестиком на лбу, в руках ноты и золотые огоньки маленьких восковых свечей — все было так прелестно, что, слушая и глядя, очень плакал."

Иван Бунин. 21 апреля 1919г.
"Окаянные дни"

ВОТ ТО, ЧТО ВЫЯСНИЛОСЬ сразу: Вера Прокудина, студентка, бросившая занятия в первый же семестр, личность во всех отношениях незаурядная. Яркая внешность, стройная фигура. В школе была отличницей, но к урокам почти не готовилась — так ей легко все давалось. В совершенстве владеет английским. Из семьи потомственных военных: отец — капитан 2-го ранга, дед — полковник, в 45-м командовал штабом дивизии. Отношения в семье авторитарные, когда ты должен ПОДЧИНЯТЬ или ПОДЧИНЯТЬСЯ.

Вера предпочитала ПОДЧИНЯТЬ, и ее капризная властность отпугивала приятелей. Но в старших классах ей повезло — у нее появилась подруга Наташа. Неуверенная в себе, считавшая себя дурнушкой, Наталья стала верной спутницей, тенью Прокудиной. Пыталась подражать ей. Не получалось. Вера снисходительно советовала: "Выпей три чашки кофе, все получится".

Родители Наташи с опаской присматривались к этой дружбе — Вера приходила к Наташе чуть ли не каждый день. Громко разговаривала, следя за тем, какое впечатление производит. Както вслед за ней к Фоняковым пришла ее бабушка, зубной врач — познакомиться. Пила чай, рассказывала историю своей семьи, хвалила внучку — за жесткий характер: "Только так и надо сейчас, а то пропадешь".

Вера, оказывается, уже умела делать уколы, ходила на курсы медсестер, бывала в морге, о чем небрежно рассказывала Наталье. Та, в свою очередь, пыталась приобщить Веру к своему увлечению музыкой (училась в музыкальной школе), но дальше магнитофонных записей дело не пошло. Да еще пытались они обе ходить на

занятия в брейк-студию — она открылась тогда в технологическом институте, но все кончилось скандальным инцидентом: Прокудина прихватила с собой портативный магнитофон — шла с ним по институтскому коридору, врубив звук на полную громкость. Дерзила тем,кто делал ей замечания. Преподаватели вызвали милицейский наряд, и обеих девушек немедленно доставили в Центральный РОВД, где им пришлось давать объяснения.

Вот тут Фоняковы испугались всерьез. Пытались объясниться с Верой, попросив оставить Наталью в покое. Вера усмехнулась: "Да это ж не она мне, а я ей интересна. Она добрая и преданная, но как личность — бесцветная, в общем, НИКТО, так что я-то без нее обойдусь..."

Поговорили и с отцом Веры. Капитан 2-го ранга, только что приехавший из Приморья, из очередного плавания, со всеми их доводами соглашался: "Непорядок, конечно, распустили мы ее". Пожаловался на нигде не работающую жену: бесхарактерная, не может дочь взять в руки. Но сам инцидент считал пустяковым — подростковой шалостью, не более.

Фоняковы потребовали от Натальи: "Никаких с Верой отношений!" А некоторое время спустя узнали: Прокудина не отпускает Наташу ни на шаг. Даже на уроках. Затевает переписку, перебрасываясь записочками.

И все-таки разрыв наметился... Правда, уже после школы, когда обе поступили в разные институты. В этот момент у Прокудиной появился странный приятель — то ли мальчишка, то ли парень, на два года младше ее, Валерий Фролов.

Они были ее свитой

"Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом — Чудь, Меря. Но и в том и в другом есть страшная переменчивость настроений, обликов, "шаткость", как говорили в старину. Народ сам сказал про себя: "из нас, как из дерева, — и дубина, и икона", — в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергий Радонежский или Емельян Пугачев."

Иван Бунин. 19 апреля 1919г.
"Окаянные дни"

ВНАЧАЛЕ ФРОЛОВ появился в окружении Натальи, на той самой привокзальной площади, где Фонякова действительно бывала — с новыми своими друзьями. Фролов выдавал себя за студента, хотя очень быстро выяснилось — учится в ПТУ, "на слесаря". Живет то у отца, то у матери, давно разорвавших семейные узы. Наташе он был не интересен, и как-то, оказавшись у вокзала с Прокудиной, Фонякова познакомила их.

Вера произвела на Валерия ошеломляющее впечатление: ему никогда не приходилось общаться с девушками, умеющими держаться так независимо, говорить книжными фразами, вворачивая английские слова, и распоряжаться им, Фроловым, как собственной вещью. Он гордился новым знакомством.

Как-то Фролова нашла у вокзала его прежняя приятельница, шестнадцатилетняя Оля Соколова, тоже пэтэушница (она в этой

истории сыграет свою роль), и он немедленно познакомил ее с Прокудиной, представив Веру "преподавательницей института". Вера усмехнулась, но отрицать не стала. Как и Оля не стала опровергать, будто она сестра Фролова (так Валерий пытался закамуфлировать свою близость с ней).

С этого момента чем больше Наталья отдалялась от Прокудиной, тем чаще Вера встречалась с Фроловым. Теперь он становился ее тенью. Благоговея, выполнял все ее поручения, привлекая к этому и свою подружку. Они были ее свитой, ее подручным материалом, из которого она сооружала свое неприступное королевство. Но отдалявшаяся Наталья мешала Прокудиной ощущать себя полновластной хозяйкой ситуации: вдруг и нынешние ее тени однажды покинут ее?

А тут услужливый Фролов както сообщил, будто ее бывшая подруга там, у вокзала, в компании молодых людей критически отзывалась о ней, Прокудиной. Вера немедленно отправилась с Фроловым на привокзальную площадь, стала выпытывать у Натальиных знакомых, так ли это. Те, смеясь, уклонились от прямых ответов. Так ничего и не выяснив, она позвонила Наташе.

Телефонный допрос Натальи тоже не принес ясности, породив у Веры тяжелое чувство разлада с самой собой. (*Крайнина потом, в долгих разговорах с Прокудиной, нащупает этот роковой водораздел, откуда медленно покатилась вниз осыпь ее обид, превращаясь по пути во всесокрушающую лавину...*) Она вдруг поняла, что Фролов и его Ольга могут быть возле нее лишь восторженными лакеями, не более. Они не заменят Натальи, не станут для нее зеркалом, в котором она, Прокудина, всегда видела отражение своих достоинств.

И следующая мысль стала томить Веру: как могла Наталья, не представляющая собой ничего оригинального, заимствовавшая у нее, Прокудиной, привычки, словечки и даже жесты, оставить ее? Уйти без слов благодарности? Это ли не предательство? И не должно ли оно быть наказанным?!

И — прекратились звонки

"Но ведь это лживость особая, самим человеком почти не осознаваемая, привычная жизнь выдуманными чувствами, уже давно, разумеется, ставшими второй натурой, а все-таки выдуманными".

Иван Бунин. 19 апреля 1919г. "Окаянные дни"

В КОНЦЕ КОНЦОВ родители Наташи поняли: Вера и Фролов знают об исчезновении их дочери гораздо больше того, о чем говорят. Особенно заметно это было по поведению Веры. Она исправно, как ближайшая подруга Натальи, приходила к Фоняковым — утешать и обнадеживать: "Еще найдется ваша дочь". А взгляд у нее при этом был как у экспериментатора, капнувшего соляной кислотой на живую ткань: каков эффект?

Но однажды, не выдержав частых приглашений к следователю и повторяющихся расспросов Наташиной матери, вспылила: "Что я вам, железная?" Исчезла из Воронежа, уехав к отцу в Приморье.

Уехала к родственникам в Мурманск и Оля Соколова, забросив швейные курсы, это случилось после нескольких вызовов в милицию. Валерий уехать не смог, но старался не ночевать дома, где его настигали милицейские повестки.

И — прекратились звонки. Не было потрескивающего молчания в трубке. Угасала надежда.

А весной, когда сошел снег в лесу, неподалеку от станции Синицыно местные жители наткнулись на торчавшие из размякшей земли кроссовки. Захоронение было неглубоким. То, что извлекли оттуда, идентифицировать удалось с трудом. К этому времени из Мурманска приехала Соколова, и внезапно вызванная к следователю, она призналась, что участвовала в "казни предательницы". Вслед за ней признался во всем и Фролов. Организатора казни Прокудину пришлось этапировать в Воронеж из Приморья.

О первом ее допросе Крайкина рассказывает так.

— Ввели ее. Села напротив, слегка откинувшись. Я еще рта не успела раскрыть, а она мне: "Вам на каком языке давать показания — на русском или английском?" Даже в этот момент ее заботило, какое именно она производит впечатление.

— Она действительно хорошо владеет английским?

— Мы изъяли ее дневники, они примерно наполовину писались по-английски. Пришлось заказывать перевод.

— Она признала вину?

— Частично. Да и то не сразу — под давлением улик. И, насколько я поняла, к раскаянию так и не пришла.

— Что было в дневниках?

— Подробное описание ее переживаний по разным поводам. Это пример зацикленности на самой себе. И, как ни странно для такой начитанной особы, там напрочь отсутствовал сколько-нибудь серьезный самоанализ. Сплошное самолюбование!..

Она умерла не сразу...

"Ах, эти сны про смерть! Какое вообще громадное место занимает смерть в нашем и без того крохотном существовании! А про эти годы и говорить нечего: день и ночь живем в оргии смерти. И все во имя "светлаго будущаго", которое будто бы должно родиться именно из этого дьявольского мрака."

Иван Бунин. 12 апреля 1919 г.
"Окаянные дни"

...В КОНЦЕ ОКТЯБРЯ Прокудина позвонила Наталье, убедила встретиться: "Нельзя просто так перечеркнуть прошлое". Та, поколебавшись, бросила шитье, приехала на вокзал. Ходили по платформе. Вера говорила о том, что она, Наталья, "недостаточно крепка духом" и "поддается дурным влияниям". Вдруг сказала: "Смотри, электричка. Помнишь, мы на ней ездили в Синицыно?"

Решили прокатиться. Вошли в вагон. Это была поездка воспоминаний — так Прокудина ее называла, — подводящая итог их дружбы. О том, что в соседнем вагоне едут Фролов с Соколовой, держа на коленях тяжелую спортивную сумку, Наталья, конечно, не догадывалась. На платформе Синицыно сошли. "По этому лесу

мы гуляли, — произнесла Прокудина торжественно. — Пройдемся? Может, последний раз...»

В лесу пахло палой листвой. Позади слышались чьи-то шаги. Наталья оглянулась, увидела Фролова и Соколову. «Смотри, — сказала Вере, — и они здесь». — «Они здесь, — эхом откликнулась Вера, — потому что над тобой будет суд...»

Ее связали. Из сумки извлекли магнитофон. «Сейчас ты услышишь свою любимую музыку», — сказала Прокудина, включая его на полную громкость. Затем появились свечи: «Ты должна умереть при свечах, так я решила». Фролов в это время копал могилу. «Ты предательница, — продолжала Прокудина, вынимая из сумки шприц и какие-то ампулы. — Но мы облегчим тебе смерть.» В ампулах был реланиум — Вера, использовав пустые бланки (выкрала их у своей тетки, работавшей врачом), сама выписала рецепт на это снотворное, сама купила ампулы в аптеке. Готовилась.

Наталье перетянули жгутом руку, ввели реланиум. Она обмякла. Сгущались сумерки. Потрескивали свечи — их пламя колебалось и гасло на ветру. Все это было бы похоже на театральную постановку, если бы Прокудина не достала из сумки нож. Отдав его Фролову, сказала: «Бей». И Фролов ударил, целясь в сердце. Но — промахнулся, только ранив Наталью.

Она умерла не сразу. Просила пощадить. Но ее, развязав, заставили лечь в приготовленную могилу. Она легла — лицом вверх. «Переверни-сь», — приказала Прокудина, чтобы не видеть ее глаз. Та покорно перевернулась, надеясь разжалобить их. «Бей», — снова распорядилась Прокудина, но у Фролова сил на второй удар не осталось. Бросив нож, он отошел. Прокудина велела Ольге взять в руки лопату: «Бей». И та, зажмурившись, ударила.

Прежде чем закопать казненную, Вера пощупала пульс. Убедившись, что Наталья мертва, скомандовала Фролову: «Закапывай».

А не отречься ли от дочери?

«...Вспоминаются и другие замечательные его (Герцена) строки: «Нами человечество протрезвляется, мы его похмелье...» Нет, отрезвление еще далеко».

Иван Бунин. 19 апреля 1919 г. «Окаянные дни»

...И ПОТОМ, КОГДА родители Натальи метались по городу в поисках дочери, Прокудина придумала эти, терзающие душу, телефонные звонки.

Звонил все тот же Фролов. Набрав номер, молчал, слыша, как заходится в крике мать убитой. А встретившись с ней, рассказывал то, что велела Вера: будто видел, как Наталья садилась в черную «Волгу».

Когда следствие подошло к концу и близился суд, отец Веры пришел к следователю Крайкиной советоваться: раз уж все эти жуткие факты подтверждаются, то не отречься ли ему публично от дочери? Ведь она опозорила славную семью...

Следователь Крайкина:

— ...Прокудин не понял, что он сам и вся его славная семья вырастила это чудовище.

— Грешил на "улицу"?

— Похоже, совершенно не отдавал себе отчета в том, как это случилось. Для него, человека военного, авторитарная система отношений — норма. Для ребенка — гибель. Потому что ребенок усваивает: прав тот, у кого власть. И становится или безгласным рабом, или безудержным властолюбцем.

— Я знаю семью военных, где в отношениях нет и следа авторитарности. Наоборот — терпимость, уважение к другому мнению.

— Авторитарность — черта не всегда профессиональная. Дело в том, что у нас этот характер отношений был преобладающим. Не только в семьях, везде. Вспомните: мы все зависели от вышестоящего мнения. Или — настроения. Или — каприза. Мы пропитаны духом авторитарности — до сих пор. Думаете, легко освободиться, например, от традиции всеобщего единомыслия?..

— Действуют лозунги нашего пролетарского писателя: "Кто не с нами, тот против нас". И — "если враг не сдается, его уничтожают."

— Эти лозунги не умерли. Они живут в наших отношениях. В нашей нетерпимости друг к другу. Обратите внимание на то, как мы спорим... Тут такая особенность: то, что в среде взрослых проявляется в "стертых формах", молодежь гипертрофирует. Ее нетерпимость почти всегда принимает форму крайней жестокости. И еще: власть над другим человеком — это же самый эффективный способ самоутверждения. Это соблазн!.. Один из самых опасных...

Говорила она хорошо...

"Когда совсем падаешь духом от полной безнадежности, ловишь себя на сокровенной мечте, что все-таки настанет же когда-нибудь день отмщения и общаго, всечеловеческаго проклятия теперешним дням ... Да, но во что можно верить теперь, когда раскрылась такая несказанно страшная правда о человеке?"

Иван Бунин. Ночь на 24 апреля 1919 г. "Окаянные дни"

СУД ПРОШЕЛ буднично. Подсудимые старались преуменьшить свою вину. Прокудина, например, утверждала, что задумана была лишь инсценировка казни, но Фонякова будто бы вырвала из рук Фролова нож, кинулась на всех троих, угрожая им. И они нанесли ей смертельные удары — в порядке самообороны.

Говорила она хорошо. Голос был звонким. Интонации напористые. ■

Ничто не вечно под Луною

Галина КАЛИНИНА

Как "оседлать волну" ритмов жизни?
Может ли Луна "взбеситься"?
Что показывают "космические часы"?

А почему, собственно, "ничто не вечно" именно под Луной? А под Солнцем — вечно? Порой мне в голову приходит мысль, что у нас просто какой-то культ Луны, честное слово! Вздохи "на скамейке под Луной", мерцающая лунная дорожка на воде (я уж не говорю про "П-а-адари-и-и-и мне лунный камень...") — непременные атрибуты романтики, любовных страданий и высокопарных виршей графоманов.

Но и собака у нас воет обязательно на ни в чем неповинный серебристый серпик на небе. Причем, заметьте, ведь к покойнику воет. Но почему-то тоже на Луну. А собаке-то, между прочим, "виднее" на что выть — звери куда более чутки к природе, чем мы... Да и шабаш ведьм по поверью "привязан" как раз к майскому полнолунию. Вот и знаменитый итальянский психолог Антонио Менегетти в "Словаре образов" (это, попросту говоря, "сонник" для психотерапевтов) пишет: поскольку Луна — "безжизненная планета, не источающая

собственный свет, а отражающая чужой", то она всегда является "негативным символом статического прошлого, влияющего на ход настоящего". Словом, если вам приснилась лунная ночь, то это отнюдь не предвестие романтической любви, а, быть может, как раз наоборот. И, кстати говоря, если вы повесили над своей кроватью картину с изображением того самого "негативного символа статического прошлого", то психологу это может много рассказать о ваших проблемах. Так что не все так однозначно со вздохами и ахами "под Луной"...

Космические часы

Сегодня даже закоренелые консерваторы сверяют посадки картошки на даче с лунным календарем. А ведь "с оглядкой на Луну" можно стричь волосы и соблюдать диету, планировать отпуска и командировки, пить таблетки и... водку, стирать вещи и даже мыть оконные стекла... Рекомендаций на этот счет сегодня не счесть. Но кому верить? И верить ли вообще?

Известный российский астролог Феликс Велично до некоторого времени был на этот счет убежденным скептиком. Выпускник химфака МГУ, доктор химических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР — он многие годы пребывал в уверенности, что звезды никак не могут влиять на нашу судьбу: неизвестен науке такой механизм. Феликс Казимирович признался мне, что ему казалось странным и нелепым то, что Кеплер, Эйнштейн тратили на эту чепуху столько времени и даже утверждали, что звезды им как-то помогают. Чушь!

Однажды один из популярных журналов попросил Велично написать статью "против астрологии". Феликс Казимирович повел себя как настоящий ученый и истинный скептик: "Для того, чтобы сделать основательное заключение, надо как следует изучить то, что ты хочешь опровергнуть". И он начал изучать астрологию по французским книжкам, которые удалось достать, для того, чтобы доказать, что все это — чепуха. Вникнув в суть, ученый "еще раз уверился, что астрология должна быть совершенной чепухой, но все же решил подтвердить это еще и экспериментально". Однако гороскопы, сделанные Велично на нескольких знакомых, удивительным образом... совпали с жизнью этих людей в таких деталях, которые случайностью быть не могли. Тогда у ученого и появился настоящий интерес к астрологии.

Феликс Велично — академик РАЕН, доктор астрологии — сравнивает небо с огромными космическими часами, которые показывают, как развиваются ритмы нашей жизни — ушел наш поезд или еще можно успеть на подножку последнего вагона. "Если уметь считывать показания этих часов, — рассуждает Феликс Казимирович, — то можно заранее просчитать наши длинные ритмы и заранее что-то предпринять: если сейчас подсуетиться, то можно чего-то добиться. А вот если сейчас тебе не везет — так и сиди тихо, не психуй, жди, когда пойдет вверх твоя кривая, и вот тогда ты быстро выберешься на поверхность".

Подозреваю, что астрологи нередко "успевают на свой поезд" именно по подсказке звезд, только немногие об этом рассказывают. Но Велично рассказал мне о таком случае. "Я совершенно четко ви-

дел, что если не подам на Госпремию в данном году, то не получу ее уже никогда. Более того, я видел, что если одновременно со мной на Госпремию подаст еще один человек, которого я знал, —получит ее он. Но он астрологии не знал и документы тогда не подал, а я своего шанса не упустил. Мы часто проходим мимо таких возможностей, даже не подозревая об их существовании".

Государственную премию Величко получил, как он коротко объясняет, "за циклические реакции в органической химии, а это очень близко к движениям планет". Вот об этих "циклических процессах" в природе и пойдет речь. Вообще-то мы в последнее время, кажется, уже перестали называть человека "царем природы", "покорять" ее, бедняжку, хотя многие все еще полагают, что от нее "не надо ждать милостей". Но почему? Я-то как раз о другом — о милостях природы, которые мы почему-то не хотим брать, в которые не верим и от которых упрямо отворачиваемся. Вот уж, действительно, как с Луны свалились!

Время ли разбрасывать камни?..

Многие замечают ритмичность некоторых событий своей жизни. Один каждые три года меняет работу, другой через каждые семь лет разводится, третий каждые полгода болеет... Проблема в том, чтобы поймать — осознать! — ритм своей жизни сейчас, сегодня, а не тогда, когда уже выгнали с работы, из дома или положили в больницу. Тогда будет уже поздно чесать затылок: "Оказывается, надо было не пришпоривать, а придерживать коней...". Но как догадаться, как узнать, куда сегодня "выведет кривая" — надо рваться вперед, подгоняя гнедых, или лучше, повинуясь ритму мироздания, "затихариться"? Для начала полезно посмотреть... на небо. На Луну.

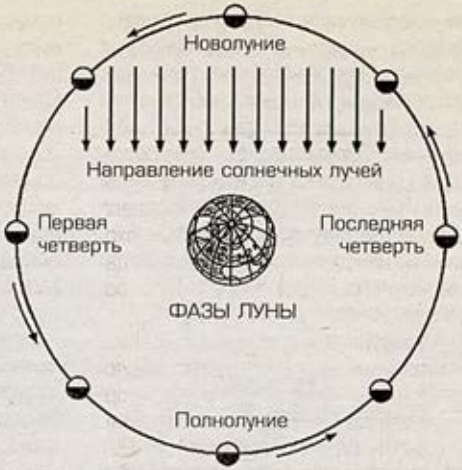
Ага, подумает проницательный читатель, сейчас начнется про приливы и отливы — да знаем мы все про них, знаем! Я тоже наблюдала их на море много раз. Однако только недавно до меня *дошло*. Я бездумно брела босиком по песчаному берегу, любуясь мохнатыми валунами, обнаженными отливом, и подкидывала ногой в воду прозрачных медуз. А в голове почему-то крутились давние строки Андрея Вознесенского: "В человеческом организме 90 процентов воды, как, наверное, в Паганини 90 процентов любви..." Если даже море — непокорная силища — безропотно подчинилось серебристому пятнышку на небе и обнажило свои берега, если уж океаны "оглядываются" на Луну, подчиняясь заданному ею ритму жизни, то что же тогда происходит со мной, с моим организмом? Все-таки "90 процентов воды..." Не может быть, чтобы организм человека игнорировал ритмы природы, которым подвластно даже море.

Так как же влияет на человека Луна?

Величко объяснил мне простую вещь. Оказывается, цикл смены лунных фаз очень точно повторяет цикл смены времен года. То есть в среднем за 29 с половиной дней (от новолуния до следующего новолуния) наш организм в ускоренном темпе переживает четыре времени года. Новолуние — начало этого цикла, пик "зимы", а полнолуние — макушка "лета". Получается, седьмой, восьмой день после новолу-

ния — первая четверть цикла — это "межсезонье", переход от "весны" к "лету". Значит, последняя четверть лунного цикла — за семь, восемь дней до новолуния — поворот от "осени" к "зимней спячке".

Весной в растениях все соки приходят в движение, поднимаются вверх, но, оказывается, то же самое происходит в них после новолуния до полнолуния. Этот ритм легко переносится на нашу жизнь: короткий промежуток времени между новолунием и полнолунием — наши "весна" и "лето", расцвет нашей жизненной активности, а потом наступают "осень" и "зима". Соответственно и вести себя полезно с учетом "сезона". То есть весна, например — время посева, время "разбрасывать камни", если обратиться к библейской терминологии...

— Образно говоря, "весной" мы что-то сеем своими поступками, — размышляет Феликс Величко, — к полнолунию зреют плоды нашей деятельности, а после, на стареющей Луне, мы убираем урожай — пожинаем плоды того, что было посеяно и выращено на растущей.

Именно в этот ритм и предлагает вписываться астролог: самые важные дела полезно планировать на период растущей Луны, а затем, на убывающей, подтягивать тылы, приводить в порядок документацию, обобщать материалы, то есть пожинать плоды. Мне очень нравится сравнение звездного неба с гигантскими часами, а Луны — со стрелками этих часов. Мне по душе этот образ, потому что он освобождает от необходимости выяснять: так влияют все-таки на нас звезды или нет?! В самом деле, "влияют" ли на нас часы? Вы ложитесь спать, потому что они показывают полночь или потому что глаза слипаются? Можно, конечно, шарахнув пару чашек кофе, сесть за письменный стол, но чего это будет стоить? Конечно, замечает Величко, можно и на убывающей Луне "броситься в бой", начать новое дело и чего-то достичь, но это будет пиррова победа: мы потратим много сил, но результат, хоть и положительный, окажется ничтожно маленьким. А через некоторое время, на растущей Луне, "весной", нам может не хватить сил на самом важном участке, когда надо бы поднажать, чтобы резко подняться. Я даже слышала мнение, что все дела, которые были начаты на стареющей Луне, особенно в последнюю, четвертую, фазу лунного цикла — "гнилые" дела с плохой перспективой, на них вечно не будет хватать ни сил, ни времени. Конечно, учет лунного ритма — не панацея от всех бед, хотя, конечно, приятно свалить ответственность

за собственные неудачи на кого-то другого — пусть даже на небесное светило. Одна моя приятельница, устраиваясь на новую работу едва ли не каждые полгода, часто звонит мне: "Посмотри, сегодня растущая Луна? Я иду писать заявление о приеме на работу". Однако, несмотря ни на какие лунные ритмы, вскоре выясняется, что очередное новое дело Нинни — "гнилое". Тут можно сказать только одно: "На Бога надейся..."

Охота к перемене мест

А что значит "растущая" и "стареющая" Луна? Помнится, бабушка растущую называла "м*о*лодезь" — молодой месяц, а мне было непонятно, как она определяет, что Луна "стареет" (ведь в обоих случаях на небе висит серебристый серп). Теперь я знаю, что непосредственно в момент новолуния она находится с той же стороны, где и Солнце, на одной линии между ним и Землей, а потому не видна (солнечные Лучи освещают ее с противоположной стороны). В деревнях нередко такую Луну называют "мертвой". А на следующую ночь на небе появится робкий серпик. Если к нему мысленно подставить вертикальную палочку, то получится буква "Р". Затем он начнет медленно округляться, и постепенно превратится в яркий диск: Солнце и Луна окажутся напротив друг друга — с разных сторон Земли, в противоположных точках — наступит полнолуние, макушка "лета". Теперь Луна начинает двигаться к концу "года", к "зиме" — она "убывает", "стареет", яркий диск на небе становится "ущербным". Теперь Луна напоминает букву "С". (К слову, помните ли вы, какое время лунного цикла изображено на знаменитой картине Куинджи "Ночь на Днепре", знакомой каждому из нас с детства?)

Как же все это учесть, если одолела, например, охота к перемене мест? Как вписываться в лунный ритм, планируя отпуск или деловую поездку, командировку? (Я взяла этот пример, потому что дальняя поездка — некий "кусок жизни", четко вымеренный, с очерченным началом и завершением, в отличие от большинства наших "житейских" дел, явное начало которых и припомнить-то порой сложно.)

Наверное, вам теперь понятен будет совет Велично не начинать поездку в новолуние или полнолуние. В первом случае — пик "зимы" — наши силы на исходе, биоритмы на самом низком уровне. Многие, наверное, замечали, что в новолуние люди больше склонны к рассеянности, часто вялы, невнимательны. Но не стоит отправляться в путь и непосредственно в день полнолуния. Да, с одной стороны, мы полны сил, энтузиазма, но, с другой — у нас притупляется чувство опасности и мы ни в чем не знаем меры. Я нередко обращала внимание на то, что в такие дни легче нарваться на грубость в магазине, в транспорте нередко случаются скандалы, люди чаще ссорятся, склонны решать проблемы силой — ломать ситуацию "через колено". Интересно, что Велично говорит еще о двух днях, в которые не стоит "пановать чемоданы". Это дни первой и последней четверти лунного цикла — "межсезонье". Оказывается то, что происходит с нашим организмом в такие моменты, очень напоминает "сезонные"

перестройки, когда мы чуть-чуть не в тонусе.

Получается, в деловую поездку удачнее всего отправляться сразу же после новолуния, чтобы захватить "весну" и "лето", и тогда в командировке будет легче справиться с делами, мы сможем сделать больше обычного. А что же сулит нам поездка на убывающей Луне — "осенью" и "зимой"? Даже если мы полны сил и не чувствуем разницы между растущей и стареющей Луной, то люди, с которыми предстоит общаться, как утверждает Велично, будут склонны "отфутболивать" нас.

Отдыхать, понятное дело, лучше на стареющей Луне. В этот период человек легче расслабляется, быстрее забывает о делах, работе — "отключается" от нее (если, конечно, благоразумно оставляет мобильный телефон дома).

Интересно, а помимо Луны какая-нибудь планета "заведует" дорогами?

— "Заведует", и не одна, — рассмеялся Феликс Казимирович. — Луна пробуждает в нас тягу к путешествиям, а всевозможные приключения в пути создает Уран. Перемещением с места на место управляет Меркурий.

Когда Луна проходит знак Близнецов, человек без особых размышлений снимается с насиженного места, становится особенно легким на подъем.

Так вот, оказывается, как можно уговорить кого-то отправиться жарким летом куда-нибудь за Полярный круг: достаточно дождаться момента, когда Луна окажется в Близнецах! Не зря же, в конце концов, в большинстве календарей, даже не астрологических, теперь есть информация о прохождении Луны по знакам зодиака (в каждом из них она задерживается на два, два с половиной дня). Когда Луна проходит по знаку Скорпиона, астрологи называют ее "бешеной" или "черной". Вот почему по поверью ведьмы выбирали для своих шабашей время именно майского полнолуния. Дело в том, что чаще всего во время полнолуния в мае Луна находится как раз в знаке Скорпиона. В такие дни мы "заводимся с пол-оборота". И начинать дальнюю поездку в этот день, наверное, не слишком благоразумно. В одной из газет, публикующих астрологические прогнозы, я как-то удивилась совету для представителей всех знаков зодиака — "не увлекаться сегодня сексом, а еще лучше — воздержаться от него". "Подоплека" этого совета стала ясна, когда я взглянула на астрологический календарь: Луна в тот день находилась как раз в знаке Скорпиона. Интересно, а что же за сюрпризы в пути преподносит Уран? Велично на этот вопрос ответил так:

— Он создает кратковременные — благоприятные и неблагоприятные — ситуации, требующие от нас мгновенного реагирования. Проехали плохой момент — и слава Богу, но очень жалко, если пропустили удачный. Надо всегда дорожить полосой везения: когда легко удаются два дела подряд, обязательно беритесь за третье. Оно тоже получится. Не расслабляйтесь в этот день, работайте, сколько сможете. А уж если два раза подряд не повезло — остановитесь, передохните, перейдите к рутинной работе...

По сути, мы каждый день стоим на развилке дорог. И как-то грустно думать, что, быть может, все уже давно предопределено звездами...

На это мое предположение Величко возразил:

— У человека всегда есть возможность свернуть с "чужой колеи". Но каждому присуща своя тенденция поведения. Вот вы, я вижу, пишете правой рукой, значит, блуждая по лесу, вы все время будете сворачивать вправо, а левша — влево. Так и на жизненных дорогах мы выбираем то, что нам привычнее. Гороскоп показывает наиболее вероятное направление движения. Но можно выбрать и другой путь. Впрочем, есть люди, которые не способны куда-нибудь свернуть.

На мой недоуменный вопрос, чем предопределена эта фатальность, Феликс Казимирович ответил неожиданно:

— Прежде всего... удачей. Именно чрезвычайно везучим людям трудно, почти невозможно сойти с однажды протоптанной тропинки.

Меня поразила мысль Величко, что роковым может оказаться... везение. Он поправил меня:

— Роковым может стать то, что человек не встречает ухабов на дороге, а потому не умеет идти по бездорожью. Это случается, когда у кого-то очень благополучный гороскоп. Гораздо больше возможностей в жизни у того, кто прокладывает свой путь через буреломы, сталкивается с внезапными поворотами, развилками. У такого человека больше шансов поменять что-то в своей жизни, чем у того, кому светофор светит только зеленым огоньком... Получается, ухабистая дорога как бы... полезней. У всех выдающихся людей обязательно есть знак ухабов в гороскопе — треугольник, означающий: хочешь жить — умей вертеться.

Вот куда нас завел разговор о том, что в поездке — как и в любом деле! — полезно следовать законам природы, не тратить силы на борьбу с "волной", а, подобно опытному пловцу, использовать ее, чтобы плыть в нужном направлении.

Дышите глубже — вы взволнованы

Помимо сравнения цикла смены лунных фаз со сменой времен года, есть еще один выразительный образ, который помогает лучше понять логику астрологов, советующих что-то делать (или не делать) в определенные дни.

В новолуние Луна находится с той же стороны Земли, где и Солнце, на одной линии с ним. Эта "сладкая парочка" — ночная красавица и дневное светило — как бы тянут Землю в одну сторону. В результате начинаются приливы. Мало того, оказывается, примерно на полметра вытягивается даже твердая оболочка Земли. И одновременно с водами морей и океанов вверх устремляются и воды внутри нашего организма. Говорят, что люди в этот период чувствуют необыкновенную легкость — мы готовы оторваться от земли, взлететь (неслучайно в новолуние непросто сохранить и душевное равновесие, сосредоточиться). Согласитесь, все это очень напоминает... вдох. В самом деле Земля, моря и океаны, живые организмы как бы слегка раздуваются, наполняясь энергией. Когда серп на небе увеличивается, это даже внешне напоминает вдох.

А в полнолуние наша "сладкая парочка" тянет Землю в разные стороны — Солнце и Луна находятся на одной линии, но с противопо-

ложных сторон Земли. И Земля, повинуясь этому растягиванию, как будто облегченно выдыхает. Теперь нас уже не тянет вверх, напротив, в нашем организме все жидкости устремляются в стороны, к поверхности тела.

Итак, "весной", когда серебристая ночная красавица после новолуния начинает удаляться от Солнца, эта парочка как будто растягивает Землю, а когда после полнолуния наша героиня и Солнце двигаются навстречу друг другу, они как будто сжимают нас. Получается, Солнце и Луна ритмично сжимают и растягивают Землю (моря и океаны, нас с вами...), и каждые 29 с половиной дней этот процесс повторяется. Сжатие и растяжение тоже очень похожи на... вдох и выдох.

Вдох — это накопление сил, принятие энергии, расширение; выдох — трата полученных сил, отдача, сужение.

Многие, наверное, обращали внимание на то, что одни и те же любимые таблетки иногда вдруг "дают осечку", а иногда и полтаблетки достаточно, чтобы унять, например, головную боль. Порой кажется, что даже одно пирожное отражается на фигуре, а в другие дни и после сытной трапезы чувствуешь, что "не в коня корм". В чем же дело? Теперь вы знаете, что в новолуние начинается "вдох" — наш организм склонен "принимать", "расширяться", "усваивать", неважно что — энергию, пищу, дурные привычки... Все, что вводится лунной "весной" в организм, имеет двойное воздействие. Значит, если вы хотите поправиться, пирожные и торты надо уплетать именно в это время. Понятно, что и любые лекарства в этот период будут "приняты", а значит подействуют с большей эффективностью, чем на убывающей Луне.

Иное дело полнолуние. "Выдох". Организм настроен не на принятие, а на отдачу и, значит, например, остановить кровь после операции будет сложнее. Все раны в этот период кровоточат сильнее, чем в новолуние или сразу после него. (К слову сказать, сейчас даже забавно вспоминать, что еще каких-нибудь десять лет назад эта информация была почти... засекречена. По крайней мере, когда я начала публиковать подобные медицинские советы астролога в газете, меня остановили, "чтобы не пугать народ". Мол, а что если врач назначил вам плановую операцию как раз на полнолуние? "Врачу виднее!") Коль уж речь зашла об операциях, нельзя не провести аналогию с природой: опытные садоводы утверждают, что обрезанные в полнолуние деревья могут погибнуть. Несколько лет назад около моего дома обрезали огромные тополя около новостройки. Два дерева — в пятницу, а остальные — в понедельник. Так вот тополя, обрезанные в пятницу, засохли, хотя ветви у них и были срезаны значительно выше, чем у остальных. Заглянув в лунный календарь, я обнаружила, что как раз в ту пятницу было полнолуние — видимо, вместе с ветками деревья отдали все силы, всю энергию жизни "выдохнули".

Коль уж природа на стареющей Луне "выдыхает", "отдает", значит в это время легче постирать белье (логично предполо-

жить, что оно легче "отдаст" грязь, правда?), почистить стекла, вывести застарелые пятна, которые не поддавались пятновыводителю в новолуние. В это время можно обнаружить, что пылесос, который две недели назад плохо тянул пыль, вдруг "исправился". Просто ковер легче "отдает" пыль, "выдыхает" ее. Наверное, и лишнее пирожное, съеденное на убывающей Луне, во время "выдоха", не отразится так уж сильно на фигуре — это как раз то время, когда "не в коня корм". Именно в эти дни легче избавиться от сорняков на огороде или нежелательных волос на теле. Если необходим массаж для удаления шлаков, например, то понятно, что делать его надо во время "выдоха" — на убывающей Луне, "осенью". А вот массаж, во время которого в тело втираются какие-то масла, кремы, лекарства, чтобы напитать кожу лица, например, будет полезен на растущей Луне — во время "вдоха" природы. Между прочим, одна моя коллега вспомнила, что ее бабушка-знахарка в детстве всегда заговаривала детишкам бородавки на руках обязательно на полнолуние, чтобы они быстрее отвалились.

...Когда я рассказываю обо всем этом знакомым, то чаще всего слышу, что, мол, столько лет без этого как-то жили и... ничего. "Вот именно "ничего", — горячусь я... Мне очень нравится широко известный эксперимент, который часто упоминается в книгах по модному нынче нейро-лингвистическому программированию.

Группу студентов-биологов, которые много экспериментировали с крысами, спросили: "В чем реальная разница между человеком и крысой?" Студенты, как будущие истинные ученые, для ответа на этот вопрос решили провести... эксперимент. Был построен огромный лабиринт, рассчитанный на людей. Затем контрольную группу крыс научили бегать по маленькому лабиринту, естественно, за сыром. А людей научили бегать по большому лабиринту, естественно, за пятидолларовыми купюрами. Говорят, на этом этапе никаких особенных различий в поведении крыс и людей обнаружено не было. Потом сыр и доллары убрали из лабиринтов. После нескольких попыток как и прежде найти там сыр крысы перестали бегать по лабиринту. А люди не перестали! Они продолжали искать деньги там же, тем же способом и в то же время.

По-моему, эта история уже превращается в анекдот, хотя основоположники НЛП в своих книжках приводят и название университета, и фамилию знаменитого научного руководителя эксперимента. Но, в конце концов, дело не в этом. Главное, человек действительно с трудом отказывается от старых представлений, привычных методов добывания денежных купюр, привычного распорядка жизни. И в самом деле кажется: если когда-то в конце этого лабиринта ждала удача, то она ждет нас всегда — на том же месте в тот же час. И сменить место или время ее поисков — страшно.

Посмотрите на небо. Еще недавно там висел веселенький такой, серебристый серпик, а сегодня — болтается огромное сверкающее блюдце. И там, где лежал сыр, сегодня его тоже может не оказаться. ■

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Обращаем ваше внимание на то, что и в первом полугодии 2002-го года купить "Смену" в розницу будет почти невозможно — основной тираж журнала традиционно распространяется по подписке. Если вы не хотите расстаться со своим любимым изданием, советуем продлить подписку.

Цена за один номер журнала — 36 руб., за три — 108 руб., полугодовая подписка — 216 рублей (по каталогу «Роспечати» без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Подписной индекс — 70820.

Оформить подписку на "Смену" можно и непосредственно в редакции. Цена одного номера 35 рублей, такая подписка дешевле, чем в почтовом отделении, поскольку вы будете приезжать за журналом в редакцию.

Ветеранам войны и труда при подписке в редакции (по предъявлении удостоверения) мы делаем скидку. Для них цена одного номера — 30 рублей.

Если вы не можете забирать журнал ежемесячно — ничего страшного, — ваша "Смена" будет ждать, сколько понадобится, и вам не придется волноваться, что журнал пропадет из почтового ящика. Кстати, наши постоянные читатели из других областей, стран СНГ и даже дальнего зарубежья, оказываясь в Москве, заходят к нам, чтобы купить журналы. Позвоните, и мы соберем для вас комплект "Смены". А если вы не бываете в столице, мы можем выслать любой номер или комплект журналов после того, как вы оплатите стоимость и доставку. Напишите в редакцию, мы сообщим вам банковские реквизиты.

Телефоны для справок: 212-15-07, 212-15-17.
Наш адрес: Бумажный проезд, 14, Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

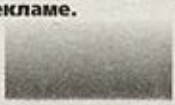
Звоните, пишите, приезжайте — мы всегда рады вам.

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

вниманию рекламодателей!

Информация о размещении рекламы в журнале "Смена" по телефонам
257-30-55, 257-31-37
257-39-45.

Приглашаем к сотрудничеству региональные рекламные агентства и менеджеров по рекламе.

Леонид ШАРОВ

МОЙ ДРУГ МАФИОЗИ

Его застрелили в солнечный, жаркий день. Он по обыкновению приехал на серебристом "Линкольне" к своему казино. Как всегда, с трудом выкарабкался из узкой для его огромного тела машины, вышел... Телохранители стояли рядом. Да только ничем они ему не помогли. Откуда-то из-за угла показался невзрачный молодой человек, поднял руку. Потом свидетели, а их нашлось немало, говорили, что вроде как оцепенение сжало всех, кто присутствовал при этой сцене, и будто даже время остановилось. Наконец все услышали выстрел. Пуля попала в голову. И не было у моего друга ни малейшего шанса выжить...

На следующий день в одной из московских газет на первой полосе поместили фотографию: залитая солнцем площадь, и он, прикрытый уже пропитанной кровью простыней. Вокруг никого. Пустыня. Под снимком подпись: в Москве убит владелец одного из известных казино, подозреваемый в связях с еще более известными столичными криминалами. Одного из этих криминалов, ставшим через несколько лет одиозной личностью, поначалу пытались обвинить в этом убийстве. И даже арестовали. Ничего из этого, конечно, не вышло.

И все-таки я не назову его настоящего имени. Во-первых, об этом меня просил его младший брат, с которым мы время от времени перезваниваемся. Во-вторых, осталась у моего покойного друга вдова и трое детей. И хоть всякий, кто когда-либо соприкасался с этим человеком, тотчас узнает его, да, верно, уже и узнал, не стоит вот так впрямую тревожить их души. А заодно и его душу тоже.

В газетах его иной раз называли мафиози. И ведь не найти мужика, который бы так был похож на сей расхожий образ. Был Виталий огромен, хотя и не высок, могуч, неподвижен лицом, чаще всего тих и хрипл голосом, властен скупыми жестами, одет в дорогущий, безразмерный пиджак и расползающуюся на безграничной груди рубашку, одинаково и обильно заляпанные жирными пятнами. К тому же он владел казино... Деваться некуда — мафиози!

Но я знал другого Виталия. И я понял, почему он стал мафиози. Он взял реванш за прошлую свою жизнь. И не только свою.

В знакомстве нашем не было ничего необычного. Я пришел к директорше одного из столичных домов для детей с отставанием в умственном развитии. Она сказала мне: "Ты сейчас увидишь человека и поймешь, что ты в сравнении с ним сущая тростинка". Надо сказать, что меня всю жизнь донимает полнота. Ну, не то чтобы донимает, но в общении с большинством людей я чувствую, что меня сугубо в физическом смысле чересчур много. Директорша оказалась права. В кабинете сидел, заполняя собой почти весь немалый диван, этакий эскиз к портрету Гаргантюа.

За чаем Виталий рассказал, что через несколько дней открывает в Москве казино и собирается частью вырученных от игорного бизнеса денег помочь детским домам. Вот он и пришел к директорше, дабы решить вопрос о создании некоей общественной организации, которая бы и взяла на себя хлопоты по оказанию этой помощи. Я заставил себя не удивиться столь экзотическому соединению разнузданного азарта и благотворительности. А через некоторое время, когда сошелся с Виталием поближе, понял, что он был абсолютно искренним — в этот чрезвычайно подозрительный симбиоз он привнес свою логику. Ибо он был игроком, вышедшим из детского дома.

О своем детстве и вообще прошлой жизни Виталий мне рассказал крайне мало. Почти ничего. Кое-что я почерпнул из вырвавшихся у него по случаю реплик. Кое о чем "проговорилась" директорша детского дома... Не та, что нас познакомила, а та, под началом которой находилось заведение, где несколько лет воспитывался Виталий. И которую он частенько привечал в своем офисе. Несмотря на свою очевидную мафиозность, он к тому же снимал у нее в интернате пару непрезентабельных комнатенок — там и жил с женой и двумя детьми. Третий ребенок — девочка — родилась у него незадолго до смерти. Общепринятым ныне европейским комфортом в этой обители и не пахло. Я у него там побывал. Убогость обстановки самым что ни на есть вопиющим образом контрастировала с поданным к облезлым дверям детдома новеньким "Вольво" ("Линкольн" появился позже), за которым всегда пристраивался еще однин "Вольво" — не такой новый. В четырехкомнатные апартаменты Виталий переехал только через год...

У матери их было пятеро. Три брата, две сестры. Виталий старший. Мать была точно. Об отце ничего не известно. Но, скорее, об отцах. Уж больно непохож был Виталий на своего брата — на того, с кем я перезваниваюсь. Они вообще являли собой полную противоположность друг другу... А жили они на Трубной. Как жили и чем — не знаю. Но случилось так, что Виталий, к тому времени давно уже не младенец, попал в детский дом. Почему — опять-таки не знаю. То ли по невыносимой бедности, то ли мать его лишили родительских прав. Но теплых и вообще каких-либо слов о родителях я от Виталия не слышал. В детском доме он провел несколько лет. Там и встретил свое совершеннолетие. Мало того, он и позже жил в родной, так

сказать, богадельне. Там же некоторое время и работал — воспитателем.

От брата я узнал, что Виталий поступил в цирковое училище. И специализировался там на силового жонглера — то есть должен был подбрасывать и ловить многопудовые гири. Сила в нем была страшная. Брату запомнился случай, когда Виталий держал на вытянутой руке балерину, а она танцевала на его ладони. В циркачи, однако, не вышел. Что-то случилось с позвоночником.

Сам же Виталий об этих своих цирковых подвигах не рассказывал. Но пару раз обмолвился, что довольно долгое время служил концертным администратором, то есть, собирал группу разношерстных артистов и возил ее на гастроли. А потом сел на восемь лет. За мошенничество.

Кое-что об этой истории он мне поведал. По его словам выходило, что он у кого-то занял приличную сумму. От долга своего не отказывался, но в его "деяниях" был усмотрен криминал. И как он ни бился на суде, доказать ему свою невиновность не удалось. При этом последними словами ругал судьиху, не пожелавшую принять во внимание ни один из его аргументов. Как оно там было в действительности, теперь уже не выяснишь, да и ни к чему это. Откровенно говоря, я до сих пор не могу представить Виталия на скамье подсудимых. Прокурором — могу. Судьей — могу. Но чтобы он позволил кому-то себя в чем-то обвинить... Да еще послушно выслушал приговор... И чтобы потом его вели с покорно заложенными за спину руками... Не руками даже — ручищами. И какая камера понадобилась, чтобы он смог в нее протиснуться. И как он громоздился в автозак. Как он мотал срок, с кем и где, Виталий никогда ничего не говорил. Ни слова! Да и я как-то сразу понял, что лучше его об этом не спрашивать и на тему эту не наталкивать.

Могу предположить, что освободился он в середине 80-х или поближе к их окончанию. Было также очевидно, что московскую прописку он потерял — иначе к чему бы ему ютиться в детском интернате. Поговаривали, что начальный капитал свой он сколотил в кооперативе, выпекавшим какие-то пирожки для продажи на столичных рынках.

Но как он из кооператоров стал владельцем казино, заведения изначально бешено доходного? Этого вопроса я ему задать тоже не осмелился. Впрочем, и так было понятно, что ходил он под бандитами. Понятно было, что изрядная доля в его казино принадлежала им. Они же обеспечивали безопасность. Для этого было достаточно, чтобы все знали, кто, как принято нынче говорить, "крышует" казино. И не было в России силы, способной посягнуть на эту крышу.

Поначалу я загорелся возможностью попасть в настоящее казино. Боже сохрани — играть я не собирался. Никогда не был я азартным человеком. И уж никак не мог понять игроков, ставящих на кон последнее. На деньги я играл только в преферанс. По копейке за вист. Больше пятерки проиграть было трудно. Впрочем, мне и рисковать-то было нечем, захоти я угнездиться за игорным столом. Тогда только что отгремела гайдаровская реформа, ввергнувшая почти все население в нищету. Так что ру-

ководствовался я сугубо журналистским интересом — понаблюдать, поговорить с людьми... Я попросил Виталия пустить меня в заведение. Он разрешил без промедления.

В какую-то секунду между нами пробежала искра. Мы поняли, что мы из одного детства. Нет, я не голодал, как, наверно, голодал Виталий, братья его и сестры. Но в моем дворе жили вечно голодные пацаны, которые зимой ходили в школу без пальто — не было у них никакой другой одежки, кроме школьной хлопчатобумажной формы. И бывало так, что я приводил своих дворовых корешей домой, и моя бабушка кормила их картофельным супом и покупными котлетами. И учила меня ни в коем случае не выказывать перед ними свое относительное благополучие. У меня был выживший в войну отец. Да к тому еще и не пьющий. Пекущийся о семейном достатке. Отец сам собирал телевизоры — труднодоступную в те времена роскошь. Моя семья могла позволить себе купить стареньное, разбитое пианино. У меня была закончившая гимназию с золотой медалью тетка, которая образовывала меня куда лучше и куда верней, нежели школа. Нет, пацаны меня в этом благополучии не винили, но стоящую между нами стену, пусть и фанерную, в щелях и дырках, готовую всякую минуту рухнуть, ощущали. Я жил другой жизнью. И ждала меня в общем-то тоже другая жизнь.

Виталий никогда не спрашивал меня о моем детстве. Но все сразу и окончательно про меня понял, а детали, подробности его никогда не интересовали. Он разрешил мне не только приходить в казино, но и позволил мне сойтись с ним. Подружиться... Наверно, это выглядело, как встреча после многолетней разлуки двух друзей детства. Жизни они прожили абсолютно разные. Общих интересов почти никаких. Говорить тоже особо не о чем. Одна только ностальгия по прошедшему. Но и ее может оказаться достаточно. Впрочем, сдается мне, что было кое-что посильнее ностальгии. Разглядев во мне человека из своего детства, Виталий вознамерился продемонстрировать мне себя — нынешнего, богатого, удачливого, много могущего: "Я добился, я достиг, я выбился из грязи в князи!" Ему нужен был свидетель его победы. Но такой свидетель, который бы понимал самый главный ее смысл.

Жизнь казино, что явная, что тайная, оказалась не слишком волнующей. На мой взгляд, даже скучной. Люди, что кучковались около рулеточных столов, были на одно лицо. Прекрасных черт в нем не усматривалось. Временами в нем возникал звериный оскал. Временами страх оставлял на нем свои отметины. Чаще всего это было лицо сноба, для которого игра была способом самоутверждения и приобщения к чему-то ранее не доступному. Эти люди в основном покорно давали себя обыгрывать. Редко какую ночь казино заканчивало в минусе.

Иногда в толпе возникали не слишком хорошо одетые юноши. В руках они судорожно сжимали разграфленные листочки. И после каждого прокида шарика делали в этих листочках только им одним ведомые пометки. Это были представители безнадежного племени игроков, силящихся угадать систему. Иногда им казалось, что система угадана. И тогда они ставили одну-

две фишки (только на них у этих юношей и хватало денег) в сулящие выигрыш квадраты. Проигрывали, разумеется...

Запомнился человек, которого звали то ли Вася, то ли Вова Семеровский. Скукоженное лицо его вполне могло занять центральное место на антиалкогольном плакате. Одет он был в самый что ни есть дешевый, пузырящийся на коленях и локтях тесный костюмчик. Галстук отсутствовал. По правилам, его не должны были пустить даже на порог. Но он играл несколько вечеров подряд. Виталий приказал пускать этого человека и препятствий не чинить. Денег у Васи или Вовы Семеровского было невпроворот.

Еще запомнилась женщина, которую я никогда не видел трезвой. Она пила и играла. Играла и пила. Матерно ругалась с крупье. А поодаль от стола дремала охрана. Ровно ничего демонического в этой даме не наблюдалось. Но откуда у нее взялись такие деньжищи? Почему у нее возникла чуть ли не патологическая страсть к вечному их проигрышу? Я предположил, что на нее нежданно-негаданно свалилось огромное богатство, и она растерялась, не зная, что с ним делать... Проиграв очередную порцию фишек, она исправно лезла в сумку и извлекала оттуда очередную увесистую пачку, которую постоянно маячивший подле нее охранник не без торжественности волок в кассу и приносил ей несколько десятков разноцветных кружочков.

Нет, куда интереснее был хозяин всего этого бедлама...

Жизнь его, как мне казалось, делилась на три неравные части. Большую часть времени он был именно что мафиози. Или по крайней мере типичным "новым русским", почти анекдотичным. Впрочем, не знаю: вправду был или играл... Наверно, и был, и играл. Другая часть приходилась на короткие появления в семье и на те минуты, когда ему не надо было ни быть, ни играть. Когда не было вокруг или за спиной охранников, когда не было под рукой телефона. Несколько раз я видел эту почти микроскопическую часть его жизни... О третьей части его жизни я мог только догадываться.

Он появлялся в казино, и будто немалой силы ветер врывался в зеркально-суконное пространство. Особенно это было заметно в утренние часы, когда в заведении не сновали игроки. Все, кто стоял на его пути — крупье, уборщицы, официантки, охраннини, менеджеры — невольно отступали к стенам, выстраивались вдоль них, вытягивались и принимались кланяться. Ни на кого не обращая внимания, он тут же завладевал радиотелефоном. И уже не расставался с ним... Виталий забавлялся с этой игрушкой, каждые пять минут набирая какой-нибудь номер. Разговоры процентов на девяносто были зряшными: "Как дела? Хорошо... Ну ладно, будь здоров". Виталию нравился сам процесс: из трубки торчала блестящая антенна и — вот чудо! — никаких проводов. До эры мобильников оставалось еще лет пять.

Любимым его занятием был пересчет денег. К деньгам в их главной ипостаси Виталий относился, насколько я смог понять, вполне обыкновенно. Не был он скрягой. Не был и мотом. С деньгами расставался без удовольствия, но и без досады. Но ежеутренний пере-

счет вырученных за игорную ночь денег он превратил в некое священнодействие, в ритуал. Виталий садился за стол в своем кабинете... Впрочем, кабинетом это помещение назвать было никак нельзя: оно представляло собой нечто среднее между складом, подсобкой и комнатой отдыха. Придвигал к себе счетную машинку. Ему приносили выручку — гору разномастных купюр, часто не рассортированных. Он с видимым удовольствием распределял купюры по пачкам. И засовывал в машинку. Купюры шелестели, а он, не отрываясь, вглядывался в счетчик, будто в мерцающем его окошечке силился различить какой-то высший, непонятный всем прочим смысл. Каждую пачку он пересчитывал по два и по три раза. А потом аккуратно перехватывал резинкой.

И каждая такая пачка, любовно им собранная, начинала казаться предметом культа, фетишем, которому должен был поклоняться не только Виталий, но и все прочие. Теперь я думаю, что рвался-то он не к деньгам. Они были для него ключом, посредством которого он уже приоткрыл дверь, ведущую в некую пещеру, только среди сокровищ, заполнивших это таинственное вместилище, главным сокровищем была другая, не ведомая простым смертным жизнь. Хороша она была или плоха — значения не имело. Другая! И вкусить ее Виталию хотелось необыкновенно. Да ведь и понимал он, видел — в волшебной пещере живут куда как не боги. Те же люди. А людей-то он знал. И знал, что всякий человек не может не быть грешником, что природа человеческая дурна, похабна. Но все равно уже протискивался в не до конца еще открывшуюся дверь.

В течение дня, вечера и ночи к нему в казино приходили самые разные люди. Он принимал их, сидя на возвышении в конце игрального зала, неподалеку от бара, и так, чтобы собравшаяся публика видела, кто именно пришел к нему.

Приходили заслуженные и народные артисты. И выглядели они совсем не так, как на сцене, в кино или в телестудии. Не победительно, не нарочито утомленно. Они выглядели незаметно. Одного — чрезвычайно популярного — я вообще не узнал, догадался, что это был именно он, только тогда, когда артист уже уходил, когда я нос к носу столкнулся с ним в дверях. И говорили эти "кумиры" совсем не так и совсем не то, что я привык слышать от них в их интервью журналистам и телевизионным собеседникам. Каждый что-то просил. И каждый с напряжением сдающего трудный экзамен студента вслушивался в произносимые Виталием, не различимые мною, наблюдавшему разговор издалека, слова.

Приходил префект округа. У него были быстрые глаза. И он ими все чего-то хватал, хватал... И схватывал.

Часто появлялись одинаково хорошо одетые молодые люди с чистыми лицами — предпринимательская поросль столицы. Некоторые из них уходили потом даже не понуро, а обреченно. Куда-то исчезала их уверенность, настырность, лица их серели, роскошные пиджаки начинали топорщиться в самых неподходящих местах... То ли Виталий не прощал им долгов, то ли отказывал в поддержке всякого рода

проектов, жизненно для них необходимых.

Приходил болезненного вида пожилой грузин. У него были металлические зубы. И он никогда не снимал скромного пальто. Ни о чем он с Виталием не говорил. Они сердечно обнимались. Потом грузин садился поодаль "от трона". Доставал пачку "Беломора". Ему тут же приносили рюмку водки. Потом вторую, третью. Грузин пил. И курил. Часа через два уходил. Мне сказали, что это — вор в законе. По старости и по болезни вышел из дел. И только иногда участвует в разрешении конфликтов у братвы. По всему было видно, что этот человек был одним из немногих, кому Виталий выказывал подчеркнутое почтение. Даже префект, будучи серьезным городским начальником, при всей своей хватности удостоился вялого рукопожатия и нескольких дежурных слов.

Еще Виталий уважал некую тетку-экстрасенсиху, которая вещала что-то исключительно туманное и играла ему на пианино — но только на белых клавишах. Музыка у нее получалась диковатая, но Виталий говорил, что именно игра на белых клавишах избавляет его от головной боли (голова, надо сказать, болела у него часто) и высокого давления (от давления он тоже мучился).

Он любил называть себя одним из самых богатых людей Москвы. Конечно, это было не так. И он прекрасно это знал. Однако при случае не отказывал себе в удовольствии лишний раз утвердить свою принадлежность к новым хозяевам российской жизни. Ему очень этого хотелось... Он играл в это — "в одного из самых богатых людей Москвы".

А еще он называл себя одним из лучших московских преферансистов. И я могу засвидетельствовать, что так оно и было на самом деле. Как-то, в минуту редкого расслабления, он показал мне пару заковыристых раскладов. И пути их решения, до которых я, в свое время сутками просиживавший в студенческой общаге за картами, додуматься никак не мог — хоть убей. "Когда-то я много играл, — сказал он мне. — И даже на кусок хлеба преферансом зарабатывал".

Два или три раза, углядев меня в казино, Виталий отзывал меня в сторону и просил уйти. Ослушаться я не мог. В том числе и по причинам — чего греха таить — собственной безопасности. Просьба не светиться в казино означала: сюда должны прийти бандиты. И не простые... Мелкая и средняя братва ошивалась тут постоянно. Кто-то — вроде бы от нечего делать — играл. Кто-то забегал выпить водки или перекусить в ресторане. Возникали озабоченные гонцы, которые что-то передавали Виталию. Братва тогда носила спортивные костюмы. И по этой униформе узнать ее можно было мгновенно. Авторитетов я видеть был не должен. И они не должны были видеть меня. Таков уж у нас был с Виталием молчаливый уговор.

Виталий, безусловно, был вхож в уголовный мир. И даже был некоей производной величиной от этого мира. На какой-нибудь сходке или стрелке он вряд ли мог выглядеть белой вороной. Да и не мог он жить по другим правилам. Тем более, что этих других правил тогда не было. Их и по сию пору нет. Однако, думаю, что он тяготился этой своею принадлежностью. Он хотел

быть независимым — такая уж была у него натура. Но быть независимым в России невероятно трудно всякому человеку. А уж в среде отечественного криминалитета независимость практически невозможна. Но гордыня мучила его. Он, может быть, сам того не сознавая, лез на рожон.

И не был в этом стремлении одинок. Позже довелось мне встретиться с двумя людьми, из той же среды и с той же устремленностью. Как выяснилось, смертельной...

Последние полгода нашего знакомства Виталий звонил мне с дороги и предупреждал, что приедет. Приезжал. Входил в квартиру, оставляя на лестничной площадке несколько человек своей охраны (соседи после этих визитов встречали меня одновременно настороженными и уважительными взглядами). Протискивался на кухню. Садился за стол и спрашивал некрепкого чаю. Говорил: "Посижу, отдохну"... Начиналась та самая — другая часть его бытия.

Я спрашивал: "Ты хоть спал сегодня?" "Спал, — отвечал Виталий. — Часа три, наверно". "Так ты себя угробишь, — ругал я его. — И так давление у тебя ни к черту". "Нет, — говорил он, — я себя не угроблю. Найдутся... Которые угробят. Кручусь, верчусь, а все одно — тоска". "Тебе бы отдохнуть, — продолжал я нести банальщину. — В больнице бы полежать". "Не смогу, — вздыхал он. — Тут одно из двух: или крутить педали, или не крутить — но тогда мордой об асфальт". Помолчав, добавлял: "Ты не представляешь, сколько на свете уродов! Хочу купить себе дом в лесу, хорошо, чтобы и река рядом... И пожить там одному. Ну не одному. С женой, с детьми". "Так в чем дело?" "Не получится. Что-то такое, чувствую, надвигается. Не знаю, что... Но кто-то меня пасет. Никому не могу доверять". "Ничего удивительного, — говорил я, — тебе завидуют". "Наверно. Только на самом деле завидовать нечему. Чего ради живу — не понимаю". "Брось, — обрывал я его, — у тебя дети". "Конечно, дети. Детей жалко". Он замолкал. Мрачнел. Темнели его глаза. Будто какая тень надвигалась на них изнутри.

У него родилась дочь. И он несколько дней был совершенно счастлив. Хотел, чтобы в роддом приехало телевидение, чтобы в вечерних новостях показали его встречу с женой и дочерью. Я еле-еле отговорил его от этой затеи.

Но телевидение снимало Виталия обильно. И всякий раз по поводу его благотворительных поползновений. При этом никто не верил, что с детскими домами он — владелец казино — связался в силу своего альтруизма. У всех мгновенно возникало сильнейшее подозрение, что умственно отсталые сироты нужны ему для отмазки, для дымовой завесы, для ухода от налогов. Я не вправе соглашаться с этими его оппонентами, поскольку никто не доказал его вины и его хитрости. Но вряд ли я смогу доказать и обратное. Хотя к обездоленным детишкам он и впрямь не то чтобы прикипел, но забот о них не оставлял никогда.

Вообще поле деятельности ему досталось обширное — более трех десятков детских домов. И это только в одной Москве, и только для умственно отсталых. Не скажу, что дома эти дышали на ладан, но хорошего в них было мало. Нужда-

лись они буквально во всем. Нет, Виталий их не озолотил. Но материальные проблемы худо-бедно решал по мере их поступления. Покупал телевизоры, фрукты, белье, одежонку, обувку, помогал с ремонтом, кому-то достался даже микроавтобус. Защищал директоров от чиновничьего произвола. Устраивал какие-то утренники. Поездки. Организовал в своем казино "Поле чудес" для воспитанников-сирот. Дарил не слишком дешевые подарки выпускникам. Хотел создать на базе одного из домов нечто вроде реабилитационного центра. Планы его простерлись настолько далеко, что он вознамерился подчистую забрать попавшие в сферу его внимания детские дома у департамента образования. И разработать программу обеспечения выпускников жильем и работой. Словом, шуму наделал большого. И почти был готов совершить переворот в столичном образовательном царстве. Он даже придумал нечто вроде лозунга: "Вы не можете обеспечить обездоленным детям нормальное детство, так не мешайте мне купить это детство для них". Лозунг звучал забойно, хотя и несколько двусмысленно.

Виталий был кем угодно, только не идиотом, полагавшим, что его приобщение к благотворительности позволит ему обезопасить свой бизнес от государственных поборов. Он, правда, хорохорился и повторял: "Пусть лучше деньги от игорного бизнеса идут детям, чем в закрома родины. Пусть мне кто-нибудь покажет эти самые закрома". Не был он настолько и сентиментален, чтобы изо дня в день возиться с детскими домами в силу воспоминаний о своей собственной обездоленности. Хотя факт пребывания Виталия в сиротском учреждении всякий раз подчеркивался как первопричина его благотворительных занятий. С другой стороны, оспорить сие утверждение было никак невозможно. Нет, он был вполне искренним благодетелем. И вместе с тем карабкался — часто неуклюже, с натугой — по социальной лестнице. Завоевывал себе то, что сегодня принято называть политическим пространством.

Виталий в последние свои месяцы и вправду всерьез задумывался о политической карьере. Тогда еще бытовало мнение, будто бы в политику должны идти богатые люди, дескать, наличие капитала и возможности безбедного существования после отхода от власти или опалы обеспечит их беспристрастность. "Как ты считаешь, — однажды спросил он меня, — надо ли с этим затеваться? В Госдуму я, конечно, соваться не стану, но вот если в городскую?" Я пожал плечами: "Ты и в Госдуме не стушуешься, но тебе оно надо? Тебе того дерьма, в котором, как ты сам говоришь, кувыркаешься, мало?" "Наверно, все-таки мало", — признался он.

Останься он в живых — точно бы стал депутатом. Смерть избавила его от этих хлопот. Рассуждение это кощунственно, но все эти годы оно не давало мне покоя.

Последний раз я видел его по телевизору. До выстрела наемного убийцы оставалось совсем немного... Показывали "Что? Где? Когда?" Я уже не помню подробностей той игры. И тогда, и после знатоки бесперечь экспериментировали с деньгами. Так вот — в конце той программы все решал единственный вопрос, который должен был

задать приглашенный со стороны богатый человек. Соответственно, он выставлял на кон солиднейшие деньги. Знатоки тоже чего-то там выставляли.

Я обомлел: в экран вплыл Виталий. Он сидел на каком-то хлипком стульчике. Его торс раздвинул по углам экрана хлипких — под стать стульчику — знатоков. Куда-то делся вечно замызганный его пиджак. Виталий красовался в черном смокинге, ярчайшей, белоснежной рубашке и зачем-то ядовито красной бабочке. Выглядел он, честно скажу, нелепо. Еще нелепее оказался жест, которым он извлек из внутреннего кармана несколько денежных пачек. Я даже испугался, ожидая увидеть, что они будут перетянуты резинками. Но, слава Богу, пачки оказались в банковской упаковке. Его вопроса опять-таки не помню. Не до вопроса мне было. Не должен был Виталий лезть в эту компанию. Не должен был он вот так потешно сидеть. Не должен был он походить на какого-то экзотического зверя, на которого телевизионные патентованные умники смотрели с подернутым презрением интересом. Но он выиграл и тут! А выиграв, допустил ошибку: вместо того, чтобы великодушно простить знатокам их проигрыш, он забрал причитающийся ему выигрыш. И сделал это как-то... Точно так же он сгребал в ящик стола пересчитанную им ночную выручку казино.

Конечно, проникновение в клуб знатоков с дальнейшим показом по телевидению стоило ему немалых денег. Кажется, Ворошилов, представляя Виталия, назвал его спонсором программы. Но я и в этом объявлении почувствовал едва уловимую иронию. Этакий намек на особенности наступившего времени, когда, что поделаешь, приходится допускать к себе и таких вот нуворишей. Вот и торчал Виталий в специально сшитом для таких оказий смокинге и ярко-красной бабочке среди говорливых, остроумных молодых мужчин, каждый из которых рядом с ним выглядел изящным аристократом, среди экзальтированных молодых женщин, обнаженные плечи которых тоже были нелепы, только нелепость эта ни в какое сравнение не шла с той нелепостью, которую он привнес в финал передачи. Не было у этих молодых мужчин и женщин беспросветного детства, не было детского дома, сломанной от кидания неподъемных гирь спины, суетливых путешествий по советским скучным провинциям, не было тюрьмы, не было лагеря... Главное, не было у них неистребимого желания взять реванш за нищету, унижение, голод, безысходность, за не слишком возвышенную мечту стать богатым, независимым, известным и иметь сытых, одетых, образованных детей. А вдобавок и за страх, который все больше и все плотнее окутывал этого, не могущего справиться со своим тщеславием, человека.

Уверен, Виталий тоже почувствовал и ворошиловскую иронию, и полную свою неуместность в этой благополучной толпе. Но он все равно выиграл. Как всегда бывает после неожиданной, трагической гибели человека, начинаешь сам себя накручивать — дескать, было какое-то предзнаменование, предчувствие. Но ведь шевельнулась — поверьте — во мне мыслишка: не к добру все это. Так оно, к сожалению, и получилось. ■

НАНИ БРЕГВАДЗЕ:

"Мне нужно что я

Кто-то о ней сказал: есть певицы, есть очень хорошие певицы, а есть — Нани Брегвадзе. И действительно, на нашей эстраде она стоит особняком, ее голос ни с кем не спутаешь, ее выступления не сопровождаются навороченными спецэффектами, стильным балетом и девочками бэк-вокала. Все предельно просто. На сцене только рояль, за которым верный друг и аккомпаниатор Медея Гонглеашвили, и она — несравненная Нани.

— Нани, в вас есть какая-то загадка, необычность. Это ваша суть или специально созданный сценический образ?

— Ну, что вы! Я никогда не делала ничего специально, никаких образов не создавала. Пою только о том, что сама пережила и прочувствовала. Если не хочу исполнять какую-то песню, ничто в мире не заставит меня это сделать. Ведь у каждого есть свои тайны, внутренние ощущения, о которых никому не надо знать. У меня тоже свой мир, иногда мне самой не понятный. Но, думаю, главное — хорошо знать свои возможности.

— В вашем репертуаре основное — романсы. Значит, судя по вашим словам, переживаете в жизни то, о чем в них сказано?

— Очень люблю русские романсы, без надрыва, мелодичные, содержательные. Но необязательно прожить, главное, я их прочувствовала. С шести же лет пою! Когда исполнила "Калитку" и "Отраду", все взрослые так смеялись. Маленькая девочка абсолютно ничего не понимала, какие там переживания, и русского-то не знала, но важно заявила, что буду петь "с чувством", и выводила с придыханием: "Вернись, я все прощу!". Можете себе представить, как я произносила русские слова, просто подражала! Но когда уже вышла на профессиональную сцену, не могла заставить себя петь классические романсы. Безумно боялась, и из-за этого страха выход "Каравана", "Левкоев", "Калитки" и других задержался на несколько лет.

— Современные песни в вашем репертуаре композиторы специально для вас писали? Уж очень они похожи на романсы.

— Да, но не все. Например, "Снегопад" до меня пели и другие певицы, но ее автор, композитор Алексей Энимян, очень хотел, чтобы ее пела я. И знаменитую "Тбилисо", и "Рябину" тоже исполнили еще до меня. А теперь ни один мой концерт без них не обходится — и все по просьбе зала. Многие артисты могут петь много и долго, но вот не встречаются им особенные песни, и в результате после себя не оставляют памяти ни об одной. Мне же повезло.

знать, еще любима"

— О многих певцах говорят, что они поют, в основном, о самих себе.

— Обо мне тоже так говорили. Даже шутка была по поводу: "Снегопад, снегопад, если женщина просит...". Так чего же Нани Брегвадзе столько лет все просит? А я не о себе пою, совсем о разных женщинах, просто я их понимаю.

— По общему мнению, вы на сцене выглядите гордой и строгой. Какая вы на самом деле?

— Все правильно. Я очень строгая. И в жизни, и на сцене не допускаю неподобающего отношения ни к себе, ни к своим близким. Конечно, ругаться не буду, но из своей жизни таких людей исключаю. Но в то же время я человек веселый, мягкий, говорят, со мной легко общаться.

— Наверное, так и есть, если ваш дом в Тбилиси уже давно называют необыкновенно гостеприимным. Хотя кавказское гостеприимство и так ни с чем не сравнимо.

— Сколько себя помню, к нам гости приходили постоянно, с утра до ночи. Могли даже в три часа утра нагрянуть. Друзья приводили своих друзей, все быстро знакомились. Мама сразу же накрывала на стол, я брала в руки гитару. У нас был настоящий салон, и в моем воспитании он сыграл положительную роль.

— А сейчас гости приходят?

— О! Как и прежде, каждый день. Когда раздается звонок в дверь, даже не спрашиваю, кто. Приходят без телефонного предупреждения. И мои друзья и дочкины. Я счастлива, ведь в таком появлении всегда есть сюрприз. А мне его так хочется!

— Расскажите про вашу семью.

— Наша семья очень музыкальная, все умели петь и музицировать. Одна из моих тетушек была профессиональной певицей, выступала на большой сцене. В 18 лет она пела во время музыкальной декады Грузии в Москве. Потом Калинин вручил ей орден. Какой у нее был голос, изумительной красоты тембр! А моя мама обожала романсы, так что это она привила мне любовь к ним. Сейчас трудно представить такое, но при Сталине их исполнять было опасно. Мама боялась, что в Грузии романсы забудутся и совсем исчезнут. Ей хотелось их сохранить, поэтому с риском для семьи она учила меня их петь. Вообще скажу, она пела, как дышала, и никогда не думала о карьере профессиональной певицы. Мама была для меня всем. Когда я родилась, она бросила учебу и целиком посвятила свою жизнь мне. Я ведь у нее единственный ребенок. Даже не могу, как ни стараюсь, вспомнить хотя бы один грустный день. Вот такое счастливое детство она мне подарила.

Мы жили вместе с шестью папиными сестрами, в одном дворе, и жили очень дружно. Мама умела со всеми ладить и сглаживать любой конфликт. Она никогда не показывала, что ей плохо или у нее дурное настроение. Наоборот, в самые тяжелые минуты говорила: "Ничего, все наладится, все будет хорошо". На ней держался весь дом. Меня она никогда не ругала, если была чем-то недовольна, например, поведением или моим репертуаром, костюмом, но только говорила: "Неужели тебе

это нравится?"

И все сразу становилось ясно. Я оказалась совершенно не готова к ее уходу, от отчаяния даже начала курить, хотя знаю, мама не одобрила бы такое.

— Но ведь у вас есть замечательная дочка, ее дети...

— Мой дом — поддержка мне. Дочка, Эка Мамаладзе, тоже певица, с очень хорошим голосом. Она родила мне трех внуков — два мальчика и девочка. Старший, Леван, уже заканчивает медицинский институт. Георгий еще учится в школе. А девочке, Наталье, девять лет. Она очень музыкальная, есть хороший голос, слух. Играет на рояле. Недавно выступала в Тбилисской консерватории, вместе с симфоническим оркестром играла концерт Моцарта. Представляете? В девять лет! Правда, уж очень много о себе воображает. Недавно заявила: "Ну что мне еще надо? Я неплохо выгляжу, прекрасно знаю английский язык и русский тоже. Я хорошо танцую, играю на пианино. Да, я хороша". И еще так ручками сделала... А? Представляете? Ну, надеюсь, что-нибудь из нее получится. А внуков воспитываю в уважении к женщинам: надо встать, когда женщина входит, открыть ей дверцу машины, пропустить вперед, подать пальто и так далее. Всегда ставлю в пример их отца, мужа Эки, его, к несчастью, уже нет с нами.

— Вы давно на сцене. Не устали?

— От пения, по-моему, устать нельзя. Оно живет во мне. Устала от выступлений, гастролей. Раньше моталась по всему Советскому Союзу, а теперь совсем не хочется. Только в Москву на концерты,

даже на небольшие выступления приезжаю с удовольствием.

— В Грузии много выступаете?

— Нет, совсем немного. Другое время настало. Артистам сейчас плохо, ничего нельзя без продюсера сделать, такого у меня нет, а сама я никого ни о чем не прошу. Ну и деньги надо иметь для "раскрутки", а нынешние продюсеры занимаются молодыми. То, что сейчас звучит с эстрады, песни без ритма, без смысла... Исполнители не думают, что надо искать свое, неповторимое, настоящее. Песни и певцы — однодневки.

— Вы себя в песне показываете еще и драматической актрисой...

— Песня, тем более романс, действительно, маленький спектакль. Стараюсь спеть так, чтобы слушатель, даже закрыв глаза, все представил и прочувствовал.

— Всегда ли ваши выступления проходили гладко, без грустных или забавных происшествий?

— Конечно, все было, и не раз. Как же без этого? Однажды, еще в молодости, я пела в Гори. Тогда только вошли в моду высоченные каблуки-шпильки. Если бы я знала, как осторожно надо на них ходить! Спела, пора уходить со сцены, один каблук застрял в щели. Дрыгаю ногой, но пытаюсь улыбаться. Все вокруг решили, что я еще хочу петь. Но в концерте так нельзя, на очереди другие артисты. А я все стою. Решили, что я вся из себя "столичная", заносчивая штучка. С трудом со своим каблуком из щели выбралась. А вот еще был случай. Во время выступления вошла в образ, сделала шаг в сторону... и провалилась в открытый люк, где сидел электрик. Моя длинная юбка за что-то зацепилась и осталась на сцене, а я сама оказалась в люке прямо на голове электрика. Ужас!

— Вы — одна из редких исполнительниц, о ком не выдумывают сплетен.

— Да, я никогда не скрывала свою личную жизнь от посторонних глаз. Так что не знаю, что можно выдумать про меня. Просто моя жизнь довольно спокойная. Я не допускала интрижек и флирта. Может быть, потому, что в Грузии нравственные законы суровее, чем в России. У нас редкая женщина после развода может снова создать семью... Правда, сейчас молодые проще на это смотрят, они свободнее, раскрепощеннее. Наверное, так лучше. Но я не верю, когда говорят, будто им наплевать, что о них скажут... Мы все зависим друг от друга. То, что о нас скажут, в большой степени зависит от нас самих, наших правил поведения.

— Многие за последнее десятилетие уехали за рубеж. У вас не возникла такая мысль, хотя бы ради детей?

— Уехать? Никогда! Как я могу бросить свой дом, двор, где все знакомо с детства, друзей, без которых не могу жить? И ради чего? Чтобы вкусно поесть? Да чепуха все это! Такое даже представить не могу.

— Кстати, о еде. Грузины — известные кулинары. Вы что больше всего любите, что готовите?

— Увы, не умею и не люблю заниматься готовкой... Меня к этому не приучили с детства, теперь уже поздно. Даже картошку почистить — мучение. А поесть я люблю, нашу грузинскую кухню. Осо-

бенно овощи с орехами. Иногда позволяю себе бокал хорошего вина. За столом главное — общение. А знаете, что мне удовольствие доставляет? Работа по дому. Люблю мыть полы, убирать квартиру. Мне это всегда спорт заменяло.

— Вы всегда элегантно одеты. И почти всегда в черном. У кого одеваетесь?

— Сама, все сама... Раньше покупала туалеты за границей. А теперь все придумываю сама. Черный цвет вообще у грузинок привычный, даже считается национальным. Однажды мне подарили красивое черное платье. Я его полюбила, много лет в нем выступала, и так сумела его преподносить, что каждый раз оно воспринималось как новое. Вот что любовь делает даже с платьем!

— Я слышала, вы мечтаете пожить на необитаемом острове...

— Это моя фантазия из детства: тропический остров, вечное солнце, пальмы... Я всегда любила природу. Ну, конечно, иногда хочется уединиться, чтобы насладиться такой красотой, но я же не Робинзон Крузо. И я не могу сказать, что от жизни очень устала. Сейчас не время уставать. ■

Беседовала
Алла ЛЮДЕН.
Фото **Анатолия Ломохова**

Николай ЗУЕВ

Любимцы в юбочках

Мартина Хингис

Фото автора

В начале октября в Москву пожаловали лучшие мастера теннисной ракетки со всего мира — в спорткомплексе "Олимпийский" проходил традиционный уже "Кубок Кремля".

Не будем пересказывать читателям, что творилось в эти несколько дней на кортах крупнейшего московского спортивного комплекса — об этом писали газеты и показывало телевидение. Лучше заглянем за кулисы, совершим увлекательное путешествие туда, куда, как говорят охранники, посторонним вход строго запрещен. Словом, мы хотим, чтобы читатели "Смены" узнали о том, что скрыто от глаз большинства любителей тенниса, "подслушали" разговоры самих участников турнира.

Если несколько лет назад мужской и женский турниры про-

водились раздельно, то с прошлого года их объединили. А какие игроки пожаловали в Москву! Достаточно только назвать прошлогодних победителей этого турнира швейцарку Мартину Хингис и нашего Евгения Кафельникова, который накануне турнира заявил, что мечтает выиграть "Кубок Кремля" в пятый раз.

И на этот раз швейцарка "словацкого разлива" была настроена решительно. Мартина родилась в словацком Кошице, а сейчас живет в швейцарском городке Труббах. 30 сентября в Москве ее поздравляли с днем рождения — девушке исполнился 21 год. Молодая, красивая, богатая — только призовыми на корте Хингис заработала более 16 миллионов долларов, Мартина в этот день так и светилась от счастья. Разве она подозревала, что на пути к финалу ее остановит наша Елена Дементьева?!

Мартина — девушка разносторонняя. Первая ракетка мира на протяжении нескольких лет, она с восьми лет живет в Швейцарии и, помимо тенниса, обожает конные скачки. Она и сама неплохая наездница, но после того, как недавно одна из лошадей сбросила теннисистку с седла, мать лучшего игрока Женской теннисной ассоциации Мелани Молитор всячески старается запретить дочери кататься верхом. Поэтому Мартина все равно пропадает в конюшне, где просто кормит и ухаживает за своими любимыми лошадьми Монтаной, Соррентой и Вельветом. Не исключено, что после того, как девушка закончит свою теннисную карьеру, она всерьез займется конным спортом.

Помимо лошадей Мартина влюблена в такие виды спорта, как лыжи и плавание. В свободное время ходит на мюзиклы, а ее любимыми артистами являются мисс Сайгон и Лион Кинг. Звезда мирового тенниса любит делать покупки в магазинах, которые предпочитают дизайн от Gucci, DKNY. И хотя Мартину назвали в честь легендарной чешки Мартины Навратиловой, которая от других теннисисток отличалась своей нетрадиционной половой ориентацией, с Хингис в этом плане пока все в порядке и она предпочитает подружкам сильных, крепких и спортивных парней.

Среди фавориток турнира многие любители тенниса называли и восходящую звезду российского тенниса Лину Красноруцкую.

Девушке из Обнинска 17 лет, но она уже два года выступает среди взрослых и за это время стала "своей" среди теннисисток Женской теннисной ассоциации. В июле этого года она занимала 35-ю строчку в мировом рейтинге. Лина уже "попортила" нервы многим более титулованным игрокам, чем она, выиграв у болгарки Магдалены Малевой, итальянки Сильвии Фарины, испанки Аранты Санчес Викарио. Во время турнира удалось поговорить с одной из сильнейших российских теннисисток.

— Некоторые журналисты во время "Кубка Кремля" окрестили тебя будущим секс-символом мирового тенниса. Они по достоинству оценили твои красочные фотографии в стиле "ню" в журнале "Спортклуб"...

— Можете их успокоить, состязаться в этом с Курниковой я не собираюсь. Моя жизнь — это теннис.

— Лина, каким тебе запомнилось детство?

— Я родилась 29 апреля 1984 года в Керчи, возле Черного моря. Уже в три года сказала, что буду чемпионкой мира по теннису. Ракетка с детства стала моей любимой игрушкой — в шесть лет я взяла в руки ракетку благодаря родителям.У моей мамы первый разряд по теннису, папа в прошлом был врачом, но затем настолько влюбился в теннис, что забросил врачебную практику и переучился на тренера по теннису. Мне было шесть лет, когда маму пригласили на работу в город Обнинск, что в ста километрах от Москвы. Так я оказалась в Подмосковье.

— Уроки в школе из-за тенниса пропускала?

— Я успевала и в школу ходить, и тренироваться. До восьмого класса с утра ходила в школу, а после обеда — тренировалась. Сейчас два часа тренируюсь с утра, затем школа, а вечером отрабатываю технику по четыре часа. В школе мне пошли навстречу и разрешили заниматься в удобное для меня время. Из предметов мне больше всего нравятся русский язык и литература.

— У тебя есть кумиры в спорте?

— Они все — в теннисе. Из женщин это Мартина Хингис и Мэри Пирс, а из мужчин — Андре Агасси. В будущем хотела бы сыграть с ним микст. Не поверите, но с первой ракеткой мира Мартиной Хингис на Открытом чемпионате США удалось сыграть... в карты. Познакомил нас грузинский юниор Ираклий Лабадзе. Он хорошо знает Мартину, ведь они

вместе учились в теннисной академии в Америке.

— Лина, на твоем счету десятки различных турниров. А ты помнишь, когда выиграла первый из них?

— Память у меня хорошая. В семь лет выиграла первый турнир в Саратове. Тогда в финале переиграла Настю Букину. В девять лет плакала от радости, когда выиграла турнир в Париже в возрастной категории до десяти лет. А последний раз плакала недавно, когда разобралась с девчонками на US Open. За свою недолгую спортивную карьеру повидала немало стран, но мне больше всего нравится в России. Много приходится ездить по турнирам, но самыми счастливыми днями считаю те, когда нахожусь дома, с родителями.

— Ты смогла бы рекламировать модную одежду, как это делает Анна Курникова?

— А почему бы и нет! Ведь там платят порой немалые гонорары, а мне надо помогать родителям.

— В каком разряде ты любишь играть больше всего?

— Во всех! Только вот в смешанном пока не играла. Поэтому одиночки люблю играть пару. Немало встреч мы выиграли в паре с моей ровесницей Галей Фокиной. Она — настоящий турнирный боец и на корте мы понимаем друг друга с полуслова и даже с полувзгляда.

Жаль, что Лине на этом турнире немного не повезло. Жребий свел ее с будущей победительни-

Лина Красноруцкая

Галина Фокина

цей "Кубка Кремля" югославкой Еленой Докич. В целом же турнир удачно сложился для наших игроков, а настоящую сенсацию под сводами "Олимпийского" произвела 17-летняя Галина Фокина, которая переиграла секс-символа мирового тенниса Анну Курникову. Галя недавно выиграла чемпионат России среди взрослых в Сургуте, а затем оставила не у дел на корте экс-первую ракетку России. Из неизвестной девчонки Фокина в считанные дни превратилась в теннисистку, у которой теперь интервью можно взять только через ее агента. Это круто!

— Галя, на "Кубке Кремля" ты проиграла после Курниковой Елене Докич, которая и стала победительницей этого турнира. А слабо было бы и у нее выиграть?

— Я сейчас на корте чувствую себя настолько уверенно, что для меня не существует авторитетов. После игры с Анной немного расслабилась и это не пошло мне на пользу. Докич немного старше меня, опытнее и уже выиграла несколько турниров, а в "Олимпийском" в финале переиграла нашу Елену Дементьеву.

— Победа над Курниковой — бывшей первой ракеткой России — далась трудно?

— На игру с Аней настраивалась заранее. Я давно изучила ее игру и на корт вышла с четкой установкой на победу. Не случайна она еще и потому, что у меня был план, как ее переиграть. У Анны более стабильны удары справа и я всячески старалась посылать ей неудобные мячи под левую руку. В результате она часто ошибалась, что и позволило мне взять верх в третьей партии.

— Ты играешь левой рукой — это преимущество или недостаток?

— Думаю, что преимущество. В теннис мало кто играет левой

рукой. Для правшей левша — неудобный соперник. Вот почему многие опасаются играть с теми, кто держит ракетку в левой руке. Кстати, и пишу я левой рукой.

— Галя, вот про Курникову известно практически все — где живет, как играет, с кем встречается, а про тебя ничего...

— Родилась я в Москве 17 января 1984 года. По гороскопу Козерог, поэтому никому не хочу проигрывать. Сейчас в мировом рейтинге занимаю 206-е место в одиночном разряде и 112-е в парном. В пять лет мне нравилось бегать по корту с ракеткой в руках. Было это в Сокольниках, на кортах стадиона "Шахтер". Сначала любовь к игре прививал мне папа. Затем у меня появился тренер. Им стал Евгений Шахов. Он возился со мной с восьми до тринадцати лет. Сам в прошлом неплохой игрок, он поставил мне технику, научил подавать и выходить к сетке. После Шахова меня тренировал Дмитрий Дегтярев на ЦСКА, потом на "Спартаке" Андрей Матросов, а сейчас Игорь Волков.

— Тебе нравится играть одиночку или пару?

— Сейчас выступаю как в одиночном, так и в парном разрядах. Неплохо играю с лета, а это очень важно в парной игре. Может, поэтому в рейтинге у меня в парном разряде более высокое место.

— Что тебе больше всего нравится в людях?

— Уверенность, доброта, отзывчивость.

— У тебя есть мечта?

— Стать первой ракеткой мира.

— Любишь бывать на природе?

— Бываю на даче у тети. Мне нравится собирать грибы и ловить рыбу. Последний раз рыбачила в Египте и на кусочки омаров поймала несколько приличных рыб. Мы их отдали дяденьке, который проплывал мимо нас на лодке.

— Какие виды спорта любишь помимо тенниса?

— Плавание. Раз в неделю меня можно увидеть в бассейне, что недалеко от станции метро "Алексеевская". Еще люблю играть в футбол. Пробовала играть в гольф, но пока мне эта игра не доставляет удовольствия.

— Что любишь из еды?

— Мороженое!

— Где тебе нравится отдыхать?

— Везде, если рядом со мной друзья.

— Какие книги любишь читать?

— Это зависит от настроения.

— А музыку?

— Молодежную.

— Любимый цвет есть?

— Синий с белым оттенком.

— Любимая вещь?

— Плеер. Люблю слушать мини-диски. У меня диски на все случаи жизни.

— Какой город нравится?

— Рим. Я там была несколько раз.

— У тебя есть брат или сестра?

— Старшему брату 21 год и зовут его Дима. Он учится в институте и скоро будет большим доком по компьютерам.

— Что касается первой любви?

— Она в прошлом.

— Парень у тебя есть?

— Есть. Он теннисист, мастер спорта. Пока на корте он меня обыгрывает, но скоро все может измениться.

— На следующем "Кубке Кремля" любители тенниса тебя увидят?

— Непременно!

В женском финале сошлись югославка Елена Докич и москвичка Елена Дементьева. Победительницей турнира стала югославка. Дементьева явно волновалась и поддержка публики порой приносила обратный результат. Фортуна оказалась на стороне более титулованной Докич.

На радостях Докич запустила мяч с автографом на трибуну, где сидел мэр Москвы Юрий Лужков. Мяч, как заправский вратарь, поймал депутат Госдумы Иосиф Кобзон и передал его мэру, а тот отправил его на соседнюю трибуну. Елене Докич был вручен чек на 175 тысяч долларов. После финала удалось задать несколько вопросов победительнице.

— Говорят, что ты родилась в День космонавтики?

— Да, 12 апреля 1983 года в Белграде. В детстве мечтала полететь в космос, но затем так увлеклась теннисом, что мечта как бы отошла на второй план.

— Кто у тебя родители?

— Папу зовут Замир, маму — Лилиана. У меня еще есть младший брат Саво, который на восемь лет моложе. Семь лет назад родители увезли мена в Австралию. Недавно мы возвратились на родину. В теннис начала играть в шесть лет. С детства люблю играть на жестком покрытии, когда мяч отскакивает от корта с огромной скоростью.

— Доки от тенниса три года назад заговорили о тебе, как о восходящей звезде мирового тенниса...

— Значит, на то были основания. Три года назад я стала первой в рейтинге Международной теннисной федерации по юниорам. Тогда выиграла Открытый чемпионат США среди юниоров, а в паре с Ким Клийстерс стала победительницей Ролан Гаррос.

— Два года назад ты произвела сенсацию в мире тенниса — занимая лишь 129-е место в рейтинге, переиграла первую ракетку мира швейцарку Мартину Хингис на Уимблдоне...

— Это трудно забыть. Победа над первой ракеткой мира позволила мне прыгнуть в рейтинге на 92 пункта и занять 37-е место в рейтинге Женской теннисной ассоциации.

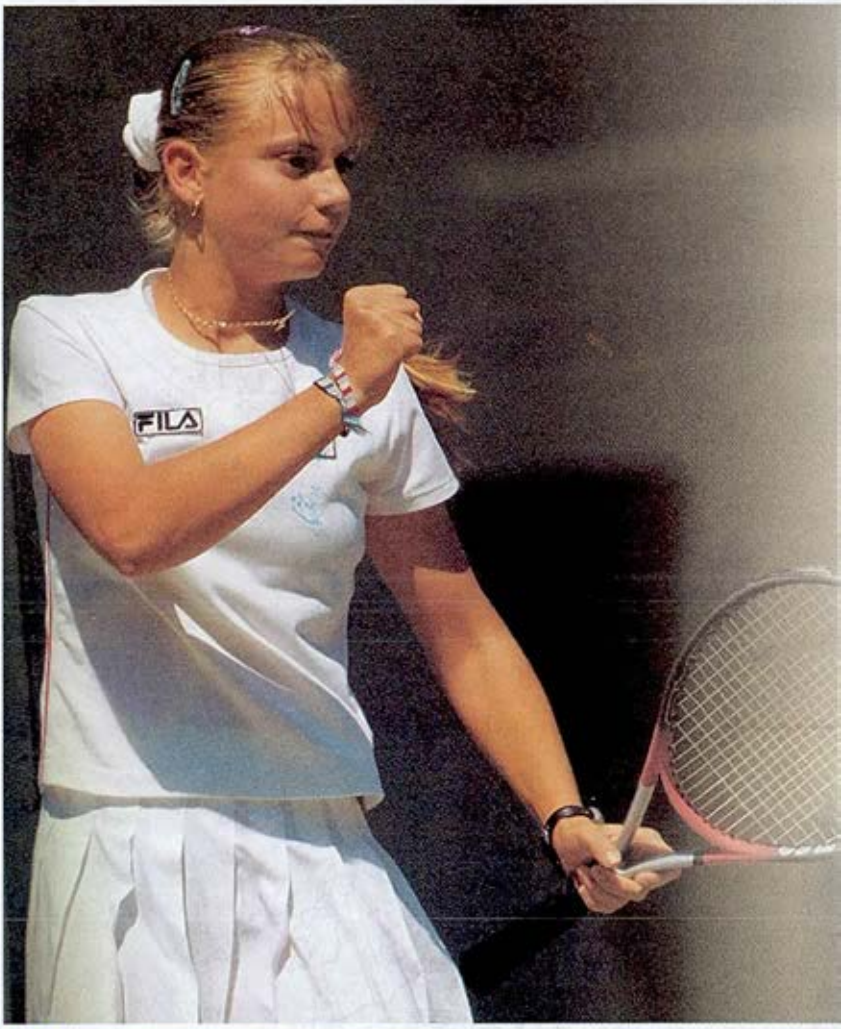
— В прошлом году ты так засверкала на корте, что твои фотографии теперь не сходят со страниц спортивных изданий...

— За четыре года, как стала профессионалом на корте, успехи не обходят меня стороной. Я была в полуфинале Уимблдона-2000 и Олимпийских игр в Сиднее, играла в четвертьфиналах турниров в Хилтон Хэд, на Открытом чемпионате Италии, в Токио, Шанхае и Лейпциге. Победа на "Кубке Кремля" позволила мне войти в десятку сильнейших теннисисток мира. Уверена, что это не предел.

— Ты молодая, красивая, богатая. А парень у тебя есть?

— Только призовыми заработала более миллиона долларов. Что касается парня, то поддерживаю дружеские отношения с испанским теннисистом Хуаном Карлосом Феррейрой. По турнирам меня обычно сопровождает мама.

— Хотела бы сыграть в смешанном разряде с Евгением Кафельниковым или с Маратом Сафиным?

Елена Докич

— Пока нет.

— Какие у тебя увлечения помимо тенниса?

— Люблю ходить по магазинам, слушать музыку и загорать. Любимые города — Рим и Париж. Фильм — "Титаник". Любимые актеры — Джулия Робертс, Том Круз, Ричард Гир.

— Когда снова приедешь в Москву?

— На следующий "Кубок Кремля". Хочется доказать, что он мне достался не случайно. ■

рисунки **Вячеслава КАПРЕЛЬЯНЦА**

ТЫ СВОЕЙ ЖЕНЕ ИЗМЕНЯЕШЬ?
А КОМУ ЖЕ ЕЩЁ?!..
КС·2001

МИЛЫЙ, ЕСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЕ – ПРИНЯТЬ В ПЕРВОМ ЧТЕНИИ!
КАМА СУТРА
КС·2001·

В Издательстве АСТ выходит из печати книга А. Экштейна "Люди полной луны"

Вы хотите прочитать нечто совершенно особое по стилю и жанру? Книгу с непредсказуемым сюжетом? Книгу, где одна глава не похожа на другую?

Тогда не пропустите новый роман культового писателя **Александра Экштейна «Люди полной луны»** — великолепный, живой, бесконечно оригинальный образец остросюжетной отечественной прозы! Это полное смешение жанров: захватывающий детектив, настоящая книга о жизни в современной России, фантастическая история о пришельцах и тайнах Шамбалы.

Прочитайте этот несомненный бестселлер! После этого вы будете ждать только одного— следующей книги Александра ЭКШТЕЙНА.

В Москве:

Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01,
ул. Арбат, д. 12. тел. 291-61-01
"Крокус", 65-66 км. МКАД.
ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97,
Большой Факельный пер., д. 3. тел. 911-21-07
Волгоградский проспект, д. 132. тел. 172-18-97
ул. Паромная. д.9/1, тел. 342-2667
ул. Шоссейная, д. 35, тел.354-0583
ул. Совхозная, д.20, тел 358-2159
г. Зеленоград, кор. 360 (3 МК р-н). тел 5361646

В регионах:

Ярославская область, г. Рыбинск,
ул. Ломоносова, д. 1/ Волжская наб. 107
г. Череповец, ул. Сталеваров, д. 36
г. Оренбург, ул. Туркестанская, 23
г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21
г. Архангельск, 103 квартал, ул. Садовая, д. 18
г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, д. 132А

Книгу вы можете приобрести в магазинах Издательской группы АСТ

Книги АСТ можно заказать по почте по адресу: 107140 Москва а/я 140

Saeco® GAGGIA®

АВТОМАТИЧЕСКИЕ КОФЕМАШИНЫ

ДЛЯ ДОМА И ОФИСА

Встроенная кофемолка
Регулировка степени помола кофе
Подогрев чашек, таймер
Счетчик чашек

Изумительный эспрессо и капучино

за 20 секунд

товар сертифицирован

20 сортов
свежеобжаренного колумбийского кофе

Гарантия 12 месяцев

Дербеневская наб., дом 1/2, тел.: (095) 959-7887, т./ф.: 959-7898
Официальный представитель в РФ http: //www.ape.ru

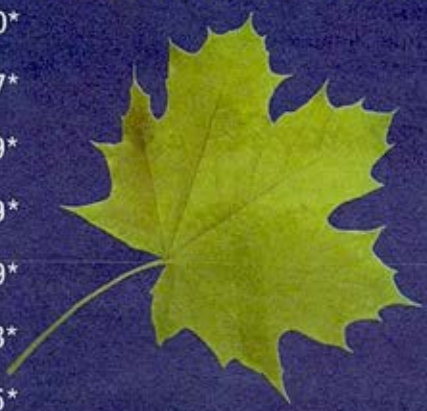
В Европу осенью

по специальным тарифам

Швейцария	от $299*
Бельгия	от $299*
Англия	от $240*
Италия	от $320*
Голландия	от $277*
Скандинавия	от $229*
Германия	от $299*
Прага	от $299*
Мадрид	от $333*
Хельсинки	от $155*
Будапешт	от $199*

и скидка $100

на билет весной

Свидетельство эксплуатанта №1 от 08.12.00 ГСГА МТ РФ

Предложение действует с 18 октября по 20 декабря

**По курсу в рублях без учета налогов. Действуют ограничения. Скидка весной действует только при предъявлении билета с купоном*

АЭРОФЛОТ

Российские авиалинии

Центр информации и бронирования авиабилетов

753-5555 *круглосуточно*

Неполная неделя — полноценный отпуск

"Мне предлагают хорошую работу на условиях неполной рабочей недели. С учетом того, что у меня есть ребенок, меня это очень устраивает, но я опасаюсь, что неполная неделя повлияет на длительность отпуска. На какой срок должен мне предоставляться очередной отпуск? Будет ли он сокращен?"

А.Денисова, *Челябинская обл.*

В соответствии со ст.49 Кодекса законов о труде РФ по соглашению между работником и администрацией при приеме на работу может устанавливаться неполный рабочий день или неполная рабочая неделя. Работа на условиях неполной рабочей недели не влечет для работников каких-либо ограничений продолжительности ежегодного отпуска, исчисления трудового стажа и других трудовых прав. Ваш очередной отпуск не будет сокращен и будет составлять не менее 24 рабочих дней. Кроме того, в том случае, если вы работаете на условиях ненормированного рабочего дня (в сочетании с неполной рабочей неделей), вы сохраняете право на дополнительный отпуск, установленный в п.3 ст.68 КЗоТ РФ за работу с ненормированным рабочим днем.

Насильно рекламировать не заставят

"Одна фирма собирается разместить на нашем доме свою рекламную вывесну. Все жильцы выступают против этого. Может ли фирма повесить рекламу на дом без нашего согласия? Существуют ли вообще какие-либо правила размещения рекламных вывесок на жилых домах?"

А.Н.Скоков, *Орловская обл.*

Да, такие правила существуют. Общие требования к размещению объектов наружной рекламы установлены такими законодательными актами, как Градостроительный кодекс РФ и Федеральный закон от 18.07.95 г. "О рекламе".

Согласно ч.3 ст.14 Федерального закона "О рекламе" распространение наружной рекламы путем установки на территории, здании, сооружении и ином объекте, а также определение размера и порядка внесения платы за распространение указанной рекламы осуществляются на основании договора с собственником либо с лицом, обладающим вещными правами на имущество, и при наличии разрешения с их стороны. Таким образом, размещение рекламной вывески на жилом доме должно производиться по договоренности с организацией, в ведении которой находится данный дом (если жилые помещения относятся к муниципальному жилому фонду), либо с собственниками квартир.

Установление конкретных правил распространения наружной рекламы относится к компетенции

соответствующего органа местного самоуправления. В соответствии с ч.3 ст.60 Градостроительного кодекса Российской Федерации органы местного самоуправления вправе вводить дополнительные требования к проектам застройки в соответствии с местными условиями, в том числе, требования к размещению архитектурных объектов малых форм, рекламы, вывесок и другой визуальной информации. Следовательно, в законодательных и подзаконных актах вашей местности могут быть установлены дополнительные требования к размещению рекламных вывесок на жилых домах.

Суд считает в рублях

"Несколько месяцев назад я продал квартиру. Договор купли-продажи был оформлен в рублях, а расчеты производились в долларах. Недавно суд признал сделку недействительной, и я должен по решению суда возвратить покупателю полученную сумму. Каким образом должна была исчисляться эта сумма?"

С.В.Петренко, *Алтайский край*

Ст.431 Гражданского кодекса РФ устанавливает правило, в соответствии с которым при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Это означает, что если в условии о взаиморасчетах покупателя и продавца указана сумма в рублях, то и при признании сделки недействительной и возвращении сторон в прежнее положение покупатель получает указанную в договоре сумму в рублях. Кроме того, согласно ч.1 ст.140 ГК РФ, законным средством платежа на территории Российской Федерации является рубль. В любом случае при признании недействительным договора купли-продажи покупателю будет присуждена сумма, исчисляемая в рублях, в том числе в рублевой сумме, эквивалентной какому-либо количеству долларов.

Что касается размера суммы, то в том случае, если с момента продажи квартиры до разрешения иска о признании сделки недействительной прошло значительное количество времени, например два-три года, то покупатель квартиры может потребовать проведения переоценки квартиры, так как ее рыночная стоимость могла возрасти. Суд может назначить такую переоценку по своей инициативе, так как в соответствии со ст.195 Гражданского процессуального кодекса РСФСР, суду предоставлено право выйти за пределы заявленных истцом требований, если это необходимо для защиты прав и охраняемых законом интересов истца и в других случаях, предусмотренных законом.

Компенсация за задержание

"Год назад у меня произошел конфликт с работниками милиции, в результате которого меня в течение суток безосновательно продержали в отделении милиции. Могу ли я обратиться с иском о возмещении причиненного мне морального вреда?"

Д.Росляков, *Кировская обл.*

Гражданский кодекс РФ в ст.1070 предусматривает возможность возмещения вреда, причиненного органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Согласно ч.1 ст.1070

ГК РФ вред, причиненный гражданину в результате незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования. Вред возмещается в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания и предварительного следствия.

Если ваше задержание не было оформлено как заключение под стражу или административный арест, то возмещение вреда, причиненного органом дознания, производится на общих основаниях, то есть при наличии вины в действиях сотрудников милиции. Их вина в данном случае будет устанавливаться при рассмотрении гражданского иска.

В соответствии с ч.2 ст.15 ГК РФ вы имеете право требовать полного возмещения причиненных вам убытков, то есть: расходов, которые произвели или должны будете произвести для восстановления нарушенного права (например, на лечение), утраты или повреждения вашего имущества (реальный ущерб), а также неполученных доходов, которые вы получили бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы не подверглись незаконному задержанию.

Кроме того, согласно ст.151 Гражданского кодекса РФ, если вам причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими ваши права, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

Если договор прекратился внезапно

"Работала по срочному трудовому договору, заключенному на три года. Когда срок договора закончился, мне просто предъявили приказ о моем увольнении, не предупредив заранее о прекращении договора. Я рассчитывала, что продолжу работу на этом предприятии. Правильны ли действия администрации предприятия?"

М.И.Павлова, *Калужская обл.*

Действия администрации вашего предприятия не нарушают положений трудового законодательства, поскольку для увольнения по п.2 ст.29 Кодекса законов о труде РФ, то есть на основании истечения срока действия срочного трудового договора, предварительное уведомление работника об увольнении не предусмотрено. Работник, заключивший срочный договор, должен знать дату прекращения трудовых отношений с предприятием, учреждением, организацией, в отличие от работника, увольняемого по инициативе администрации.

В данном случае администрация поступила правильно, ознакомив вас с приказом об увольнении по п.2 ст.29 КЗОТ РФ. Ознакомление должно было сопровождаться вашей личной подписью под приказом. Если бы объявления приказа об увольнении по окончании срока действия трудового договора не последовало, вы бы продолжили работу на предприятии на общих основаниях. ■

Ольга КОРЫТКО, *адвокат, консультант "Смены" по юридическим вопросам*

Шахматная эпиграмма

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**

X международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

148. Р. УПСТРЕМ
Швеция

2

149. М.МАТРЕНИН
г. Колпино Ленинградской обл.

2

150. Л.ЛЕБЕДЕВ
Беларусь

2

151. В.КОВАЛЕНКО
г.Большой Камень Приморского кр.

2

152. М.ЧЕРНУШКО
Уссурийск

2

153. З. ЛИБИШ
Чехия

2

154. Н.ВЛАСЕНКО
Петрозаводск

3

155. Н.КУЛИГИН
Украина

3

156. Е.БОГДАНОВ
Украина

3

157. В.КОЖАКИН
Магадан

3

158. В.ВОИНОВ
Казахстан

3

159. Е.ЦИММЕР
Польша

3

160. Г.ЕГОРОВ
Тула

4

161. Ю.СЕРЕЖКИН
Саранск

4

162. А.СЫГУРОВ
с.Ср.Аверкино
Самарской обл.

4

163. Р.ЛАРИН
Новосибирск

4

164. В.КОЗЫРЕВ
Эстония

4

165. А.ВАРИЦКИЙ
Беларусь

5

166. В.МЕЛЬНИЧЕНКО
Украина

6

167. А.БОРОВКОВ
г.Шуя
Ивановской обл.

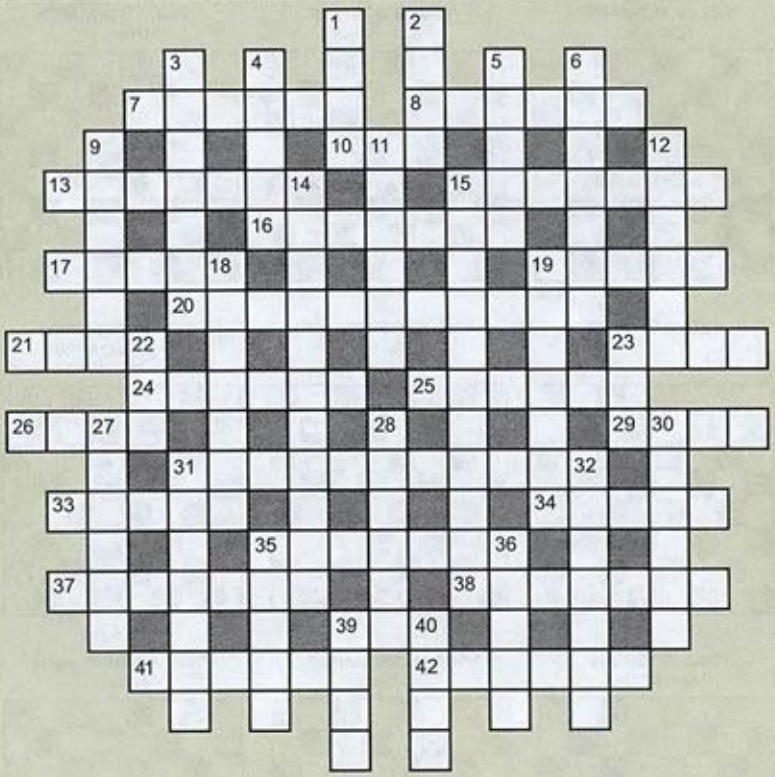

9

168. Н.ЗИНОВЬЕВ
Казахстан

11

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Предметная культура. 8. Роль С. Филиппова в фильме "Карнавальная ночь". 10. Река, делящая Томскую область пополам. 13. Недостойный, никчемный человек. 15. Живая единица при накрывании стола. 16. Дорожная машина. 17. Звук, не слышный в саду, из песни "Подмосковные вечера". 19. Художник-постимпрессионист, чью "жажду золота, по словам М. Волошина, не могли удовлетворить желтые подсолнечники Ван Гога на бирюзовом фоне". 20. Русский композитор, страстно увлекавшийся театром. 21. Английский писатель, осчастлививший любителей детектива "Смертью под парусом". 23. Река, поящая озеро Ильмень. 24. Князь, в чьем доме начали убивать Г. Распутина. 25. Легкий и плавный полет птицы на высоте. 26. Мини-подаяние на улицах Нью-Йорка. 29. Подчиненное говорящим лошадям отвра-

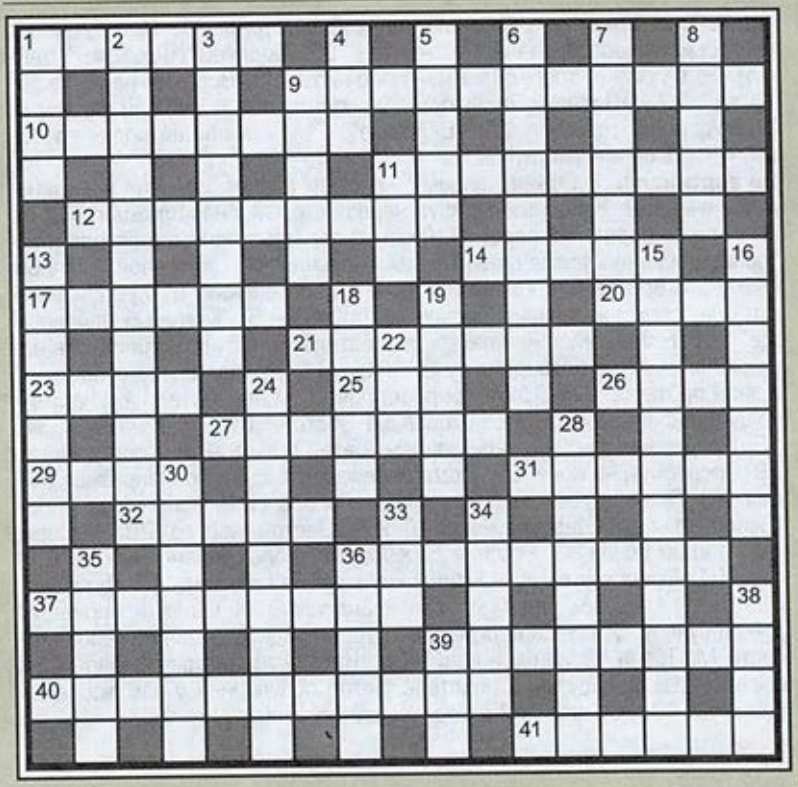
тительное существо в "Путешествиях Гулливера". 31. Коллекционер почтовых иллюстрированных открыток. 33. Водяной орех. 34. Утверждение в логике, требующее доказательств. 35. Всадник на своих четырех. 37. Житель Вильнюса, не считающий себя инородцем. 38. "Ударная" торговля. 39. "Вековуха". 41. Ближайший родич крушины. 42. "Засаленный" рубль.

По вертикали. 1. Объект, рядом с которым плачет "сильная женщина" А. Пугачева. 2. Заборный атрибут, через который у нас проходит то, что ни в какие ворота не лезет. 3. Русский государственный деятель и историк, косвенно упомянутый в стихотворении М. Цветаевой "Маяковскому". 4. Вещевой, денежный и даже страдательный. 5. Городское место, где проходит пенсионерское многоборье. 6. "Матерый человечище", прославившийся как пахарь и писатель. 9. Фрукт. Если съесть его утром натощак, он взбодрит лучше кофе. 11. Прекращение отношений в знак протеста. 12. Шесть цифр на почтовом конверте. 14. Участник средневековых рыцарских походов на Восток. 15. Виды на будущее. 18. Представитель небесной породы детей с ангельским поведением. 19. Спортсмен на коне. 22. Домашнее удобство, символизируемое очагом. 23. Поэт, на чьи сюжеты написаны оперы Н. Римского-Корсакова "Псковитянка" и "Царская невеста". 27. Шестое чувство. 28. Человек, запугавший дело. 30. Русский серебряный рубль, чеканенный в 1654 году. 31. Представитель "критической науки о незнании" (Э. Гризебах). 32. Шерп, первым рядом с новозеландцем Э. Хиллари покоривший Джомолунгму. 35. Бедная семья, в которой родился один из героев повести М. Твена "Принц и нищий". 36. Кремлевская драгоценность на высоте. 39. Французский писатель, автор популярных у нас любовных романов. 40. Бог пламени в ведической религии. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали: 4. Новелла. 12. Помпадур. 13. Юргенсон. 14. Гностик. 15. Нихром. 16. Японки. 17. Стеарин. 18 Киву. 22. Пнин. 23. Синоптик. 24. Грие. 26. Дуплет. 27. Прадед. 30. Блок. 31. Глиптика. 33. Охра. 36. Буше. 39. Тушнова. 41. Чеснок. 42. Сторно. 43. Мистрис. 45. Хурулдан. 46. Целковик. 47. Шикотан.

По вертикали. 1. Шпонька. 2. Смехов. 3. Жакоб. 4. Нуг. 5. Орнитоптер. 6. Евстахий. 7. Люизит. 8. Арк. 9. Дерпт. 10. Ксенон. 11. "Индиана". 19. Усадьба. 20. Анабиоз. 21. Фридрих. 22. Пенджаб. 25. Крапивница. 28. Членство. 29. Волчиха. 32. Щепотка. 34. Ресурс. 35. Рубини. 37. Управа. 38. Золло. 40. Этика. 43. Маш. 44. Сен.

ЭРУДИТ

По горизонтали: 1. Фат, заживо, по Сенеке, хоронящий себя. 9. Один из элементов примитивной природы в событиях, которыми прежде всего интересуются читатели, по мнению Р. Херста. 10. Писатель, один из редакторов первого русского журнала для детей "Детское чтение". 11. Голос выюги. 12. Работник с напряжением. 14. Религия, принятая американским боксером М. Тайсоном. 17. Оценка, которая не тянет на мороженое от родителей, а лишь на холодок. 20. Газ, пускающий рекламную пыль в глаза. 21. Русский художник, о котором А. Эфрос писал: "Чистейший чувственник прелести Ампира, это был образец ретроспективизма, пай-дитя "Мир искусства". 23. Единственный жидкий неметалл в числе химических элементов. 25. Рыночная цена золота, валют и ценных бумаг выше номинальной. 26. Каждый из персонажей картины Ван Гога, занятых картофелем. 27. Ива, из чьих ветвей плетут красивые корзины. 29. Представитель народа, чьи стрелы на лету свистели. 31. Сто чилийских сентесимо. 32. Актер, сыгравший заглавную роль в фильме "Король Лир". 36. "Жвачка" для глаз. 37. Американский

танец для показа хороших ножек. 39. Сторонник движения за равноправие женщин и мужчин. 40. Учение, чья аксиома: невротик застревает в своем прошлом. 41. Хроника, сжато излагающая события.

По вертикали. 1. Баснословная партнерша лебедя и рака. 2. Наука, чьим основоположником был К. Гуфеланд — один из последних лечащих врачей М. Кутузова. 3.Старший сын Сократа, с которым он беседовал о признательности родителям и уважении матери. 4. Португальский капитан, открывший реку Конго. 5. Большая эскимосская лодка, где гребут только женщины. 6. Знаменитый деятель XVIII века, заметивший: "Нам, русским, хлеба не надо: мы друг друга едим и тем сыты бываем". 7. Бездельник и повеса. 8. Любимое чтение на Руси в средние века. 9. Название Уральских гор у античных авторов. 11. Французский пейзажист, в чьих поздних картинах такой разгул красок, что они потеряли всякое соответствие природе. 13. Офицер, во время военных действий не расстающийся с картами. 15. Одно из двух величайших, по Солону, зол для общества. 16. Смехотворно короткий рассказ. 18. Остров в Эгейском море, главный рынок рабов в Римской империи. 19. "Постоянный бич Рима", согласно Плутарху. 22. Единица длины, которой пользовались строители храмового компленса Ангкор Ват в Камбодже. 24. Новороссийская бухта, где в июне 1918 года большевики затопили линкор и девять других кораблей. 28. Император, закрывший в 529 году н. э. Академию Платона, просуществовавшую около тысячи лет. 30. Прибайкальское озеро, где живет даватчан — уникальный голец с красным мясом. 33. Четвертый фараон первой династии. 34. Птица, чье уютное и прочное гнездо висит над водой, не разрушаясь, несколько лет. 35. Гетера из Коринфа, подруга и ученица Диогена. 36. Самоцвет декабря, согласно астрологическим бредням. 38. "... и дети" — роман, где И. Тургенев показал пагубность нигилизма. 39. Английский путешественник, первым из европейцев побывавший в Бирме. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали: 1. Клюква. 6. Форзац. 10. Ермак. 11. Двойра. 12. Ликвор. 13. Мугам. 15. Истина... 16. Лабрадор. 20. Голландия. 23. Норов. 24. ...хаюма. 25. Экзамен. 26. Октли. 27. Падре. 28. Пантокрин. 34. Колорадо. 37. ...услада. 38. Ранец. 39. Ячмень. 40. Урбино. 41. Фисба. 42. Ипатна. 43. Хогарт.

По вертикали: 1. Кадмий. 2. Юность. 3. Воронцов. 4. ...траур. 5. Шакал. 7. Офиура. 8. Завадж. 9. Церера. 14. Маринеско. 17. Александр. 18. Инфанта. 19. Бочка. 20. ...горло. 21. Жакан. 22. Смерд... 27. Писсарро. 29. Укаяли. 30. Блямба. 31. Пряник. 32. Фатиха. 33. Чароит. 35. Оазис. 36. Щерба.

Наталья ПАШУКОВА

Она придумывает свои картины, как книги. Выписывает малейшие детали, наполняет бытовыми подробностями, и, тем самым, с их помощью развивает сюжет, создавая в итоге живописный роман. Но странный, со смутными образами, словно взятыми из снов, когда зыбкая реальность незаметно переходит в фантасмагорию. Вообще все картины Натальи Пашуковой — словно единый цикл, и главная тема в нем — размышления над жизнью, а потому воспринимаются как своеобразная модель мира и человека в нем. Вот только человек в этом мире выглядит не совсем обычно. Художница считает, что нашими "родичами" могут быть не только обезьяны, но и другие животные, и даже, что уж совсем неожиданно, — птицы. И изображает птиц и животных с довольно симпатичными человеческими лицами.

Еще Наталья пишет цирковых акробатов, гигантских котов, надвигающихся на зрителя подобно ленивым цветным облакам, бравых солдат и матросов, напоминающих веселых оборотней, мужчин и женщин, несущихся в сумасшедшем водовороте танца, и бесконечные портреты людей, составленные из предметов. Колорит картин разнообразен: от резких сочетаний цветов до гризайли.

Наталья родилась в Ужгороде, а училась в Москве в "Училище 1905 года" на театральном отделении. Работала художником-постановщиком в театре, занималась монументально-декоративным творчеством. А в 1993-м году вместе с режиссером Александром Негруком сделала фильм "На грани двух миров". Фильм — о жизни и смысле творчества художника, его мыслях и чувствах, фантазиях и детских воспоминаниях. Своеобразная попытка взглянуть на художника с нетрадиционной точки зрения.

В нашу гавань.

Творчество Натальи Пашуковой хорошо известно и у нас в стране, и за рубежом. Некоторое время она жила и работала в Германии, куда ее пригласила фирма, помогающая в организации выставок. А ее экспозиции прошли в музеях и галереях Парижа, Вены, Лиссабона...

"Моя мастерская, — говорит Наталья Пашукова, — находится на самом верху

Женщина-петух.

огромного дома. Высоко, высоко над городом, и, кажется, до неба можно дотянуться рукой. И здесь, по ночам, когда Москва наконец-то затихает и забывается во сне, я чувствую себя свободной: от суеты, бытовых мелочей. И, наверное, такое ощущение свободы и дает мне возможность работать. Фантазировать, придумывать смешные и грустные сюжеты. Все то, из чего, собственно, и состоит наша жизнь".

Людмила КАНДАЛОВА

Летучая мышь.

ПРОИЗВОДСТВО БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ

АКСИОН

ЛУЧШАЯ БЫТОВАЯ ТЕХНИКА
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ
КРУПНЫМ И МЕЛКИМ ОПТОМ

С новым
2002
годом!

426057, г.Ижевск
ул.М.Горького,90
тел.: (3412) 51-02-31
факс: (3412) 78-58-9

АКСИОН ТНП

e-mail:tnp@axiontnp.ru
www.axiontnp.ru